

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи

1902 года, мая 5-го.

Содержаніе: Изъ педагогій графа Л. Н. Толстого. (Критическій анализъ съ христіанской точки зрѣнія) (продолженіе).—Изъ дневника священника.—Замѣтки.

Изъ педагогій графа Л. Н. Толстого.

(Критическій анализъ съ христіанской точки зрѣнія).

Толстой говоритъ, что абсолютныхъ идеаловъ въ человѣчествѣ нѣтъ, что „наилучшій человѣкъ“ есть понятіе, и теперь еще парящее гдѣ то въ туманѣ, что законовъ добра и зла мы все еще не знаемъ. Такъ ли это?

Было время,—очень длинный рядъ вѣковъ,—когда человѣкъ предоставленъ былъ самому себѣ и одинѣми своими естественными силами долженъ былъ разбираться въ глубочайшихъ вопросахъ жизни, искать законы добра и зла, постигать истину, красоту, правду—все то, къ чему влекли его лучшія силы

¹⁾ См. № 17 за 1902 г.

души. И искалъ онъ ихъ и какъ будто находилъ; воплощаль эти свои идеалы въ извѣстныя формы и по нимъ строилъ жизнь свою. Но труденъ и тяжелъ былъ этотъ путь для человѣка. Въ его душѣ были хаосъ и смѣшеніе понятій. Туманъ глубокой царилъ по всеѣмъ направленіямъ мысли, чувства и воли, и лишь въ умахъ немногихъ избранниковъ среди этого мрака слабо мерцалъ путеводный лучъ истины. Что удивительнаго послѣ этого, если, при такомъ состояніи человѣка, все исканія его въ области истины, добра и правды не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, если идеалы его мѣнялись въ зависимости отъ многихъ условій—отъ національнаго типа, бытового уклада, общественнаго строя и пр. И къ чему привели, наконецъ, все эти блужданія безпомощнаго „естественнаго“ человѣка? Онъ истомился въ этихъ долгихъ и напрасныхъ исканіяхъ тѣхъ абсолютныхъ идеаловъ, которые указали бы истинныя нормы жизни. Ни въ философскихъ ученіяхъ, ни въ художественныхъ произведеніяхъ лучшихъ представителей самой высокой—античной культуры человѣчество не нашло для себя того жизненнаго перва, который обезпечилъ бы ему полную состоятельность его міросозерцанія.

Такъ было въ мірѣ древнемъ, дохристіанскомъ. Но вотъ съ явленіемъ Христа Спасителя какъ бы таинственный покровъ спадаетъ съ лица земли. *Я свѣтъ міру*, говоритъ Онъ: *кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (Іоан. VIII, 12). И это слово Его не могло остаться неисполненнымъ. Не Онъ ли открылъ человѣку все величіе его природы, разъяснилъ ему истинный смыслъ жизни и далъ пезыблемо вѣрныя нормы для нея? Только теперь явилась міру во всеѣмъ величій своемъ идея свободной равноправной человѣческой личности; а вмѣстѣ съ этимъ открываются предъ человѣкомъ необъятные горизонты совершенно новой жизни. Въ основу ея кладется новый законъ, невѣдомый міру древнему, великій законъ той любви къ человѣку, которая не знаетъ никакихъ предѣловъ,—не отличается друга отъ врага, благословеніемъ отвѣчаетъ на прокля-

тіе, благодвореніемъ воздаеть за ненависть, молитвою за обиду и гоненіе (Матѳ. V, 44). Этотъ новый путь жизни ведеть человека въ то свѣтлое царство, въ которомъ всѣ люди объединены, какъ дѣти одного Отца Небеснаго (ст. 45), и въ которомъ нѣтъ границъ для человѣческаго совершенства, такъ какъ цѣлью жизни поставлено здѣсь все большее и большее приближеніе къ самому источнику свѣта, всеблагому Отцу всѣхъ людей (ст. 48). Таковъ удѣлъ и призваніе человека новаго міра; здѣсь смыслъ жизни его. И ему показанъ и самый путь къ выполненію этого призванія, даны средства для этого. Въ ученіи Христа начертаны такія формы жизни, которыя обнимають всѣ стороны человѣческаго существа. Здѣсь найдеть человекъ отвѣтъ на всѣ высшіе запросы своего духа: истина, добро, красота— всѣ эти свѣточы жизни только здѣсь находятъ вѣрный и неугасающій источникъ своей силы для человека. Наконецъ, чтобы путь этой новой жизни сталъ еще болѣе ясенъ намъ, Указавшій его самъ прошелъ по нему и тѣмъ далъ всему міру наглядное осуществленіе своихъ словъ: *Я есмь путь, истина и жизнь* (Іоан. XIV, 6).

Можемъ ли мы послѣ этого сказать, вмѣстѣ съ нашимъ философствующимъ отрицателемъ всѣхъ устоевъ жизни, что мы и теперь еще не знаемъ добра и зла, что идеальнаго наилучшаго человека все еще находится въ процессѣ безсознательнаго историческаго созиданія его всѣмъ человѣчествомъ? Толстой ссылается на неустойчивость и временный характеръ всѣхъ философскихъ ученій о добродѣтели и всѣхъ системъ этики. Что же изъ этого слѣдуетъ? Можно бы назвать не Платона и Шлейермахера, на которыхъ указываетъ онъ, а цѣлый рядъ философовъ, трудившихся надъ вопросами этики и рѣшавшихъ ихъ „по-своему“. Но въ этомъ ихъ яко-бы своемъ рѣшеніи проблемъ этики, если только мы имѣемъ дѣло съ трудомъ христіанской эпохи, мы всегда легко найдемъ и духъ и характеръ и общую основу только христіанскую. Мало того: смѣло можно сказать, что ничего новаго, ни одного важнаго пункта не внесено этими этиками въ рѣшеніе вопроса,

даннаго міру въ Евангеліи. Весь трудъ человѣческой мысли на протяженіи столькихъ вѣковъ представляетъ лишь стремленіе къ возможному проясненію, наибольшему приближенію къ общечеловѣческому пониманію все тѣхъ же идеаловъ христіанства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мысль уклонялась отъ нихъ въ сторону, порывалась проложить будто бы свои, другіе пути жизни, она не поднималась выше христіанскихъ идеаловъ, какъ то казалось ей, а падала въ давно оставленные низины древняго языческаго міросозерцанія. Да иначе и не могло быть. Начала жизни, данныя міру Христомъ Спасителемъ, такъ высоки, что человѣчество можетъ только стремиться къ наибольшему осуществленію ихъ и въ этомъ стремленіи видѣть истинный путь къ своему усовершенствованію. Но никакъ не болѣе. Никогда человѣчество не перерастетъ этихъ вѣчныхъ идеаловъ христіанства. Въ нихъ начертана такая широкая программа всесторонняго развитія человѣка, что самая сильная мысль въ своемъ полетѣ останавливается и не можетъ итти дальше. Въ этой высотѣ и безграничности христіанства, какъ явленія божественнаго, и заключается причина его вѣчной животворности для человѣчества.

Какой выводъ вытекаетъ отсюда для воспитанія? Самый рѣшительный. Если Толстой отрицаетъ право воспитанія на основаніи отсутствія абсолютныхъ идеаловъ, которые указывали бы послѣднюю цѣль воспитанію, то мы, съ своей стороны, признавая непоколебимое значеніе для всего человѣчества идеаловъ христіанства, тѣмъ самымъ находимъ и необходимую основу для воспитанія. Здѣсь невольно вспоминаются прекрасныя слова нашего незабвеннаго педагога К. Д. Ушинскаго. „Все, чѣмъ чловѣкъ, какъ чловѣкъ, можетъ и долженъ быть, говоритъ онъ, выражено вполнѣ въ Божественномъ Ученіи, и воспитанію остается только прежде всего и въ основу всего вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль всякому воспитанію; оно же и должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины. Это неугасающій свѣ-

точь, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди челоѣка и народовъ. За нимъ должно стремиться ... всякое истинное воспитаніе“¹⁾).

Но нужно ли просвѣтлять этими началами христіанства именно дѣтскую душу? Можетъ быть, правда, добро, красота, въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и безъ того открыты этой душѣ самою природою? Здѣсь мы переходимъ къ психологіи Толстого.

„Человѣкъ рождается *совершеннымъ* есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это какъ *камень* останется твердымъ и истиннымъ“ говоритъ Толстой. Между тѣмъ, камень этотъ давно уже разлетѣлся въ прахъ, или, точнѣе говоря, его никогда и не существовало. Толстой нигдѣ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу этого своего положенія; нѣтъ ихъ и у Руссо, на котораго ссылается онъ. Но гдѣ-же взять ихъ? Естественнѣе всего обратиться къ мнѣніямъ о челоѣческой природѣ общепризнанныхъ авторитетовъ и къ собственному наблюденію, насколько послѣднее доступно намъ.

Изъ мыслителей древняго міра Толстой могъ бы навести справки по этому вопросу хотя бы, напр., у того же самаго Платона²⁾, котораго онъ упоминаетъ не разъ, а также у Аристотеля, у Цицерона, у Сенеки и др. Онъ увидѣлъ бы, что болѣе глубокая мысль древняго язычника, анализируя и оцѣнивая нравственныя силы челоѣка, приходила къ убѣжденію въ крайней слабости и несовершенствѣ ихъ. Изъ выдающихся философовъ новаго времени такіе корифеи мысли, какъ, напр., Гегель и Кантъ, также далеко не были оптимистами въ вопросѣ о естественномъ состояніи челоѣка. „Человѣкъ по природѣ не таковъ, какимъ онъ долженъ быть, говоритъ Гегель. Природное состояніе есть состояніе грубости, насилія и несправедливости“. По мнѣнію Канта, „человѣкъ имѣетъ въ себѣ

¹⁾ Собраніе пед. соч. К. Д. Ушинскаго. Спб., 1875 г., стр. 112—113.

²⁾ См., напр., „Платоновы разговоры о законахъ“. Перев. В. Оболенскаго. М., 1827 г. Разг. VII, стр. 296.

природное расположеніе ко всѣмъ порокамъ, потому что онъ имѣеть склонности и инстинкты, которые побуждаютъ его къ дѣйствіямъ, неодобряемымъ разумомъ“¹⁾). Но, что особенно интересно для насъ въ данномъ случаѣ, даже у того самаго Руссо, на котораго опирается Толстой, рѣшеніе этого вопроса не имѣеть категорическаго характера. „Въ сердцѣ человѣческомъ, говоритъ онъ, нѣтъ природной испорченности; въ немъ нѣтъ ни одного порока, о которомъ нельзя было бы сказать, какимъ образомъ и откуда онъ явился въ немъ“. Однако непосредственно за этими словами онъ прибавляетъ: „единственная страсть, *прирожденная въ человѣкѣ*, есть любовь къ самому себѣ, или самолюбіе, взятое въ обширномъ смыслѣ“. Оговорка—чрезвычайно важная: изъ малаго зерна этой одной страсти легко можетъ развиваться цѣлое дерево *всѣхъ* страстей. Да такъ оказывается и по психологіи Руссо. „*Источникъ* страстей, говоритъ онъ, *зародыши и начало всѣхъ другихъ* ... есть любовь къ себѣ: эта страсть первобытна, врожденна ... и всѣ другія являются ... не болѣе какъ ея видоизмѣненіями. Въ этомъ смыслѣ, *всѣ страсти*, если хотите, *природны*“²⁾). Какъ видимъ, даже и у Руссо мы не найдемъ того основнаго положенія дѣтской психологіи, которое Толстой считаетъ непоколебимымъ догматомъ въ ней.

Но предъ нами открыта полная возможность составить и собственный взглядъ по этому вопросу—путемъ личнаго наблюденія надъ проявленіями естественной человѣческой природы въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. И этотъ путь неизбежно приведетъ насъ къ одному заключенію,—что совершенство дѣтской природы есть не болѣе, какъ мечта Толстого. Каждому изъ насъ, прежде всего, бросается въ глаза полное господство надъ дѣтскою душою виѣшной, чувственной стороны жизни

¹⁾ См. въ статьѣ проф. П. Казанскаго—въ „Твор. Св. Отцевъ“, 1883 г., кн. IV, стр. 581-584.

²⁾ См. собраніе сочин. Ж. Ж. Руссо, т. I, изд. и ред. Н. Л. Таблена. Слб., 1866 г., стр. 58-219.

ребенка: на первых порахъ дитя—рабъ низменныхъ чувственныхъ влеченій, для борьбы съ которыми у него не хватаетъ силъ. Затѣмъ, мы наблюдаемъ, какъ зерно эгоизма, сначала прикрытое оболочкою, повидимому, безобидныхъ чувственныхъ влеченій, весьма скоро даетъ сильные ростки. Первый же случай лишенія ребенка интересующаго его предмета откроетъ предъ нами цѣлую картину проявленія дурныхъ инстинктовъ дѣтской души—гнѣва, вражды, мстительности, стремленія причинить другому зло. Характерное замѣчаніе о естественномъ состояніи ребенка находимъ мы у блаж. Августина: „я видѣлъ собственными глазами, говорить онъ, маленькаго ребенка снѣдаемаго *завистью*; онъ не умѣлъ еще говорить, а уже блѣдный, *съ злобою и ненавистью* глядѣлъ на своего молочнаго брата“¹⁾.

Если мы—послѣ сужденій общепризнанныхъ авторитетовъ древняго и новаго міра и послѣ собственнаго наблюденія надъ дѣтскою природою—обратимся, наконецъ, туда, гдѣ данъ отвѣтъ на всѣ вопросы жизни, къ слову Откровенія, то здѣсь найдемъ не только изображеніе естественной природы человѣка, но и указаніе причинъ такого состоянія ея. Всѣмъ намъ должны быть хорошо извѣстны тѣ, полная глубокаго психологическаго анализа страницы въ писаніяхъ апостола Павла, на которыхъ онъ изображаетъ печальную *двойственность* силъ человѣка, этотъ трагизмъ человѣческаго духа, колеблемаго изъ стороны въ сторону двумя противоположными „законами“. „Желаніе добра, по апостолу, есть во мнѣ“, и я стремлюсь къ нему. Но вотъ, на пути этихъ добрыхъ желаній и стремленій моихъ возвышаетъ свой голосъ другое начало—злое, и я, подчиняясь его силѣ, дѣлаю совершенно не то, что хочу, а то, что даже ненавижу. Эта роковая нравственная борьба совершается въ человѣкѣ постоянно и, предоставленный самому себѣ, онъ выходитъ изъ нея побѣжденнымъ силою зла (Римл. VII, 15—24). Кто не признаетъ въ этой характери-

¹⁾ Исповѣдь, кн. I, гл. VII.

стикъ горькой истины и кто не испыталъ на себѣ силы этого страшнаго закона, „противоборствующаго закону ума“ чело-вѣческаго, идущаго наперекоръ нашимъ лучшимъ намѣреніямъ и стремленіямъ! Но откуда же эта роковая двойственность въ чело-вѣкѣ? По ученію того же Слова Божія, она не есть фактъ изначальный, а представляетъ результатъ паденія чело-вѣка, гибельно отразившагося на всѣхъ силахъ его. Природа чело-вѣка утратила ту чистоту и то совершенство, съ какими вышла изъ рукъ Творца: въ нее вошелъ дотолѣ чуждый ей законъ грѣха и путемъ наслѣдственности раскинулъ свою сѣть и во всемъ чело-вѣчествѣ.

Итакъ, гдѣ же тотъ камень совершенства, на которомъ хочетъ основать свою дѣтскую психологію Толстой? Мы не нашли его даже у Руссо, а наблюденіе дѣтской природы открываетъ намъ такіе глубокіе недостатки и въ физической и въ духовной организаціи ребенка, которые исключаютъ всякую мысль объ идеальномъ состояніи его и которые становятся вполне понятны для насъ только при свѣтѣ божественнаго Откровенія. Какой отсюда выводъ для педагогіи? Самый категорическій: развитіе дѣтскаго существа отнюдь не можетъ быть предоставлено самой его природѣ, такъ какъ природа эта далеко не совершенна. Уже одна та слабость и полная беспомощность, въ какой находится чело-вѣческое существо въ первый періодъ своей жизни, ясно указываютъ на необходи-мость вмѣшательства въ эту жизнь со стороны взрослога чело-вѣка, именно—въ смыслѣ помощи физическимъ силамъ ребенка. Эта же помощь оказывается еще болѣе необходимою, по мѣрѣ развитія дѣтскаго существа, въ области духовной жизни его, такъ какъ и здѣсь то же несовершенство, то же уклоненіе отъ идеала. Вотъ почему эту естественную помощь всегда и оказываетъ взрослый чело-вѣкъ ребенку: такъ было и будетъ, пока стоитъ міръ, потому что иначе и не можетъ быть. За это ручается неизмѣнность стношеній между ребен-комъ и взрослымъ чело-вѣкомъ, какъ между слабостью и (сравни тельною) силой, существомъ неразвитымъ и уже сложившимся,

неимѣющимъ никакого понятія о жизни и болѣе опытнымъ. Не то же ли самое говорить и Толстой, когда на вопросъ: „откуда взялось воспитаніе“, отвѣчаетъ, что причины его „должны корениться въ человѣческой природѣ“, и что они заключаются въ семействѣ, въ обществѣ, въ государствѣ¹⁾. Иными словами: вся жизнь человѣка, весь укладъ ея неизбѣжно требуютъ воспитанія и даютъ ему извѣстное направленіе. Послѣднее въ зависимости отъ измѣненій жизни человѣка, съ ея многоразличными условіями, конечно, и само измѣняется. Но эту неустойчивость его никакъ нельзя считать показателемъ ненужности или незаконности и самого воспитанія.

Чтобы покончить съ отрицательною частью педагогическаго Толстого, нужно коснуться еще одного изъ его положеній. Это—ложное направленіе культуры, а съ нею и всей жизни культурнаго человѣка. Не вдаваясь въ глубь вопроса, считаемъ нужнымъ, въ отвѣтъ на эффектные, часто остроумныя, но ни на чемъ не основанныя фразы Толстого, замѣтить слѣдующее.

Въ своихъ нападеніяхъ на современную культуру Толстой держится принципа узко-утилитарнаго. Ему нужна отъ нея польза именно въ области практической жизни народа: плести лапти, дѣлать квасъ, мѣсить хлѣбы, топить печи и пр.—вотъ идеальное, по его мнѣнію, приложеніе культуры. Но, во-первыхъ, въ этомъ отношеніи культура совсѣмъ не такъ бесплодна и незамѣтна, какъ говоритъ Толстой. Тамъ, гдѣ въ жизнь народа проникаютъ культурныя начала, они вносятъ измѣненія ея именно въ томъ смыслѣ, какого требуетъ Толстой; и пила тамъ появляется болѣе спорая, топоръ лучшій, и срубы рубятъ правильнѣе и крѣпче, и печи выходятъ прочнѣе, и квасъ вкуснѣе. Достаточно посмотрѣть на жизнь простаго народа на западѣ, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Но и у насъ въ деревнѣ теперь уже не то, что было въ 60-хъ

¹⁾ Сочин., ч. IV, стр. 119—120.

годахъ. Правда, люди, двигающіе культуру, не ставятъ для себя прямой задачи изобрѣтать улучшенія именно для народа (хотя и это бываетъ); но тѣмъ не менѣе культура дѣлаетъ свое дѣло,—все болѣе расширяетъ кругъ своего вліянія. Во-вторыхъ, что представляется болѣе важнымъ, такой принципъ самъ по себѣ не выдерживаетъ критики. Есть другая сторона культуры, кромѣ виѣшней, практической, сторона высшая, духовная и потому болѣе цѣнная. Это—прогрессъ въ развитіи духовныхъ силъ человѣка: обогащеніе его познаній, просвѣтленіе его идеаловъ, гуманизация всей его личности. Съ этой точки зрѣнія и нужно оцѣнивать значеніе культуры; между тѣмъ, этой стороны, какъ будто, и совсѣмъ не видно у Толстого.

Н. Маккавейскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА

III.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуеть;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И свѣтъ обрѣтши, рошеть и бунтуеть.

Тютчевъ.

У меня есть добрый знакомый мірянинъ, человекъ набожный, душевно преданный православной Церкви, горячій проповѣдникъ христіанскихъ началъ жизни въ средѣ сектанствующихъ братій своего общества, болѣзненно воспринимаящій и глубоко чувствующій всякую обиду или поношеніе Церкви. Всегда беспокойный, взволнованный онъ, кажется, даже физически страдалъ, слыша злонамѣренное искаженіе ученія Церкви, и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не находилъ случая со всею стремительностью и пылкостью сердца исполнить апостольскій трудъ вразумленія заблуждающагося. Онъ достаточно начитанъ въ свящ. Писаніи и святоотеческой литературѣ. Но, какъ самоучка, часто чувствовалъ нужду въ посторонней помощи.

Недавно я получилъ отъ него скорбное письмо. Съ свойственной ему горячностью и чуть не со слезами рассказываетъ онъ о своей встрѣчѣ съ интереснымъ собесѣдникомъ — убѣжденнымъ толстовцемъ изъ интеллигенціи, — и просить разрѣшенія одного затрудненія. Вотъ отрывки изъ его письма, на которое мнѣ пришлось дать подробный отвѣтъ.

„Мы долго говорили съ нимъ о нашей Церкви, пишетъ мой корреспондентъ. Много говорилъ онъ хульныхъ словъ на православіе. Я отражалъ, сколько умѣлъ. Злобный и язвительный человѣкъ, но съ большимъ разсужденіемъ...—Между прочимъ онъ отказался принять присягу на вѣрноподанность нынѣ царствующему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Я сильно вознегодовалъ и спросилъ, почему? Онъ говорилъ отъ Писанія и отъ себя. Я попросилъ, чтобы онъ свои доказательства изложилъ мнѣ на бумагѣ и общалъ, подумавши отвѣтить на все. Присну Васъ, батюшка, помогите мнѣ. Я сознаю себя несильнымъ. Посылаю Вамъ его доказательства“...—Въ письмѣ вложенъ былъ листокъ съ „доказательствомъ“. Я поторопился отвѣтить разборомъ листка.

Собственно говоря доказательства оказались обычными ссылками на слова І. Христа Мѡ. 5, 33—37 съ поясненіями „отъ себя“.

„Отвергаю, написано было въ листкѣ, присягу, какъ зло. Христосъ запрещаетъ безусловно всякую клятву, о чемъ вполне ясно свидѣтельствуетъ писаніе (Мѡ. 5, 33—37): „Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ этого, то отъ лукаваго“. Какъ же христіанинъ можетъ клясться послѣ этихъ ясныхъ словъ Христа? На этомъ основаніи и я, желая искренно, на самомъ дѣлѣ исполнить законъ Христа моего, не могу никому давать такой клятвы. А смыслъ того, что Христосъ запрещаетъ клятву, заключается въ томъ, чтобы сохранить за человѣкомъ его волю, этотъ величайшій изъ даровъ Божіихъ, съ потерей которой человѣкъ мертвъ есть. Волю свою по закону Христа моего я стараюсь направить

къ добру, а сдѣланное по принужденію не есть добро. И какъ я могу давать обѣщаніе въ томъ, о чемъ я не могу быть увѣреннымъ, что исполню то“.

Вотъ что я писалъ въ отвѣтъ своему другу:

Я понимаю ваше волненіе. Но, другъ мой, усматривайте въ такомъ явленіи, какъ вашъ собесѣдникъ, знаменіе времени. Писаніе учитъ, что Церковь всегда будетъ гонима и хулима тѣми, кто служитъ злу, — что въ частности презрители начальства (2 Петр. 2), отвергающіе его и злословящіе (Иуд. 8) будутъ во всѣ времена. Я не менѣе вашего скорбень. Больно видѣть темнаго сѣраго человѣка, отуманеннаго душевнымъ угаромъ сектантскаго суетумудрія и идущаго съ тупымъ фанатизмомъ противъ ученія и строя, котораго онъ не въ состояніи обнять въ цѣлостномъ видѣ своимъ короткимъ, но уже гордымъ умомъ; гораздо больнѣе и тягостнѣе наблюдать человѣка изъ „общества“, не дающаго себѣ труда личнымъ разумѣніемъ и твердою волею противостать вліянію сомнительнаго авторитета въ дѣлѣ вѣры и покорно склоняющаго свой слухъ и умъ въ полное послушаніе его безбожнымъ, но именемъ Бога кощунственно прикрытымъ хуламъ на св. вѣру. И если простецу, за буквою Писанія не умѣющему чувствовать и понимать вѣяніе духа жизни, можно извинить грѣхъ противленія правдѣ бѣдностью его ума, то человѣку образованному, отъ котораго мы вправе требовать полной добросовѣстности и широты взгляда, грѣшно быть мертвымъ эхомъ чужихъ рѣчей, — тѣмъ болѣе въ такомъ вопросѣ, какъ вашъ, который такъ простъ и легокъ для разрѣшенія въ свѣтѣ евангельскаго ученія и здраваго смысла... Скажите своему собесѣднику, что общество, которое бѣдною честною и трезвою самостоятельностью ума, слабою волею и богато неискренними членами, готовитъ себѣ печальные дни, и всякій, кто помогаетъ закрѣпленію въ немъ этихъ болѣзней — попирая правду Божию, поднимаетъ руку на себя, не говоря о ближнихъ...

Противъ доказательствъ же его прочитайте ему ниже-слѣдующія мои строки, и прежде всего два-три предварительныхъ слова, подготовляющія правильное пониманіе вашего вопроса...

1. Въ концѣ своего письма вашъ случайный знакомый пишетъ: „цѣль жизни, указываемая мнѣ моимъ сознаніемъ, заключается въ достиженіи душевнаго покоя (радостнаго бытія), которое доступно для человѣка только при его нравственной чистотѣ и любовныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ“. Если для него сказанное не простая фраза, тогда, отпираясь отъ высказанной тамъ мысли, мы прямо логическимъ путемъ даже безъ освѣщенія вопроса словомъ писанія, откроемъ тѣ громадныя пустоты, которыя онъ не въ силахъ будетъ заполнить положеніями своей вѣры..

Да, нравственная чистота и любовное отношеніе ко всѣмъ людямъ залогъ моего душевнаго мира: нѣтъ у меня ихъ—душа гибнетъ. Но какъ достигнуть того и другого? Вопросъ этотъ вполноту придвигается къ сути затронутой темы, и отвѣтъ на него прямой. Всегда было и будетъ неизбежно человѣку развиваться въ сообществѣ себѣ подобныхъ, въ человѣческомъ обществѣ. Ростъ и нравственное совершенствованіе его происходитъ при собственныхъ усиліяхъ его воли путемъ многообразнаго вліянія на него членовъ человѣческаго союза. Въ этомъ случаѣ наилучшими формами общественной жизни мы должны признать конечно тѣ, которыя не затрудняютъ, а наоборотъ содѣйствуютъ достиженію общаго нравственнаго совершенства. Мы съ вами и вашъ собесѣдникъ живемъ въ христіанскомъ государствѣ, т. е. въ такомъ общежитіи, гдѣ въ основу всѣхъ учреждений именно и положено стремленіе путемъ по возможности полного гармоническаго сочетанія естественныхъ человѣческихъ силъ съ началами религіозной жизни помогать и личному нравственному совершенству каждаго члена и общему подъему нравственныхъ силъ всего союза. Церковь и въ этомъ человѣческомъ союзѣ, какъ выразительница и представительница

началь божественной жизни, даетъ идеальныя нормы жизни, государство подъ знаменемъ Церкви стоитъ крѣпкимъ щитомъ ихъ противъ злыхъ силъ міра, а вмѣстѣ и та и другое соединяются въ одной цѣли—во имя Божіе споспѣшествовать душевному спасенію человѣка. Но такъ какъ показанія исторіи и ежедневнаго опыта удостовѣряють, что мѣрное и безпрепятственное достиженіе этой цѣли въ условіяхъ земнаго существованія невозможно, по той для всѣхъ очевидной причинѣ, что члены христіанскаго государства, одаренные свободной волей, идутъ очень часто въ своемъ развитіи неодинаково ровно, то отсюда является надобность въ такихъ мѣрахъ общественнаго воспитанія, которыя духовное благо всѣхъ и каждаго въ отдѣльности обезпечивали бы ограниченіемъ злой воли несовершенныхъ. На этой необходимости и утверждаетъ такое учрежденіе, какъ религіозная клятва и присяга.

Что такое клятва или присяга? Она есть торжественное призваніе Бога въ свидѣтеля истинны того, что я обѣщаюсь сдѣлать или сказать. Ея смыслъ и происхожденіе понятны. Фактъ непосредственнаго сознанія и наблюденія есть то, что всякъ человѣкъ ложъ есть (ис. 115, 2), что весь міръ во злѣ лежитъ (Іоан. 5, 19). Страшную правду этого факта мы бо-лѣзненно чувствуемъ вокругъ себя и въ себѣ: мы сами ложъ, живемъ во лжи и ложью угнетены. Мы неискренны, недо-вѣрчивы къ другимъ, подозрительны, обманываемъ ихъ; намъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Между тѣмъ христіанинъ живетъ въ религіозномъ обществѣ и долженъ осуществлять тамъ законъ правды Божіей. Здѣсь взаимное недо-вѣріе есть источникъ всякаго зла. При недостаткѣ общественнаго довѣрія отсут-ствуетъ общественное единство и согласіе, при недостаткѣ общественнаго единства не можетъ вполнѣ раскрываться и правильно дѣйствовать общественная сила: общественная же сила, дѣйствующая неправильно, ведетъ ко грѣху и злу. Это-го не должно быть,—въ христіанскомъ обществѣ особенно. Христіанинъ долженъ жить правдою: правда строить жизнь.

Болѣя этими несовершенствами своихъ членовъ, церковь и государство принимаютъ мѣры къ ихъ (несовершенствъ) искорененію или ослабленію. Озабоченное водвореніемъ между людьми мира и правды государство вынуждено однако свидѣтельствовать, что „земныя основанія не тверды, плотскія опоры ломки“ (Митропол. Филаретъ), что средства, имѣющіяся въ распоряженіи власти, недостаточны для обезпеченія на землѣ правды и прекращенія преступленій, ибо въ основѣ этихъ средствъ не видится непосредственнаго безусловнаго авторитета, сильнаго склонить волю къ послушанію закона (печестный человѣкъ по корыстнымъ разчетамъ съ удобствомъ обходить законъ и избѣгаетъ наказанія; честность же честнаго не всегда очевидна вблизи, тѣмъ болѣе—власти, обнимающей покровительствомъ громадное множество подданныхъ).

Тогда Церковь идетъ на помощь государственному благосостоянію. Она обращается къ совѣсти христіанина, поставляетъ его въ его словахъ и дѣлахъ предъ лицомъ Бога всевидящаго и правосуднаго, милующаго въ правдѣ и взыскающаго неправду, и напоминаетъ ему завѣты правды, любви, честности, къ исполненію которыхъ онъ обизывается христіанскимъ званіемъ. И, конечно, если человѣкъ вѣруетъ въ Бога, въ его сердцѣ невольно рождается благоговѣйный страхъ предъ высочайшимъ и безусловнымъ авторитетомъ и лукавая совѣсть памятью о Богѣ, Свидѣтелѣ, ставится въ нравственную необходимость сдерживать проявленія своего лукавства и укрѣпляется въ добромъ направленіи. Отсюда проистекаетъ всякое благо. Такимъ образомъ прославляется Богъ, предупреждается ложь и обманъ, охраняется и защищается и торжествуетъ среди вѣрующихъ любовь и правда; люди заключаютъ миръ, достигается послушаніе, и вражда улаживается, такъ какъ здѣсь посредствуетъ самъ Богъ, Который отдѣляетъ правду отъ неправды, злое отъ добраго.

Такъ, при пособіи этого средства (присяги) и достигается именно то, что вашъ собесѣдникъ ставитъ цѣлью своей

жизни: нравственная чистота и любовныя отношенія среди людей.

И наоборотъ, съ устраненіемъ этого средства, получается безпорядокъ: ложь, недовѣріе, подозрительность закрѣпляется и жизнь какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего общества не только не улучшается, но еще болѣе утверждается въ недобромъ направленіи.

2. Послѣ этого безъ труда поймете неправду вашего совопросника, утверждающаго, что сдѣланное по принужденію не есть добро. Да, если меня безъ участія моего сердца заставляютъ сдѣлать что нибудь доброе, то сдѣланное, будучи добрымъ для другихъ, не ставится мнѣ въ нравственную заслугу. Но если отъ меня требуютъ, чтобы я былъ правдивымъ и добрымъ человѣкомъ или засвидѣтельствовалъ о чистотѣ своихъ намѣреній, указывая на то, что отъ этого произойдетъ благо для моихъ ближнихъ и прославится Отецъ небесный, то есть ли это принужденіе, лишающее дѣло нравственной цѣны? Нѣтъ, разъ моя воля согласуется съ такимъ требованіемъ,—а не согласоваться съ нимъ она не можетъ, такъ какъ требованіе быть честнымъ и добрымъ есть требованіе правды Божіей,—то я долженъ подчиниться ему, будетъ ли оно предъявлено мнѣ властью, указано ближнимъ, прочитано въ законѣ или подсказано совѣстью. И кто отказывается отъ добра, на достиженіе котораго разсчитана присяга, тому не далеко уже до отрицанія и добродѣтели, предписываемой совѣстью и закономъ евангельскимъ, ибо вѣдь и совѣсть и законъ дѣйствуютъ принудительно на мою волю: мы должны стать *рабами* праведности (Рим. 6, 18. 19. 22), т. е., освобождаясь отъ грѣха, стать рабами Богу и приносить плодъ святости. Конечно, я свободенъ и не подчиняться Христу, но тогда я рабъ грѣха. Одно изъ двухъ: или Христосъ, или врагъ Его; и кто не собираетъ со Христомъ, тотъ расточаетъ (Мѡ. 12, 30).

Суть дѣла, другъ мой, въ томъ, что, не вынкавъ въ основаніе вопроса, вашъ собесѣдникъ отрицаетъ то, что при-

знаемъ мы за самоочевидную истину, именно,—что начала государственной жизни совпадаютъ съ цѣлями жизни церковной, что законъ государственный весь проникнуть духомъ Христовой вѣры. Но тогда пусть онъ докажетъ, что повиноваться Царю, помазаннику Божію, быть честнымъ подданнымъ или добрымъ начальникомъ, любящимъ сыномъ своего отечества, другомъ ближняго, готовымъ положить за него душу свою—къ чему призываетъ каждого члена государства присягою власть гражданская и церковная, есть дѣло богопротивное (Чит. Рим. 13, 1—5; 1 Петр. 2, 17; 1 Тим. 5, 8; Іоан. 15, 13 и др.).

3. Если же я убѣжденъ и знаю, что все это благо, я не долженъ воздерживаться отъ присяги по странному соображенію, что не могу быть увѣренъ въ исполненіи мною даннаго обѣщанія. Хорошая жизнь и душевное настроеніе, котораго требуетъ отъ меня присяга, не есть что нибудь отличное отъ того, что начертано для меня, какъ моя постоянная обязанность, въ законѣ и совѣсти,—и если меня, проникнутаго чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ закону Божію и стремящагося къ осуществленію его, поставляютъ въ необходимость для блага общаго только торжественно засвидѣтельствовать о своемъ христіанскомъ настроеніи, не долженъ ли я твердо и безъ колебаній сказать въ слухъ то, что въ сердцѣ моемъ сказано уже совѣстью? т. е. сказать: да, буду исполнять то, что отъ меня требуютъ и, такъ какъ на свои силы надѣяться не могу, то Господь Богъ миѣ тѣлесно и душевно да поможетъ въ этомъ. Неувѣренность въ своихъ силахъ такимъ образомъ восполняется здѣсь надеждою на помощь свыше. Это ли грѣхъ?...

4. Нѣтъ, не грѣхъ. Дать повелѣніе людямъ дѣлать зло и грѣшить Господь не могъ. Между тѣмъ въ Ветхомъ Заветѣ Богъ далъ заповѣдь людямъ: Господа Бога твоего, бойся, Ему одному служи, къ Нему прилѣпись, и Его именемъ клянись (Втор. 6, 13; 10, 20). Болѣе того; Самъ Господь клялся Собою Самимъ Аврааму въ удостовѣреніе истинности Своего

обѣтованія (Быт. 22, 16. 18. Евр. 6, 13),—конечно и запо-
вѣдуя людямъ и уча ихъ подражать Себѣ, наставляя, съ од-
ной стороны, пользоваться могущественнымъ средствомъ ут-
вердить въ обществѣ взаимное довѣріе членовъ его, а съ дру-
гой—призывалъ ихъ въ живое общеніе съ собою, какъ Источ-
никомъ правды и добра, научая ихъ предзрѣть Его предъ
собою выну и ходить предъ Нимъ въ правдѣ.

5. И Новый Завѣтъ спасенія по нашему вопросу въ со-
гласіи съ Ветхимъ. Иначе и быть не можетъ. Пришедшій ис-
полнить волю Отца небеснаго возлюбленный Сынъ Его не
могъ назвать зломъ то, что Отецъ утвердилъ, какъ добро.
Благоговѣйное призваніе имени Божія есть такое же доброе
дѣло въ Новомъ Завѣтѣ, какъ и въ Ветхомъ. Нравственное
благо людей, содѣйствіе торжеству истины есть такое же (а
въ смыслѣ обилія благодатныхъ средствъ для достиженія цѣ-
лей божественнаго воспитанія людей—даже преимущественное)
дѣло любви Сына въ Новомъ Завѣтѣ, какъ и Отца—въ Ветхомъ.
Это неопровержимо и понятно само по себѣ. Если бы это было
не такъ, нашъ Спаситель не призывалъ бы Отца Своего во
свидѣтельство истинности своего небеснаго посланничества, какъ
дѣлалъ Онъ это неоднократно (напр. Іоан. 5, 30—32); не сталъ
бы онъ принимать Самъ присяги, какъ Онъ сдѣлалъ это на
судѣ у преосвященника Каіафы (Мѡ. 26, 63—64), и именно въ
такой клятвенной формулѣ, какая принята была въ судебныхъ
процессахъ у евреевъ ¹⁾. Читилъ присягу, какъ доброе узаконе-
ніе, и св. Ап. Павелъ, когда не разъ призывалъ Бога во
свидѣтеля на душу свою (2 Кор. 1, 23 срв. Рим. 1, 9 и др.);
при чемъ однажды и разъ навсегда изъяснилъ, что клятва
вышнимъ (Богомъ), которою люди пользуются обычно для
устраненія сомнѣній и споровъ, настолько чиста и достойна
неба, что Самъ Господь Своему обѣтованію даетъ образъ че-
ловѣческаго удостовѣренія (Евр. 6, 16—17 срв. 13 ст.).

¹⁾ Замѣчайте: Спаситель молчитъ и не отвѣчаетъ на многократные
вопросы и на понужденіе первосвященника. Но немедленно даетъ отвѣтъ,
какъ только первосвященникъ даетъ допросу форму присяги.

6. Все это должно привести къ заключенію, какъ неосмотрительно утвержденіе нашего собесѣдника, будто Христосъ запретилъ безусловно и навсегда всякую клятву. Такого запрещенія въ словахъ Мѡ. 5, 33—37 нѣтъ. Нельзя слова писанія понимать съ мертвенною буквальною, надо проникать въ духъ ихъ. Слова І. Христа „не клянись вовсе“, конечно, выражаютъ отрицаніе клятвы. Но какой смыслъ этого отрицанія? Можно вѣдь отрицать что нибудь или какъ зло, или какъ излишнее при извѣстномъ порядкѣ жизни т. е. отрицать или безусловно или условно. Изъ ранѣе сказаннаго (п. 3) слѣдуетъ, что смыслъ отрицанія І. Христомъ клятвы не можетъ заключаться въ сохраненіи (какъ несправедливо полагаетъ вашъ собесѣдникъ) за человѣкомъ его воли. Истинный смыслъ его отрицанія легко установить, если мы припомнимъ сказанное выше о сущности клятвы—присяги, ея божественномъ установленіи и значеніи, и сопоставимъ 34 ст. со ст. 33.

Въ нагорной проповѣди Господь указываетъ христіанину правила нравственнаго поведенія, раскрывая содержаніе ветхозавѣтныхъ нравственныхъ законоположеній до глубочайшихъ ихъ основаній и во всей ихъ широтѣ. И объясненіе заповѣди о клятвѣ дано изъ того же начала. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь разрѣшилъ въ потребныхъ случаяхъ призывать Его во свидѣтели истины сказаннаго или вѣрности обѣщаннаго, и требовалъ только, чтобы люди свято и ненарушимо хранили клятву. „Слышали Вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои“. Ветхозавѣтное наставленіе дано такимъ образомъ въ отрицательной формѣ. Но эта по формѣ запретительная заповѣдь въ основѣ своей заключала и сама утверждалась на положительномъ нравственномъ высочайшаго значенія началѣ. Въ запрещеніи какъ бы звучало требованіе, чтобы всѣ люди стремились быть совершенными по искренности и правдивости. Евреи въ Ветхомъ Завѣтѣ вслѣдствіе весьма несовершеннаго состоянія нравственнаго сознанія, конечно, не были способны къ осу-

ществленію этого начала. Какъ отъ дѣтей требуютъ до времени осуществленія добра только путемъ запрещеній, такъ и имъ предписывалось пока лишь побуждать склонность ко лжи и недовѣрчивости строгимъ исполненіемъ заповѣди о ненарушеніи клятвы, и этимъ постепенно они подготовлялись къ достиженію высшей степени нравственного совершенства.

Но то, что лежало, какъ скрытая душа нравственной жизни въ основѣ ветхозавѣтнаго нравственного законодательства, должно было найти свое полное выраженіе въ законодательствѣ благодатнаго царства Христова. По отношенію къ заповѣди о клятвѣ это означало слѣдующее: разрѣшенная въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ средство для уничтоженія или ослабленія зла и обмана среди людей—клятва именемъ Божиимъ излишня въ Новомъ—постолюку, поскольку члены этого завѣта призывапы къ святости. „А я говорю вамъ: не клянитесь во все... но да будетъ слово ваше: да, да, нѣтъ, нѣтъ“ т. е. какъ бы такъ объясняетъ Господь: въ Ветхомъ Завѣтѣ вѣрующіе въ Бога обязаны были только не нарушать клятвы, что достигнуть относительнаго торжества правды, но въ новозавѣтномъ царствѣ, члены котораго получили въ помощь своему нравственному усовершенствованію благодать на благодать (Іоан. 1, 16), должно царить такое нравственное настроеніе, при которомъ не было бы нужды въ клятвѣ совсѣмъ; члены этого царства предназначены имѣть такой высоты довѣрчивость, правдивость, честность, при которой одно простое „да“ или „нѣтъ“ достаточно было бы для взаимнаго удостовѣренія въ истинности словъ и дѣла.

Но какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ разрѣшеніемъ клятвы не сразу уничтожались ложь и недовѣріе и полная вѣрность клятвѣ оставалась тамъ идеаломъ, такъ и въ царствѣ Христовомъ обойтись совсѣмъ безъ клятвы—идеаль нравственныхъ стремленій христіанина, на пути же приближенія къ этой цѣли клятва допустима.

„А что сверхъ того, то отъ лукаваго“, объясняетъ Іисусъ Христосъ; а *сверхъ этого* и есть клятва именемъ Божиимъ.

Такимъ образомъ клятва не уничтожается безусловно, а остается,—удостоверяется, какъ существующая. Выясняется здѣсь только, почему остается и въ какомъ качествѣ? Остается или терпится, потому что остается въ мірѣ господство грѣха, т. е. ея существованіе обусловлено нравственнымъ несовершенствомъ людей; остается или терпится въ качествѣ пособія для нравственнаго усовершенствованія несовершенныхъ.

И это конечно такъ. Господь Иисусъ Христосъ указалъ намъ совершеннѣйшую цѣль нравственной жизни—стремиться къ богоподобию (Мѡ. 5, 48). Но ни Онъ, ни Его апостолы не учили, что придти въ мужа совершенна, въ мѣру полного нравственнаго возраста (Еф. 4, 13) люди могутъ мгновенно и всѣ сразу. Въ теченіе того времени, пока люди будутъ стремиться къ этой полнотѣ совершенства и именно потому, что будутъ стремиться, неизбѣжно существованіе въ Церкви Христовой членовъ, стоящихъ на низшихъ „ступеняхъ дѣятельнаго восхожденія“, еще не свободныхъ отъ узъ зла, отъ власти лукаваго. Для нихъ и по причинѣ ихъ и терпится клятва. Но христіанинъ долженъ знать, что она именно только терпится, что его идеаль—стать выше ея, всѣми силами устремляться путемъ личнаго усовершенствованія и воспитывающаго воздѣйствія на другихъ споспѣшествовать скорѣйшему наступленію на землѣ царства всеобщаго довѣрія и правды.

Таковъ ясный смыслъ изреченія Спасителя. Повторяю: выводъ изъ него—не упраздненіе клятвы, а лишь побужденіе для людей:—усматривая въ существованіи клятвы показателя ихъ нравственной слабости, располагаться всѣмъ сердцемъ къ осуществленію евангельскаго закона нравственности. И, разумѣется, это осуществленіе можетъ быть достигнуто совсѣмъ не тѣмъ способомъ, о которомъ проповѣдуетъ вашъ собесѣдникъ. Не тогда наступитъ царство всеобщаго довѣрія и любви, когда всѣ вдругъ откажутся присягать или клясться, между тѣмъ какъ нравственное ихъ состояніе останется неисправнымъ, а тогда уничтожится сама собой клятва, когда люди перестанутъ служить грѣху и неправдѣ. Какъ и въ жизни

тѣлесной: не тогда больной выздоровѣтъ, когда выдернуть изъ подъ него постель и выбросить за окно лѣкарства, а тогда для него лишни будутъ постель и лекарства, когда онъ выздоровѣтъ.

Если вашъ собесѣдникъ вѣруеть въ Бога и Христа такъ, какъ мы вѣруемъ въ Него, онъ долженъ принять наше объясненіе. Если же, какъ вы пишете, онъ толстовецъ и какъ я подозреваю, толстовецъ, понимающій гр. Толстого въ его подлинномъ вѣрованіи, Толстого—атеиста, прикрывающаго христіанскими терминами свою религію безъ Бога и христіанство безъ Христа, тогда, другъ мой, разговоръ вашъ съ нимъ далеко не конченъ. Болѣе того: онъ только у своего начала и характера бесѣды религіозной уже не будетъ имѣть. Для убѣжденнаго толстовца, какъ для самого Толстого, клятва, присяга, суды—суть учрежденія ненужныя и вредныя не съ точки зрѣнія ученія евангельскаго Христа, въ Котораго мы съ вами вѣруемъ, а по ученію Христа, о которомъ гр. Толстой говоритъ: „Христось—это то разумѣніе, которое есть въ насъ“, т. е., по ученію несовершеннаго разума человѣческаго. Чтобы помочь вамъ опредѣлить вашу позицію въ спорѣ, кратко назову вамъ существенныя основанія „религіознаго“ ученія гр. Толстого, которому слѣдуетъ вашъ собесѣдникъ. Личнаго, живого Бога Толстой не признаеть, Христось, по нему, это разумное сознаніе человѣка; загробной жизни и личнаго безсмертія также нѣтъ. Вся жизнь человѣка укладывается въ предѣлы тѣлеснаго существованія до могилы. А пока человѣкъ живетъ, онъ долженъ безиреянтственно наслаждаться благами жизни и устраивать въ этомъ смыслѣ и жизнь ближнихъ. Какъ видите, ученіе простое и не новое: оно давно уже проповѣдано было человѣческимъ безуміемъ („рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“) и формулировано, какъ унижительный призывъ—только ѣсть, пить и веселиться. Постерегите своего собесѣдника отъ той пронасти, у которой онъ стоитъ. Не входя въ подробный полемическій разборъ его суетнаго унованія, задайте ему пока такой вопросъ (ко-

торый можетъ быть натолкнетъ его на правильный путь мысли): пусть онъ укажетъ вамъ, на протяженіи многовѣковой исторіи человѣчества хоть одинъ примѣръ, чтобы разнузданная, не сдерживаемая религіозными нормами, наклонная къ своекорыстію и чувственности природа человѣческая обезпечивала общественное благо людей, то „радостное бытіе всѣхъ“, о которомъ, какъ и цѣли своей жизни, мечтаетъ вашъ несчастный мудрецъ. Пусть онъ представитъ въ своемъ воображеніи картину жизни человѣчества, если бы вдругъ въ одно прекрасное время люди безъ Бога въ душѣ, въ томъ нравственномъ состояніи, въ какомъ они находятся теперь, согласились оставить суды, присягу, сопротивление злу. Вѣдь тогда —виштите ему—онъ увидитъ, если не полную картину смерти человѣчества, то непременно быстрое и вѣрное самоуничтоженіе его,—когда дерзко будетъ торжествовать лишь крѣпкая рука зла и эгоизма, рядомъ съ которыми мораль безрелигіозная, тщедушная и совсѣмъ необязательная для злодѣевъ всѣхъ видовъ,—сантиментально призывающая ко всеобщей любви во имя мертваго бога, будетъ звучать трагическимъ въ своемъ комизмѣ диссонансомъ. Пусть онъ знаетъ, что гдѣ „упраздненъ“ живой Богъ,—тамъ всѣмъ все позволено, тамъ конецъ не только радостному, но и всякому нравственному бытію,—не только любовнымъ, но и всякимъ человѣческимъ отношеніямъ.

Свящ. *Евгеній Капраловъ.*

ЗАМѢТКИ.

1. „Одна изъ приходскихъ деревень переселяется на другое мѣсто. Прихожане предварительно хотятъ просить своего священника помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается быть новой деревнѣ. Что же слѣдуетъ отслужить въ этомъ случаѣ, во исполненіе просьбы прихожанъ“? (Изъ письма въ редакцію одного священника—подписчика).

Предъ основаніемъ новаго поселенія, на мѣстѣ, гдѣ имѣеть быть послѣднее, слѣдуетъ совершить малое водоосвященіе (по желанію—въ соединеніи съ молебномъ и акаѳистомъ Господу Иисусу, Божіей Матери или храмовому святому). Послѣ освященія воды, предъ окропленіемъ,—прочитать „молитву на основаніе дому“ (Боже Вседержителю, сотворивый небеса разумомъ и основавый землю на тверди ея“...), находящуюся въ Большемъ Требникѣ. При этомъ слова молитвы: „призри на раба твоего, изволившаго въ державѣ крѣпости Твоея воздвигнути домъ въ жилище“ и проч.—слѣдуетъ прочитать съ измѣненіемъ единственнаго числа на множественное. По прочтеніи указанной молитвы,—покропитъ на четыре стороны св. водою.

2. „Если женихъ беретъ себѣ невѣсту въ томъ приходѣ, въ которомъ записано по метрическимъ книгамъ его рожденіе и крещеніе, и въ которомъ раньше онъ самъ состоялъ прихожаниномъ, то какой именно предбрачный документъ о себѣ долженъ онъ представить приходскому причту невѣсты и съ гербовою-ли маркою или безъ оной“?

Причту прихода невѣсты, гдѣ имѣеть совершиться предположенный бракъ, женихъ, жившій ранѣе въ томъ же приходѣ и записанный по рожденію и крещенію въ метрическихъ книгахъ этого прихода, долженъ представить отъ причта прихода, въ который онъ перешелъ изъ прежняго, и къ которому принадлежитъ въ настоящее время, предбрачное свидѣтельство о безбрачномъ его состояніи (холостъ онъ или вдовъ и если вдовъ, то послѣ какого брака), о бытіи у исповѣди и св. причастія и о совершеніи въ его приходской церкви троекратной огласки объ имѣющемъ быть бракъ. Герboвая марка необходима.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 25 апрѣля 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новничаго.*

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, мая 12-го.

Содержаніе: Плата за требоисправленіе или епитрахильный доходъ, какъ
обычное средство содержанія приходскаго духовенства. — Думы
законоучителя. — Жертва долга. (Разсказъ изъ быта духовенства).

**Плата за требоисправленіе, или епитрахильный
доходъ, какъ обычное средство содержанія при-
ходскаго духовенства.**

Св. апостоль Павелъ въ своей прощальной рѣчи къ
Ефесскимъ пресвитерамъ, въ которой онъ старался на при-
мѣрѣ собственной дѣятельности выяснить истинныя отношенія
пастыря къ своей паствѣ, между прочимъ, говорилъ имъ: „сребра
или злата или ризъ ни единого возжелашъ (не только ни отъ
кого не бралъ, но и не пожелалъ). Сами вѣсте, яко требо-
ванію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ мои сіи.
Вся сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ за-
ступати немощныя, поминати же слово Господа Иисуса, яко
самъ рече: блаженнѣе есть паче даяти, нежели приимати“
(Дѣян. 20, 33—35). Смыслъ этихъ словъ апостола, въ при-
мѣненіи къ пастырскому служенію, слѣдующій: каждый истин-

ный пастырь, руководя своею паствою и служа ей, вовсе не долженъ при этомъ водиться какими либо матеріальными расчетами и выгодами. Вся его дѣятельность должна быть проникнута духомъ безкорыстія, потому что въ такомъ только случаѣ дѣятельность эта и можетъ принести совершенную пользу пасомымъ. Согласно съ примѣромъ апостола и вышеуказанными словами Господа, лучше всего было бы, конечно, совсѣмъ не пользоваться ничѣмъ отъ пасомыхъ и тѣмъ устранить всякіе поводы къ соблазну „немоцныхъ духомъ“, но это не всегда возможно по условіямъ жизни. Вѣдь и священникъ человѣкъ, у котораго есть семья, дѣти..., слѣдовательно и ему нужны средства, и онъ нуждается въ деньгахъ для удовлетворенія собственныхъ нуждъ и потребностей. А жить исключительно трудами рукъ своихъ для него значило бы и время и силы посвящать не на то, на что долженъ употреблять ихъ христіанскій священникъ—пастырь, по самому призванію своему. Отсюда само собою возникаетъ необходимость служителямъ Церкви Христовой питаться отъ алтаря. И самъ великій апостолъ языковъ никогда не считалъ дѣломъ несправедливости, чтобы благовѣстникъ жилъ отъ благовѣствованія ¹⁾, и не разъ принималъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ не было поводовъ ожидать соблазна, далнія и на собственные нужды ²⁾. Слѣдовательно, и каждый пастырь можетъ получать отъ пасомыхъ добродѣтели даянія,—только ни въ какомъ случаѣ не долженъ онъ прибѣгать при этомъ къ вымогательствамъ, постыдному торгу и, вообще, къ чему либо такому, что показывало бы въ немъ человѣка, трудящагося исключительно по корыстнымъ побужденіямъ.

Въ первые вѣка христіанства средства содержанія клира не отдѣлялись отъ общей суммы церковнаго достоянія. Вѣрующіе—міряне приносили дары свои Церкви и изъ этихъ приношеній, поступавшихъ въ общую церковную казну, каж-

¹⁾ 1 Кор. 9, 7—11, 13—14.

²⁾ Филип. 4, 10—18; см. 2 Кор. 11, 8—9.

дый членъ клира (наряду съ бѣдными, содержавшимися также на счетъ общей церковной казны) получалъ известную часть на свое содержаніе. Съ теченіемъ времени средства содержанія клира образовали особый фондъ, слагавшійся также изъ добровольныхъ приношеній вѣрующихъ, но самыя эти приношенія вѣрныхъ мало по малу приняли характеръ вознагражденій за требоисправленія. Въ IV—V в.в. плата за требоисправленія получаетъ право гражданства и на востокѣ и на западѣ. Императорское церковное законодательство не запрещало, да и не могло, конечно, по самому существу дѣла, запретить клирикамъ „питаться отъ алтаря“. Отъ IV—V в.в. известны законодательныя распоряженія только по одному вопросу, касающемуся средствъ содержанія клира,—вопросу о платѣ за погребеніе. Законодательство со времени императора Константина стремилось сдѣлать погребеніе умершихъ безвозмезднымъ; въ замѣнъ уничтоженнаго дохода, Церкви выдавались деньги изъ государственной казны. Самъ Константинъ Великій предоставилъ Церкви за безвозмездное погребеніе усопшихъ право пользоваться доходами съ 1100 лавокъ и торговыхъ учрежденій, которыя, въ силу указаннаго назначенія, освобождены были отъ всякихъ государственныхъ налоговъ. Но не запрещая клирикамъ „питаться отъ алтаря“, законодательство въ то же время (вполнѣ согласно съ церковными канонами) строго осуждало и карало разнаго рода злоупотребленія со стороны пастырей ихъ правомъ пользоваться даяніями вѣрныхъ. Такъ, одна изъ новеллъ Императора Юстиніана (123) угрожаетъ удаленіемъ отъ Церкви священнику, который, съ цѣлію принудить мірянина „къ принесенію начатковъ и къ исполненію оброковъ“, откажется крестить ищущаго крещенія или лишитъ кого общенія. Такой священникъ былъ бы „симонистомъ“ и въ силу этого являлся бы недостойнымъ носить священный санъ¹⁾).

¹⁾ См. сочин. іером. Михаила: „Законодательство римско-визант. императоровъ о виѣшнихъ правахъ и преимуществахъ Церкви (отъ 313 до 565 г.)“. Каз., 1901 г., стр. 94—96.

Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церк-
вахъ размѣры вознагражденій за требоисправленія точно опре-
дѣлены подлежащими властями по соображенію, главнымъ
образомъ, состава прихода, возраста и имущественнаго со-
стоянія прихожанъ. Вотъ, для примѣра, размѣръ платы за
совершеніе различныхъ требъ и службъ церковныхъ, устано-
вленный въ Сербіи по закону 1853 года: за молитву ново-
рожденному—1 піастръ (ок. 8 коп.), за крещеніе—въ видѣ
подарка чулки или, вмѣсто нихъ, 4 піастра, за обрученіе—
отъ невѣсты чулки или полотенце, а отъ жениха 4 піастра,
за вѣнчаніе—24 піастра, за молебень съ водосвятиемъ—4 пі-
астра, за заказное водосвятіе—4, за елеосвященіе—24, за
большое отпѣваніе—18 піастровъ, а съ бѣдныхъ—9 піастровъ,
за малое отпѣваніе—9, а съ бѣдныхъ—4, за кажденіе надъ
кутьюю—1 піастръ, за поминовеніе— $\frac{1}{2}$ піастра, за парастасъ—
4 піастра, за проводы къ могилѣ каждому священнику (кромѣ
мѣстнаго приходскаго) и дьякону—по 12 піастровъ, за чтеніе
одного евангелія—24 піастра, за чтеніе псалтири—24 піастра
и проч. Подобныя же постановленія, имѣющія цѣлю уничтожить
самоволіе и нареканія на взиманіе чрезмѣрной платы со
стороны духовенства за совершеніе службъ, существуютъ такъ
же и въ другихъ церквахъ помѣстныхъ—напр. въ Болгар-
скомъ экзархатѣ, въ Черногоріи, въ православной Церкви въ
предѣлахъ Австріи. Соблюденіе установленныхъ правилъ отно-
сительно епитрахильныхъ доходовъ¹⁾ обязательно для каждого
священника—и въ каждомъ приходѣ на видномъ мѣстѣ вы-
ставляется въ удостовѣренной копіи такса платы за соверше-
ніе требъ и службъ церковныхъ. По требованію лица, внес-
шаго плату, каждый священникъ обязанъ выдать ему пись-
менную квитанцію въ суммѣ, полученной отъ него за отпра-
вленіе требы. Всякое злоупотребленіе со стороны приходскаго

¹⁾ Названіе—отъ епитрахили, надѣваемой священникомъ для от-
правленія требы, за которую онъ получаетъ установленное вознагра-
женіе.

священника епитрахильнымъ доходомъ подлежить суду подлежащей власти, имѣющей право наказать его за такія злоупотребленія ¹⁾).

По дѣйствующимъ въ нашей русской Церкви постановленіямъ, плата за требоисправленія или епитрахильный доходъ также относится къ числу обычныхъ средствъ содержанія приходского духовенства, при чемъ и наше отечественное законодательство строго воспрещаетъ всякія вымогательства со стороны причтовъ въ отношенія къ прихожанамъ. Въ Духовномъ Регламентѣ за исполненіе церковныхъ требъ запрещается не только дѣлать вымогательства, но и добротное даліе принимать во время самаго исполненія требы ²⁾). По указу Св. Синода отъ 27-го іюля 1853 г. сельскіе священнослужители, получающіе жалованье, обязывались совершенно безмездно отправлять всѣ важнѣйшія христіанскія требы, какъ то: молитвованія послѣ рожденія, крещеніе, исповѣдь, причащеніе, бракъ, елеосвященіе, погребеніе и присоединеніе иноувѣрцевъ. Этотъ законъ, послѣ изданія въ 1873 г. Высочайше утвержденныхъ „Правилъ о мѣстныхъ средствахъ содержанія православнаго приходского духовенства“, утратилъ свое значеніе ³⁾. Въ ряду общихъ мѣстныхъ средствъ содержанія приходскаго духовенства, „Правила“ 1873 г. поставляютъ и „добротныя далія прихожанъ за исполненіе для нихъ церковныхъ и приходскихъ требъ“. „Добротныя припошенія прихожанъ—говорится въ „Правилахъ“—бываютъ двоякаго рода: одни составляютъ личное вознагражденіе или одного священника за исполненіе исключительно его званію принадлежащихъ требъ, или одного изъ низшихъ членовъ причта за отправленіе свойственныхъ его званію обязанностей, какъ

¹⁾ См. „Правосл.-церк. право“ еп. Никодима, перев. съ сербскаго Петровичемъ, Спб., 1897 г., стр. 552—553.

²⁾ Духовн. Реглам. въ приб. о пресвит., діак. и причетн., пункт. 21, 22.

³⁾ Въ 1887 г. Св. Синодомъ снова подтверждено духовенству исполнять со всею точностію существующія постановленія о невзиманіи платы за исповѣдь и причастіе св. Таинъ.

напр. за чтеніе Псалтири надъ умершими; другія составляютъ вознагражденіе причта, въ цѣломъ его составѣ, за исправленіе такихъ церковныхъ или приходскихъ требъ, которыя, по принятому порядку, совершаются священникомъ съ низшими членами причта, хотя бы въ дѣйствительности кто либо изъ нихъ, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, иногда и не принималъ участія въ исправленіи подобной требы. Приношенія перваго рода принадлежатъ безраздѣльно тому члену причта, которому сдѣланы, а приношенія второго рода опускаются въ братскую кружку и, по истеченіи каждаго мѣсяца, дѣлятся между всѣми членами причта, на основаніи существующихъ правилъ“¹⁾).

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ни общихъ, ни мѣстныхъ постановленій, которыми бы ясно и опредѣленно регулировался вопросъ о размѣрахъ платы за требоисправленія. Все дѣло предоставлено неустойчивымъ обычаямъ, существующимъ въ тѣхъ или другихъ приходсахъ,—обычаямъ, которые далеко не обладаютъ сдерживающей силой по отношенію къ проявленіямъ самоволія со стороны приходскихъ причтовъ и недовольства со стороны прихожанъ,—при которыхъ почти всегда неизбежнымъ является постыдный, крайне унижающій священникъ санъ, торгъ между настыремъ и пасомыми. Почему бы и у насъ не поставить дѣло такъ, какъ оно поставлено въ нѣкоторыхъ другихъ помѣстныхъ церквахъ, т. е. почему бы подлежащимъ властямъ не опредѣлить точно,—принимая въ соображеніе составъ прихода, возрастъ и имущественное состояніе прихожанъ,—размѣры вознагражденій за совершеніе церковныхъ или приходскихъ требъ, при чемъ ясно и опредѣленно установленная за требоисправленія плата могла бы вноситься прихожанами церковному старостѣ, а этотъ послѣдній передавалъ бы ее священнику, получая отъ

¹⁾ См. „Практич. Руков. для священнослуж. или систематическое изложеніе полнаго круга ихъ обязанностей и правъ“ П. Нечаева, изд. 7-е Спб., 1900 г., прилож., стр. 535.

него соотвѣтствующія письменныя квитанціи. Тогда, быть можетъ, не приходилось бы (или, по крайней мѣрѣ, приходилось бы рѣже) встрѣчаться съ такими картинками, одна изъ которыхъ какала съ натуры нарисована въ замѣткѣ, недавно помѣщенной на страницахъ „Гражданина“ какимъ то сельскимъ настыремъ (скрывшимся подъ инициалами В. Гл.) по поводу статьи кн. Еникѣева о матеріальномъ обеспеченіи духовенства (Церк. Вѣстн. за 1901 г., №№ 51—52). Картинка слишкомъ типичная, и мы позволимъ себѣ воспроизвести ее здѣсь. „Мужикъ поминаетъ отца или мать. 40-й день. Отслужена обѣдня,—просить на домъ служить панихиду. Послѣ панихиды просить присѣсть—помянуть покойника. Собралось много народа—знакомыхъ, родныхъ. Начинается бесѣда—бесѣдуешь о загробной жизни, о необходимости приготовленія къ ней, о пользѣ поминовенія усопшихъ и пр. Все прекрасно, ладно—всѣ со вниманіемъ слушаютъ. Кончилась трапеза—встали изъ—за стола. Мирное настроеніе исчезаетъ. Мужикъ—хозяинъ тревожно поглядываетъ, озирается, шепчется съ женой, сосѣдами. А ты все сидишь, чего то ждешь, прекрасно понимая, что значить все это перешептываніе. Тяжело, скверно на душѣ. Наконецъ, подходит мужикъ. „Сколько—говорить—батюшка, за труды“? Назначаешь цѣну. Опять шепотъ, переговоры, звяканіе деньгами, недоумѣнные взгляды и, въ концѣ концовъ, обыкновенно мужикъ, поднося деньги, просить уступить, пожалѣть, обождать... Начинается торговля—постыдная торговля, терзающая и душу и сердце, унижающая санъ и подрывающая всѣ благіе порывы. „Для того батька и говорилъ намъ о поминовеніи,—говорятъ послѣ мужики,—чтобы больше обирать съ насъ деньги“. Вотъ результатъ бесѣды—восклицаетъ авторъ замѣтки,—вотъ оцѣнка, опредѣленіе нашего труда, нашей работы. Горько, тяжело! Только тотъ вполне можетъ понять тяжесть нашего современнаго положенія, кто испыталъ его“. Положеніе грустное и тяжелое—что и говорить. Но вполне избавиться отъ такого положенія возможно будетъ только тогда, когда духовенство наше будетъ обезпе-

чено опредѣленнымъ, и при томъ совершенно достаточнымъ, денежнымъ жалованьемъ. А пока-что, почему не поискать средствъ, если и не избавляющихъ отъ тяжелаго положенія, то по крайней мѣрѣ значительно облегчающихъ это положеніе?

В. С—ій.

ДУМЫ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ.

I.

Устами въ сущности очень милого мальчика Коли Красоткина Достоевскій бросилъ яркую полосу свѣта на одно и, по нашему убѣжденію, самое главное больное мѣсто въ современныхъ воззрѣніяхъ на воспитаніе, вообще, и школьное, въ частности.

„Можно вѣдь и не вѣруи въ Бога, любить человѣчество... Вольтеръ же не вѣровалъ въ Бога, а любилъ человѣчество“?... говорить этотъ преждевременный философъ Алешѣ Карамазову.

Происходитъ ли это отъ недисциплинированности нашей мысли—отъ неумѣнія доводить свои разсужденія до конца, или отъ нашей нравственной перяшливости, удовлетворяющейся въ вопросахъ жизни первымъ подручнымъ „общепринятымъ“ рѣшеніемъ, освобождающимъ отъ тяжелой необходимости самостоятельно напрягаться головой, или отъ того и другого вмѣстѣ, но въ самомъ дѣлѣ, въ известной части нашей, такъ называемой, руководящей литературы съ давнихъ поръ установленъ, безмолвно былъ одобренъ, затѣмъ изъ литературы проникъ въ общественное сознаніе, тамъ прочно укрѣпился и бойко пошелъ въ оборотъ взглядъ на цѣль образованія, который кратко можно формулировать такъ: „оставьте мистику (религію); дайте намъ хорошихъ людей: дѣтей, гражданъ, чест-

ныхъ дѣятелей на общественномъ поприщѣ... Пусть мистикой занимаются любители, намъ нужна здравая нравственная порядочность“...

Помню себя въ многообразной обстановкѣ, когда приходилось обсуждать эту тему: въ деревенской глуши—въ бесѣдѣ съ заброшеннымъ туда врачомъ, въ желѣзнодорожномъ вагонѣ въ долгонощномъ разговорѣ съ случайнымъ интеллигентнымъ совопросникомъ, въ городѣ среди охотниковъ до умныхъ рѣчей—„изъ общества“, наконецъ въ послѣднее время въ частныхъ интимныхъ бесѣдахъ съ своими учениками старшихъ классовъ. И вездѣ „достоверная“ истина Коли Красоткина выступала впередъ то смѣло и рѣшительно, то робко и недоумѣнно. Такъ что, если бы меня сейчасъ спросили, во что, послѣ негодности всего русскаго, непоколебимо вѣрить громадное большинство нашего общества, я безъ затрудненія, на основаніи личнаго опыта, отвѣтилъ бы: въ полную возможность счастливо и, главное, нравственно воспитаться и безъ „догматическаго недоказаннаго еще неба“ (какъ выразился нѣкто изъ моихъ собесѣдниковъ).

Понятно послѣ этого, какое отрезвляющее впечатлѣніе должны были произвести на всѣхъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ о „небѣ“ въ школѣ, незабвенныя слова, начертанныя Государемъ на докладѣ комиссіи по реформѣ средней школы,—требовавшія серьезнаго вниманія къ религіозно-нравственному воспитанію нашего юношества.

Не знаю, какъ приняли эти золотыя слова другіе, лично о себѣ скажу: я былъ потрясенъ умиленіемъ и пораженъ ихъ силою. И не потому, чтобы слова эти были никому невѣдомы до сихъ поръ, совсѣмъ новы. Нѣтъ, ихъ исключительное, безмѣрное по высотѣ значеніе—въ необыкновенной ихъ своевременности.

Признаюсь, я съ большою тревогою прислушивался къ каждому извѣстію о ходѣ занятій комиссіи. Много думалось, много ожидалось, хотѣлось вѣрить, что мы—у начала дѣй-

ствительно *коренной* реформы, чреватой всякими благими послѣдствіями... Послышались голоса будто и о той сторонѣ дѣла, которую, по душевному убѣжденію, считаемъ единственно важной и дѣйствительно *коренной* въ данномъ вопросѣ: въ проектѣ „основныхъ положеній“ мелькнули фразы; „средняя школа должна доставлять юношеству воспитаніе... на воспитаніе учащейся молодежи должно быть обращено особенное вниманіе“... Доносилась вѣсть, что организована даже специальная комиссія по Закону Божію. Но... окончательная редакція „основныхъ положеній“ извѣстна, фразы о воспитаніи пропечатаны, а какихъ бы то ни было поясненій къ нимъ не было дано ни въ текстѣ! „положеній“, ни въ „обзорѣ дѣятельности комиссіи“. О результатахъ же совѣщаній комиссіи по Закону Божію что-то совсѣмъ не слышно...

„Воспитаніе необходимо, воспитаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія“... Безспорно такъ. Но кто же не знаетъ, что въ числѣ многихъ другихъ—понятіе воспитанія сдѣлалось у насъ эластично, смыслъ его сталъ неуловимъ. Подъ него можно подвести съ удобствомъ какую угодно педагогическую теорію...

И вотъ закралось, помню, въ сердце безпокойство: неужели же, думалось, и здѣсь прошли мимо самой вѣковѣчной сути, и дѣло кончится только наружною, хотя, можетъ быть, и красивою, архитектуроникой? неужели же и послѣ цѣлой комиссіи по Закону Божію насъ поставятъ опять сбоку, въ приличный уголь въ качествѣ почетныхъ, но бессильныхъ свидѣтелей школьной жизни?.. И вдругъ эти слова повелѣвающія: „обратить серьезное вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе нашего юношества“. Впечатлѣніе отъ нихъ было тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ напряженнѣе было колебаніе между надеждой и опасеніемъ, чѣмъ безотраднѣе становилась, въ концѣ концовъ, почти полная увѣренность въ торжествѣ сомнѣнія... Было отчего притти въ умиленіе!...

И разумѣтся,—разумѣтся это были тѣ самыя слова, которыхъ именно и недоставало для завершенія дѣла, кото-

рыхъ настоятельно требовала острая нужда времени, которыя должны были вдохнуть душу живую въ работы школьнаго переустройства. Это ясно. Кто способенъ проникать хоть немного глубже поверхности жизни, кто хоть сколько нибудь вникалъ въ печальное явленіе духовной немощи значительной части нашего свѣтскаго интеллигентнаго общества, для того не можетъ составлять загадки то, гдѣ коренится причина этого грустнаго факта. Нѣкогда причину этого указывали въ томъ, что наша интеллигенція въ погонѣ за европейскими формами жизни и просвѣщеніемъ, оторвавшись отъ національной почвы, не усмотрѣла вѣждительныхъ началъ для истинно культурной жизни въ своемъ многомилліонномъ русскомъ народѣ и его вѣрѣ. И указывали справедливо. Результаты этой оторванности—на нашихъ глазахъ и въ нашемъ времени. Порвавъ съ народомъ, отвергнувъ его Христа, Которымъ народъ въ союзѣ съ Церковью только и жилъ и дышалъ во всю свою многострадальную исторію, интеллигенція наша до сихъ поръ живетъ съ опустошенною душой: ноетъ, грызетъ себя и неисцѣльно болитъ мечтательнымъ гамлетизмомъ, переживая естественныя послѣдствія своего роковаго историческаго грѣха; ибо, съ пренебреженіемъ отказавшись идти къ народу „на выучку“, она потеряла первую школу, которая могла бы, приблизивши ее къ незыблیمымъ идеаламъ Христовой Церкви, возродить къ новой, полной высокаго смысла жизни.

Нынѣ виновникомъ духовнаго оскудѣнія нашего общества безспорно должно считать, между прочимъ, и нашу школу. Предназначенная по идеѣ формировать юношество умственно и готовить обществу цѣлыхъ духомъ дѣятелей, сильныхъ доблестями гражданъ, просвѣщенныхъ и широкаго нравственнаго кругозора людей, она оказалась лишенною живительныхъ силъ, условливающихъ здоровую нравственную жизнеспособность своихъ питомцевъ и въ дѣлѣ сообщенія плодовъ истинной интеллигентности и культуры своимъ питомцамъ явила полное свое безсиліе. И поднесъ, оказывается, изъ нея толпами уходитъ въ жизнь молодежь безъ руля и безъ вѣтриль,

съ скудными знаніями и большимъ самомяѣніемъ,—нищія идеалами, безъ искры энергіи, безъ ясно сознанныго и продуманнаго принципа дѣятельности, дряблая, рахитическая, изъ года въ годъ пополняющая собою ряды застрѣльчиковъ вздорнаго и буйнаго своеволія, готовая съ чужого голоса и по чужой указкѣ лишь „въ войну играть, свое топтать, своимъ задоромъ щеголять“. И какъ въ дѣлѣ съ народомъ, такъ и здѣсь причина зла одна,—легкомысленное пренебреженіе религіозными началами воспитанія. Природа въ лучшихъ своихъ силахъ, очевидно, сама вступилась за себя и казнить насильниковъ своихъ. Сбывается, очевидно, и здѣсь пророческое слово: „накажетъ тя отступленіе, твое“ (Іер. 2, 19). Въ тысяча первый разъ очевидно и притомъ опытно удостовѣрится истина, что безъ Бога душа—могила съ тлѣномъ...

И разумѣтся, тамъ, гдѣ рушились ветхіе тридцатилѣтней давности (и отъ природы-то слабые) столбы школьной системы и гдѣ все соединено было въ одномъ желаніи на развалинахъ стараго реформою достигнуто наилучшаго, тамъ необходимо было предостеречь строителей отъ повторенія старой ошибки. Это предостереженіе и дано было Высочайшей отмѣткой. Смыслъ ея ясенъ. Не выведенная изъ религіозныхъ основаній система воспитанія, какъ бы тщательно ни были вымѣрены и слажены ея элементы, не пригодна для жизни, какъ зданіе безъ фундамента, ибо такое воспитаніе есть „дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди“. „Теперь пока дѣло въ началѣ, имѣйте въ виду эту основную аксіому строительной техники“ какъ бы такъ благовѣстомъ прозвучало Царское слово... Помните, что „для Россіи нужны истинно русскіе люди, воспитанные на религіозно-нравственныхъ началахъ, которыя составляютъ основу русскаго государственнаго строя“. (Слова Министра Народнаго Просвѣщенія къ профессорамъ).

II.

И такъ великое слово сказано. Реформѣ указаны опредѣляющія ея сущность начала. Казалось бы, только радоваться остается... Но... жизнь неумолима, дѣйствительность жестка. Все доброе въ своемъ движеніи къ осуществленію имѣетъ роковой удѣлъ встрѣчаться съ препятствіями. Тѣмъ болѣе можетъ ли пройти безболѣзненно такая чрезвычайная по своей благодѣтельности реформа.

Вотъ запись моихъ думъ и соображеній по этому поводу,—гдѣ, если не въ полнотѣ раскрыты, то въ существенныхъ чертахъ отмѣчены важнѣйшія, по моему мнѣнію, препятствія, съ которыми придется считаться проводникамъ реформы. Передаю ее въ томъ видѣ, какъ она занесена въ мою тетрадь—дневника подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій дня.

„12 сентября 1901 года. Сейчасъ только возвратился изъ засѣданія комиссіи по обсужденію вопроса о мѣрахъ для поднятія религіозно-нравственнаго состоянія учащихся. Попечитель спрашиваетъ, какія мѣры принимались для этого до сихъ поръ и что нужно сдѣлать еще въ указанномъ направленіи. Запросъ, очевидно, вызванъ незабвенными словами Государя Императора, начертанными на докладѣ комиссіи по реформѣ средней школы. Признаюсь, испытываю двойственное чувство: радуюсь вседушевно, что, наконецъ, брошенъ лучъ надежды на лучшее будущее той области школьной жизни, которая до сихъ поръ находилась въ странномъ забвеніи,—наконецъ, видится попытка даже разобраться въ сложныхъ явленіяхъ этой области,—и вмѣстѣ до послѣдней степени смущенъ и удрученъ“... „Что нужно сдѣлать въ указанномъ направленіи“? А все, все надо сдѣлать, потому что ничего, почти нѣтъ на лицо; до сихъ поръ не было и быть не могло и въ будущемъ при наличности тѣхъ условій, въ которыя поставлено дѣло духовнаго просвѣщенія дѣтей—школьниковъ, надѣяться не на что“... И это не преувеличенный пессимизмъ...—Но буду говорить по порядку.

Что могъ я сказать въ комисіи на предложеніе председателя подѣлиться своими мыслями? Едва не сорвалась съ языка безнадежная рѣчь: „зачѣмъ разсужденія, зачѣмъ протоколы? Ужасную стѣну, которая передъ нами, разбить нельзя даже огненными словами... Мы безсильны, совершенно безсильны... Такъ и отвѣтимъ: безсильны и потому не чаемъ пользы отъ какихъ бы то ни было мѣръ. Общаемъ только молиться Господу о помощи свыше... Вотъ вся и единственная наша мѣра“...

Этого не было сказано. Но по существу къ этому и свелось дѣло нашихъ разсужденій...

Лично я понимаю и смотрю на дѣло такъ. Нашему (разумѣю учащихъ) попеченію отдана почти тысячная ¹⁾ семья дѣтишекъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, сословнаго и общественнаго положенія и характеровъ. Эту семью мы должны привести къ Престолу Божию подѣ благословляющую Десницу Всевышняго,—затеплить въ дѣтяхъ святой огонь вѣры, поддерживать его непрестанно и обезпечить его горѣніе въ нихъ по возможности до заката ихъ дней такъ, чтобы вся жизнь со всею пестротою и сложностью своихъ явленій открывалась ихъ взору лишь въ евангельскомъ озареніи. Какія у насъ для этого средства? Вотъ вопросъ.

Осмотримся и увидимъ, что высотѣ задачи соотвѣтствуетъ затруднительность ея осуществленія.

Когда заходитъ разговоръ о религіозно-нравственномъ воспитаніи въ школѣ, обычно указываютъ прежде всего на законоучителя. Указаніе понятное, но далеко не обнимающее всего существа дѣла. Да, „законоучитель, какъ я писалъ въ докладѣ педагогическому совѣту, есть первый и отвѣтственный руководитель религіозно-нравственнаго воспитанія въ школѣ; ибо онъ есть вмѣстѣ и стражъ совѣсти дѣтей. Въ его рукахъ, повидимому, всѣ средства для того, чтобы ввести дѣтей въ тотъ міръ высокихъ истинъ христіанскаго знанія и

¹⁾ Гимназія съ реальнымъ отдѣленіемъ.

нравственности, въ которомъ одномъ душа человѣка находитъ свою подлинную жизнь,—и вдохнуть въ нихъ живое влеченіе къ сокровищамъ этого міра. При сердечномъ, исполненномъ евангельской простоты, отношеніи къ своимъ ученикамъ, законоучитель можетъ быть всегда спокоенъ за благопріятный результатъ своего нравственнаго вліянія, разъ онъ (что должно предполагать само собою) во всякомъ положеніи является для учениковъ образцомъ благочестія и авторитетнымъ носителемъ христіанскаго значенія“.

Все это такъ, хорошо, пожалуй, возвышенно. Но не нужно забывать, что это лишь теоретическое начертаніе значенія законоучителя,—а при живомъ соприкосновеніи съ школьною дѣйствительностью, развѣ вы не знаете, въ какія оскорбительныя будни затапливаютъ наши чистыя desideria; въ какія пошлыя низины грубо и такъ часто низвергается съ своихъ высотъ наше законоучительское настроеніе? Пусть я примѣрной ревности и одушевленія труженникъ. Но,—ради Бога, два часто неполные часа въ недѣлю, по журналъ, по отмѣтки, по программы (механически распредѣляющія „матеріаль“ предмета и обязывающія пройти „до сихъ“ въ этомъ, до сихъ въ томъ, до сихъ въ третьемъ классѣ), по четверти, повѣрки, экзамены!... Вся эта холодная стальная сѣть мертвыхъ условностей, набрасываемая на добрые порывы законоучителя,—развѣ, скажите, она не въ состояніи сдунуть вмгѣ съ закона Божія обаяніе небесной святости и ни съ чѣмъ несравнимой значительности?.. И развѣ я мелочь называю? Напротивъ, напротивъ! Если во всемъ этомъ дѣлѣ что нибудь заслуживаетъ серьезнаго вниманія, то прежде всего эти условности. Вы понимаете, что тутъ какое то колоссальное неправдоподобное недоразумѣніе? Мнѣ предупредительно показываютъ мое дѣло въ широчайшемъ объемѣ его значенія, и въ то же время поставляютъ его исполненіе въ невозможныя внѣшнія тиски, губящія живое и плодотворное его развитіе...

Чего же,—спросите вы, желаемъ мы? Желаемъ и просимъ съ слабою надеждою получить просимое; ради Бога, по-

больше довѣрія къ намъ! побольше уваженія къ нашему дѣлу и сану! Снимите съ насъ чиновничій мундиръ и оставьте въ скромной простотѣ нашего священнаго одѣянія, которое, о, какъ много говоритъ дѣтскому сознанию! Дайте намъ самимъ свободно устроить свои отношенія къ ученикамъ. Освободите насъ отъ мертвящаго, бездушнаго и обиднаго контроля. Не препятствуйте намъ вносить съ собою въ классъ атмосферу душевнаго мира, чистоты и благодатнаго совѣта, а не тягостную суету приподнятаго страхомъ и потому неестественнаго умственнаго и нравственнаго напряженія. Пусть ученики видятъ во мнѣ не преподавателя (сильнаго чаще журналомъ и двойкой, а не авторитетомъ и вліяніемъ),—но отца, предъ которымъ такъ пріятно вскрыть молодую, кипящую не выбродившимися чувствами и запросами душу;—не искусника, дающаго ради техническаго эффекта урокъ по мертвымъ пунктамъ конспекта и приносящаго, такимъ образомъ, въ жертву книжной надуманной методикѣ живой смыслъ вѣры, по своего батюшку, любовно и благоговѣнно бесѣдующаго съ ними, какъ съ дѣтьми, о святыхъ предметахъ спасенія.—Пусть и всегда и всюду, во внѣклассныхъ отношеніяхъ, въ личномъ обращеніи, въ храмѣ святомъ не стоитъ между ними и мною та губящая искреннюю и сердечную теплоту стѣна, которую всегда воздвигаетъ между преподавателемъ и ученикомъ признаніе въ преподавателѣ лишь внѣшней силы. Словомъ, отдайте мое дѣло мнѣ самому, и сдѣлайте меня отвѣтственнымъ только предъ Богомъ, Которому притрепетно и непостыдно служить далъ я великій обѣтъ у Св. престола Его, —и предъ совѣстью моею!..

Предвижу возраженіе. Скажете: вы желаете невозможнаго, требуете упраздненія долгими годами укрѣпленнаго и традиціей освященнаго распорядка школьной жизни. Да, желаю и настаиваю на этомъ. И иначе быть не можетъ. Разъ школа есть духовное горнило, гдѣ должны выковываться сильные и стойкіе, приспособленные къ жизни, свѣтлые умомъ и чистые сердцемъ характеры,—разъ на нее возлагаемъ мы всѣ

лучшія наши надежды, разъ изъ нея, какъ съ благодатнаго востока мы чаемъ живительныхъ лучей свѣта для освѣщенія современной темноты мысли, оживленія замершихъ идеальныхъ влеченій и пробужденія насъ отъ нравственнаго усыпленія—словомъ, чаемъ видѣть въ ея питомцахъ элементы для полнаго возрожденія общества,—тогда неужели же бояться такихъ незначительныхъ жертвъ, какъ расписаніе часовъ учебнаго дня и измѣненіе программъ, облеченіе законоучителя по самому сану принадлежащими ему правами духовной власти и свободнаго нравственнаго руководства въ воспитаніи?

Скажите еще: такую свободу можно безбоязненно предоставить только избраннымъ законоучителямъ, работникамъ не по профессіи, а по искреннему призванію. Слышалъ не разъ это возраженіе и никогда не считалъ его серьезнымъ. Повѣрьте: предоставленная законоучителю свобода дѣйствию даже въ худшемъ случаѣ, если ею будетъ облеченъ не добрый пастырь, не ухудшитъ положенія дѣла. Пусть плохой законоучитель и при новомъ порядкѣ не улучшится: дѣло стало быть останется лишь въ прежнемъ состояніи.

Но затѣмъ, имѣю всѣ основанія полагать, что причина невысокихъ достоинствъ законоучительской дѣятельности многихъ пастырей лежитъ именно въ современной неудовлетворительной (слабо говоря) постановкѣ закона Божія въ нашей школѣ, толкающей служителя Слова на ложный путь учителя, проходящаго (часто со скорбью сердца) только программу и въ эту работу, при добросовѣстномъ даже и осмысленномъ отношеніи къ дѣлу, не имѣющаго возможности вложить всѣхъ свойствъ воспитывающаго наученія. И слѣдовательно, наоборотъ, есть право надѣяться, что возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно подниметъ энергію даже средняго законоучителя, окрылитъ его и, такимъ образомъ, непременно поспособствуетъ внести въ дѣло воспитанія дѣтей ту неотразимой силы облагораживающую стихію христіанскаго свѣта, оскуднѣніе которой такъ больно чувствуется нынѣ въ школѣ.

А какой подъемъ силъ, какое одушевленіе, какую пламенную ревность зажжетъ эта благодатная свобода проведенія евангельскихъ началъ въ воспитаніе въ сердцѣ законоучителя—подвижника!...

Какъ долженъ воспользоваться этой свободой законоучитель, какъ поведетъ онъ свое дѣло по новому широкому пути, объ этомъ скажу свое мнѣніе ниже. Теперь позвольте (говорилъ я) продолжать...

III.

Увлеченный прекрасною перспективой лучшихъ дней, не забываю наличной дѣйствительности и ея требованій...

Когда рѣчь идетъ о созданіи такъ называемой дисциплины въ школѣ, мы обыкновенно считаемъ правильнымъ привлекать къ этому дѣлу весь школьный персоналъ и разсуждаемъ (вполнѣ вѣрно), что возлагать лишь на инспекторскій надзоръ труды по проведенію въ сознаніе учениковъ уваженія къ порядку и приличію—странно. Это примѣръ, а здравая мысль его въ примѣненіи къ нашему разговору такова: въ своихъ воспитательныхъ трудахъ и законоучитель не долженъ быть одинокъ,—во внутренней жизни дѣтей, въ здоровомъ ея направленіи должны быть заинтересованы и принимать—при томъ душевнѣйшее—участіе всѣ дѣятели школы. *Вся школа, всѣмъ своимъ строемъ, всѣми мелкими даже подробностями своего внутренняго и внѣшняго распорядка должна охватить дѣтскія души такою атмосферой всего высокаго и чистаго, въ которой неокрѣпшей, но быстро организующейся волѣ дано было бы совершенное направленіе въ послушаніе закону Господню—уму пытливому, живому и искусительному—здоровая питательная пища; воспримчивому, глубоко чувствующему и жаждущему высокихъ волненій сердцу—указана была бы область святыхъ радостей самоотверженной дѣятельной любви, ищущей счастья ближняго Господа ради...*

И прежде всего *вся* школа въ смыслѣ всѣхъ ея руководителей. Преподаватели, учителя, конечно, не законоучители, и требовать отъ нихъ трудовъ законоучительскихъ нельзя. Но, имѣя свой кругъ специальныхъ обязанностей по наученію дѣтей человѣческой мудрости, ни одинъ изъ нихъ не долженъ считать себя свободнымъ отъ обязанности служить задачамъ нравственнаго воспитанія школьниковъ. Не располагая прямыми (какъ законоучитель) средствами религіозно-нравственнаго вліянія на учениковъ, преподаватели имѣютъ въ распоряженіи средства косвенныя. Дѣти—существа подражательныя по преимуществу, часто безсознательно, но глубоко усвояющія взгляды и привычки старшихъ. Поэтому, не имѣя нужды читать ученикамъ нарочитыхъ нравоученій, пусть учителя дѣйствуютъ на нихъ личнымъ примѣромъ. Если они сами проникнуты искреннею вѣрою въ Бога, благоговѣйно чтутъ Св. Церковь и ея установленія, являютъ въ своей жизни примѣры серьезнаго и глубокаго уваженія къ требованіямъ евангельскаго закона, то, повѣрьте, ученики охотно и свободно отдадутся общему нравственному настроенію. Если же, наоборотъ, ученики видятъ, что кромѣ законоучителя, никто или мало кто изъ учебно-воспитательнаго персонала считаетъ для себя безусловно обязательнымъ уважать и подчиняться требованіямъ религіи и Церкви, если они усмотрятъ неустойчивость въ нравственныхъ воззрѣніяхъ и жизни своихъ руководителей, тогда дѣло нравственнаго воспитанія дѣтей можно считать погубленнымъ въ основаніи,—тогда ничто не воспрепятствуетъ ученикамъ проникнуться трудно искоренимымъ убѣжденіемъ, что все хорошее, о чемъ они слышатъ на урокахъ законоучителя, есть лишь проповѣдь, которую вовсе не необходимо прилагать къ жизни.

Это опять „начертаніе“, но какова жизнь? Есть ли у насъ (разумѣю учебно-воспитательную семью) солидарность во взглядахъ на принципы воспитанія, вообще, и религіозно-нравственное, въ частности? Оставляю въ сторонѣ первый вопросъ (разсуждать о немъ дѣло большое и требующее specialнаго

разсмотрѣнія). Скажу о близкомъ сердцу—второмъ. Съ болью въ душѣ утверждаю: не только нѣтъ солидарности, отсутствуетъ простое пониманіе другъ друга. Говоримъ на разныхъ языкахъ. Въ одномъ дѣлѣ имѣемъ два вѣдомства, взаимно отчужденныя и недружелюбныя. Съ одной стороны законоучитель, (иногда съ нимъ едино по сердцу директоръ), съ другой остальные, въ лучшемъ случаѣ (объ исключеніяхъ не говорю) равнодушныя къ религіи, иногда враждебныя къ ней, часто прямо не вѣрующіе и невѣрія своего нескрывающіе. Надо ли приводить факты и примѣры? Зачѣмъ? Ихъ всѣ знаютъ, кто способенъ еще безпристрастно оглядѣться вокругъ себя, и отвергать ихъ не станеть тотъ, кто имѣлъ случай наблюдать нашу среднюю школу въ теченіе хоть мѣсяца.

Примѣровъ не буду называть, но не откажу себѣ въ правѣ припомнить—съ жуткою ироніей сказанныя мнѣ и бьющія въ самую суть вопроса—слова одного моего сотрудника въ законоучительскомъ дѣлѣ: „скажите по совѣсти, говорилъ онъ мнѣ, когда мы въ разговорѣ о своихъ школьныхъ болѣзняхъ дошли до даннаго вопроса, скажите по совѣсти, не была ли бы изумлена до послѣдней степени вся Россія, если бы вдругъ въ одно прекрасное время всѣ узнали, что въ церкви нашей гимназій въ числѣ молящихся присутствуютъ наши учителя *in corpore*,—разумѣется не на молебнѣ въ царскіе дни, куда большая часть ихъ ходитъ по повѣсткѣ и подъ расписку (бываетъ оказывается и это),—что произошло это не случайно, а по свободно установившемуся обычаю; что такъ посѣщаютъ они церковь почти всегда, вмѣстѣ съ учениками идутъ къ исповѣди, съ ними благоговѣнно приступаютъ къ Св. Чашѣ?... Согласитесь,—это былъ бы невѣроятнѣйшій по своей утѣшительности для вѣрующей и возмутительнѣйшій по своей „отсталости“ для невѣрующей части Россіи фактъ! Вѣдь переполохъ вышелъ бы. Скандаль... Либеральная пресса тревогу забила бы, разослали бы во всѣ концы отлучительныя грамоты на жалкихъ „клерикаловъ“, пропахнувшихъ ладономъ и деревяннымъ масломъ“! Можетъ быть насчетъ газетнаго

шуму мой стремительный другъ и преувеличилъ, можетъ быть картина равнодушія къ религіи руководителей его гимназіи и густо окрашена подъ вліяніемъ субъективнаго настроенія, но въ общемъ дѣло обстоитъ такъ почти вездѣ (съ нѣкоторыми развѣ измѣненіями въ лучшую сторону для немногихъ случаевъ)¹⁾. Но тогда, ради Бога, вникните въ этотъ фактъ и подыщите равный ему по нравственной безнадежности...

Припоминаю глубокіе по силѣ и неотразимые примѣры и соображенія по этому поводу достопамятныхъ преосвященныхъ архіепископовъ Никанора и Амвросія, многочисленныя и документально засвидѣтельствованныя факты въ брошюрѣ священ. Н. Малиновскаго²⁾, свои наблюденія и не могу не принять почти въ полномъ объемѣ болѣзненный крикъ того же моего сотоварища, которымъ онъ заключилъ нашу бесѣду: „что же ты, бѣдный законоучитель, что ты значишь здѣсь со своею даже аскетически-беззавѣтною преданностью святому дѣлу, со своими уроками, проповѣдями, бесѣдами, ты одинокій и въ своемъ одиночествѣ деликатно пренебреженный, конечно немощный, конечно всегда скорбный?... А если ты при этомъ одаренъ всего только средней величины талантами, если ты не чудо человѣкъ, а только человѣкъ (а вѣдь ты имѣешь право быть и только человѣкомъ)?!...

Свящ. Е. К—въ.

---

¹⁾ Знаемъ, какъ отрадное, но и рѣдчайшее исключеніе, учебное заведеніе, гдѣ преподаватели почти неупустительно ходятъ въ церковь, поютъ и читаютъ на клиросѣ.

²⁾ Къ вопросу о религіозномъ образованіи въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сиб., 1894 г.

ЖЕРТВА ДОЛГА.

Разсказъ изъ быта духовенства.

Была Пасха. Радость разливалась и въ природѣ и въ простыхъ, вѣрующихъ душахъ обитателей прихода села Бездольнаго. Природа встрѣчала радостный праздникъ весны; люди—свой праздниковъ праздникъ. Но деревнямъ и починкамъ не было, казалось, дома, гдѣ бы всѣ отъ мала до велика не ликовали просто и скромно въ эти великіе дни. Съ колокольни Бездолинской церкви вотъ уже третій день разносился почти непрерывно съ утра до вечера веселый звонъ колоколовъ, возвѣщающій православнымъ великую всемірную радость...

Молчаливо, не весело было только въ одномъ домѣ села Бездольнаго,—въ квартирѣ священника о. Алексѣя. Самъ хозяинъ, о. Алексѣй Ивановичъ Россовъ, былъ сильно боленъ уже около двухъ недѣль и теперь находился при смерти... Въ комнату, гдѣ онъ лежалъ на узкой кушеткѣ, бойко пробивались лучи весенняго солнца сквозь раздвинувшійся занавѣсъ окна и освѣщали грустную картину. Больной, съ блѣднымъ, истощеннымъ страданіями, но все еще сохранившимъ слѣды симпатичности и молодости лицомъ, смотрѣлъ на свою заплаканную жену, стоявщую передъ нимъ. Она держала за руку бѣлокурого мальчика, годовъ двухъ, который широко раскрытыми глазками уставился на своего умирающаго отца. Не доступно было еще его дѣтскому уму человѣческое горе, чувствовали и понимали его только отецъ и мать. И, Боже мой, сколько чувствъ и мыслей выражали запавшіе въ орбиты, блѣстѣвшіе страннымъ блескомъ глаза умирающаго: тутъ было все,—и жалость за собственную жизнь, и страхъ смерти, и нѣжная любовь къ женѣ и милому дорогому ребенку! Напрягая послѣднія усилія, высвободилъ о. Алексѣй свою исхудалую руку изъ подъ легкаго одѣяла и невѣрнымъ движеніемъ протянулъ ее къ мальчику,—мать поспѣшно помогла положить ее на головку Вани,—ихъ сына.

— „Дорогой, милый сынъ, Господь благословитъ тебя,—чуть слышнымъ голосомъ проговорилъ больной:—а ты Юлія, дорогая моя, не бросай его... вырасти, воспитай его добрымъ, хорошимъ... Пусть и онъ живетъ для Бога и для людей... Расскажи ему послѣ, какъ жилъ и умиралъ отецъ его... Прощайте, милые, дорогіе, на вѣки!.. Видно, такъ Богу угодно!...“ Рѣчь, прерывистая, понятная только матушкѣ, Юльѣ Ивановѣ,

оборвалась на послѣднихъ словахъ; опустилась и скользнула съ головы Вани рука умирающаго... Еще нѣсколько мучительныхъ, предсмертныхъ вздоховъ, судорожныхъ движеній тѣла,—и предъ осиротѣлыми матерью и малюткой—сыномъ лежалъ бездыханный, холодбующій трупъ—трупъ дорогого всей семьѣ человѣка, полного еще такъ недавно жизнерадостной вѣры и въ Бога и во все доброе въ людяхъ... А церковные колокола продолжали возвѣщать всемирную радость, и торжественные звуки врываются и наполняли квартиру умершаго, отзываясь страшнымъ диссонансомъ въ истерзанной горемъ душѣ осиротѣлой молодой вдовы...

И подумать только: какъ, непостижимо для насъ, по судьбамъ промысла Божія, начинается и кончается иногда жизнь человѣческая!... Умершій о. Алексѣй обѣщалъ не мало добраго привнести въ человѣческія отношенія своей начавшейся дѣятельностью; за три года служенія въ приходѣ успѣлъ онъ привлечь всѣхъ къ себѣ своимъ чуткимъ сердцемъ и вѣрующей душой, и ждали всѣ отъ него еще большаго... Но вотъ смерть разрушила эти надежды,—паль, какъ воинъ, жертвой священнаго долга самоотверженный труженикъ на нивѣ Господней. Ранней весной по приходу села Бездолнаго распространился повальный тифъ,—явленіе не рѣдкое въ нашихъ мѣстахъ, и здѣсь-то не мало и самоотверженно пришлось потрудиться о. Алексѣю, являясь къ больнымъ съ послѣднимъ христіанскимъ утѣшеніемъ. Злой педугъ не пощадилъ и самоотверженнаго утѣшителя умирающихъ. Возвратившись изъ прихода послѣ напутствія одного тифознаго, почувствовалъ онъ роковые признаки страшной болѣзни; болѣзнь усиливалась день за днемъ, отнимая послѣднія надежды на выздоровленіе, и вотъ теперь предъ убитой горемъ женой и малюткой открылась мрачная перспектива сиротства и вдовства...

Скромна, мало замѣтна для человѣческихъ глазъ, но велика предъ Богомъ была жертва, принесенная на алтарь самоотверженной любви о. Алексѣемъ; скромны также были и его похороны и, однакоже, возбудили во всѣхъ присутствующихъ глубокое чувство,—тронули всѣхъ. Торжественныя пасхальныя пѣсни канона, соединяясь и чередуясь съ трогательнымъ погребальнымъ пѣніемъ, еще сильнѣе заставляли чувствовать молящихся при гробѣ всю неизмѣримость великаго таинства смерти... Плакали искренними слезами прихожане, прощаясь на вѣки съ любимымъ и кроткимъ батюшкой; плакалъ сосѣдній священникъ, отпѣвавшій умершаго, и едва могъ прерывающимся голосомъ сказать краткую прощальную рѣчь на

слова: „пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ умершему“. Не плакала только молодая, осиротѣлая вдова, — великое горе, казалось, осушило самые источники слезъ; истерзанная, измученная, безъ чувствъ упала она на гробъ, уносившій съ собой ея радость и счастье...

Но время шло, сглаживая и уравнивавшая человѣческое горе; опять была весна, опять наступила Пасха, и по прежнему колокольный звонъ возвѣщалъ всемірную радость. Два года уже минуло со смерти о. Алексѣя. Юлія Ивановна, ставшая учительницей въ Бездолинской школѣ, стояла предъ могилой о. Алексѣя, въ церковной оградѣ противъ алтаря. Молодая зелень пробивалась вокругъ могилы и блестяла на солнцѣ, птицы щебетали на сосѣднихъ кустахъ, а Ваня — сиротка весело бѣгалъ вокругъ отцовской могилы... Осуществилось желаніе поэта:

„И пусть у гробового входа
 „Младая будетъ жизнь играть,
 „И равнодушная природа
 „Красою вѣчною сіять!“

Свящ. Аѳ. Всс—ій.

НОВАЯ КНИГА:

А. Троицкій. „Идеалы и завѣты поэта-христіанина и христіанина-философа В. А. Жуковскаго“.

Кіевъ, 1902 г. ц. 20 коп., съ пер. 25 коп. Выписывать можно отъ автора (Кіевъ, Софійская пл., № 17) и отъ П. П. Кудрявцева (Боричевъ Токъ 32).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 29 апрѣля 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевоиой
духовной Семинаріи.

1902 года, мая 19-го..

Содержаніе: Къ вопросу о дѣятельности епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ.—„Сборы“, какъ вознагражденіе за освященіе начатковъ.—Изъ педагогій графа Л. Н. Толстого. (Критическій анализъ съ христіанской точки зрѣнія) (окончаніе). С. А. Рачинскій (некрологъ).

Къ вопросу о дѣятельности епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ.

Епархіальные свѣчные заводы за послѣдніе 10—20 лѣтъ приобрѣли громадное значеніе въ матеріальной жизни духовенства, такъ какъ только благодаря ихъ помощи, удовлетворяются въ настоящее время многія насущнѣйшія нужды духовенства. Главная цѣль епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ была указана давно, почти сто лѣтъ тому назадъ Комиссіей Духовныхъ Училищъ въ 1808 году—это поддержаніе духовно-учебныхъ заведеній; но только за послѣднее время свѣчное дѣло стало надлежащимъ образомъ, хотя и не во всѣхъ епархіяхъ, служить этой цѣли.

Полезьа и значеніе епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ показаны самою жизнію и давно признаны духовенствомъ, вотъ почему они открыты во многихъ епархіяхъ. Исторія всѣхъ заводовъ сходна: возникая при помощи ссудъ со стороны духовенства, при содѣйствіи епархіальной власти, они обычно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ настолько удачно ведутъ дѣло, что освобождаются отъ долговыхъ обязательствъ и начинаютъ оказывать болѣе или менѣе значительную помощь различнымъ епархіальнымъ нуждамъ; дѣло въ общемъ ведется вездѣ аккуратно и успѣшно; доселѣ не было случая, чтобы епархіальный свѣчной заводъ обанкротился и обманулъ своихъ довѣрителей. Прогрессивное развитіе свѣчного дѣла представляетъ довольно интересную картину, особенно для того, кто располагаетъ всѣми необходимыми для этого матеріалами.

О состояніи отдѣльныхъ епархіальныхъ заводовъ интересующійся можетъ составить представленіе изъ отчетовъ каждаго завода, печатаемыхъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ; между тѣмъ для многихъ не безынтересно было-бы представить общую картину епархіальнаго свѣчного дѣла въ Россіи, сравнить отдѣльные заводы по ихъ продуктивности, знать тѣ мѣры, какія принимаются духовенствомъ къ развитію свѣчного дѣла; таковой работы доселѣ не было. Объясняется это безспорно трудностію такого дѣла, трудностію прежде всего имѣть подъ руками всѣ необходимые матеріалы. Епархіальныя вѣдомости, сообщающія свѣдѣнія о свѣчныхъ заводахъ относятся къ отчетамъ заводовъ различно: одни епархіальные органы совсѣмъ ничего не говорятъ о свѣчныхъ заводахъ; одни печатаютъ полные отчеты въ нѣсколькихъ №№; другіе—только извлеченія; въ однихъ отчетъ печатается сразу за годъ; въ другихъ помѣщаются только мѣсячные отчеты. Матеріалы не всегда отличаются надлежащей полнотой; такъ, во многихъ отчетахъ не указанъ способъ обработки—хозяйственный, артельный или задѣльный; нѣкоторые отчеты ничего не говорятъ о томъ, какъ оплачивается трудъ служащихъ, выражаясь объ этомъ глухо: „содержаніе служащихъ

стоитъ столько-то“. Сдѣлать сравнительную характеристику дѣятельности свѣчныхъ заводовъ трудно и потому еще, что они находятся въ различныхъ условіяхъ: одни едва начали свою дѣятельность, другіе оперируютъ десятки лѣтъ; одни снабжаютъ свѣчами многочисленное и сравнительно достаточное населеніе; другіе дѣйствуютъ въ малолюдныхъ бѣдныхъ епархіяхъ. Въ настоящей статьѣ мы желали-бы представить состояніе свѣчного дѣла только въ 1900 году, и то не для всѣхъ епархій, а только тѣхъ, отчеты коихъ мы имѣли подъ руками; задачу же своей статьи полагаемъ въ томъ, чтобы побудить лицъ, близко стоящихъ къ свѣчному дѣлу, обследовать этотъ вопросъ всесторонне.

Главнымъ предметомъ операций свѣчныхъ заводовъ была выдѣлка и продажа свѣчей. Насколько широко поставлено было дѣло выдѣлки и продажи свѣчей въ 1900 году въ нѣкоторыхъ заводахъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1900 году свѣчными заводами было отпущено слѣдующее количество свѣчей разнаго рода (въ пудахъ) ¹⁾:

Харьковскій	18300 пудовъ
Ставропольскій	14600 „
Орловскій	11200 „
Тульскій	14200 „
Астраханскій	8100 „
Минскій	2000 „
Кишиневскій	7300 „
Курскій	16500 „
Черниговскій	8300 „
Полтавскій	12600 „

Такъ какъ въ указанной таблицѣ взяты заводы неравные по продуктивности своей: одни съ широкой постановкой производства, другіе со средней и низшей, то на основаніи ихъ

¹⁾ Цифры взяты въ круглыхъ числахъ, безъ десятокъ и единицъ.

данныхъ можно вывести среднее количество отпускаемыхъ свѣчъ, болѣе или менѣе вѣроятное для всѣхъ вообще епархій. Такое среднее будетъ равняться 11,300 приблизительно. Несомнѣнно, что многія епархїи, при извѣстной заботливости со стороны духовенства, и при усиленїи производства со стороны завода, могли бы значительно расширить свѣчную продажу; это, на примѣръ, можно сказать о епархїи Черниговской; по количеству народонаселенія и по его матеріальному достатку эта епархїя далеко не изъ бѣдныхъ.

Большинство епархїальныхъ свѣчныхъ заводовъ въ разсматриваемомъ году имѣли недвижимую собственность и помѣщались въ своихъ собственныхъ помѣщенїяхъ. Стоимость недвижимаго и движимаго имущества къ 1901 году была различна; начинаясь съ нѣсколькихъ тысячъ рублей, для Минской, на примѣръ, въ 7808 рублей, она восходитъ для большинства изъ указанныхъ заводовъ свыше 40 т. р., Курскій заводъ имѣетъ имущества на 60 т. и Ставропольскій свыше чѣмъ на 130 т. рублей. Можно пожелать, чтобы и всѣ заводы озаботились приобрѣтенїемъ своей собственности, такъ какъ вести всякое хозяйство всего удобнѣе въ своемъ собственномъ углу.

Опредѣлить собственный капиталъ заводовъ, т. е. чистую собственность заводовъ, свободную отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, не считаемъ возможнымъ, такъ какъ она не во всѣхъ заводахъ показана, но привести нѣсколько, довольно утѣшительныхъ цифръ, относящихся сюда, считаемъ нелишнимъ. Къ 1 января 1901 года собственный капиталъ нѣкоторыхъ заводовъ выражался въ слѣдующихъ цифрахъ:

Ставропольскій	859260	рублей
Симбирскій	196000	"
Костромской	161800	"
Полтавскій	309200	рублей
Тамбовскій	287300	"
Харьковскій	364000	"

Новгородскій	158200	„
Минскій	49000	„
Орловскій	212200	„
Астраханскій	155600	„

Чистая прибыль въ 1900 операціонномъ году выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Кишиневскій	36600	„
Курскій	104300	„
Костромской	31100	„
Полоцкій.	8900	„
Полтавскій	56300	„
Орловскій	58300	„
Тульскій	75300	„
Ставропольскій.	173400	„
Симбирскій	45800	„
Харьковскій	90500	„
Черниговскій	61400	„

а всего, для 12 заводовъ 803300 или для каждого въ общемъ: 66900 рублей (приблизительно).

Такимъ образомъ, въ общемъ, можно сказать, что дѣла свѣчныхъ заводовъ шли весьма удачно, не смотря на нѣкоторыя весьма неблагопріятныя обстоятельства общаго или мѣстнаго характера. Къ первымъ пужно отнести повышение цѣны на воскъ на обще-міровомъ рынкѣ. Такъ, Полоцкій епархіальный заводъ пріобрѣталъ воскъ въ предшествующіе годы отъ Люнебургской воскобѣлильни по 23 р. 50 коп. и по 24 р. 50 к.; въ отчетномъ году платилъ ей же на 2 р. 50 коп. дороже; объясняется это повышение англо-бурской войной, оказавшей свое давленіе на всѣ сферы экономической жизни европейскихъ народовъ¹⁾. Такъ какъ восковая свѣчка

¹⁾ Полоц. еп. вѣд. 1901 г. № 2.

покупается, главнымъ образомъ, на убогіе крестьянскіе гроши, то ясно, что благосостояніе крестьянъ не можетъ не сказываться на прибыляхъ свѣчныхъ заводовъ; отчетъ Кишиневскаго епархіального завода уменьшеніе прибыли въ разсматриваемомъ году объясняетъ постигшимъ Бессарабію голодомъ.

Успѣшное веденіе дѣла свѣчными заводами тормозилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самимъ духовенствомъ, его неаккуратностію въ платежахъ заводамъ за полученныя въ кредитъ свѣчи. Такъ на примѣръ активъ Могилевскаго свѣчнаго завода къ 9 октября 1901 года выражался всего въ суммѣ 65,000 рублей, въ томъ числѣ долговъ за благочинными и церквами епархіи было около 23 т. рублей. Отпуская свѣчи въ кредитъ, заводъ, недавно только возникшій, съ незначительнымъ основнымъ капиталомъ, долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, платить по нимъ $\%$, что не могло не отражаться неблагоприятно на дѣлѣ.

Значительный по мѣстамъ подрывъ свѣчнымъ заводамъ производили разнаго рода торговцы, въ частности евреи, снабжавшіе народонаселеніе вмѣсто чистыхъ восковыхъ свѣчей разнаго рода суррогатами. По отчету Кишиневскаго завода значится 207 рублей, полученныхъ въ видѣ штрафа съ частныхъ свѣчеторговцевъ за злоупотребленія по свѣчной торговлѣ. Несомнѣнно, что ущербъ, причиненный ими епархіальной свѣчной торговлѣ, былъ гораздо значительнѣе. Въ злоупотребленіяхъ по свѣчной торговлѣ замѣчены были въ Донской епархіи даже церковные старосты, призванные наблюдать за интересами церкви. Такъ, одинъ благочинный рассказываетъ, что въ одной церкви въ апрѣлѣ 1900 года имъ найдено было нѣсколько фунтовъ резиновыхъ свѣчей. На вопросъ благочиннаго: „откуда эти свѣчи?“—староста отвѣтилъ, что была дурная погода и нельзя было поѣхать въ свѣчную заводъ, а посему и взято было нѣсколько фунтовъ у торговцевъ. Старостѣ было сдѣлано надлежащее внушеніе и въ результатѣ въ теченіе года въ его церкви чистой свѣчной прибыли оказалось на 519 руб. болѣе.

Встрѣчались въ практикѣ свѣчныхъ заводовъ и другія нежелательныя явленія; сюда нужно отнести злоупотребленія завѣдующихъ свѣчными складами. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ во второстепенныхъ пунктахъ свѣчами завѣдуютъ комиссіонеры, иногда за пошудную плату; иногда безвозмездно. Такъ какъ таковымъ комиссіонерамъ отпускаются свѣчи на значительныя суммы, то ясно, что выборъ и назначеніе ихъ требуютъ большой разборчивости: для этого дѣла требуются лица добросовѣстныя и способныя вести дѣло, а эта разборчивость иногда и отсутствуетъ. Въ отчетѣ Курскаго свѣчнаго завода за бывшимъ смотрителемъ Путивльскаго свѣчнаго склада діаконѣмъ Запольскимъ значится долгъ въ 4878 р.; къ этой цифрѣ сдѣлано въ отчетѣ характерное добавленіе: „на полученіе долга надежды мало“... Въ томъ же отчетѣ указаны и меньшіе по размѣрамъ долги: за священникомъ Кононенковымъ 1800 р., за другимъ лицомъ 1473 р. Въ Ставропольской епархіи тоже бывали подобные случаи; за бывшимъ смотрителемъ Екатеринодарскаго свѣчнаго склада Димитріемъ Воскресенскимъ числится долгъ въ 8125 р. Въ этой послѣдней епархіи было сдѣлано распоряженіе о вычетѣ изъ доходовъ бывшихъ завѣдующихъ складами извѣстнаго процента въ уплату ихъ долговъ по складамъ.

Жалобы на евреевъ слышны со стороны Волынской епархіи, гдѣ евреи производятъ тайную продажу фальсифицированныхъ свѣчей; отчего многія церкви забираютъ совсѣмъ мало свѣчей. Священники нѣкоторыхъ церквей были за свою небрежность къ свѣчному дѣлу подвергнуты штрафу. Въ той же епархіи въ нѣкоторыхъ приходяхъ на церковныя деньги приобрѣтался желтый воскъ для братчиковъ и сестричекъ на выдѣлку ручныхъ свѣчей.

Не смотря на всѣ указанныя неблагопріятныя обстоятельства, какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, свѣчное дѣло шло въ разсматриваемомъ году очень успѣшно: заводы дали значительную прибыль.

Относительно распределенія заводскихъ прибылей, можно сказать, что большая доля ихъ шла на епархіальныя нужды, часть шла на погашеніе долговъ, часть отчислялась въ неприкосновенный капиталъ. Вотъ приблизительная таблица расходовъ изъ прибылей завода на епархіальныя нужды:

Орловскій	34700	рублей
Ставропольскій	89100	„
Харьковскій	71300	„
Владимірскій	45400	„
Тульскій	40000	„
Черниговскій	41700	„
Псковскій	18700	„
Полтавскій	8400	„
Курскій	16000	„
Симбирскій	36200	„

Сравнивая эту таблицу съ вышеприведенной, указывающей чистую прибыль заводо́въ, можно видѣть, что большинство заводо́въ больше чѣмъ половину своей прибыли отдавало на епархіальныя нужды. Исключеніе представляютъ заводы Полтавскій и Курскій; послѣдній изъ 100 тысячной прибыли на епархіальныя нужды удѣлилъ всего только 16 т. рублей; объясняется ли это отсутствіемъ епархіальныхъ нуждъ, или чѣмъ либо другимъ, рѣшать не беремся.

Первая насущная нужда, какой помогали свѣчные заводы въ разсматриваемомъ году—это матеріальная необезпеченность духовно-учебныхъ, особенно женскихъ, училищъ; на помощь имъ уходила, можно сказать, львиная доля свѣчныхъ доходовъ.

Самый крупный расходъ въ этой области—расходъ Ставропольскаго завода на устройство зданій Екатеринодарскаго женскаго училища въ количествѣ 82,900 руб. Кромѣ духовно-учебныхъ заведеній, прибыли свѣчныхъ заводо́въ расходовались и на другія весьма разнообразныя епархіальныя нужды.

Усиленіе средствъ эмеритальныхъ кассъ, содержаніе мисіонеровъ, помощь чиновникамъ консисторій, улучшеніе пѣнія въ кафедральныхъ соборахъ, содержаніе псаломщицкихъ классовъ, богадѣльни—вотъ куда расходовались прибыли свѣчныхъ заводовъ. Особымъ разнообразіемъ удовлетворяемыхъ нуждъ за счетъ свѣчной прибыли отличается харьковская епархія. Изъ 90 т. годовой прибыли на епархіяльныя нужды здѣсь было израсходовано 71 т., куда вошли слѣдующіе расходы: содержаніе епархіяльнаго женскаго училища, семинаріи, духовныхъ училищъ, помощь чиновникамъ консисторіи, попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія, редакціи журнала: „Вѣра и Разумъ“ (3 т. р.), усиленіе средствъ эмеритальной кассы, устройство зданій сиротскаго пріюта, покрытіе дефицита по содержанію семинаріи. Не забыло харьковское духовенство въ разсматриваемомъ году и лицъ, потрудившихся для завода: служащимъ въ наблюдательномъ комитетѣ и бухгалтеру выдано наградныхъ 700 р.; бывшему комиссіонеру Никулицеву выдано на лѣченіе жены 300 руб. Тульскій заводъ въ разсматриваемомъ году отпустилъ семинаріи на музыку 700 р. и на игры 100 р.

Остается сказать нѣсколько словъ о ~~мѣрахъ~~, которыя могутъ содѣйствовать развитію свѣчнаго дѣла и его доходности. Чѣмъ дешевле будетъ пріобрѣтень воскъ, чѣмъ большее количество свѣчей будетъ продано и чѣмъ выше за нихъ будетъ цѣна, тѣмъ, конечно, больше прибылей будетъ давать заводъ. Что можно сдѣлать въ сказанныхъ отношеніяхъ?

Большинство свѣчныхъ заводовъ пріобрѣтаетъ воскъ большими партіями отъ крупныхъ торговыхъ фирмъ: на первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить купца Бабурина, Вельца и Люнебургскую воскобѣлильню; затѣмъ слѣдуетъ цѣлая градація второстепенныхъ и третьестепенныхъ поставщиковъ. Покупка воска большими партіями имѣетъ то большое удобство, что администраціи даннаго завода приходится имѣть дѣло съ однимъ человѣкомъ; здѣсь сразу дѣлается запасъ на годъ; расплата можетъ быть и не наличными за извѣстный процентъ.

Но здѣсь есть и большія неудобства; изъ нихъ первое и самое важное то, что заводу приходится значительно переплачивать крупнымъ поставщикамъ: воскъ отъ нихъ приобрѣтается по цѣнѣ, значительно выше той, по которой можно приобрѣсти его на мѣстѣ. Прежде чѣмъ фунтъ воска, проданнаго барышнику въ какойнибудь Голодаевкѣ попадетъ къ Бабурину или за границу въ Люнебургскую воскобѣлильню, онъ перейдетъ черезъ десятки рукъ разныхъ посредниковъ и маклеровъ (паразитовъ тожь); каждый изъ нихъ погрѣется возлѣ воска, пока воскъ не дойдетъ до мѣста назначенія; здѣсь, нагрѣвшись до цѣны 25—26 рублей, онъ будетъ отправленъ обратно въ свѣчной заводъ. Совсѣмъ иначе обстояло бы дѣло, если-бы свѣчные заводы приобрѣтали воскъ изъ первыхъ рукъ. Плюсъ, какой приходится на долю разнаго рода посредниковъ, могъ-бы быть раздѣленъ между заводомъ и непосредственными производителями воска крестьянами къ обоюдному ихъ удовольствію. Мысль о полезности приобрѣтенія воска изъ первыхъ рукъ высказывалась неоднократно, но доселѣ не получала еще надлежащаго осуществленія; въ большинствѣ отчетовъ въ графѣ о закупкахъ воска значатся крупныя суммы, уплоченныя крупнымъ поставщикамъ и только изъ отчета Минскаго свѣчного завода видно, что тамъ воскъ былъ приобрѣтаемъ и небольшими партіями изъ первыхъ рукъ.

Помочь свѣчнымъ заводамъ въ этомъ случаѣ должно само духовенство, развивая само ичеловодство и приобрѣтая воскъ для заводовъ небольшими партіями; этимъ путемъ можно значительно удешевить цѣнность воска; минскій заводъ платилъ за воскъ небольшими партіями 22—24 р., а московскимъ купцамъ по 26 р. 50 коп. Отъ cadaго въ отдѣльности причта немного нужно труда, чтобы скупить нѣсколько пудовъ воска, а для свѣчного завода это принесло-бы существенную пользу. Въ уставахъ нѣкоторыхъ свѣчныхъ заводовъ мысль эта отмѣчена; на примѣръ, въ уставѣ завода Ставропольскаго. Смотритель этого завода г. Гаевскій въ 1901 году въ епархіальномъ органѣ напечаталъ для руководства

духовенства статью, въ которой указываетъ простыя средства какъ опредѣлить качество воска.

Достойна вниманія заботливость тульскаго епархіальнаго начальства о развитіи среди духовенства пчеловодства; тамъ даже образована садово-пчеловодная коммиссія; предсѣдатель ея въ рапортѣ, поданномъ на имя владыки Тульскаго, отмѣчаетъ въ немъ увеличеніе среди духовенства интереса къ пчеловодному дѣлу и отъ себя, какъ человека знающаго дѣло, предлагаетъ вести бесѣды о пчеловодствѣ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ¹⁾.

Какъ можно увеличить количество продаваемыхъ свѣчей? Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напр., харьковской, существуетъ обязательная нормировка; всѣ приходы подѣлены на разряды; для каждаго разряда опредѣлено количество свѣчей, которое должна продать та или другая церковь; недоборъ, особенно если онъ часто повторяется, ведетъ къ выговорамъ и штрафамъ. Чуть не со слезами говорилъ намъ одинъ священникъ объ этой нормировкѣ: „и что мнѣ дѣлать—опять не добрали у меня 3 пудовъ свѣчей; опять придется получить выговоръ, а что я подѣлаю? Приходъ у меня бѣдный; сами крестьяне голодаютъ; самъ купишь-бы недостающее количество, если-бы имѣлъ средства“. Мѣру эту нужно признать безусловно нежелательной; въ жизни деревни можетъ случаться много такихъ событій, которыя совершенно видоизмѣняютъ ~~доставку~~ достатокъ крестьянъ; свѣчка предъ иконой—есть жертва Богу, дѣло свободное, какъ же его вгонять въ пуды и фунты. Духовенство уже давно сознало полезность свѣчныхъ заводовъ, небрежное отношеніе къ этому дѣлу среди духовенства будетъ только исключеніемъ. Слѣдовательно, штрафы тутъ излишни.

Вмѣсто этой мѣры, можно указать другія: внимательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ деревняхъ не продавались свѣчи поддѣльныя и расширеніе сѣти свѣчныхъ складовъ. Донскія епархіальныя извѣстія совѣтуютъ открывать свѣчную

¹⁾ Тульск. еп. из. 1901, № 20.

продажу не отдаленнымъ хуторамъ, поручая свѣчи въ количествѣ нѣсколькихъ фунтовъ довѣреннымъ лицамъ. Въ ненастную погоду многіе хуторяне лишены возможности быть въ церкви, а поставить свѣчу предъ иконой дома многіе желали бы, но часто не имѣютъ возможности ¹⁾.

Въ настоящее время большинство свѣчныхъ заводовъ отпускаетъ свѣчи покупателямъ по цѣнѣ 32—36 руб. Въ розничной продажѣ свѣчи стоятъ дороже: приблизительно 48—60 р. 1 п. „сороковки“—40 свѣчей на фунтъ, по 3 коп. за штуку, даетъ церкви валовой выручки 48 р., или 12 р. прибыли; остается небольшой излишекъ въ пользу церквей; на каждой церкви лежитъ множество взносовъ и расходовъ по ремонту, по украшенію храма, на это и идетъ прибыль, выручаемая церковью отъ свѣчей. Повышеніе свѣчными заводами продажной оптовой цѣны было бы нежелательно, такъ какъ оно лишило бы многія церкви главнаго, а иногда и единственнаго дохода.

Въ заключеніе своей замѣтки пожелаемъ свѣчнымъ заводамъ все большаго развитія и процвѣтанія, и болѣе тѣснаго единенія ихъ между собою. Свѣчное дѣло въ настоящее время поставлено очень широко; живой обмѣнъ мыслей, усовершенствованія въ технику, способы обработки и сбыта заслуживаютъ не только мѣстнаго и частнаго обсужденія, но и общаго, а между тѣмъ до сихъ поръ въ послѣднемъ отношеніи ничего не было сдѣлано; существуетъ у нѣкоторыхъ заводовъ, очень немногихъ, обыкновеніе обмѣниваться съ другими заводами отчетами, но эти отчеты съ рядомъ сухихъ, мало говорящихъ цифръ далеко не то же, что живой обмѣнъ мыслей.

В. Пестряковъ.

¹⁾ Дон. Еп. Из. 1901, № 7.

„Сборы“, какъ вознагражденіе за освященіе на- чатковъ.

Однимъ изъ средствъ къ содержанію приходского духовенства служатъ *сборы*, т. е. собираніе духовенствомъ съ крестьянъ продуктовъ отъ земли и скота. По своей вѣковой давности въ быту духовенства они получили полное право гражданства и, какъ завѣтъ старины, дошедшій до насъ, многими и понынѣ крѣпко охраняется. Самый способъ собиранія весьма несимпатичный и часто даже грязный, и потому давно уже наложилъ на духовенство темное пятно и создалъ весьма горькій эпитетъ „жадный попъ“. Такое явленіе въ жизни духовенства сильно волнуетъ почти всякаго кандидата священства, который по своей молодой, пылкой натурѣ облекаетъ свою будущую дѣятельность въ доступный его способностямъ и развитію идеаль и возмущается существующимъ несовершенствомъ вещей. Сборы, какъ трудно воспринимающіе на себя какую-либо идеальную оболочку, въ глазахъ идеалиста-кандидата священства являются дѣломъ компрометирующимъ высокій идеаль священника и не соответствующимъ духу и потребностямъ времени, а потому иногда служатъ причиной того, что кандидатъ священства отъ предназначеннаго для него пути уклоняется въ сторону. Большинство молодыхъ священниковъ, не желая отступать отъ своего идеала, созданнаго еще на школьной скамьѣ, борются съ этимъ неидеальнымъ явленіемъ и одни, обезсиленные въ борьбѣ, падаютъ и дѣлаются рабами сборовъ; другіе же, устроивъ нѣкоторый компромиссъ между сборами и идеаломъ, хотя не скоро, но примиряются съ существующими порядками. Иные, при первомъ же порывѣ устранившись отъ борьбы, спокойно идутъ по пути своихъ предшественниковъ, и скоро привыкаютъ смотрѣть на это явленіе, какъ на вполне нормальное, не требующее измѣненій, считая сборы совершенно добровольными пожертвованіями, коими, будто бы, измѣняется степень расположенія прихожанъ къ причту. Иные же весьма долго не

миряты съ этимъ ненормальнымъ явленіемъ, нерѣдко мѣшающимъ проведенію идеальныхъ завѣтовъ, и изыскиваютъ какую-либо новую форму для сборовъ, стараясь сдѣлать ихъ явленіемъ, не компрометирующимъ санъ священника, такъ: или по взаимному соглашенію священника съ прихожанами предметы сборовъ (зерновой хлѣбъ, масло, шерсть и т. п.) переводятъ на деньги, собираемыя въ податяхъ, но такой способъ оказывается трудно примѣнимымъ, потому, что, получивъ характеръ подати, сборы теряютъ свое значеніе, какъ пожертвованій добровольныхъ, и нерѣдко бываютъ мужику въ тягость; или же сборы соединяютъ съ народными чтеніями. Народъ жаждетъ ихъ и всегда съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ выслушиваетъ рассказы религіозно-правственнаго и историческаго содержанія, часто умиляясь до слезъ и чувствуя большую благодарность виновнику чтеній. Пользуясь такимъ настроеніемъ прихожанъ, священникъ, окончивъ чтеніе, объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ получить ругу. Но и этотъ способъ оказывается неудобнымъ. Народныя чтенія, нерѣдко устраиваемыя священникомъ въ деревняхъ въ зимнее досужное время, явленіе весьма отрадное и многоплодное, сборы же, какъ не имѣющіе съ ними никакой рѣшительно внутренней связи, не могутъ быть прямымъ ихъ слѣдствіемъ. Выгодная сторона послѣдняго способа „сборовъ“ та, что здѣсь священникъ чтеніями иногда застраховываетъ себя отъ непріятностей, съ какими связаны сборы, однако застраховываетъ не всегда и едва ли бываетъ свободенъ отъ тѣхъ укоровъ, какіе часто сыплются по адресу причта крестьянами-любителями угощеній. Неудобенъ этотъ способъ потому, во-первыхъ, что главная цѣль народныхъ чтеній—просвѣщеніе и воспитаніе народа связывается съ другой, едвали благородной—воспользоваться благодушнымъ настроеніемъ прихожанъ и этимъ удалить непріятную процедуру сборовъ; во-вторыхъ, онъ доступенъ только для того члена причта, который ведетъ чтенія, прочіе же должны по прежнему попрошайничать подъ окнами, нерѣдко выслушивая массу оскорбленій: а если каж-

дый членъ причта соединить сборы съ чтеніемъ, то можно опасаться за интересъ и любовь крестьянина къ чтеніямъ. Убѣдившись опытомъ въ неудачности подобныхъ попытокъ облагородить сборы, многіе молодые борцы сложили свое оружіе, покорились порядкамъ старины и признали какое-либо улучшение сборовъ дѣломъ невозможнымъ. Но намъ кажется, что если попытки улучшить сборы были неудачны, то это лишь потому, что онѣ были направлены не туда, куда бы слѣдовало. Пытались и пытаются поставить какую-либо благородную ширму, могущую заслонить дурную сторону сборовъ, оставляя послѣдніе въ полной силѣ; а потому эти ширмы и остаются ширмами, а сборы сборами. Чтобы исправить ошибку или удалить какое-либо несовершенство, необходимо найти источникъ и причину ихъ, которые и должны подлежать исправленію. Такъ и въ разсматриваемомъ нами явленіи не будемъ заслонять и прятать за ширмы дурныя его стороны, а постараемся отыскать и удалить причину ихъ. Взглядъ на сборы какъ духовенства, такъ и народа очень односторонній: тѣ и другіе смотрятъ на нихъ, какъ на добровольныя пожертвованія и какъ на средства къ содержанію духовенства. Крестьянинъ нерѣдко чувствуетъ себя вправѣ не давать причту ничего изъ предметовъ сбора, говоря: „я исправно плачу деньги за всякую потребу, а это еще за что?“ Подобный взглядъ на сборы въ послѣднее время сильно распространенъ въ народѣ, вслѣдствіе чего сборы ставятся все въ болѣе и болѣе худшія условія.

Едвали сборы существуютъ въ практикѣ духовенства исключительно лишь для того, чтобы служить средствомъ къ содержанію причта. Намъ кажется, что всѣ обычаи и установленія, касающіеся отношеній духовенства къ народу, должны быть чужды низкихъ корыстныхъ цѣлей, а должны имѣть одну высокую цѣль—озарить свѣтомъ евангельскаго ученія блуждающихъ во тьмѣ. Если Иисусъ Христосъ завѣщалъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ: „Не пецытеса убо глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемъ; всѣхъ бо сихъ

языцы ищуть: вѣсть бо Отець вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ; ищите же прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ". (Мтѣ. 6 гл. 31—33 ст.),—то пастырямъ церкви, какъ проповѣдникамъ слова Божія, необходимо слѣдовать этому завѣту Спасителя. Вѣрны были ему св. Апостолы, также были вѣрны и ихъ ближайшіе преемники. Но кто же и когда, спросимъ, установилъ сборы, гдѣ исканію царствія Божія предпочитается исканіе предметовъ, коихъ языцы ищуть? Намъ кажется, что первая цѣль установленія сборовъ была совершенно иная, чѣмъ теперь, и установившіе ихъ были чужды корыстной цѣли. Хотя, къ великому сожалѣнію, мы не имѣемъ историческихъ письменныхъ документовъ, но имѣемъ, такъ сказать, документы живые, по которымъ проникательный взглядъ увидитъ первую и высокую цѣль сборовъ. Еще въ ветхомъ завѣтѣ данъ былъ законъ, повелѣвающій приносить въ жертву Богу *начатки* и удѣлять изъ нихъ извѣстную часть левитамъ, какъ служителямъ Божиимъ. И теперь нашъ православный прихожанинъ считаетъ долгомъ *начатки* отъ своихъ трудовъ принести въ жертву Богу: почти повсемѣстно въ нѣкоторыхъ епархіяхъ существуетъ обычай приносить „подъ свято“ вновь полученныя зерна, медъ, масло, мясо и проч. Ко времени снятія и полученія крестьянами плодовъ отъ земли и продуктовъ отъ скота и приноровлены всѣ наши сборы: когда обрабатывается ленъ и снимется лѣтняя шерсть съ овецъ, во многихъ мѣстностяхъ собирается „первое осеннее“; когда измолотится овесъ—„второе осеннее“; когда измолотится рожь, собирается „руга“; и не трудно замѣтить, что время сборовъ находится въ прямой зависимости отъ времени обработки вышепоименованныхъ продуктовъ. Это наводитъ на ту мысль, что, можетъ быть, далекіе наши предшественники считали долгомъ, по полученіи крестьянами *начатковъ*, вознести съ ними горячую благодарственную молитву нашему благому Промыслителю и освятить *начатки*, для чего положены въ требникѣ особыя молитвы. Освященіе *начатковъ* разныхъ плодовъ стоитъ въ тѣсной свя-

зи съ Kapoorными усердно просительными молебнами, такъ какъ всякая удовлетворенная просьба ведетъ за собой благодарность отъ просившаго. Намъ скажутъ, что какъ же могъ такой обычай утратиться; а такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинается утрачиваться обычай чтенія священникомъ въ каждой деревнѣ молитвы предъ началомъ св. четьредесятницы, а прочитывается она нерѣдко въ пустомъ храмѣ, послѣ чего священникъ ѣздитъ по деревнямъ и собираетъ установленную плату за „постную молитву“. Впрочемъ, мы не имѣемъ ни малѣйшей претензiи выдать наши предположенiя за историческiй фактъ, а выдаемъ, какъ предположенiя, основанныя на нѣкоторыхъ остаткахъ старины. Пусть даже наши предположенiя совершенно невѣрны, и мы готовы согласиться, что такого обычая никогда не существовало, но попросимъ и нашего читателя согласиться съ тѣмъ, что такой обычай не противенъ установленiямъ Церкви: св. апостоль Павелъ, много позаботившiйся объ устроении Церкви, въ одномъ изъ своихъ посланiй къ Тимоѳею завѣщаетъ всякiй даръ Божiй принимать съ благодаренiемъ, освящая его словомъ Божiимъ и молитвою (1 посл. къ Тим. гл. 4, ст. 4—5); и Церковь наша этотъ завѣтъ приняла, для чего св. отцы, составляя требникъ, положили особыя молитвы для освященiя начатковъ. Затѣмъ, такой обычай для священниковъ, какъ воспитателей народа, можно признать даже необходимымъ: какъ всякiй благородный отецъ считаетъ необходимымъ воспитать въ своихъ дѣтяхъ чувство благодарности, такъ гораздо болѣе необходимо духовному отцу воспитать въ своихъ пасомыхъ это чувство, на недостатокъ котораго въ людяхъ указалъ Самъ Господь, когда девять изъ десяти ищѣленныхъ прокаженныхъ не возвратились воздать хвалу Богу (Лук. гл. 17, ст. 12—19). А если такой обычай не противенъ Церкви и необходимъ для священника и народа, то почему служителямъ Церкви и народа не ввести его. Онъ совершенно свободенъ отъ той грязи, съ какою почти неразлучны наши сборы: здѣсь священникъ ѣдетъ въ деревню за тѣмъ,

чтобы призвать народъ къ общественной молитвѣ и едиными усты и единымъ сердцемъ вознести благодарность Господу Богу и испросить Его благословенія на принесенные начатки. Послѣ благодарственнаго молебна и освященія начатковъ всякій крестьянинъ считаетъ прямой своей обязанностью воздать должное вознагражденіе трудящимся священнослужителямъ, чѣмъ и является предметъ сбора. При такомъ веденіи дѣла священникъ стоитъ на высотѣ своего положенія: онъ, какъ служитель Божій и руководитель народа, исполняетъ свое дѣло, а если что и получаетъ, то получаетъ по праву трудящагося; такъ именно и смотритъ на это народъ. При обычномъ способѣ сборовъ крестьяне часто считаютъ себя вправѣ требовать отъ духовенства угощеній, каковыя и существовали, и съ которыми пришлось бороться, какъ съ сильнымъ зломъ; и если не получаютъ никакого угощенія, то нерѣдко отказываютъ въ ругѣ. Когда же сборы являются платой за благодарственный молебенъ, то прихожанинъ лишается всякаго права просить, не только требовать, угощеній, и не имѣетъ ни малѣйшаго права укорить кого-либо изъ причта въ попрошайничествѣ и требованіи незаслуженнаго, напротивъ, считаетъ себя предъ причтомъ много обязаннымъ за его трудъ. Такъ, именно, показалъ опытъ. Чтобы ввести такой порядокъ сборовъ въ приходѣ, не требуется большихъ усилій отъ священника, стоять лишь объяснить крестьянамъ суть дѣла, а они скоро и съ большимъ сочувствіемъ откликнутся. Весьма пріятенъ такой порядокъ сердцу народному, что можно слышать изъ гласа народа: „намъ, прихожанамъ, такой порядокъ очень понравился“¹⁾. Нелишнимъ считаемъ упомянуть и о томъ, что матеріальная сторона сборовъ при такомъ веденіи дѣла не только не страдаетъ, напротивъ, оказывается много лучше, какъ и слѣдовало ожидать по силѣ словъ нашего Пастыреначальника:

¹⁾ См. Вят. Еп. Вѣд. за 1901 г., № 12, отд. цеоф., стр. 695.

„ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мтѣ. VI, 33 ст.)¹⁾.

Священникъ *А. Поплавскій*.

---

¹⁾ Порядокъ освященія начатковъ: по пріѣздѣ священника въ деревню, крестьяне собираются въ одинъ домъ, занимающій центральное мѣсто въ ихъ деревнѣ, приносятъ съ собой въ небольшихъ посудкахъ того, что подлежитъ освященію и ставятъ на приготовленный въ переднемъ углу столъ, предъ которымъ и служится благодарственный, соединенный съ водосвятиемъ, молебень. Въ концѣ молебна, послѣ сугубой эктепін, съ колѣнопреклоненіемъ прочитывается молитва на освященіе начатковъ и окропляются св. водой принесенные начатки. По отпустѣ вниманію собравшихся крестьянъ предлагается соотвѣтственное поученіе. Послѣ молебна крестьяне уносятъ освященные начатки, и тѣ, у кого есть усердіе, приносятъ священно-служителямъ плату за трудъ.

²⁾ См. № 18 за 1902 г.

Изъ педагогiи графа Л. Н. Толстого 2).

(Критическiй анализъ съ христiанской точки зрѣнiя).

Наука, искусства—все это окритиковано огульно и безповоротно. Если вѣрить Толстому, здѣсь нѣтъ нигдѣ и искры свѣта. Вездѣ, во всѣхъ произведенiяхъ науки и искусства, одна тьма и ложь. Такъ ли это? Несомнѣнно, что и въ этой высшей области культуры, какъ и въ низшей, внѣшней сторонѣ ея, мы видимъ много фальшиваго, мрачнаго, не только не полезнаго, но прямо вреднаго. Многое здѣсь вызвано къ жизни низменными, дурными инстинктами человѣческой природы, имъ служить и ихъ „культивируетъ“ въ обществѣ. Но сказать, что и *все* здѣсь носитъ эту печать фальши, лжи, извращенiя, это значитъ—не признавать въ душѣ культурнаго человѣка никакихъ добрыхъ началъ, ничего свѣтлаго и высокаго. Взглядъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ парадоксовъ, оспаривать которые не берется никакая логика.

---

1) Порядокъ освященiя начатковъ: по приѣздѣ священника въ деревню, крестьяне собираются въ одинъ домъ, занимающiй центральное мѣсто въ ихъ деревнѣ, приносятъ съ собой въ небольшихъ посудкахъ того, что подлежитъ освященiю и ставятъ на приготовленный въ переднемъ углу столъ, предъ которымъ и служится благодарственный, соединенный съ водосвятiемъ, молебенъ. Въ концѣ молебна, послѣ сугубой эктеи, съ колѣнопреклоненiемъ прочитывается молитва на освященiе начатковъ и окропляются св. водой принесенные начатки. По отпустѣ вниманiю собравшихся крестьянъ предлагается соотвѣтственное поученiе. Послѣ молебна крестьяне уносятъ освященные начатки, и тѣ, у кого есть усердiе, приносятъ священно-служителямъ плату за трудъ.

2) См. № 18 за 1902 г.

Но станемъ на точку зрѣнія нашего писателя и произнесемъ вслѣдъ за нимъ огульное порицаніе *всей* нашей культуры. Что же выходитъ? Наши науки и искусства „нехороши, ненормальны“; поэтому „намъ надо съ помощью народа выработать новыя... искусства и науки“¹⁾. Осуществимъ-ли такой идеаль, если бы даже человѣчество и признало нужнымъ стремиться къ его осуществленію? Это—одна изъ тѣхъ громкихъ фразъ, которыми, вообще, богата философія Толстого, но которыя неизвѣстно для чего произносятся. Ея смыслъ, очевидно, такой: зачеркнуть все, что сдѣлано человѣчествомъ на всемъ протяженіи его жизни и начать жить сначала.

Не соглашаясь съ этими положеніями Толстого въ сужденіяхъ его о культурѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не подписаться подъ его общею характеристикой *тягости* жизни современнаго культурнаго человѣка. Но гдѣ же причина ея? Не въ культурѣ, вообще, а въ излишнемъ увлеченіи одною внѣшнею стороною ея, въ безумной погонѣ за тѣмъ, что принято называть „благами жизни“, и что на самомъ дѣлѣ, при крайнемъ увлеченіи имъ со стороны человѣка, всегда становится для него зломъ. Путь къ счастью есть путь прогресса *нравственнаго*, культуры высокихъ нравственныхъ силъ человѣческой души. Но эта культура, какъ показываетъ дѣйствительность, не всегда совпадаетъ съ культурой внѣшнихъ благъ жизни; наоборотъ, чаще всего онѣ радикально расходятся. Отсюда становится понятною вся важность средствъ къ поднятію именно этой культуры, къ расширенію путей нравственнаго прогресса. Но гдѣ же эти средства? Отвѣтъ на вопросъ можетъ быть только одинъ: въ глубокомъ усвоеніи человекомъ и проведеніи въ жизнь тѣхъ истинъ, какія принесены міру Христомъ Спасителемъ, а это возможно только при прогрессѣ въ человѣчествѣ вѣры въ Открывшаго эти истины. Оскуднѣніе этой вѣры всегда (даже при кажущемся прогрессѣ въ области христіанскаго знанія) приноситъ съ собой паде-

¹⁾ Сочин., ч. IV, стр. 352.

ніе нравственности. И это такъ понятно: своими слабыми силами человѣкъ не можетъ подниматься къ тѣмъ высотамъ жизни, какія указаны ему Христомъ. Для этого ему нужна высшая божественная помощь Самого Христа: безъ нея онъ безсиленъ. Итакъ, насажденіе этой вѣры въ молодыхъ поколѣніяхъ не составляетъ ли прямую и важную задачу и для воспитанія? Не здѣсь ли, — въ такомъ воспитаніи, основанномъ на началахъ вѣры, и къ нимъ направляющемся, — заключается наилучшій путь истиннаго прогресса человѣчества и залогъ его счастья?

Итакъ, какое бы положеніе отрицательной педагогіи Толстого ни взяли мы, анализъ его приводитъ насъ къ выводамъ, діаметрально противоположнымъ основному тезису нашего педагога: не къ отрицанію воспитанія, а къ признанію естественности и такой необходимости его, въ силу которой оно является не только правомъ взрослого человѣка, но составляетъ прямой долгъ его. Воспитанія требуетъ фізіологія и психологія дѣтскаго существа; его требуетъ христіанская этика; его требуетъ и идея истиннаго прогресса человѣчества. Какую же дѣлу послѣ этого должна имѣть другая — положительная часть педагогіи Толстого? Если ему не удалось разрушить старое зданіе воспитанія, то, можетъ быть, не было и необходимости строить новое? Впрочемъ, никакой новой педагогіи замѣнъ отвергаемой старой Толстой и не даетъ.

Его школа въ широкомъ смыслѣ слова — свободное образовательное вліяніе публичныхъ лекцій, музеевъ, картинъ, книгъ, и пр. — ничего новаго не говоритъ намъ. Такая „школа“ всегда существовала и будетъ существовать. Но вопросъ въ томъ: можетъ ли такая школа *самообразованія* замѣнить, сдѣлать ненужнымъ воспитаніе, какъ понимается оно и практикуется всегда и вездѣ, не смотря на существованіе этой „школы“? Съ какого возраста ребенокъ можетъ быть предоставленъ этой школѣ самовоспитанія и самообразованія? На этотъ вопросъ Толстой не даетъ отвѣта, да и вообще совершенно не заботится о болѣе подробномъ раскрытіи и уясненіи сво-

его принципа *свободы* въ приложеніи его къ воспитанію. Онъ какъ будто не желаетъ глубже вникнуть въ дѣло: весь длинный, сложный и столь важный процессъ постепеннаго развитія и созрѣванія дѣтской души какъ будто для него не существуетъ.

Говоря о школѣ въ собственномъ смыслѣ, Толстой и здѣсь хочетъ остаться вѣрнымъ своему принципу полной свободы образованія. По его мнѣнію, школа должна имѣть одну цѣль—передачу знаній, совершенно не вліяя на другія стороны дѣтской души ничѣмъ: ни содержаніемъ наукъ, ни дисциплиной, ни всею своею обстановкою. Но возможна-ли (мы не говоримъ уже: нужна-ли, полезна-ли) такая полная свобода образованія въ школѣ? Можно ли сообщать знанія такъ, чтобы они оставались въ душѣ питомца только знаніями, достояніемъ его ума, областью представленій, понятій и проч., но не затрогивали его чувства, не вліяли на его волю? Всѣ процессы духовной жизни человѣка, несомнѣнно, имѣютъ одно объединяющее начало и находятся между собою въ самой тѣсной связи: мысль вліяетъ и на чувства и на волю, подчиняясь сама, въ свою очередь, вліяніямъ и чувства и воли. Поэтому, сообщая тѣ или другія свѣдѣнія, знанія, преподающій ихъ долженъ быть увѣренъ, что они не останутся безъ извѣстнаго вліянія на весь духовный міръ ученика. А это и есть то воспитательное „насиліе“, котораго такъ старается избѣжать Толстой въ школѣ. Оно, какъ видимъ, неизбежно: въ наукѣ самой по себѣ заключается воспитательный элементъ глубокой силы. „Въ наукѣ, говоритъ Н. И. Пироговъ, кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы“ ¹⁾.

Оказывается, впрочемъ, что и самъ Толстой далеко не твердъ въ своемъ отрицаніи воспитательнаго вліянія науки,

¹⁾ Сочиненія Н. И. Пирогова, т. II. Спб., 1887 г., стр. 394.

такъ какъ допускаетъ его, но только съ оговоркой: „воспитательный элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику“¹⁾). Какъ много сказано этими немногими словами!

Здѣсь—собственный приговоръ Толстого всей своей теоріи полной свободы образованія, да и всей его педагогіи вообще. Своею любовью къ наукѣ, своею „любовною“, а потому и умѣлою, искусною передачею ея, своими отношеніями къ ученику—*можно* вліять на послѣдняго. Почему? Развѣ во всемъ этомъ нѣтъ того же насилія? Ученикъ полюбитъ ту науку, на которой съ любовью остановился *учитель* и которая ему, ученику, можетъ быть, вовсе не нужна, а при другихъ условіяхъ была бы и несимпатична. Ясно, что въ выборѣ науки свободы для ученика нѣтъ. Далѣе: учитель преподаетъ свою науку умѣло, мастерски, для чего, конечно, употребляетъ свой методъ, свои приемы; все это *вліяетъ* на ученика, *увлекаетъ* его именно туда, куда направляетъ его учитель. Опять, свободы для ученика нѣтъ. Наконецъ, можно, по Толстому, вліять и отношеніями къ ученику, т. е. лаской и/ли суровостью, строгою требовательностью или послабленіемъ и т. д. Какой глубокой источникъ вліяній заключается въ этихъ „отношеніяхъ“ учителя къ ученику, обусловливающихъ личными качествами перваго! Объ этомъ вліяніи живой личности учителя такъ много говоритъ педагогика, такое значеніе придаетъ ему и такъ настойчиво требуетъ его отъ воспитанія. Но вѣдь это голосъ отвергаемой Толстымъ педагогики, а не его теорія свободнаго образованія. Свободы для ученика, какъ понимаетъ ее нашъ писатель, здѣсь нѣтъ. Итакъ, въ этомъ, какъ будто бы незначительномъ допущеніи со стороны Толстого права для учителя вліять на ученика—собственнымъ увлеченіемъ наукою, соответствующимъ этому увлеченію преподаваніемъ ея и всѣми личными отношеніями его къ уче-

¹⁾ Сочин., ч. IV, стр. 157.

нику—заключается полное противорѣчіе Толстого самому себѣ, всей своей теоріи.

Не будемъ останавливаться на другихъ вопросахъ, связанныхъ съ требованіемъ полной свободы въ школахъ: можетъ ли школа жить безъ дисциплины, которую когда то Коменскій, сынъ мельника, мѣтко сравнилъ съ водой въ водяной мельницѣ,—что такое свобода нравственная и какъ достигается она,—какое значеніе имѣетъ авторитетъ въ дѣлѣ образованія и можно ли обойтись безъ него и т. д. Все это такъ же общеизвѣстно, признано всѣми, какъ и многое изъ того, о чемъ приходилось уже говорить только вслѣдствіе отрицательныхъ воззрѣній Толстого. Полагаемъ, что теперь мы можемъ уже сдѣлать общую характеристику всей педагогіи его.

Вся она есть плодъ временнаго увлеченія талантливаго писателя—художника философствованіемъ на педагогическія темы, познакомившагося съ отрицательными идеями Руссо, облекшаго ихъ въ свои нѣсколько измѣненные формы и иллюстрировавшаго ихъ часто парадоксальными, но тѣмъ еще болѣе эффектнымъ доказательствами. Можетъ быть, въ этомъ громкомъ и красивомъ отрицаніи воспитанія какъ насилія, и требованіи взаимнѣ его какой то неуловимой безграничной свободы отчасти сказался и общій духъ нашихъ шестидесятыхъ годовъ; но вѣрнѣе видѣть во всей этой фантастической педагогіи нашего писателя его обычное, теперь уже такъ ярко обнаружившееся стремленіе къ „колебанію основъ“, къ отрицанію всего, что носитъ характеръ общепризнаннаго, на чемъ искони стоитъ жизнь. Это направленіе мы видимъ въ его религіозномъ міровоззрѣніи; оно же сказалось и въ его педагогіи. И здѣсь сплошное отрицаніе, потому что и положительная часть педагогическихъ воззрѣній Толстого, въ сущности, есть не болѣе, какъ отрицаніе всего, на чемъ создается школа. Но одно отрицаніе, даже основательное, само по себѣ еще не составляетъ пріобрѣтенія ни для науки, ни для жизни, такъ какъ оно не вноситъ сюда никакого положительнаго содержанія. Какое же значеніе можетъ имѣть то, *совершенно*

неосновательное отрицаніе, съ которымъ выступилъ въ педагогической области графъ Толстой? Вся философская часть его педагогиі способна вызвать лишь сожалѣніе о напрасно потраченныхъ трудѣхъ и стараніяхъ, которыя въ другой области или при другомъ направленіи могли бы дать цѣнные результаты, здѣсь же остались совершенно безплодными.

Одна статья Н. И. Пирогова („Вопросы Жизни“), пробудившая въ русскомъ обществѣ интересъ къ вопросамъ воспитанія, вызвала цѣлое движеніе мысли, ярко выразившееся и въ литературѣ и въ жизни. Идеи и практическая дѣятельность К. Д. Ушинскаго оставили глубокіе слѣды въ нашей педагогиі, которые видны и въ настоящее время, плодами которыхъ мы и сейчасъ еще пользуемся,—напр., въ вопросѣ о націонализаціи нашей школы. А что случилось съ педагогическими идеями Толстого? Статьи его въ свое время также произвели движеніе, вызвали интересъ, возбудили споры въ литературѣ; но и споры эти и все движеніе не дали никакихъ сколько нибудь цѣнныхъ въ педагогическомъ отношеніи результатовъ. Сейчасъ онѣ, повидимому, забыты и никому не нужны.

Н. Маккавейскій.

С. А. РАЧИНСКИЙ.

(Некрологъ).

Въ имѣніи Татевѣ, Смоленской губер., скончался 2 мая извѣстный педагогъ Сергѣй Александровичъ Рачинскій. С. А. Рачинскій, какъ передаютъ „Моск. Вѣд.“, по родственнымъ отношеніямъ приходившійся племянникомъ поэту Е. А. Баратынскому, родился 2 мая 1833 г. и послѣ тщательной подготовки какъ дома, такъ и за границей, поступилъ въ студенты Московскаго университета по отдѣленію естественныхъ наукъ. Выпущенный со степенью кандидата (1853 год.), онъ избралъ своею спеціальностью изученіе ботаники и напечаталъ диссертацию „О движеніи высшихъ растений“ (М. 1859 г.), за что былъ удостоенъ степени магистра и затѣмъ занялъ кафедру ботаники въ родномъ университетѣ. Его профессорская дѣятельность, однако, продолжалась лишь десять лѣтъ

(до 1868 года), въ теченіе которыхъ онъ пріобрѣлъ степень доктора ботаники за сочиненіе „О нѣкоторыхъ химическихъ превращеніяхъ растительныхъ тканей“ (М. 1866 года), а затѣмъ покинулъ университетскую кафедру и уѣхалъ въ свое смоленское имѣніе—село Татеево. Тамъ, среди тихой деревенской обстановки, С. А. Рачинскій началъ новую просвѣдительную дѣятельность, посвященную народному образованію. Онъ построилъ образцовое зданіе для знаменитаго Татеевскаго училища, самъ сдѣлался преподавателемъ въ этой школѣ и, „примѣняя привычки и удобства барственной обстановки на самую простую жизнь“, въ теченіе почти тридцати пяти лѣтъ, до самой кончины неустанно трудился на нивѣ истинно-православнаго народнаго образованія. Послѣ С. А. Рачинскаго остался цѣлый рядъ педагогическихъ трудовъ: „Замѣтки о сельскихъ школахъ“ (СП. 1883 г.), „Школьный походъ въ Нилову пустынь“, „Изъ записокъ сельскаго учителя“, „Сельская школа“, „Церковная школа“, „Татеевскій сборникъ“ и друг. Такая высокоучительная дѣятельность на пользу благого просвѣщенія была оцѣнена и съ высоты Царскаго Престола. 14 мая 1899 года нынѣ царствующій Государь Императоръ осчастливилъ покойнаго труженика знаменательнымъ рескриптомъ, въ которомъ дана слѣдующая оцѣнка С. А. Рачинскаго, какъ педагога: „Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей, *въ неразрывной связи съ Церковію и приходомъ*, послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя, состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій“ . .

Православное русское духовенство *никогда не забудетъ* о великомъ подвигѣ жизни почившаго дѣятеля, примѣромъ своимъ оказавшаго неоцѣнимую нравственную поддержку скромнымъ труженикамъ на поприщѣ православно-русскаго народнаго образованія. Вѣчная и благодарная память почившему боярину Сергѣю!

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 8 мая 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 21

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, мая 26-го.

Содержаніе: Мѣсто фресковой и мозаической живописи въ исторіи хри-
стіанскаго искусства.—Какое значеніе для дѣятельности пастыря
Церкви имѣеть его личный нравственный подвигъ самоусовершен-
ствованія?—Туринская плащаница. —Союзъ законоучителей.

Мѣсто фресковой и мозаической живописи въ исторіи христіанскаго искусства.

Христіанское живописное искусство явилось не сразу въ
видѣ цѣлой, законченной системы, а создавалось и развива-
лось постепенно, въ теченіе довольно длиннаго ряда вѣковъ.
Древнѣйшіе памятники христіанскаго живописнаго искусства
находятся въ катакомбахъ, или подземельяхъ, вырытыхъ хри-
стіанами первыхъ вѣковъ. Здѣсь же, въ катакомбахъ, встрѣ-
чаемъ мы и начало фресковой и мозаической живописи, вы-
ясненію значенія которыхъ въ исторіи христіанскаго искус-
ства и будетъ посвящена настоящая замѣтка.

Восходя по своему началу ко времени катакомбъ, фре-
сковая живопись въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ су-

ществованіи является господствующею приблизительно до четвертаго вѣка; съ пятаго вѣка фрески встрѣчаются уже въ незначительномъ количествѣ.

Въ первые четыре вѣка въ христіанскомъ мірѣ, какъ извѣстно, господствовали отвлеченный идеализмъ, а потому и въ произведеніяхъ живописи идеи христіанскія выражались,—отчасти, впрочемъ, и въ силу необходимости,—символически, образно. Живописныя произведенія этого періода нерѣдко наивны, невзрачны, некрасивы по своей формѣ, тѣмъ не менѣе имѣютъ большое историческое значеніе, какъ древнѣйшіе художественно-религіозные источники, изученіе которыхъ вводитъ въ святилище отдаленной эпохи, по своему историческому значенію едва ли равняющейся какой-либо другой. Они, быть можетъ, не останавливаютъ на себѣ вниманіе художника, ищущаго красоты очертаній, но поражаютъ историка—мыслителя, слѣдящаго за развитіемъ человѣческаго духа. Они интересны своими мыслями, глубиною своихъ идей, полнотою религіознаго впечатлѣнія. То былъ счастливый въ исторіи христіанскаго искусства моментъ, когда безотчетная христіанская идея окрыляла артистическія силы художника, и когда внѣшняя форма была не намѣренной случайной прикрасой, нарушающей подчасъ благочестивое впечатлѣніе, а естественною оболочкою самаго искренняго религіознаго воодушевленія. Религіозныя изображенія первыхъ христіанъ явились, какъ плодъ вдохновенія христіанскихъ художниковъ, и имѣли болѣе задушевный, чѣмъ офиціальныи характеръ. Они не были опредѣлены Церковію, потому что „христіанская Церковь до IV вѣка не принимала на себя почина въ дѣлѣ священныи изображеній и, не отвергая ихъ въ принципѣ, въ то же время не устанавливала относительно ихъ точныхъ и опредѣленныхъ требованій“¹⁾. Отсюда, фресковая живопись открываетъ намъ, какимъ образомъ древнѣйшіе христіанскіе художники, имена ко-

¹⁾ Проф. Покровскій: „Очер. пам. правосл. иконограф.“, стр. 13.

торыхъ, къ сожалѣнію, остались неизвѣстными, передавали фигуративно съ полною непринужденностію, не связанные предписаніями Церкви, идеи новой вѣры. Эти фрески своеобразны и оригинальны: онѣ не подчинены неизбѣжной традиціи, въ сочиненіи ихъ видна полная жизнь. Все здѣсь просто и непринужденно, какъ просто было понимаемо первоначальное христіанство; онѣ открываютъ исторію самую, такъ сказать, интимную, самую задушевную стороны и особенности необыкновеннаго религіозно-нравственнаго состоянія той эпохи. Эти работы неизвѣстныхъ художниковъ представляютъ намъ религіозныя идеи въ тѣ времена, когда послѣднія не были еще окончательно установлены и санкціонированы Церковію. Въ нихъ съ достаточною ясностію можно видѣть выраженіе склада понятій современнаго имъ христіанскаго общества; при посредствѣ ихъ можно наглядно прослѣдить постепенное развитіе новаго вѣроученія. Вообще, живописные памятники первыхъ временъ христіанскаго искусства, иногда неудовлетворительные по формѣ, но вдохновленные по содержанію и исполненію и глубокопрочувствованные по мысли, имѣютъ для насъ невыразимую прелесть.

Что касается собственно организаціи христіанскаго живописнаго искусства: выработки типовъ, установленія контуръ, созданія сюжетовъ; то фресковая живопись многое въ этомъ отношеніи завѣщала послѣдующему времени. Правда, здѣсь мы не видимъ еще ни большого разнообразія въ выборѣ самобытныхъ христіанскихъ темъ, ни широты въ художественной ихъ разработкѣ. Въ этомъ періодѣ не были—да и не могли быть—еще установлены съ достаточною ясностію и опредѣленностію ни типы, ни композиціи христіанскихъ изображеній: то былъ еще періодъ зачаточный; христіанское искусство находилось тогда подъ сильнымъ вліяніемъ искусства античнаго, формами котораго овладѣвали христіанскіе художники и стремились привести ихъ въ связь съ христіанскимъ идеаломъ, преобразуя согласно новымъ понятіямъ. Понятно, какая при этомъ предстояла трудная задача: съ одной

стороны, усваивая постепенно полноту содержанія христіанской идеи, художники не могли не видѣть крайней недостаточности выработанныхъ ранѣе формъ для ея выраженія; съ другой—они не могли сразу создать своихъ собственныхъ формъ; полное же отреченіе отъ обычныхъ, установившихся уже было бы не естественно. При всемъ томъ, къ чести первыхъ христіанскихъ художниковъ должно сказать, что они намѣтили и указали вѣрные пути къ установкѣ самобытныхъ христіанскихъ формъ, слѣды которыхъ замѣтны съ самаго ранняго времени и съ особенною ясностію выступаютъ къ концу четвертаго вѣка. Ими положено начало выработкѣ главнѣйшихъ христіанскихъ иконописныхъ типовъ: Христа, Богоматери и св. апостоловъ. Фрески, такимъ образомъ, приготовили почву и все нужное къ установкѣ опредѣленной фیزیономіи христіанскаго живописнаго искусства,—въ этомъ ихъ заслуга.

Болѣе значительное положеніе въ указанномъ отношеніи имѣлъ другой видъ христіанской живописи—мозаика, которой выпала счастливая судьба стать вѣчнымъ образцомъ для христіанскихъ художниковъ послѣдующаго времени, и эту задачу мозаика выполняла и выполняетъ съ успѣхомъ.

Христіанская мозаика, какъ и фресковая живопись, восходитъ, по своему началу, также ко времени катакомбъ. Но примѣненіе ея въ первые вѣка было весьма не значительно; только лишь какъ рѣдкое исключеніе встрѣчаются мозаическія фигуры—и притомъ небольшихъ размѣровъ, въ видѣ христіанскихъ монограммъ, крестовъ, имѣющихъ форму Т, нѣкоторыхъ символическихъ знаковъ и пр. Нужно замѣтить, что мозаика, по своимъ техническимъ свойствамъ, требуетъ громаднѣхъ средствъ, а какъ искусство по преимуществу монументальное—полнаго простора. Между тѣмъ, первые христіане не могли удовлетворить ни тому, ни другому. Ихъ общество, состоя, главнымъ образомъ, изъ лицъ, принадлежавшихъ къ низшему классу общества, было слишкомъ бѣдно, чтобы могло удѣлять болѣе или менѣе значительныя сбереженія на моза-

ическія украшенія; къ тому же, они не имѣли еще храмовъ, грандіозность и величіе которыхъ могли бы соотвѣтствовать такому величественному роду живописи, какимъ является мозаика. Но картина совершенно мѣняется, когда христіанство пріобрѣтаетъ господствующее положеніе, и христіанская идея заявляетъ себя во всемъ своемъ блескѣ и торжествѣ. Христіанская Церковь ничѣмъ инымъ не могла проявить своего торжества такъ наглядно, какъ блистательнымъ украшеніемъ храмовъ разноцвѣтными и позлащенными мозаиками и роскошнымъ изображеніемъ событій и лицъ, особенно дорогихъ христіанскому чувству. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ начала свое историческое существованіе мозаическая живопись, по справедливости называемая живописью торжествующаго христіанства.

Мозаика имѣетъ, прежде всего, очень важное значеніе, какъ историческій памятникъ. Благодаря своей счастливой техникѣ, она представляетъ наглядную исторію христіанскаго живописнаго искусства, начиная съ четвертаго вѣка и кончая двѣнадцатымъ. Такъ, напр., по мозаикамъ римскихъ церквей можно прослѣдить шагъ за шагомъ борьбу двухъ различныхъ элементовъ христіанскаго искусства—римско-классическаго и восточнаго,—борьбу, продолжавшуюся нѣсколько столѣтій¹⁾. Въ мозаикахъ церквей равеннскихъ можно видѣть постепенное распространеніе византійскаго искусства и знакомство запада съ византійскими иконографическими типами²⁾. Здѣсь же, въ мозаикѣ, въ конкретномъ видѣ мы можемъ прослѣдить развитіе христіанскаго сознанія въ религіозно-художественномъ отношеніи; „ибо и живопись, безмолвная на стѣнахъ, имѣетъ даръ говорить и приносить большую пользу“ (Григорій Нисскій). Наблюдая постепенный ростъ и усовершенствованіе христіанской иконографіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, можемъ видѣть всѣ перемѣны въ разныя эпохи исторіи въ от-

¹⁾ Фонтъ-Фрикень: „Римск. катакомб.“, ч. 1-я.

²⁾ Рѣдинъ: „Равен. мозаики“, стр. 223.

ношеніяхъ человѣческаго сознанія къ содержанію христіанской идеи, можемъ усмотрѣть постепенныя усилія человѣческой мысли подняться на высоту ея христіанскаго содержанія и выразить всю глубину и широту его въ художественныхъ формахъ. Въ подтвержденіе укажемъ, напр., на то обстоятельство, что иконографія Св. Троицы стоитъ въ зависимости отъ окончательнаго утвержденія Церковію догмата о Св. Троицѣ: послѣдній окончательно установленъ въ концѣ четвертаго вѣка, тогда же явился и иконографическій типъ Св. Троицы ¹⁾). Вообще нужно замѣтить, что правильная иконографія, какою намъ сохранила ее мозаика, должна быть признана несомнѣнно за самое вѣрное хранилище священнаго преданія.

Въ то же время мозаика имѣетъ весьма важное иконографическое и художественно-историческое значеніе, какъ факторъ въ образованіи христіанской живописной системы. Въ мозаикѣ движеніе живописнаго христіанскаго искусства нашло свое завершеніе: здѣсь дается опредѣленіе и установленіе художественной манеры и композицій, завершеніе выработки и закрѣпленіе начатыхъ ранѣе типовъ; здѣсь разработка новыхъ самобытныхъ христіанскихъ темъ и сюжетовъ; здѣсь, наконецъ, окончательная организація самобытной христіанской живописи. И все это достигаетъ въ мозаикѣ если не окончательнаго завершенія, то, во всякомъ случаѣ, довольно высокаго развитія.

Мы видѣли, что въ разсматриваемомъ отношеніи оставила мозаикѣ живопись предшествующаго періода: положено было начало организаціи чисто христіанскаго искусства, и намѣчены нѣкоторые главнѣйшіе типы христіанскихъ изображеній. Дальнѣйшая работа христіанскихъ художниковъ должна была, очевидно, клониться къ окончательной установкѣ какъ всей системы начатаго самобытнаго христіанскаго искусства, такъ и отдѣльныхъ типовъ, а равно къ изобрѣтенію и со-

¹⁾ Айналовъ и Рѣдинъ: „Кіево-Соф. соборъ“, стр. 18.

зданію цѣлыхъ группъ и сложныхъ композицій на темы, предложенныя христіанствомъ. Ранѣе начатыя формы были еще не совершенны; художники прежняго періода, находясь подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ классической античной школы, не могли выработать совершенно самобытныхъ христіанскихъ формъ. И вотъ мозаистамъ необходимо было нѣкоторыя изъ этихъ формъ, мало соотвѣтствующія духу христіанства, удалить; другія, не вполне отвѣчающія своей цѣли, измѣнить; наконецъ, третьи, не существовавшія раньше, создать вновь подъ непосредственнымъ и исключительнымъ руководствомъ самаго христіанства. Слѣды свободнаго обращенія съ первичными формами христіанскаго искусства видны въ концѣ четвертаго вѣка и въ пятомъ, а шестое столѣтіе даетъ уже многочисленныя мозаическіе памятники вполне самостоятельнаго христіанскаго искусства, созданнаго въ нѣдрахъ христіанскаго міра. Мозаисты-художники проявляютъ самобытное творчество въ самомъ замыслѣ и композиціяхъ и даютъ ясно видѣть, что въ ихъ произведеніяхъ христіанское живописное искусство становится на свою собственную почву. Въ мозаикѣ создаются не только единичныя типы, но и цѣлыя группы, изобрѣтаются новыя композиціи на темы Ветхаго и Новаго Заветовъ, появляются цѣлыя евангельскія и библейскія поэмы и сцены изъ жизни мучениковъ. И въ произведеніяхъ этихъ соединяются и доходятъ до полнаго своего выраженія внѣшность формы и достоинство внутренняго выраженія. Христіанскіе художники обратили преимущественное вниманіе на тѣ стороны христіанскаго идеала, которыя наиболѣе соотвѣтствовали характеру ихъ моральныхъ понятій и религіозныхъ представленій, и изобразили ихъ въ художественныхъ формахъ. И вотъ, при такихъ условіяхъ создались колоссальныя и грандіозныя образы Христа, Богородицы и святыхъ, представленныя мозаикой, преисполненныя высокою торжественности и царскаго величія. Большая часть этой работы выпала на долю Византіи, гдѣ и „находимъ новыя формы и типы, сложеніе сюжетовъ на новыхъ началахъ. И это явленіе ясно опредѣлившася

въ своихъ задачахъ искусства убѣждаетъ насъ, что мы видимъ здѣсь новое движеніе художества. Это движеніе съ теченіемъ времени слагается въ широкое и знаменательное явленіе исторіи¹⁾.

Итакъ, мозаика окончательно выработала и установила общія типичныя черты христіанскихъ изображеній; она создала колоссальныя художественныя образы Христа, Богоматери и святыхъ; изобрѣла композиціи на самобытныя христіанскія темы и завершила систему христіанскаго живописнаго искусства. Таково главное значеніе мозаической живописи въ исторіи христіанскаго искусства.

Но мы сказали бы далеко не все, если бы остановились только на этомъ. Дѣло въ томъ, что мозаика не только создала указанную организацію христіанской живописи, но и закрѣпила ее и передала въ первоначальномъ видѣ на вѣчныя времена. Благодаря своимъ техническимъ свойствамъ, мозаика имѣетъ весьма важное преимущество; она прочнѣе всякаго другого рода живописи и настолько твердо прикрѣплена къ стѣнѣ, что уничтожается лишь вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этой послѣдней. Къ тому же, мозаика не страдаетъ отъ сырости и не теряетъ яркости красокъ; грязь и пыль могутъ быть легко съ нея смыты, и она является постоянно въ своей первоначальной свѣжести. Совершенно справедливо, поэтому, мозаику называютъ „вѣчною живописью“.

Установленные и закрѣпленные мозаикой образцы сохраняются, какъ художественное наслѣдіе, въ иконописной практикѣ послѣдующаго времени и нынѣ усердно копируются съ рисунковъ для православныхъ храмовъ. Уклоненія отъ нихъ не значительны. Они происходятъ лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ вслѣдствіе различной характеристики въ частностяхъ и не одинаковаго способа представленія. Такъ, напр. ликъ Спасителя измѣняется отъ взгляда на христіанскій идеаль: вѣрующіе, у которыхъ преобладало аскетическое направленіе,

¹⁾ Кондаковъ: „Ист. Виз. иск.“, стр. 66.

придавали лику Спасителя выраженіе грустное, строгое и печальное. Но при всемъ томъ, главныя черты извѣстнаго типа остаются навсегда неизмѣнными, и выработанные мозаикой типы остаются и доселѣ характерными образцами. Даже въ эпоху возрожденія классицизма, когда, повидимому, всего меньше можно было ожидать, христіанскіе художники „продолжаютъ передавать религіозные сюжеты съ тѣмъ характеромъ, который преобладалъ въ византійскихъ мозаикахъ“¹⁾. Въ этомъ отношеніи мозаика является очень важнымъ историческимъ даннымъ для провѣрки современныхъ иконописныхъ *подлинниковъ*: сравненіе тѣхъ и другихъ опредѣляетъ отношеніе нашихъ *подлинниковъ* къ древнѣйшему иконописному преданію. А это имѣетъ очень важное значеніе, потому что сердце православныхъ, направляемое вѣрою, невольно стремится мимо новыхъ вымысловъ къ древнимъ образцамъ и возжигаетъ предъ ними преимущественно свѣчи и чувствуетъ ихъ почтительнымъ поклоненіемъ и благоговѣйнымъ лобзаніемъ, выражая тѣмъ, что и „посреди мнимаго своего невѣжества умѣетъ разыскать, гдѣ есть истина“. Вѣрующій ищетъ въ священныхъ изображеніяхъ болѣе подобія, нежели искусства, которое является уже второстепеннымъ условіемъ, такъ какъ и въ обыкновенномъ портретѣ болѣе удовлетворяетъ сходство, нежели отличная кисть, хотя, конечно, желательна и эта послѣдняя.

Наконецъ, важность мозаической живописи и оставленныхъ ею въ наслѣдіе образцовъ увеличится болѣе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что мозаическая живопись создавалась подъ непосредственнымъ руководствомъ и контролемъ Церкви въ лицѣ ея представителей. Мозаика, особенно византійская, вполне можетъ быть названа искусствомъ іератическимъ, не допускавшимъ произвольныхъ вымысловъ и измѣненій. Тогда какъ въ другихъ видахъ живописи, хотя бы, напр., въ миниатюрахъ, художнику предоставлялась полная

¹⁾ Фонтъ-Фрикень: „Рим. катаком., ч. IV, стр. 390.

свобода: какъ онъ представлялъ извѣстное лицо или событіе, такъ и изображалъ, контроля не было; въ мозаикѣ, напротивъ, требовалось, чтобы изображеніе какъ можно точнѣе выражало религіозную идею, именно ту идею, которая принята Церковію и издавна привита общехристіанскому сознанию, всякія уклоненія отъ такого требованія контролировались церковною властію въ лицѣ ея представителей. Тѣмъ драгоцѣннѣе, слѣдовательно, для исторіи памятники мозаической живописи, какъ живые свидѣтели исконнаго христіанскаго воззрѣнія на значеніе и характеръ изображеній въ плоти пришедшаго Бога, Пречистой Его Матери и прославляемыхъ Церковію святыхъ.

А. Ч.

Какое значеніе для дѣятельности пастыря Церкви имѣетъ его личный нравственный подвигъ самоусовершенствованія?

Нравственная свѣтлость и чистота той или другой личности несомнѣнно полагаетъ свой отпечатокъ и на всю дѣятельность ея. Лица высоко-нравственныя обладаютъ внутреннимъ свѣтомъ, нравственную мощью, душевнымъ миромъ и счастьемъ;—каковыя качества духа необходимо привлекаютъ къ нимъ сердца людей; около такихъ лицъ какъ бы создается особая нравственная атмосфера, которая дышитъ миромъ и отрадою для окружающихъ. Дѣятельность лицъ высоко-нравственныхъ, окруженныхъ свѣтлымъ ореоломъ любви и самоотверженнаго служенія Богу и ближнимъ, всегда приноситъ добрые плоды, доставляетъ несомнѣнную пользу человѣчеству, содѣйствуетъ развитію и движенію впередъ истиннаго прогресса и культуры, способствуетъ устроенію царства Божія на землѣ. Для всякаго рода общественныхъ дѣятелей недостаточно одной добросовѣстности, простой честности въ отношеніи къ дѣлу,—нуженъ всегда гармонически-цѣлостный нрав-

ственный характер; въ одномъ лицѣ нельзя различать и разграничивать общественнаго дѣятеля и просто человѣка: каждый долженъ быть одинаково высоко-нравственнымъ и въ своей общественной дѣятельности, и въ частной, семейной жизни. И чѣмъ больше лицъ нравственно-чистыхъ, съ идеально-возвышенными стремленіями, тѣмъ выше и благоустроеннѣе общественная жизнь: люди добра—это яркія звѣзды, разсѣивающія ночной мракъ и темноту. Такъ существенно — важно для общественной дѣятельности нравственное достоинство того или другого лица; такое высокое значеніе имѣеть личный нравственный подвигъ самоусовершенствованія въ томъ или другомъ общественномъ служеніи.

Если такъ высоко значеніе личнаго нравственнаго подвига самоусовершенствованія въ примѣненіи ко всякаго рода общественной дѣятельности, то въ приложеніи къ пастырскому служенію оно (значеніе) простирается еще выше. Можно прямо сказать, что пастырское служеніе тогда только и можетъ быть *истиннымъ*, когда оно органически тѣсно и неразрывно связано съ подвигомъ личнаго нравственнаго самоусовершенствованія (съ подвижничествомъ); и самъ пастырь тогда только и можетъ быть „добрымъ“ (пастыремъ), когда горячо и неунынно заботится о своей нравственной чистотѣ и непорочности, ревностно, смѣлою и мощною рукою, исторгаетъ изъ своего сердца „вся помышленія злая“. Такое высокое значеніе личнаго нравственнаго подвига самоусовершенствованія вытекаетъ изъ самаго существа пастырскаго служенія.

Пастырство—это дѣятельность чисто-внутренняго, нравственнаго характера. Предметомъ пастырскихъ заботъ и попеченій является совѣсть человѣка, его внутреннее, нравственное существо. Не виѣшнее, матеріально-обезпеченное благополучіе прихожанъ является цѣлью пастырской дѣятельности; но ихъ духовно-нравственное благо—спасеніе души и жизнь вѣчная. Возможно полное освобожденіе людей отъ грѣха и приближеніе ихъ къ Богу, то нравственное единеніе людей, о

которомъ молился Самъ Христосъ въ послѣдніе часы своей земной жизни (Іоан. 17, 21)—вотъ конечная цѣль всѣхъ пастырскихъ заботъ, попеченій и усилій. Пастырь Церкви является продолжателемъ дѣла Христова на землѣ; онъ призывается быть какъ бы живоноснымъ источникомъ святой, благодатной жизни своихъ пасомыхъ. Чтобы быть этимъ источникомъ, чтобы успѣшно достигать основной и конечной цѣли своего служенія, пастырь долженъ отказаться отъ самого себя, отъ своего себялюбиваго и эгоистическаго я; онъ долженъ слиться своею душою съ жизнью паствы, видѣть свое личное благо и блаженство въ духовномъ благополучіи паствы. Идеаль истиннаго пастыря начертанъ въ слѣдующихъ словахъ Іисуса Христа: „пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“ (Іоан. 10, 11). Добрый пастырь живетъ одною горячею любовью къ своей паствѣ. Онъ болѣетъ духовными болѣзнями своихъ пасомыхъ, скорбитъ о ихъ нравственныхъ наденіяхъ, мукахъ и испытаніяхъ, радуется ихъ радостями, душевнымъ счастьемъ, миромъ и покоемъ. Съ другой стороны, истинный пастырь во всемъ противоположенъ этому грѣховному, себялюбивому міру; его служеніе въ духѣ (2 Кор. 3 г. 8 с.) и онъ самъ—ангелъ Церкви (Апок. 2 г. 1, 18 с.); онъ „нѣсть отъ міра“ (Іо. 15 г. 19 с.). Истинный пастырь „во вся дни умираетъ“ (1 Кор. 15 г. 31 с.) для своего грѣховнаго существа, для этого міра, который, по апостолу, „весь во злѣ лежитъ“ (1 Іо. 5 г. 19 с.). И умирая для грѣха, постепенно истлѣвая въ своей вещественной, по причинѣ грѣха болѣзненной и смертной, оболочкѣ, онъ служитъ какъ бы сѣменемъ, отъ котораго зарождается, возникаетъ и развивается новая, благодатная жизнь, животворною струею разливающаяся по духовнымъ существамъ его пасомыхъ; какъ и Самъ Спаситель сказалъ: „аще зерно пшенично падѣ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ“ (Іо. 12 г. 24 с.).

Такъ, всецѣлое самоотверженіе, полное отождествленіе своей жизни съ жизнью пасомыхъ, горячая любовь, возможно

полная побѣда надъ грѣхомъ,— вотъ что требуется отъ пастыря, что должно составлять неотъемлемую принадлежность всего его духовнаго существа.

Отсюда уже становится яснымъ и понятнымъ значеніе для пастырской дѣятельности личнаго подвига нравственнаго самоусовершенствованія. Откуда пастырь можетъ почерпнуть необходимую для его служенія горячую любовь и самоотверженную преданность духовному благополучію пасомыхъ, какъ не изъ личнаго нравственнаго подвига самоусовершенствованія? И что такое постепенное „умираніе“ пастыря для новой, благодатной жизни пасомыхъ, какъ не личный нравственный подвигъ самоусовершенствованія? Вѣдь для того, чтобы духовно слиться съ своею паствою, нужно въ возможно-большей степени побѣдить въ своей душѣ грѣхъ и искоренить его; нужно, съ другой стороны, воспитать въ своемъ сердцѣ горячую, безпредѣльную любовь къ Богу и ближнимъ. Пастырство, такимъ образомъ, не есть что-либо виѣшнее по отношенію къ душѣ пастыря; оно не отрываетъ человѣка отъ подвига личнаго самоусовершенствованія; нѣтъ, оно необходимо предполагаетъ его и безъ него не можетъ существовать.

Грѣхъ, какъ эгоизмъ, и, отсюда, какъ нѣчто прямо противоположное истинной, христіанской любви, раздѣлил и раздѣляетъ людей, удаляетъ ихъ отъ Бога, полагая крѣпкую преграду между ними. Ясно, что для пастыря Церкви, призывающаго людей ко взаимной любви, тѣсному нравственному единству, пылающаго желаніемъ всецѣло посвятить себя своему высокому служенію, прежде всего необходимо въ возможно—совершенной степени побѣдить грѣхъ, изгнать его изъ жилища своего сердца и водворить на его мѣстѣ чистую, искреннюю любовь,—иными словами, пастырь Церкви долженъ всегда, ежеминутно нести подвигъ личнаго нравственнаго самоусовершенствованія. Неусыпно ведя борьбу со всѣми своими дурными наклонностями, плотскими, чувственными влеченіями и вожделѣніями, возвышая свое духовное существо надъ всѣмъ земнымъ, открывая ему свободный и ши-

рокій путь жизни по высшимъ законамъ своей природы, пастырь Церкви, такимъ образомъ, больше и больше предаетъ себя своему служенію; для него открывается возможность *истиннаго* пастырскаго служенія. Онъ можетъ осуществлять то, что требуется отъ пастыря; онъ будетъ истинно пасти стадо Христово, постепенно приводя его къ Богу и самъ приближаясь къ высшему идеалу божественнаго Пастыреначальника. Пастырь, ревностно подвизающійся въ своемъ личномъ нравственномъ самоусовершенствованіи, постепенно выходитъ изъ грѣховнаго состоянія—самозамкнутости и себялюбія; онъ научается любить своихъ ближнихъ горячею, широкою и безпредѣльною любовью. Онъ научается искреннему и живому состраданію къ своимъ ближнимъ, потому что онъ вступаетъ съ ними въ духовное родство; онъ научается прощенію всѣхъ обидъ, забвенію огорченій. Кромѣ того, тяжесть подвига личнаго самоусовершенствованія при слабости естественныхъ силъ въ борьбѣ съ грѣхомъ побуждаетъ пастыря—въ горячей, сердечной молитвѣ прибѣгать за благодатною помощію къ Подателю всѣхъ благъ,—пастырь научается молитвѣ. Такимъ образомъ, онъ въ личномъ подвигѣ нравственнаго самоусовершенствованія почерпаетъ всѣ необходимыя и высоко—цѣнныя качества для истиннаго непостыднаго прохожденія своего служенія. Онъ можетъ вліять на паству и воспитывать ее истинною своего слова и одушевляющимъ примѣромъ: его слово пераздѣльно съ жизнью; онъ являетъ собой всегда высокій примѣръ для подражанія. Такъ пастырь, подвизающійся въ личномъ нравственномъ усовершенствованіи, является истиннымъ продолжателемъ дѣла Христова на землѣ, строителемъ таинъ Божіихъ,—онъ приводитъ людей „въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Еф. IV г. 13 с.).

Итакъ, общее разсмотрѣніе пастырскаго служенія открываетъ предъ нами всю необходимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ важность и значеніе для пастырскаго дѣланія личнаго нравственнаго подвига самоусовершенствованія. Значеніе его предста-

нетъ предъ нами еще яснѣе и полнѣе, когда мы обратимся къ болѣе частному и подробному разсмотрѣнію пастырскаго служенія.

Всякій человѣкъ призывается Богомъ къ доброй, святой жизни, каждый обязанъ сдѣлать посильный взносъ въ общую сокровищницу добра и нравственнаго богатства всего человѣчества. Пастырь призывается къ этому въ особенности; онъ получаетъ на то отъ Христа и Церкви извѣстныя полномочія, получаетъ благодатныя силы и помощь къ успѣшному выполненію этихъ полномочій: на него нисходитъ „божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая“. Пастырь долженъ сѣять на духовной нивѣ врученныхъ ему отъ Бога человѣческихъ сердець сѣмена добра, истинно-добродѣтельной и святой жизни, умѣлою и опытною рукою возвращать ихъ и ухаживать за ними. Пастырь долженъ пробуждать уснувшихъ сномъ грѣховнымъ, предавшихся нравственной лѣни и безпечности. Но онъ не можетъ внести добра въ жизнь своей паствы больше, чѣмъ носить его въ самомъ себѣ, не можетъ любить въ большей степени, чѣмъ привыкло и воспитано любить его сердце. Добро и любовь можетъ зародиться, расти и развиваться на почвѣ же добра и любви.

Только то можетъ расти, крѣпнуть и успѣшно развиваться, что основано на личномъ нравственномъ подвигѣ. Нужно въ себѣ носить неисчерпаемый источникъ добродѣтельной, нравственно-чистой жизни, чтобы она могла разливаться свободной и широкой волной по всей духовной нивѣ и напоить очерствѣлыя, охладѣвшія въ житейской сутолокѣ сердца мірянъ, болѣе крѣпко привязанныхъ къ житейскимъ заботамъ и интересамъ. Да и невозможно одновременно—заботиться о благѣ пасомыхъ и крѣпко держаться своихъ личныхъ, эгоистическихъ интересовъ. Чтобы каждаго человѣка содѣлывать „новою тварью во Христѣ“ (2 Кор. V г. 17 с.), новымъ человѣкомъ (Еф. IV г. 20—24 с.), пастырь долженъ прежде всего неусыпно заботиться о своемъ личномъ возрожденіи и обновленіи.

Только при никогда непрерывающемся подвигѣ личнаго нравственнаго самоусовершенствованія пастырь является истиннымъ примѣромъ для пасомыхъ во всей ихъ жизни и дѣятельности. Нравственно—совершенный пастырь является дѣйствительно, какъ сказалъ Христосъ Своимъ ученикамъ, „свѣтомъ и солью земли“ (Мѡ. 5 г. 13—14 с.). Такой пастырь служить истиннымъ „свѣтомъ“ для общественной жизни: онъ своею любвеобильною дѣятельностью разгоняетъ пустоту и мракъ мірской жизни, согрѣваетъ ея благодатнымъ свѣтомъ, пробуждая начатки добра, хранящіеся въ душѣ каждаго человѣка. Онъ является и „солью земли“, предохраняя общественную жизнь отъ совершенной порчи и нечистоты. Предъ глазами паствы всегда стоитъ живой примѣръ добродѣтели, которому она должна слѣдовать во всей своей дѣятельности; поэтому, мірянинъ, помышляющій о жизни своей души, не будетъ ощущать внутри себя того мучительнаго нравственнаго одиночества, которое можетъ ощущать человѣкъ, не встрѣчающій вокругъ себя никакой нравственной поддержки. Онъ будетъ всегда имѣть опытнаго и надежнаго руководителя, вѣрнаго кормчаго, неизмѣнно и неуклонно ведущаго его среди бурь и тревоженій житейскаго моря къ высшему и тихому пристанищу небеснаго покоя и блаженства. Наоборотъ, пастырь, не заботящійся о личномъ нравственномъ усовершенствованіи, не помышляющій о чистотѣ своего сердца и души и берущій на себя высокое и святое дѣло наставленія неопытныхъ въ духовной жизни, справедливо можетъ быть уподобленъ тому слѣпому, который ведетъ другого слѣпца. Конецъ ясенъ и извѣстенъ: слѣпецъ слѣпца поведетъ, и оба упадутъ въ яму.

Пастырь-подвижникъ, являя свѣтлый и живой примѣръ добродѣтели, обладаетъ и всѣми необходимыми въ пастырскомъ служеніи мѣрами и средствами къ успѣшному воспитанію своихъ духовныхъ дѣтей и лѣченію ихъ нравственныхъ болѣзней.

Пастырь призывается быть воспитателемъ сердца и воли своихъ духовныхъ дѣтей. Первымъ же и самымъ дѣйствитель-

нымъ средствомъ въ воспитаніи этого рода является любовь. А пастырская любовь, хотя подается въ таинствѣ священства, можетъ быть усвоена и поддерживаема только при соответствующемъ стремленіи человѣческаго духа; любовь, такимъ образомъ, является и плодомъ постоянной и тяжелой борьбы съ своею низшею, грѣховною природою, — плодомъ личнаго нравственнаго подвига. Для того, чтобы вліять на волю другого лица, вліять живо, дѣйственно и благотворно, нужно выйти изъ самозамкнутости въ своихъ себялюбивыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ; въ такомъ только случаѣ можно безпрепятственно, тѣсно и неразрывно слиться душою съ пасомымъ, сродниться съ нимъ, а потомъ уже вліять на его волю, производить необходимыя исправленія, направлять ея дѣятельность по пути къ достиженію высшей правды, добра, истины и любви. Такъ любящая мать вліяетъ на жизнь и дѣятельность своихъ дѣтей, легко исправляетъ ихъ грѣховныя увлеченія и направляетъ ихъ волю по пути добродѣтельной, христіанской жизни; такъ любящій, сердечный воспитатель производитъ неотразимое дѣйствіе и неизгладимое впечатлѣніе на сердца и волю своихъ питомцевъ въ школѣ, создавая и укрѣпляя направленіе ихъ жизни и дѣятельности по пути къ высшимъ идеаламъ правды и добра... Истинно-нравственный и добродѣтельный пастырско-подвижникъ, неуспѣшно поддерживающій на свѣтильникѣ своего сердца огонь любви христіанской, вліяетъ на волю своихъ духовныхъ чадъ часто однимъ словомъ, взглядомъ и т. п. Его душа открыта для всѣхъ; и для него также всюду открытъ прямой и безпрепятственный входъ, потому что любви ничто не можетъ противиться, и она свободно вливается въ души ближнихъ. Между такимъ пастыремъ и паствою существуетъ тѣсное нравственное сродство, поддерживаемое и проявляемое часто помимо всякихъ внѣшнихъ дѣйствій. Вотъ почему часто одинъ глубокій, сострадательный взглядъ пастыря производитъ сильное впечатлѣніе; часто простое молчаніе его бываетъ краснорѣчивѣе многихъ звонкихъ и трескучихъ фразъ о нравственномъ исправленіи, объ измѣненіи жизнедѣятельности и

т. п. Любовь, кротость и смиреніе—вотъ броня и оружіе, которыя пастырь-подвижникъ носить всегда въ себѣ и которыя являются равно пригоднымъ на всѣхъ путяхъ его жизни и дѣятельности. Сила пастырства заключается въ любви. Въ лѣченіи нравственныхъ недуговъ человѣка необходимо всегда пользоваться мѣрами кротости, мягкосердечія; здѣсь нужно быть какъ можно осторожнѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ мягче, чистосердечнѣй; иначе, одно слово, лишенное духа любви, можетъ ожесточить человѣка, еще болѣе утвердить его въ грѣховныхъ помыслахъ и стремленіяхъ,—тогда какъ всякое слово пастыря, растворенное искреннею и глубокою любовью, не пройдетъ мимо слуха пасомыхъ и на каждаго грѣшнаго человѣка оно произведетъ свое дѣйствіе, привлечетъ къ себѣ, заставитъ задуматься надъ запросами и потребностями духа.

Но одна любовь недостаточна еще для пастырской дѣятельности—для лѣченія нравственныхъ болѣзней и недуговъ. Необходимо близкое знаніе и изученіе души человѣческой и законовъ душевной жизни, необходимо непосредственное знакомство съ борьбою противъ грѣха, грѣховныхъ искушеній и соблазновъ. А познать душу человѣка, постигнуть законы душевной жизни пастырь можетъ только тогда, когда прежде всего изучитъ свою духовную жизнь, на собственномъ опытѣ прослѣдитъ духовную борьбу между свѣтлыми началами правды и добра и грѣховными стремленіями и влеченіями. Для пастыря-аскета какъ бы раскрываются двери чужихъ сердець, онъ можетъ свободно читать все, что написано тамъ, безпрятственно слѣдить за тѣмъ, что происходитъ на душѣ каждаго ближняго. Прозрѣвая духовно внутреннюю жизнь каждаго своего пасомаго, пастырь всегда придетъ къ нему и съ дѣйствительною помощью въ борьбѣ со грѣхомъ. Ему (пастырю) знакомы искушенія, навѣваемые на человѣка силою вражескою, онъ знаетъ ухищренія врага рода чловѣческаго, знаетъ силу грѣховныхъ стремленій и желаній, подчиняющихъ себѣ слабыя души людей; пастырь по собственному же подвижническому опыту знаетъ, какъ нужно бороться съ грѣ-

хомъ, какъ можно побѣждать грѣховныя стремленія и влеченія, коренящіяся въ грѣховной природѣ человѣка. Онъ можетъ, поэтому, дать полезныя совѣты и указанія. Каждый мірянинъ въ минуты нравственнаго безсилія, угнетеннаго состоянія духа, въ минуты грѣховныхъ искушеній, сомнѣній и колебаній воли найдетъ въ такомъ пастырѣ истиннаго отца и руководителя. Своею мудрою, любвеобильною рѣчью такой пастыръ пролетъ миръ и успокоеніе въ взволнованную душу, внесетъ въ нее благодатный свѣтъ христіанской вѣры, согрѣетъ христіанскою надеждою и твердымъ упованіемъ, протянетъ руку помощи, подкрѣпитъ его силы, ослабѣвшія въ борьбѣ со грѣхомъ и поведетъ человѣка впередъ по пути къ вышему, небесному счастью.

(Продолженіе будетъ).

Н. Горностаевъ.

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА.

Въ сокровищницѣ Туринскаго собора имѣется драгоцѣнная реликвія, которая читается за подлинную плащаницу, какою Іосифъ Аримаѳейскій обвилъ тѣло Христа предъ положеніемъ во гробъ. Туринская плащаница была привезена съ Востока въ XIV столѣтіи и перенесена въ Туринъ въ 1578 г. по приказанію Филиппа Эмануила, принца савойскаго. Она была заключена въ раку, запертую тремя ключами, которыми владѣютъ: папа, епископъ туринскій и принцъ савойскій (нынѣ король Итальянскій). Драгоцѣнная реликвія вынималась въ торжественныхъ или совершенно особенныхъ случаяхъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, благодаря именно такой случайности, удалось замѣтить дѣйствительно необычныя особенности этой плащаницы. Она представляетъ кусокъ полотна желтоватаго цвѣта, длиною въ 4,1 метра и шириною въ 1,4 метра, прожженнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ вслѣдствіе начавшагося пожара, который чуть не уничтожилъ ее въ

1532 г. На полотнѣ имѣются, кромѣ того, еще бурныя пятна, образующія неясный рисунокъ, который никогда не изслѣдовали вблизи. Въ 1898 году, по случаю выставки предметовъ религіознаго искусства (*ars sacra*) въ Туринѣ, кавалеръ Пиа получилъ право сфотографировать реликвию. Каково же было удивленіе, когда этотъ неясный рисунокъ представилъ два изображенія одного и того же лица спереди и сзади, связаннаго головою, словно тѣло, обвитое этой матеріей, сложенной вдвое вдоль, оставило свой отпечатокъ на той и на другой поверхности. Даже больше того—эти два изображенія образовали на плащаницѣ то, что въ фотографіи именуется негативомъ, и позитивное клише, полученное послѣ ихъ репродукціи, обнаружило такія детали, которыя ускользнули при первыхъ наблюденіяхъ,—а именно изображеніе распятаго человѣка, походящаго на Христа, какимъ нарисовала памъ Его традиція. Довольно любопытенъ фактъ, что годъ или два спустя несмотря на то, что объ этомъ изображеніи знали многіе католики,—о немъ позабыли. Но вотъ года полтора назадъ одинъ изъ отпечатковъ шевалье Пиа попалъ въ руки нѣкоего молодого ученаго доктора Поля Виньона, преподавателя зоологіи въ Сорбоннѣ, который рѣшилъ изучить его съ научной точки зрѣнія, и недавно сдѣлано сообщеніе въ Академіи наукъ о результатахъ этого изслѣдованія Поля Виньона въ сотрудничествѣ Кольсона, преподавателя въ Политехнической школѣ. Помимо клише шевалье Пиа, молодые ученые пользовались также еще другимъ снимкомъ, сфотографированнымъ при выставкѣ реликвиі. Оба ученые утверждаютъ, что изображенія на Туринской плащаницѣ были произведены химическими реакціями и представляютъ вполне точную репродукцію лица, которое было погребено въ этой плащаницѣ. Прежде всего Поль Виньонъ старался опровергнуть утвержденія тѣхъ, которыя увѣряли, будто туринская плащаница была написана за нѣсколько времени до поступленія ея въ собственность Савойскаго дома. На это онъ возражаетъ указаніемъ, что изображенія отнюдь не въ стилѣ художни-

ковъ XIV ст. На плащаницѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда рисунка, это лишь пятна, темныя и свѣтлыя, чрезвычайно нѣжныя, безъ контура. Затѣмъ нѣкоторыя детали совершенно противоположны всѣмъ свойственнымъ тому времени условіямъ. Такъ, Христосъ всегда изображается съ пригвожденными руками. А между тѣмъ тутъ отпечатокъ гвоздей находится въ запястьи, надъ пястью, что гораздо логичнѣе. Боковая рана перенесена на право въ силу естественнаго перемѣщенія порядка, о чемъ, конечно, не подумалъ бы поддѣльватель. Слѣды терноваго вѣнца находятся не на лбу, а гораздо дальше лба; на головѣ капли кроваваго пота отнюдь не имѣютъ традиціоннаго вида слезъ, приданнаго имъ какимъ-то средневѣковымъ художникомъ. Онѣ избородили лицо, скатившись въ складки и образовали болѣе широкіе стуетки. При этомъ тѣло было обнаженное и слѣды бичеванія видны даже на самихъ мясистыхъ частяхъ. Наконецъ—и это главное—изображенія плащаницы представляютъ негативы. Но это во всякомъ случаѣ не то, что отпечатокъ, который можно наприм., получить, покрывъ какое-нибудь тѣло сангиной и такъ сказать скалькировавъ его на полотно. Нѣтъ, форма изображеній въ этомъ смыслѣ также нарушена и рельефы въ ней гораздо болѣе подчеркнуты, болѣе четки, нежели углубленія. Значитъ тутъ было какое-то химическое воздѣйствіе, тѣмъ менѣе интенсивное, чѣмъ болѣе покрывало отдѣлялось отъ тѣла, которое было въ него завернуто. И вотъ Виньонъ и Кольсонъ изучили „графогеническія“ дѣйствія нѣкоторыхъ веществъ въ подобныхъ условіяхъ и пришли къ выводу, что тѣло Христа просто отпечаталось на полотнѣ. Съ помощью цинковыхъ паровъ, воздѣйствовавшихъ на обыкновенную фотографическую желатино-бромистую пластинку, они открыли, что тѣло, подверженное воздѣйствію амоніачныхъ паровъ, пріобрѣтаетъ способность отпечатываться на полотнѣ пропитанномъ алоэ. А такъ, какъ извѣстно, что употребленіе алоэ было очень распространено при изготовленіи савановъ для обертыванія мертвецовъ среди іудеевъ, и плащаница Христа была приготовлена такимъ же способомъ,

то можно предполагать, что на туринской плащаницѣ мы видимъ дѣйствительно изображеніе фотографіи, происшедшей при посредствѣ этого химическаго процесса. Продѣлавъ подобныя опыты въ тѣхъ же условіяхъ, молодые ученые пришли къ убѣдительнонѣйшимъ выводамъ. Сверхъ того человѣческій потъ, стекая послѣ продолжительной лихорадочной агоніи, сопровождавшей кончину Христа, распятаго на Голгоѣ, всегда выдѣляетъ обильныя щелочныя пары. Такимъ образомъ образованіе фигуры, отпечатанной на туринской рельеви, могло бы быть объяснено вполне рационально: основываясь на приведенныхъ здѣсь опытахъ, можно сказать, что это изображеніе чьего бы то ни было тѣла, обернутаго въ саванъ. Остается установить фактъ, что это было тѣло именно Христа, что и старался подтвердить г. Делажъ передъ парижской академіей наукъ. Цѣлый рядъ соображеній Виньона и Кольсона установили, что эта реликвія долго оставалась собственностію византійскихъ императоровъ. Конечно, полемика не замедлитъ возникнуть по этому поводу и уже Бертелло, знаменитый французскій химикъ, въ засѣданіи парижской академіи наукъ на дняхъ объявилъ фантастическія заключенія реферата объ этомъ Делажа, добавивъ, что легенда о святомъ саванѣ народилась въ 591—594 гг. и что существуетъ яко бы не менѣе 39 такихъ савановъ. Но какъ бы то ни было безспорна выразительная красота этого страннаго образа, отпечатаннаго на обрывкѣ полотна, неотразимо то чувство, какое должны испытывать всѣ, кто видѣлъ его. Самая тайна его происхожденія не можетъ не возбуждать интереса къ открытію Виньона. (Нов. время № 9383).

СОЮЗЪ ЗАКОНУЧИТЕЛЕЙ.

Мысль о необходимости объединенія пастырей Церкви уже давно сознается священниками, очень часто обсуждается въ періодической печати со стороны практическаго своего

осуществленія и уже осуществляется во многихъ мѣстахъ и въ разныхъ формахъ—въ видѣ пастырскихъ собраній, проповѣдническихъ и т. п. Новое осуществленіе этой же мысли проявилось въ видѣ союза законоучителей среднеучебныхъ заведеній Нижняго-Новгорода, исторія возникновенія и уставъ котораго помѣщены въ мѣстныхъ Еп. Вѣдомостяхъ. Приводимъ этотъ уставъ въ цѣломъ его видѣ.

1. Цѣль союза законоучителей—сближеніе ихъ между собою для взаимообмѣна мыслями по вопросамъ теоріи и практики законоучительскаго дѣла.

2. Членами союза по желанію состоятъ законоучители среднихъ учебныхъ заведеній г. Нижняго-Новгорода, со включеніемъ Сергіевскаго духовнаго училища и городскихъ (кромя одноклассныхъ) училищъ по положенію 1872 г.

Примѣчаніе. Членами-сотрудниками могутъ быть всѣ лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ.

3. Члены союза закрытою подачею голосовъ избираютъ изъ своей среды на три года председателя, утверждаемаго въ семь званіи епархіальнымъ архіереемъ. Тѣмъ же порядкомъ избираются и утверждаются товарищъ председателя и секретарь.

4. Председателемъ по усмотрѣнію его и по мѣрѣ надобности назначаются собранія союза.

5. Каждый членъ союза выписываетъ на свое имя, по общему соглашенію на собраніи, одинъ изъ богословскихъ, философскихъ или педагогическихъ журналовъ, который и поступаетъ въ обращеніе между членами по особому расписанію.

6. Выписываемые каждымъ членомъ журналы по окончаніи года поступаютъ въ бібліотеку союза.

7. Каждый членъ союза о выдающихся статьяхъ выписываемаго имъ журнала дѣлаетъ сообщенія въ собраніяхъ союза.

8. Желаящіе даютъ сообщенія въ собраніяхъ о статьяхъ свѣтской періодической печати по вопросамъ религіи и законоученія.

9. Въ собраніяхъ даются желающими примѣрные уроки по преподаванію Закона Божія и допускается оцѣнка ихъ.

10. Въ собраніяхъ ведутся братскія бесѣды по вопросамъ, вызываемымъ законоучительскою практикой и теченіемъ современной жизни.

11. Предсѣдатель союза руководитъ порядкомъ разсужденій на собраніяхъ и назначаетъ очередь докладовъ по предварительнымъ заявленіямъ членовъ.

12. Сообщенія и бесѣды въ собраніяхъ кратко заносятся секретаремъ въ особыя записи, а постановленія собраній журналами представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе епархіальнаго архіерея.

13. На расходы члены союза дѣлаютъ взносы по взаимному соглашенію и передаютъ въ распоряженіе предсѣдателя, который принимаетъ и другія денежныя поступленія въ пользу союза и чрезъ секретаря ведетъ счетъ имъ въ особой записи.

14. По окончаніи академическаго года, секретаремъ составляется краткій отчетъ о дѣятельности союза законоучителей. Отчетный годъ совпадаетъ съ общимъ учебнымъ годомъ.

15. По указаніямъ опыта въ настоящемъ уставѣ могутъ быть дѣлаемы, съ надлежащаго разрѣшенія, измѣненія и дополненія.

Нельзя не пожелать успѣха и процвѣтанія Нижегородскому законоучительному союзу, а также и того, чтобы онъ нашелъ себѣ и подраженія въ другихъ городахъ обширнаго отечества нашего, особенно тѣхъ, которые извѣстны обиліемъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 мая 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюня 2-го.

Содержаніе: Паломничество къ святынямъ г. Кіева. Какое значеніе для дѣятельности пастыря имѣетъ его личный нравственный подвигъ самоусовершенствованія?—Домашнее воспитаніе.—Замѣтки.

Паломничество къ святынямъ г. Кіева.

„Кіевъ—Іерусалимъ, земли Русской“, сказалъ нѣкогда св. Димитрій Ростовскій. Что можетъ быть вѣрнѣе этого сра-вненія? Насколько важенъ въ религіозномъ отношеніи Іеру-салимъ для всего христіанскаго міра, настолько важенъ въ томъ же отношеніи г. Кіевъ для всего Русскаго народа. Въ Іерусалимѣ, съ пришествіемъ на землю Спасителя, загорѣлась заря новой жизни для человѣчества. Здѣсь возсіялъ свѣтъ мі-ру, находившемуся дотолѣ во тьмѣ и сѣни смертной. Здѣсь совершилось дѣло спасенія и обновленія падшаго человѣка. Въ Іерусалимѣ была основана первая христіанская Церковь, давшая изъ своей среды первыхъ мучениковъ, мужественно пострадавшихъ за вѣру Христову. Такія великія событія из-давна упрочили за Іерусалимомъ славу „святаго града“, и

влекутъ къ нему сердца благочестивыхъ людей изъ всѣхъ странъ и народовъ христіанскаго міра. Во всѣ времена христіанской исторіи они стремились сюда, не смотря ни на какія невзгоды и непріятности, воодушевляемые единственнымъ желаніемъ—видѣть собственными глазами тѣ мѣста, которыя запечатлѣны воспоминаніями о нашемъ Спасителѣ, поклониться и облобызать ихъ, помолиться у Гроба Господня за себя и своихъ присныхъ, за свою родину, свой народъ и своихъ государей и получить благодатное утѣшеніе на всю дальнѣйшую свою жизнь.

Въ Кіевѣ занялась заря новой—христіанской жизни для русскаго народа. Здѣсь мужественно подвизались святые русскіе угодники Божіи, и ихъ нетлѣнные мощи являются несомнѣннымъ свидѣтельствомъ ихъ святой жизни и самоотверженной преданности христіанскимъ идеаламъ. Здѣсь пострадали и первые мученики за православную вѣру. Здѣсь, наконецъ, въ теченіе девяти вѣковъ создано много монастырей и храмовъ, являющихся безмолвными, но краснорѣчивыми свидѣтелями великихъ событій въ религіозной и государственной жизни русскаго народа. Черезъ все это Кіевъ и сдѣлался русскимъ Іерусалимомъ. И всякій русскій человѣкъ старается хоть разъ въ жизни посѣтить Кіевъ и поклониться его святынямъ.

Движеніе богомольцевъ въ Кіевъ не во все время года совершается въ одинаковыхъ размѣрахъ. Всего менѣе бываетъ ихъ въ Кіевѣ зимою. Въ этотъ періодъ времени богомольцы прибываютъ въ Кіевъ только лишь по желѣзнымъ дорогамъ. Выдающийся элементъ среди нихъ представляютъ люди торговаго края изъ средней полосы Россіи. Совсѣмъ иной характеръ пріобрѣтаетъ движеніе богомольцевъ въ Кіевъ въ другія времена года. Какъ только наступаетъ весна и подсыхаютъ грунтовыя дороги, къ Кіеву начинаютъ тянуться длинныя вереницы богомольцевъ изъ великорусскихъ губерній: Воронежской, Курской и Орловской, а также изъ губерній юго-западныхъ—Кіевской, Подольской и Волынской. Въ это же время пріѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ небольшія партіи болгарь

изъ Бессарабіи. Раннее прибытіе этихъ богомольцевъ въ Кіевъ объясняется тѣмъ, что только въ это время они располагаютъ свободой отъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Въ Кіевѣ они останавливаются почти всей своей массой въ Кіево-Печерской Лаврѣ, вслѣдствіе чего къ Свѣтлому празднику ихъ скопляется здѣсь отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ. И только незначительная часть ихъ находитъ себѣ пріютъ въ подворьяхъ примыкающихъ къ Лаврѣ церквей Θεодосіевской и Воскресенской. На Страстной седмицѣ они говѣютъ и причащаются св. Таинъ и затѣмъ проводятъ въ Кіевѣ торжественные дни Страстной и Святой седмицъ, присутствуютъ при всѣхъ богослуженіяхъ этихъ седмицъ. Къ концу святой недѣли они спѣшатъ возвратиться домой, чтобы совершить тамъ поминовеніе своихъ усопшихъ родственниковъ и затѣмъ начать работы на поляхъ и въ огородахъ. До 23-го Апрѣля—дня памяти св. великомученика Георгія Побѣдоносца—въ Кіевѣ мало паломниковъ. „Юрьевъ“ день снова привлекаетъ въ Кіевъ богомольцевъ, но преимущественно изъ мѣстностей неотдаленныхъ, изъ губерній Кіевской, Полтавской и Черниговской. Почти всѣ они, на ряду съ массой кіевлянъ, стараются провести 23 Апрѣля въ древнемъ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ, празднующемъ въ этотъ день свой храмовой праздникъ. Съ конца апрѣля начинается массовое движеніе богомольцевъ въ Кіевъ со всѣхъ концовъ Россіи и въ особенности изъ губерній: Орловской, Воронежской, Курской, Гродненской, Смоленской, Кіевской, Херсонской, Бессарабской, Подольской, Волинской, Черниговской, Полтавской, Оренбургской, области войска Донского и даже изъ Галиціи, хотя въ послѣднее время для послѣднихъ затруднителенъ переходъ черезъ русскую границу. Особенно много бываетъ въ это время богомольцевъ изъ губерній Волинской и Подольской. Прибываютъ они въ Кіевъ партіями отъ 10 до 40 и болѣе человѣкъ, подъ предводительствомъ бывалыхъ вожаковъ, совершающихъ хожденіе въ Кіевъ въ теченіе перѣдко одного и двухъ десятковъ лѣтъ ежегодно. Каждая партія намѣчаетъ для себя какой-либо изъ слѣдую-

щихъ весеннихъ праздниковъ: день памяти священномученика Макарія (1-го мая въ Кіево-Софійскомъ соборѣ), день памяти преподобнаго Θεодосія (3 мая въ Лаврѣ), Николинъ день (9 мая) и праздникъ Вознесенія Господня. Богомольцы, намѣтившіе одинъ изъ этихъ праздниковъ являются въ Кіевъ дня за 3—4 до него и непремѣннымъ своимъ долгомъ считаютъ уйти изъ Кіева или въ самый день праздника, или на другой день послѣ него, но никакъ не позже. Вслѣдствіе этого указанными праздниками весьма точно опредѣляется время наибольшаго весенняго наплыва богомольцевъ въ Кіевъ.— На другой день послѣ праздника Вознесенія Господня Кіевъ совершенно освобождается отъ богомольцевъ. И только въ Лаврѣ движутся еще небольшія толпы людей, но это по большей части прїѣзжіе по желѣзнымъ дорогамъ и живущіе въ гостиницахъ, а простого люду бываетъ очень мало. Такъ проходитъ дней 5—6. Къ празднику Святой Троицы снова начинаютъ прибывать богомольцы, но ихъ бываетъ уже значительно меньше и собираются они преимущественно въ Лаврѣ и въ Троицкомъ монастырѣ. Почти всѣ они приходятъ изъ ближайшихъ губерній: Черниговской, Полтавской и Кіевской. Послѣ праздника Св. Троицы до Успенскаго поста движеніе въ Кіевъ богомольцевъ изъ простонародья почти совершенно прекращается. Въ этотъ періодъ времени для крестьянъ наступаетъ страдная рабочая пора, когда всякій свободный часъ для нихъ очень дорогъ. И только къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ приходятъ въ Кіевъ небольшія партіи крестьянъ изъ ближайшихъ къ Кіеву сель и деревень. Въ-мѣсто простонародья, въ это время Кіевскія святыни посѣщаютъ лица духовнаго званія изъ другихъ епархій, купцы изъ Московской и др. губерній, паломники изъ дворянъ и всякаго рода экскурсанты. Даже день памяти просвѣтителя Руси, св. благовѣрнаго князя Владиміра, не привлекаетъ въ Кіевъ большого количества богомольцевъ. Торжественный крестный ходъ, совершаемый въ этотъ день изъ Софійскаго собора и изъ всѣхъ монастырей и церквей гор. Кіева къ нижнему па-

мятнику крещенія Руси, сопровождается почти исключительно одними только кіевлянами.

Съ первыхъ дней Успенскаго поста Кіевъ снова оживляется. Начинають подходить полтавцы, черниговцы, куряне, воронежцы, донскіе казаки, бессарабцы и особенно много жителей кіевской губерніи. Съ каждымъ днемъ число богомольцевъ умножается и къ празднику Успенія Божіей Матери (храмовой праздникъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ) достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Но богомольцы эти значительно отличаются отъ весеннихъ богомольцевъ. Живуть они въ Кіевѣ не болѣе 2—3 дней, путешествуютъ не по всему Кіеву и не особенно запасаются предметами религіознаго почитанія. Все это люди бывалые, съ Кіевомъ знакомые, и являются они въ Кіевъ затѣмъ только, чтобы поговѣть и помолиться Богу при величественной праздничной обстановкѣ. Послѣ праздника Успенія Богоматери богомольцы въ небольшомъ количествѣ собираются только къ праздникамъ: Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, Рождества Богородицы и Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Послѣднимъ праздникомъ заканчивается пѣшеходное движеніе богомольцевъ въ Кіевъ. Съ этихъ поръ простой народъ почти совсѣмъ не посѣщаетъ святынь г. Кіева. Онъ не можетъ подыскать для себя здѣсь дешевыхъ теплыхъ помѣщеній, а въ лѣтнихъ пріютахъ жить становится невозможнымъ. Въ Лавру, впрочемъ, и послѣ этого пріѣзжаютъ богомольцы по желѣзнымъ дорогамъ. Богомольцы эти принадлежатъ къ классу болѣе состоятельныхъ людей. Но и такихъ богомольцевъ бываетъ очень немного.

Общее годовое движеніе богомольцевъ въ Кіевѣ можетъ быть выражено въ слѣдующихъ (приблизительно) цифрахъ.

По записямъ Лаврской страннопріимной конторы за 1900 годъ, въ лаврской гостиницѣ въ теченіе года перебувало слѣдующее число богомольцевъ:

Въ Январѣ	1996 душъ.
„ Февралѣ	2712 „

Въ Мартѣ	7468	„
„ Апрельѣ	19380	„
„ Маѣ	55557	„
„ Июньѣ	22283	„
„ Июльѣ	9166	„
„ Августѣ	10964	„
„ Сентябрьѣ	6626	„
„ Октябрьѣ	5866	„
„ Ноябрьѣ	3744	„
„ Декабрьѣ	3271	„
<hr/>		
Итого	149033	души.

Въ эту записъ посѣтителей Лаврской гостиницы не вошли тѣ богомольцы, которые во время усиленнаго наплыва не находятъ себѣ мѣста въ громаднѣхъ гостиничнѣхъ корпусахъ и принуждены ночевать подъ открытымъ небомъ на обширныхъ дворахъ Лавры, число коихъ простирается до 40—50 тысячъ въ годъ. Итакъ, въ одной только Лаврѣ въ теченіе года число богомольцевъ доходитъ до 200 тысячъ. Но кромѣ Лавры, богомольцы имѣютъ пріютъ въ разныхъ монастыряхъ г. Кіева и въ подворьяхъ приходскихъ церквей. Общее число этихъ богомольцевъ тоже доходитъ до 200 тысячъ, и такимъ образомъ общее число ихъ въ Кіевѣ въ теченіе года простирается до 400 тысячъ. Въ случаѣ же какихъ либо чрезвычайныхъ событій и въ годы большихъ урожаевъ, ежегодно число ихъ превосходитъ 400 тысячъ.

Переходимъ теперь къ болѣе частному описанію движенія богомольцевъ къ Кіеву и по Кіеву.

Наибольшій интересъ представляетъ собою движеніе богомольцевъ въ Кіевъ во время весеннихъ праздниковъ. На этомъ времени мы и сосредоточимъ свое вниманіе.

Весенній наплывъ богомольцевъ въ Кіевъ совершается и по желѣзнымъ дорогамъ, и на пароходахъ, а больше всего пѣшеходомъ: нужно замѣтить, что простой народъ не любитъ путешествовать на богомолье по желѣзнымъ дорогамъ и на

пароходахъ. На свое путешествіе въ Кіевъ онъ смотритъ какъ на подвигъ, а потому и предпочитаетъ совершать его пѣшкомъ. Если же нѣкоторые богомольцы пріѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ, то только изъ отдаленныхъ краевъ, или неспособные уже для пѣшеходнаго путешествія. Что же касается передвиженія богомольцевъ на пароходахъ, то въ послѣднее время оно пріобрѣтаетъ все большіе и большіе размѣры и объясняется это крайней дешевизной пароходныхъ тарифовъ. Пароходы доставляютъ въ Кіевъ богомольцевъ изъ всѣхъ приднѣпровскихъ мѣстностей и особенно много изъ бѣлорусскихъ и херсонской губерній. Прибытіе всякаго парохода на кіевскую пристань въ Маѣ мѣсяцѣ сопровождается движеніемъ огромной толпы поклонниковъ во всю ширину улицы по направленію отъ пристани къ Лаврѣ. Нѣсколько меньшія толпы расходятся отъ пристани на Подоль и на Старый городъ.—Пѣшіе богомольцы входятъ въ Кіевъ съ разныхъ сторонъ: черезъ Николаевскій цѣпной мостъ—съ востока, черезъ Пріорку и Куреневку (сѣверныя предмѣстья г. Кіева)—съ сѣвера, по Брестъ-Литовскому шоссе—съ запада, черезъ Деміевку (южное предмѣстье г. Кіева) и по инженерному спуску—съ юга. Дорога черезъ Николаевскій цѣпной мостъ представляетъ собою древнѣйшій и наиболѣе торный путь для всѣхъ богомольцевъ, направляющихся въ Кіевъ изъ всѣхъ русскихъ областей, лежащихъ по лѣвую сторону Днѣпра.

Начиная отъ с. Броваровъ Черниговской губ. (въ 22 верстахъ отъ Кіева) почти вплоть до самаго Днѣпра богомольцы идутъ по прекрасному шоссе среди огромнаго казеннаго сосноваго лѣса. На опушкѣ лѣса изумленному взору дальнихъ путниковъ открывается необычайно красивая картина. На высокоомъ берегу Днѣпра предъ ними выступаетъ во всей своей красѣ чудная Кіево-Печерская Лавра съ своими златоглавыми многочисленными храмами, съ своимъ великаномъ—красавицей колокольней, съ своими громадами зданій, съ зеленѣющими садами, съ громадными стѣнами. Ниоткуда такъ Лавра не видна, ниоткуда она не представляетъ

столько красотъ, какъ именно съ лѣваго берега Днѣпра, начиная съ опушки лѣса до Николаевского моста. Увидѣвши предметъ своихъ стремленій, предметъ иногда многолѣтнихъ мечтаній, путники, какъ бы по волшебному мановенію, быстро обнажаютъ свои головы и съ крестнымъ знаменіемъ повергаются на землю предъ завѣтной русской святыней. Охваченные чувствомъ глубокаго религіознаго восторга, они забываютъ теперь и усталость, и пережитыя въ пути непріятности, и бодро вступаютъ на грандіозный Николаевскій цѣпной мостъ. Перейдя мостъ, они совершаютъ первую свою молитву въ Кіевѣ въ красивой часовнѣ, устроенной Кіевскимъ Николаевскимъ монастыремъ возлѣ моста у подножія кіевскихъ горъ, и затѣмъ, какъ муравьи, длинной вереницей ползутъ— по Николаевскому спуску и по откосамъ горъ въ Кіево-Щечерскую Лавру.—Сѣверной дорогой входитъ сравнительно незначительное количество богомольцевъ. Дорога эта песчана и для пешеходовъ весьма неудобна, а потому сѣверяне предпочитаютъ пароходное путешествіе въ Кіевъ пѣшеходному.—Съ западной стороны по брестъ-литовскому шоссе подходитъ большая масса богомольцевъ изъ губерній: Каменецъ-Подольской, Волынской и Кіевской. При входѣ въ Кіевъ масса эта развѣтвляется на двѣ мощныя струи. Одна изъ нихъ направляется въ Лавру, а другая—на Подоль къ подворьямъ нѣкоторыхъ приходскихъ церквей и монастырей.—Еще больше богомольцевъ подходитъ къ Кіеву съ юга изъ такъ называемыхъ „лѣсовъ“. Подъ названіемъ „лѣсовъ“ въ народѣ извѣстны пустыни, монастыри и скиты, расположенные въ лаврскихъ и монастырскихъ лѣсахъ на югъ отъ Кіева. Сюда направляются почти всѣ богомольцы изъ губерній: Херсонской, Бессарабской и южныхъ уѣздовъ губерній Кіевской и Каменецъ-Подольской. Здѣсь они говѣютъ, совершаютъ поминовеніе своихъ сродниковъ, служатъ молебны и затѣмъ уже направляются въ Кіевъ черезъ Деміевку, или по инженерному спуску. Большинство изъ нихъ направляется къ Лаврѣ и только нѣкоторая часть—на Подоль. Сюда же приходятъ и тѣ, которымъ не

удается найти, за недостаткомъ мѣста, пріюта въ Лаврѣ или
возлѣ нея.

Свящ. Д. Н—нѣ.

Какое значеніе для дѣятельности пастыря имѣеть его личный нравственный подвигъ самоусовершенствованія ¹⁾).

Какимъ дорогимъ средствомъ къ осуществленію идеи пастырства является у пастыря-подвижника и сердцевища таинства покаянія! Съ чувствомъ полного удовлетворенія, съ сознаниемъ глубокаго мира съ Богомъ и людьми, съ новыми силами, съ крѣпкою любовью къ добру выходитъ каждый вѣрующій послѣ исповѣди у *священника-подвижника*. Пастырь, опытный въ духовной жизни, глубоко проникающій своимъ духовнымъ взоромъ въ самые отдаленные тайники челоуѣческаго сердца, открылъ мірянину все то, чего жаждала его душа; открылъ полную и широкую возможность излиться его наболѣвшей, изстрадавшейся въ житейскомъ морѣ и всегда жаждущей высшей правды и свѣта души; своими указаніями и совѣтами онъ пролилъ въ нее цѣлительный бальзамъ.

Пастырь представилъ грѣховныя соблазны во всей ихъ ужасающей и отталкивающей непритягательности и въ то же время далъ вкусить сладость добра и любви, указалъ путь добродѣтельной жизни, сообщилъ благодатныя силы шествованія по нему,—духовныя силы какъ бы перелились отъ пастыря въ душу кающагося. Эти минуты чистосердечнаго покаянія крѣпко и твердо запечатлѣваются въ душѣ мірянина; свято храня ихъ, онъ съ умиленіемъ воспоминаеть объ нихъ; онѣ служатъ для него какъ бы свѣточемъ въ его блужданіяхъ по житейскому морю, онѣ не допускають ему совершенно погружаться въ мірскіе, чувственные интересы. И падо видѣть и знать, какъ нашъ русскій народъ высоко цѣнитъ и чтить пастырей-аскетовъ, у которыхъ въ минуты душевныхъ не-

¹⁾ См. № 21 за 1902 г.

взгодъ, покаянія и сокрушенія о грѣхахъ почерпаетъ нравственную крѣпость и мощь!..

Еще больше и выше чтить паства пастыря-подвижника, какъ добраго молитвенника. Какъ уже выше замѣчено, личный нравственный подвигъ самоусовершенствованія тѣсно соединяется съ молитвою: сознавая слабость своихъ естественныхъ силъ въ борьбѣ съ грѣхомъ, пастырь невольно прибѣгаетъ къ благодатной помощи, овъ научается искренней и сердечной молитвѣ. А искреннее и глубокое молитвенное настроеніе—высокое достоинство пастыря, которое видимымъ образомъ отражается и на всей его дѣятельности. Пастырь, всегда искренно и горячо молящійся, является не наемникомъ, а истиннымъ, „добрымъ“ пастыремъ. Совершая общественное богослуженіе, исполняя тѣ или другія церковныя требы, пастырь-молитвенникъ не является формалистомъ-чиновникомъ, бездушно исполняющимъ возложенныя на него обязанности. Пастырь-молитвенникъ совершаетъ каждое молитвословіе, уходя въ его смыслъ всѣмъ своимъ существомъ, глубоко сознавая всю важность и значеніе его, исполняя его, какъ дѣло Божье. Искренняя и сердечная молитва открываетъ пастырю возможность сливаться съ жизнью пасомыхъ, переживать все то, что переживаютъ они, радоваться ихъ (семейными) радостями (свадьба, крестины), скорбѣть въ ихъ горѣ и печали (похороны). И такое искреннее и глубокое молитвенное настроеніе всегда оказываетъ сильное и неотразимое дѣйствіе на сердца пасомыхъ. Духъ горячей и сердечной молитвы пастыря тихо и незамѣтно, но широко и властно вливается въ души молящихся мірянъ, постепенно отрываетъ ихъ отъ всего земного, житейскаго, мелочно-эгоистическаго; уноситъ въ высшій міръ свѣта и добра. Съ трепетнымъ умиленіемъ, со слезами чистосердечнаго раскаянія, съ радостнымъ взоромъ прощенія и тихаго блаженнаго примиренія съ Богомъ стоятъ вѣрующіе за молитвой во храмѣ, гдѣ предъ престоломъ Всевышняго возносятся пастыремъ „за вся христіаны“ теплыя, сердечныя молитвы. Души вѣрующихъ очищаются здѣсь отъ прикоснове-

нія всего нечистаго, грѣховнаго, приближаются ко Христу и дѣйствительно вступаютъ съ Нимъ въ самое тѣсное общеніе въ таинствѣ Евхаристіи. Такъ пастырь-молитвенникъ создаетъ царствіе Божіе, которое есть „внутри“ каждаго человѣка (Лук. 17, 21). Одна изъ важнѣйшихъ сторонъ пастырскаго служенія—совершеніе богослуженія—является, такимъ образомъ, дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ пастыря подвижника къ осуществленію основной идеи пастырства.

То же самое нужно сказать и относительно другой области пастырскаго служенія—проповѣдничества. Быть истиннымъ проповѣдникомъ, т. е. всегда умѣть притти навстрѣчу потребностямъ вѣрующаго—великое и трудное дѣло. Проповѣднику нужна прежде всего горячая и безпредѣльная любовь къ людямъ. Необходимо, чтобы каждое явленіе жизни насомыхъ—будь оно печальнаго, скорбнаго или отраднаго характера—находило живой, сочувственный откликъ въ сердцѣ пастыря;—иначе сказать, нужно, чтобы пастырь шелъ съ своимъ любовнымъ словомъ увѣщанія, обличенія, назиданія навстрѣчу каждому сыну Церкви. Нужно, чтобы пастырь вошелъ, проникъ во внутреннее существо человѣка, слился съ нимъ духовно, пережилъ все то, что переживается его паствою, чтобы доставить соответственное, отвѣчающее болѣзнямъ этой паствы лѣкарство. А такое глубокое проникновеніе во внутреннее существо другихъ возможно только, какъ раскрыто выше, при любви; любовь же воспитывается и укрепляется въ сердцѣ человѣка только при горячемъ и упорномъ стремленіи къ нравственному самоусовершенствованію. Далѣе, проповѣднику приходится раскрывать язвы грѣховныя, анализировать душевныя состоянія, борьбу страстей, добрыхъ и свѣтлыхъ порывовъ добра съ низшими и горделивыми влеченіями. Для всего этого необходимо знаніе души человѣка, твердое знакомство съ закономъ душевной жизни; а гдѣ опять пастырь можетъ, прежде всего, почерпнуть эти знанія, какъ не въ изученіи собственной души—черезъ постоянный подвижъ

личнаго нравственнаго самоусовершенствованія? Что выше всего цѣнится въ проповѣди ея слушателями, какъ не жизненность ея, т. е. полное приспособленіе и соответствіе ея ихъ душевному настроенію? Съ замираніемъ сердца слушаютъ вѣрующіе своего пастыря, который любовнымъ словомъ живо и картинно вскрываетъ ихъ нравственные недуги, изображаетъ все грѣховное въ ужасающемъ и отталкивающемъ видѣ и тутъ же указываетъ исцѣленіе отъ душевныхъ болѣзней, страданій и мученій. Слезы раскаянія выступаютъ на лицахъ вѣрующихъ, глубокіе вздохи вырываются изъ сотни грудей, измученныхъ въ житейской борьбѣ съ ея ежеминутными нравственными паденіями, свѣтъ высшей духовной радости начинаетъ озарять скорбныя лица, когда съ церковной кафедры несетъ кроткое и мягкое слово пастыря, изъясняющаго передъ слушателями евангельскія начала благодатной жизни, поучающаго, какъ надо жить „по Божьи“. Съ запасомъ новыхъ, свѣжихъ силъ, съ болѣе крѣпкою и горячею любовью къ добру отходятъ слушатели отъ проповѣдника; съ вѣрою въ торжество и побѣду любви и правды принимаются они за свои обычныя занятія. Въ ихъ души запала искра добра, которая не замедлитъ разгорѣться яркимъ пламенемъ, чтобы согрѣвать все ихъ духовное существо и постепенно приближать ихъ къ Богу. Вѣрующіе готовы слушать голосъ пастыря—истиннаго подвижника,—готовы слѣдовать его указаніямъ и призывамъ къ свѣту и добру, потому что они „знаютъ“ его и онъ „знаетъ“ ихъ (Іо. 10, 14).

Постоянная побѣда надъ грѣхомъ, торжество свѣта и добра надъ царствомъ тьмы и зла, постепенное нравственное очищеніе и болѣе тѣсное единеніе съ Богомъ,—все это не можетъ не наполнять существа человѣка высшимъ миромъ, духовною мощью, свѣтлою радостью. При такомъ внутреннемъ настроеніи пастыря всѣ огорченія, искушенія, скорби и печали, всѣ тернія, которыми обильно усыянъ путь пастырскаго служенія, не могутъ вредить, наносить какой нибудь ущербъ пастырскому дѣланію. Пастырь будетъ смотрѣть на всѣ свои

неудачи и невзгоды, какъ на нѣчто необходимое въ этой юдоли земной, и будетъ умѣть и изъ нихъ извлекать для себя пользу, пастырскій опытъ. Пастырь-подвижникъ всегда будетъ стоять на высотѣ своего призванія; онъ всю жизнь будетъ въ душѣ юношей идеалистомъ, безпредѣльно вѣрующимъ въ любовь, добро и всецѣло преданнымъ правдѣ и истинѣ.

Онъ застрахованъ отъ горькихъ и пагубныхъ для его служенія разочарованій и другимъ образомъ. Постоянно заботясь о своей нравственной чистотѣ, ведя непрерывную и упорную борьбу съ грѣхомъ, онъ будетъ становиться все дальше и дальше отъ возможности возгордиться. Понятно отсюда, что и во всѣхъ своихъ огорченіяхъ онъ будетъ искать причину неудачъ не въ другихъ, а въ себѣ; его не будетъ мучить и убивать мысль о нравственной неискренности людей. Сознывая и живо ощущая свою естественную слабость, недостаточность наличныхъ силъ для борьбы со зломъ, онъ будетъ твердо уповать на высшую, благодатную помощь, будетъ, поэтому, всегда носить въ своей душѣ свѣтлую и глубокую вѣру въ добро и любовь. Для него не можетъ быть разочарованій,—онъ не можетъ отступиться отъ своихъ свѣтлыхъ идеаловъ. Твердыми и смѣлыми шагами, не останавливаясь, пойдетъ онъ впередъ по пути къ ихъ осуществленію.

О высокомъ значеніи для пастырства личнаго нравственнаго подвига самоусовершенствованія не говорить-ли намъ и современная жизнь? Какіе пастыри съ уснѣхомъ проходятъ свое служеніе, какъ не пастыри-подвижники, сами много трудящіеся надъ своимъ нравственнымъ развитіемъ и уже умудренные опытомъ въ духовной жизни? Вспомнимъ *старчество*, это выдающееся явленіе монашеской жизни, и его вліяніе на жизнь народную и общественную, и намъ будетъ особенно ясно значеніе для пастырства личнаго подвига нравственнаго самоусовершенствованія... Человѣкъ, на десятокъ и больше лѣтъ отрѣшившійся совершенно отъ міра, чтобы всецѣло предаться личному подвигу самоусовершенствованія, чтобы въ самомъ корнѣ исторгнуть изъ своего сердца

и побѣдить въ себѣ грѣхъ,—выходить изъ своего долготѣняго затворничества. И вотъ многочисленныя толпы народа—всякаго званія и состоянія—устремляются къ этому старцу. Каждый жаждетъ почерпнуть у него все необходимое для своей души, найти успокоеніе и примиреніе съ жизнью, получить запасъ новыхъ духовныхъ силъ,—и дѣйствительно, каждый находитъ у него искомое для своей души. Старецъ, тонко изучившій жизнь своей души, прослѣдившій всю борьбу съ грѣхомъ, познавшій законы душевной жизни, какъ бы носить въ себѣ духовный ключъ, отмыкающій для него душу каждаго приходящаго къ нему. Онъ прозрѣваетъ внутреннюю жизнь другого; онъ входитъ какъ бы въ его существо и живетъ съ нимъ за-одно. Любовь сливается сердце старца съ ближнимъ; между ними устанавливается тѣсное родство; внутреннія силы переходятъ отъ одного къ другому—отъ болѣе совершеннаго въ духовной жизни къ болѣе слабому. Съ радостью, поэтому, удаляется мірянинъ отъ старца, разсѣявшаго все нависшія предъ тѣмъ надъ его душою тучи мрака, грѣха и зла. Послѣ кроткой и мирной бесѣды съ любвеобильнымъ старцемъ, убитый горемъ, подавляемый бѣдствіями и пуждой оживаетъ и бодро продолжаетъ несеніе тяжелаго жизненнаго креста; ярый злодѣй и преступникъ, повидимому, потерянный для Бога и ближнихъ, возвращается къ истинной жизни, горькими слезами раскаянія облакивая содѣянные имъ преступленія,—мрачный пессимистъ постигаетъ смыслъ жизни, уже въ другомъ свѣтѣ созерцаетъ онъ Божій міръ,—человѣкъ невѣрующій научается молитвѣ и живой вѣрѣ въ Бога. Такъ широко и глубоко вліяніе *старцевъ* на всѣхъ прибѣгающихъ къ нимъ. И нашъ, въ особенности простой народъ, высоко чтить такихъ старцевъ и свято хранить всегда память о нихъ. Гдѣ же нужно искать основную причину этого широкаго и мощнаго пастырскаго вліянія, какъ не въ томъ личномъ нравственномъ подвигѣ самоусовершенствованія, который несутъ старцы—и пребывая въ затворѣ, и выходя изъ него?

Вотъ факты положительнаго характера, краснорѣчиво говорящіе о высокомъ значеніи для пастырства личнаго подвига самоусовершенствованія.

Нельзя не пожелать, чтобы побольше было у насъ на Руси истинныхъ дѣятелей на нивѣ Господней, ревностныхъ подвижниковъ вѣры и благочестія среди пастырей Церкви. Пусть наши разсадники духовнаго просвѣщенія выпускаютъ изъ своихъ стѣнъ побольше юношей-идеалистовъ съ добрымъ сердцемъ, съ свѣтлыми, идеально возвышенными стремленіями, твердою волею, сильными характерами. Пусть свѣжія, молодая силы не разбиваются на первыхъ же шагахъ пастырскаго служенія о сухость, эгоизмъ и безсердечность окружающихъ лицъ, но съ благодатною помощью сѣютъ и возвращаютъ добрыя сѣмена, зажигаютъ кругомъ свѣтъ вѣры и благочестія, разсѣивая окружающій мракъ и непроглядную тьму. Пусть каждый изъ пастырей Церкви не забываетъ и не пренебрегаетъ личнымъ подвигомъ нравственнаго самоусовершенствованія, чтобы—по отшествіи отъ этой временной жизни предъ лицо Всевышняго—каждый изъ нихъ могъ сказать: „се азъ и дѣти мои, яже далъ еси мнѣ“ (Ис. 8, 18).

Н. Горностаевъ.

Домашнее воспитаніе.

Семья имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, особенно въ періодъ ихъ ранняго дѣтства, который, какъ самый нѣжній и чуткій, нуждается въ заботливомъ, непрерывномъ и тепломъ уходѣ и наблюденіи близкаго къ ребенку человѣка. Въ это время начинается формироваться въ немъ будущій человѣкъ, семьянинъ, общественный дѣятель и гражданинъ. Такимъ образомъ, семья, семейный очагъ есть *первая мастерская*, въ которой закладывается фундаментъ для молодого поколѣнія; здѣсь ребенокъ воспринимаетъ первыя впечатлѣнія, здѣсь слагаются его характеръ, склонности, пры-

вычки, воля. Душа дитяти отличается особенною воспримчивостью; все, что дитя видитъ или слышитъ, не пропадаетъ для него безслѣдно, но глубоко западаетъ въ его душу; примѣры родителей или воспитателей рѣшаютъ участь дитяти на всю жизнь, а иногда и на всю вѣчность. Дѣти вообще подражаютъ и стараются подражать старшимъ. Если дитя видитъ свою мать молящеюся, оно само начинаетъ молиться; если мать подаетъ милостыню, дитя бываетъ очень счастливо, когда и ему позволятъ подать милостыню; если мать любитъ ходить въ церковь, съ нею вмѣстѣ привыкаютъ ходить и ея дѣти, и здѣсь у престола Божія, предъ лицомъ всевѣдущаго Бога, изливать всѣ свои радости и всѣ свои скорби. Сѣмена благочестія, такимъ образомъ, мало-по-малу насаждаются въ душѣ дитяти, которое „этимъ самымъ въ преддверіи жизни уже далеко отъ порока и направлено къ добродѣтели; съ теченіемъ времени это обратится въ навыкъ и какъ бы въ природу, и оно уже не такъ легко будетъ увлекаться къ худшему, потому что навыкъ будетъ привлекать его къ добрымъ дѣламъ. Нужны ли на это доказательства? Вся египетская мудрость, всѣ прелести фараонова двора не могли заглушить въ душѣ Моисея любви къ народу Божію, которую вдохнула въ его сердце любовь матери. Отроки Даніиль, Ананія, Азарія и Мисаиль, получивъ благочестивое домашнее воспитаніе, сохранили себя чистыми среди развратнаго вавилонскаго двора и не только прелести искушенія, но и пламень пещный не боязненно попраша. Древніе христіане, насадивъ въ сердцахъ дѣтей своихъ страхъ Божій, любовь къ евангельскому закону, покорность судьбамъ Провидѣнія, отпускали ихъ въ языческія школы, въ которыхъ преподавали языческіе мудрецы, ревностные поборники язычества, злостные враги христіанства,—и что же? дѣти христіанъ не только не ослабѣвали, но еще укрѣплялись въ вѣрѣ, „узнавали лживость идоловъ и научались презирать идоловъ отъ тѣхъ самыхъ, которые имъ удивлялись“ 1).

1) Твор. Гр. Богослова, ч. 4, стр. 76-я.

Такимъ образомъ, благочестію Аноусы мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ Златоуста; благочестіе Нонны даровало міру Григорія Богослова; благочестіе Эмилиі—дало Церкви Василия Великаго, Панкратія, Григорія Нисскаго, Петра Севастійскаго, блаженную Макрину, Феозвію и трехъ другихъ неизвѣстныхъ по имени; благочестіе Моники спасло Августина блаженнаго; благочестивая Еввула насадила сѣмена благочестія въ душѣ св. великомученика Пантелеимона.

Въ древнемъ языческомъ мірѣ также большое значеніе придавалось *семь*. Греки и римляне, прежде чѣмъ отдать ребенка въ школу, старались подготовить его домашнимъ воспитаніемъ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ внушить ему его долгъ любви къ родинѣ, старались воспитать его характеръ. Несмотря на то, что мальчики, напр., находились подъ исключительнымъ вліяніемъ семьи до 7 или 8 лѣтъ, когда они уже поступали въ общественныя школы, матери успѣвали вложить въ нихъ все то, чего требовалъ идеалъ греческаго или римскаго гражданина: храбрость, честность и вѣрность своему слову. Мать Гракховъ Корнелія почитаема была послѣ смерти римлянами, поставившими въ Римѣ ея статую съ лаконической надписью: „Корнелія, мать Гракховъ“!

Въ настоящее время вопросъ о воспитаніи дѣтей является однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ. Имъ занимается и правительство и общество; о немъ толкуютъ и въ домахъ и въ литературѣ. И нужно правду сказать: вездѣ говорятъ, главнымъ образомъ, о недостаткахъ его, горько жалуются на современныхъ молодыхъ людей. Вотъ отецъ и мать жалуются на непочтительность сына, на непослушаніе дочери: „вы отжили свой вѣкъ; это дѣло не вашего ума; ваши убѣжденія *рутинны*“,—говорятъ имъ дѣти. Если прискорбно всякому человѣку слышать подобныя о себѣ отзывы, то каково слышать это отцу съ матерью? А кто виноватъ?—Воспитаніе. „Хочешь ли, чтобы сынъ былъ послушливъ, —говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—съ младыхъ лѣтъ воспитай его въ *наказаніи и ученіи Господни* (Еф. 6, 4). Не почитай излишнимъ

для него слушать Божественное Писаніе. Здѣсь прежде всего онъ услышитъ: *чти отца твоего и матерь твою*. Не говори—это дѣло монаховъ. Развѣ мнѣ нужно сдѣлать его монахомъ? Нѣтъ необходимости сдѣлать его монахомъ. Сдѣлай его христианиномъ“¹⁾. Вотъ другіе родители, которые отравили своихъ дѣтей въ высшія учебныя заведенія. Съ какимъ трепетомъ они слѣдятъ за своими дѣтьми. Но не столько здорověе и успѣхи ихъ занимаютъ, сколько мысль о томъ, не попались ли ихъ дѣти въ какую-либо „исторію“, страшно сказать—политическую? Дѣти-политики! Вотъ чудо нашего вѣка. Не умѣютъ рѣшить болѣе или менѣе сложной арифметической задачи, а берутся рѣшать вопросы государственной важности; не умѣютъ устроить своего благосостоянія, а хотятъ передѣлать весь міръ, всѣхъ осчастливить!.. И это чудо—также плодъ воспитанія... Подобныхъ опасеній не знали родители Василия Великаго и Григорія Богослова. „У обоихъ насъ, говоритъ Григорій Богословъ о себѣ и о другѣ своемъ Василии Великомъ,—было одно упражненіе—добродѣтель. Къ сей цѣли мы направляли всю жизнь и дѣятельность и поощряли другъ друга въ добродѣтели... Мы вели дружбу и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными; не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойтись. Ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе можно заразиться болѣзнію, нежели сообщить другому свое здорověе. Что касается до уроковъ, то мы не столько любили пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна,—это первая и превосходнѣйшая,—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ, куда ходили попреимуществу слушать христіанскія наставленія, другая вела къ наставникамъ наукъ вѣшнихъ. Другія же дороги—на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія, на пиршества предоставляли желающимъ“²⁾. Откуда такая у юношей мудрая разсудитель-

¹⁾ Толков. на посл. къ Ефес., беседа 21-я.

²⁾ „Жизнеописаніе Василия Великаго“, стр. 17, 18.

ность? откуда такая степенность? такое благочестіе?—Отъ христіанскаго воспитанія въ домѣ родителей. Вотъ какъ Эмилиа воспитывала своихъ дѣтей: „Греки,—говоритъ ея жизнеописатель,—начинали обученіе дѣтей почти всегда съ басней и нѣкоторыхъ пѣснеческихъ произведеній; Эмилиа увидѣла, что въ языческихъ произведеніяхъ много мыслей и картинъ, оскорбительныхъ для чистой души. Поэтому, она приняла за учебныя книги священныя пѣсни Давида и притчи Соломона. Изъ нихъ выбрала она нѣкоторыя мѣста молитвенныя, или хвалебныя, или уроки жизненной мудрости и заставляла выучивать ихъ наизусть. Такъ, чѣмъ бы ни занималась, священные стихи и наставленія были постоянными ея спутниками—надзирателями. Эмилиа учила дочь и пѣнію, но не давала ей пѣть пѣсней Анакреона и Сафо. Все, что могло оставлять въ юной душѣ впечатлѣнія низости и смрада нравственнаго, мать удаляла отъ взора и слуха юности. Матери сами водили дѣтей въ театръ и амфитеатръ. Эмилиа признавала, что и то уже вознаграждаемый вредъ отъ театральныхъ зрѣлищъ, что отлучаютъ душу отъ любви къ труду и приучаютъ къ легкомыслію и разсѣянности. Она приучала дочь къ женскимъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству, тѣмъ болѣе, что трудъ физическій укрѣпляетъ ея здоровье. Послѣ домашнихъ занятій Эмилиа водила дочь въ храмъ Божій слушать священныя пѣсни и молитвы“¹⁾. Таковы ли наши дѣти? Таково ли наше воспитаніе?—Чего, чего не прочитали они?—Можно сказать, что они все читали, чего не слѣдуетъ читать, и ничего или почти ничего не читали изъ того, что слѣдуетъ. О Свящ. Писаніи, этомъ основаніи всякаго знанія, они едва ли имѣютъ даже столько понятія, сколько имѣли умные язычники III—IV вѣка. Въ 15 лѣтъ воображеніе нашихъ юношей развращено чтеніемъ романовъ порнографическаго содержанія; самая мысль развращена чтеніемъ книгъ, въ которыхъ безъ уваженія говорится о предметахъ священныхъ или высокой

¹⁾ Жит. св. жень-подвижницъ—Филарета, арх. Черниговскаго.

государственной важности; зрѣніе осквернено соблазнительными театральными представленіями, а духъ—пѣніемъ или слушаніемъ страстныхъ пѣсень. Все ихъ влечетъ къ чувственнымъ удовольствіямъ—и мысль и воображеніе. Что же удержать ихъ на высотѣ нравственной жизни?—Ничто. Отсюда такое печальное и вмѣстѣ страшное явленіе: въ древности дѣти христіанъ воспитывались въ языческихъ школахъ, у языческихъ учителей—и выходили великими христіанами; наши юноши воспитываются у христіанскихъ учителей, въ школахъ христіанскихъ—и однако же многіе изъ нихъ выходятъ съ языческими или полуязыческими убѣжденіями.

Изъ сказаннаго ясно, что напрасно во всемъ винять школу: „основа воспитанія лежитъ въ семьѣ, и преуспѣаніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы“¹⁾. Поэтому, прежде всего и больше всего виноваты родители; *виновато вообще домашнее воспитаніе...* Всмотримся въ него повнимательнѣе... Не будемъ говорить о тѣхъ родителяхъ, которые, по выраженію св. Іоанна Златоуста²⁾, болѣе заботятся о скотахъ, объ ослахъ и коняхъ, нежели о дѣтяхъ. Возьмемъ богатое семейство.

Пока дитя въ колыбели, о немъ заботятся: по крайней мѣрѣ, когда выбираютъ пяньку, освѣдомляются, не пьяница ли она; когда выбираютъ кормилицу, узнаютъ, здорова ли она? Есть опасеніе, значить, за то, чтобы не пострадало здоровье дитяти отъ невнимательности одной и не заразилось бы болѣзнію отъ другой. Но вотъ дитя подрастаетъ,—къ нему приставленъ гувернеръ. Кто онъ?—Окончившій курсъ. Каковы его религіозныя убѣжденія?—Этотъ вопросъ никогда не приходитъ на умъ заботливымъ родителямъ; да если бы и пришелъ, его постыдятся, побоятся высказать, чтобы не показаться отсталыми... Но вотъ дитя подросло; цѣлый сонмъ учителей приставленъ къ нему (объ ихъ убѣжденіяхъ нравствен-

¹⁾ Изъ „Прик. Мин. Нар. Просвѣщ.“ ген.-адъют. П. С. Ванновскаго.

²⁾ Толк. на Ев. Мат., поуч. 59.

ныхъ и религіозныхъ не можетъ быть и рѣчи), начиная съ учителей языковъ и кончая учителями музыки, танцевъ, гимнастики. Все есть, одного только нѣтъ, это—священника, преподавателя закона Божія,—да и на что онъ? Это можетъ сдѣлать нѣмка-гувернантка (да, въ русскомъ обществѣ это, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, бываетъ: лютеране учатъ православныхъ дѣтей закону Божию!!) или сама мать, у которой отъ глубокоученыхъ религіозныхъ познаній, приобретенныхъ въ пансіонѣ, остались въ памяти двѣ—три молитвы... И вотъ съ этими двумя—тремя молитвами, иногда плохо и безъ объясненія выученными, не стыдятся представлять дѣтей на экзаменъ. Не знать чего-либо другого—стыдно, а не знать закона Божія—ничего: вѣдь не въ священники дитя готовится... Можно ли ожидать чего-либо хорошаго отъ подобнаго домашняго воспитанія?

Мы высказали, что при выборѣ гувернеровъ, учителей родители не обращаютъ вниманія на религіозныя ихъ и нравственныя убѣжденія, конечно, съ желаніемъ, чтобы на этотъ важный предметъ было обращено должное вниманіе, и заранее предвидимъ возраженіе. „Какое намъ дѣло до ихъ религіозныхъ убѣжденій,—скажутъ намъ,—лишь бы они знали свое дѣло хорошо: учитель математики—математику, учитель французскаго языка—французскій языкъ и т. п.“—Если мы посмотримъ на дѣло учителя, какъ на дѣло ремесленника, портного, сапожника, слесаря, то, конечно, этотъ взглядъ вѣренъ. Но не унизимъ ли мы этимъ взглядомъ учителей? Не оскорбятся ли они за это на насъ?—Если мы на воспитаніе посмотримъ, какъ на дрессировку ума и памяти, какъ на выправку ногъ, какъ на гимнастику тѣла, то, конечно, много не нужно обращать вниманія на убѣжденія этихъ „выправщиковъ“. Но развѣ такъ нужно смотрѣть на воспитаніе?—Воспитаніе—это образованіе ума и сердца, образованіе всего строя душевнаго, образованіе убѣжденій, которыя никогда не оставляютъ человѣка... Какъ же вы говорите: какое вамъ дѣло до убѣжденій учителя? Развѣ для васъ все равно, будетъ ли

вашъ сынъ, хорошо знающій математику, относиться къ вамъ съ христіанскимъ почтеніемъ, по заповѣди Божіей, или будетъ смотрѣть совсѣмъ иначе и установить къ вамъ такія отношенія, образцы которыхъ мы видимъ между животными (кстати, нѣкоторыя философскія доктрины, напр., дарвинизмъ, силятся поставить человѣка въ рядъ животныхъ)? Развѣ все равно для матери, будетъ ли ея образованная дочь смотрѣть на бракъ съ христіанской точки зрѣнія, какъ на святое таинство, или только съ естественной, какъ проповѣдуютъ нѣкоторые нынѣ? Развѣ все равно для матери, просить ли дочь благословенія ея при рѣшеніи столь важнаго дѣла, или гордо отвѣтить: „не твое дѣло“—и безъ упрека совѣсти, безъ сожалѣнія оставить родной домъ, какъ оперившійся птенецъ оставляетъ гнѣздо своей матери? Развѣ все равно для родителей, для общества, для государства, какъ наши „ученые“ юноши смотрятъ на Богомъ поставленную предерживающую власть—съ христіанской ли точки зрѣнія, или съ другой какой-нибудь?... Если же не все равно, то, значить, не все равно, каковы убѣжденія учителей нашихъ дѣтей. Убѣжденія передаются незамѣтно. Благочестивый учитель, не говоря о благочестіи, влечетъ дитя къ благочестію, а нечестивый, тоже не говоря о нечестіи, влечетъ къ нечестію. Дышачій зараженнымъ воздухомъ неизбѣжно заражается. Дурныя общества портятъ добрые нравы,—это старая, всѣмъ извѣстная истина. Если мы знаемъ, что мастеровой или ремесленникъ зараженъ какою-либо прилипчивою болѣзнію, то не закажемъ ему ни одной вещи—ни обуви, ни одежды, ни простого замка—изъ опасенія заразы. Какъ же не боимся вручать души своихъ дѣтей людямъ, зараженнымъ религіознымъ сомнѣніемъ, невѣріемъ, безбожіемъ или другими нравственными болѣзнями? Вѣдь нравственныя болѣзни заразительнѣе, прилипчивѣе болѣзней тѣлесныхъ.

Ив. Самойловичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

1) „Во время Великаго Поста прихожане дальнихъ деревень, не имѣя возможности исполнить долгъ Исповѣди и Св. Причащенія въ приходскомъ храмѣ, въ теченіе первыхъ дней седмицы приготовляются принятымъ способомъ къ Исповѣди и Св. Причастію на мѣстѣ, а затѣмъ прѣвзжаетъ священникъ, исповѣдуетъ говѣльщиковъ и причащаетъ ихъ Запасными Св. Дарами. Но при этомъ одни священники, коихъ большинство, оставшіяся въ сосудѣ крупицы и частицы Запасныхъ Св. Даровъ даютъ потреблять послѣднему причастнику—человѣку, отличающемуся христіанскимъ благочестіемъ среди прихожанъ; другіе же священники, безъ приготовленія къ причащенію, сами потребляютъ Св. Дары. Отсюда возникаютъ вопросы: 1) можно-ли давать мірянину, въ данномъ случаѣ отговѣвшему и выслушавшему правило, оставшіяся въ сосудѣ частицы Запасныхъ Св. Даровъ? 2) можно-ли потреблять сіи частицы священнику, безъ предварительнаго къ тому приготовленія? И если нельзя, то 3) нужно-ли священнику готовиться всякій разъ предъ причащеніемъ больныхъ на тотъ случай, если бы приготовленные уже для причащенія больного Св. Тайны (уже намокшія въ сосудцѣ) почему либо не могли быть имъ приняты“? (Изъ письма въ Редакцію одного священника Tobol. епарх.).

Православная Церковь вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность (исключенія для больныхъ) всякому священнослужителю, а также и всякому мірянину, желающему достойно причаститься Св. Тайнъ Христовыхъ, надлежащимъ образомъ приготовиться къ принятію сего Святѣйшаго Таинства. „Аще іерей и діаконъ или кто ко причащенію готовися—говорится въ Учительномъ Извѣстіи—предреченное правило церковное и божественному причащенію подобающее, самохотнѣ отъ разлѣненія, или небреженія, или все, или часть пѣкую оставитъ, смертно согрѣшитъ“. Въ виду столь ясныхъ требованій Церкви, долженъ быть признанъ неправильнымъ образъ дѣйствій тѣхъ священниковъ, которые въ вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, безъ приготовленія, сами потребляютъ частицы Запасныхъ Св. Даровъ, остающіяся послѣ причащенія говѣльщиковъ. Не подготовившійся къ сему священникъ можетъ „ничтоже сумнися“ поступать въ данномъ случаѣ такъ, какъ поступаетъ и совершенно правильно—по словамъ письма—„большинство священниковъ“.—Когда Св. Тайны уже приготовлены для причащенія больного, а этотъ послѣдній почему либо не могъ принять Ихъ, то Св. Дары (уже намокшіе въ сосудцѣ) должны

быть употреблены на другой день съ Литургійными Дарами, или въ томъ же домѣ, гдѣ больной лежитъ, преподаны младенцу, могущему принять ихъ. (Письма по Пастыр. Богосл. прот. Попова, ч. II, стр. 76).

2) „*Поминается-ли въ праздникъ Пятидесятницы совершать раннюю Литургію*“?

Праздникъ Пятидесятницы относится къ числу тѣхъ особыхъ дней въ году, когда литургія—по Уставу Церковному—совершается въ соединеніи съ вечернею и когда—по выраженію Учительнаго Извѣстія—„по полудни подобаеъ литургисати“ (дни эти указаны въ „Учительн. Изв.“). Ранней литургіи въ эти дни не полагается. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ранняя литургія служится въ день Пятидесятницы, она совершается безъ вечерни, отправленіе коей относится къ поздней литургіи. Также безъ вечерни (предшествующей) совершается ранняя литургія въ день Благовѣщенія, когда оно случится въ такіе дни Великаго Поста, когда по Уставу совершеніе литургіи должно быть соединяемо съ вечернею.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Феодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 мая 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюня 9-го.

Содержаніе: Къ вопросу о свободѣ совѣсти.—Паломничество къ святынямъ
г. Кіева (продолженіе). — Незамѣнимость виѣбогослужебныхъ себе-
сѣдованій Воскресными школами для взрослыхъ.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти ¹⁾.

Вопросъ о свободѣ совѣсти, какъ всегда былъ въ прош-
ломъ, такъ и теперь является однимъ изъ самыхъ большихъ
вопросовъ жизни. Въ послѣднее время вниманіе русскаго об-
щества было сильно занято имъ. Достаточно было одной толь-
ко рѣчи, правда, какъ говорится, ребромъ поставившей этотъ
вопросъ, чтобы вызвать страстную полемику, родить большую
литературу, взволновать и привести въ движеніе все общество,
раздѣлить его на нападающихъ и защищающихъ Церковь съ
ея нынѣшнимъ состояніемъ и въ ея нынѣшнемъ положеніи.

„Меня спросятъ, говорить г. Стаховичъ въ своемъ до-
кладѣ, — чего вы хотите? Разрѣшенія не только безнаказан-

¹⁾ Предложено въ собраніи Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества 31-го марта 1902 г.

наго отпаденія отъ православія, но и права безнаказаннаго исповѣданія своей вѣры, т. е. совращенія другихъ? Это подразумѣвается подъ свободой совѣсти? Я отвѣчу: „да, только это называется свободой совѣсти“.

Какъ извѣстно, многіе тотчасъ же печатно заявили о своей полной солидарности съ этимъ взглядомъ на свободу совѣсти. Но еще больше высказалось противъ него. И вотъ, если теперь возьметъ кто на себя трудъ познакомиться со всѣмъ, что было высказано за и противъ этого взгляда на свободу совѣсти, тотъ увидитъ, что обсужденіе вопроса сразу приняло острый характеръ спора, въ которомъ на ряду съ существеннымъ много было сказано и такого, что лишь стороною касается предмета и чего, собственно, не слѣдовало бы говорить.

Такъ, нѣкоторые, напр., изъ раздѣляющихъ взглядъ г. Стаховича оставили принципиальное обсужденіе вопроса и набросились на наше духовенство, усматривая въ немъ главную причину пивѣшнихъ религіозныхъ броженій и затрудненій. И тогда какъ одни изъ нихъ считаютъ духовенство отставшимъ отъ времени, малообразованнымъ и поэтому не могущимъ путемъ одного убѣжденія дѣйствовать среди насомыхъ и направить ихъ совѣсть христіанскую, другіе указываютъ на косность, лѣнь духовенства, отчужденность его отъ жизни народной, узкую сословность, наклонность къ барству, къ занятію положенія прежнихъ помѣщиковъ въ жизни народной,—на богатство духовенства (въ примѣръ богатства указываютъ даже такіа обстоятельства, какъ то, что въ Подольской губерніи одинъ священникъ имѣетъ кирпичный заводъ). Не столько просвѣщать народъ надо, чтобы возвысить его, говорятъ эти, сколько надо принизить духовенство до народа, тогда крѣпко будетъ стоять православіе.

Такой возбужденный и спутанный характеръ приняло обсужденіе вопроса о свободѣ совѣсти.

Между тѣмъ, г. Стаховичъ ставитъ вопросъ прямо и отвѣчаетъ на него ясно: свобода совѣсти или свобода вѣро-

исповѣданія необходима не только для блага отдѣльной вѣрующей личности, но и для блага православной Церкви. Не насиліе, а убѣжденіе единственное церковное средство и... больше ничего!

Но не все ясное вмѣстѣ съ тѣмъ и правильно. По мнѣнію многихъ, высказавшихся по этому вопросу, служителей Церкви, а также и свѣтскихъ лицъ, которымъ не въ меньшей степени, чѣмъ и г. Стаховичу, дороги интересы Церкви, докладъ его въ одинаковой мѣрѣ и ясенъ въ положеніяхъ и неправиленъ въ нихъ. Говорилось о задачѣ Церкви, съ которой (задачей) предложеніе г. Стаховича стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій, говорилось о томъ, что задача Церкви состоитъ въ томъ, чтобы расширяться въ членахъ, просвѣщать свѣтомъ Христовой вѣры всѣхъ людей, всѣ концы міра,—такъ что, оставаясь вѣрною своей задачѣ, Церковь не можетъ безразлично относиться къ своему умаленію въ членахъ, къ своему обнищанію въ нихъ. Не мало сказано о томъ, что заставлятъ силою выполнять предписанія Церкви это дѣйствительно значитъ посягать на права личности, на свободу совѣсти, но и допускать *свободный* выходъ изъ Церкви, значитъ допускать ничѣмъ не оправдываемое попустительство, значитъ посягать на право Церкви,—совершать преступленіе противъ христіанской вѣры—грѣховное *небреженіе*. Сказано было объ убѣжденіи, какъ средствѣ воздѣйствія на совѣсть вѣрующаго; что оно первое средство, хотя и не всегда на практикѣ оказывается дѣйственнымъ. Оказываясь маломощнымъ даже въ примѣненіи къ жизни интеллигентной среды, оно въ особенности является такимъ при приложеніи къ заблужденіямъ такой силы, какъ наше крестьянство. Здѣсь часто необходимо бываетъ не только убѣждать, но и удерживать. Допустить полную свободу совращенія—это значитъ отдать простое наше православное крестьянство на расхищеніе и насиліе, на полное надъ его совѣстію господство враговъ православія, сильныхъ своимъ богатствомъ и культурою. Предоставить нашему народу полную свободу и независимость

мнѣнія въ религіозныхъ вопросахъ—это значитъ дать ему возможность перестать быть православнымъ, но не свободнымъ въ своей совѣсти.

Такія, между прочимъ, мысли развивались въ защиту status quo нашей Церкви въ вопросѣ о свободѣ совѣсти.

Къ этимъ мыслямъ я на этотъ разъ присоединяю краткое раскрытіе слѣдующихъ, относящихся къ существу вопроса о свободѣ совѣсти, положеній:

1) Дѣйствительная причина столь сильнаго интереса, съ которымъ современное общество отнеслось къ поднятому г. Стаховичемъ вопросу.

2) Нѣкоторыя данныя изъ прошлаго христіанской жизни, освѣщающія вопросъ о свободѣ совѣсти.

3) Христіанская любовь, какъ положительное условіе христіанской свободы вообще и свободы совѣсти въ частности.

Главная современная идея—стремленіе личности къ духовной независимости. Это стремленіе пытается проникнуть въ религіозную область, чтобы и здѣсь играть ту же роль, которую оно играетъ теперь рѣшительно во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни. „Нужно за всякимъ признавать право исповѣдывать то, что онъ считаетъ истиной“, говорится въ послѣдней (мартовской) книжкѣ Вѣстника Европы (стр. 65). „У однихъ религія, у другихъ философія, у третьихъ—наука. Какъ люди религіознаго сознанія распались на толки и согласія, такъ и мыслители и ученые. Одни—деисты, другіе—пантеисты, третьи—сторонники механической теоріи міра. И даже въ точной наукѣ одни признаютъ самопроизвольное зарожденіе, а другіе нѣтъ. И каждый идетъ, открыто и смѣло объявляя свое credo“.

Вотъ въ чемъ и гдѣ причина той остроты вниманія, съ которою отнеслось общество къ предложенному г. Стаховичемъ разрѣшенію вопроса о свободѣ совѣсти. И поднять этотъ вопросъ и рѣшенъ согласно съ требованіемъ времени, а не съ церковными потребностями, не съ дѣйствительными требованіями совѣсти вѣрующихъ. Теперь царство свободы во всемъ—

въ наукѣ, въ искусствѣ, вообще въ жизни; та же свобода должна быть и въ религіи,—такой современный тезисъ, который открыто выразилъ въ своемъ докладѣ г. Стаховичъ.

Но почему же именно теперь совѣсть вѣрующихъ съ такою силою заявляетъ свои права на свободу? Почему именно теперь личность выступаетъ съ такимъ требованіемъ свободы вѣроисповѣданія? Это не означаетъ, конечно, того, что въ настоящее только время сознанию вѣрующаго ясно представилась необходимость *свободы совѣсти*.

Нѣтъ, вопросъ этотъ не нынѣшній, но освѣщеніе его, которое дается ему г. Стаховичемъ, дѣйствительно нынѣшнее, и почвою для него послужила прежде всего та распатанность христіанскаго вѣрованія, которая повсюду теперь такъ замѣтна, тотъ нравственный упадокъ, та ложь теперешней жизни, то себялюбіе, которыя на всемъ кладутъ свой отпечатокъ и всему даютъ окраску.

„Въ нашемъ обществѣ накопилась необъятная масса лжи“, пишетъ К. П. Побѣдоносцевъ (Моск. Сборникъ, стр. 97, 96), лжи, проникшей во всѣ отношенія, заразившей самую атмосферу, которою мы дышимъ, среду, въ которой движемся и дѣйствуемъ, мысль которою мы направляемъ свою волю, и слово, которымъ выражаемъ мысль свою“. „Жизнь наша стала до невѣроятности уродлива, безумна и лжива“.

И дѣйствительно, мы знаемъ, что самому первому взору, который бросаетъ человѣкъ на жизнь окружающихъ его, послѣдняя представляется въ видѣ картины, дурно дѣйствующей на душу его. Любуется онъ этой картиной, снимаетъ съ нея чертежъ для собственной своей жизни и по этому чертежу старается расположить свою дѣятельность. У молодого человѣка еще нѣтъ своихъ правилъ для жизни, у него нѣтъ установившихся воззрѣній, онъ не выработалъ еще должныхъ понятій о людяхъ и отношеніяхъ къ нимъ, онъ не имѣетъ и опредѣленной, ясно познанной, цѣли жизни; вступая въ людскую среду, онъ стыдится своей неопытности, стѣсняется ея и старается скорѣе усвоить себѣ то, чего собственно долженъ

былъ бы стыдиться, усвоетъ такія понятія о людяхъ и вещахъ, которыя, скрывая истинное ихъ достоинство и цѣну, держать умъ его въ туманѣ ложныхъ сужденій обо всемъ. То, что называется нравственнымъ долгомъ, представляется ему чѣмъ то не только чуждымъ, но прямо враждебнымъ, тяжелымъ, неудобнымъ въ жизни, мѣшающимъ и часто препятствующимъ. Жизненный долгъ его часто бываетъ слишкомъ далекъ отъ нравственнаго. Но когда же и какъ онъ приходитъ въ сознаніе своего нравственнаго долга? Опытъ говоритъ, что нравственный долгъ сознается человѣкомъ по противоположности этому жизненному долгу. Способность отличать правду отъ лжи вырабатывается опытомъ. А между тѣмъ юное сердце—вѣдь это міръ высшихъ святыхъ идей. Поэзія, искусство во всѣхъ его видахъ, стремленіе къ лучшему, любовь—всѣмъ этимъ готово переполниться сердце юноши,—во всемъ этомъ оно имѣетъ живую потребность.

Не болѣе свѣтлая и радующая картина нравственной жизни человѣка представляется наблюдателю ея и дальше. Ставши опытнымъ во злѣ еще въ дни своей юности, человѣкъ и въ мужествѣ остается младенцемъ въ добрѣ, тогда какъ онъ долженъ былъ бы въ это время злобою младенчествовать, по заповѣди апостольской: „не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте“ (1 Кор. XIV, 20). Какъ скоро онъ почувствовалъ себя правоспособнымъ устроить свою жизнь по тѣмъ цѣлямъ, которыя указываетъ ему среда, къ которой онъ принадлежитъ, и званіе, въ которомъ онъ состоитъ, его вниманіе болѣе и прежде всего бываетъ обращено на цѣли жизни чувственной, а не нравственной. Голось чувственныхъ склонностей болѣе пріятенъ ему, болѣе улаживаетъ его слухъ и болѣе приходится по вкусу, чѣмъ голось нравственныхъ стремленій. Это и естественно, такъ какъ подъ воздѣйствіемъ среды чувственныя склонности въ немъ развиваются несравненно скорѣе склонностей разумно-нравственныхъ. Такому человѣку жизнь можетъ представляться не иначе, какъ въ видѣ средства къ наслажденіямъ, а самое на-

слаженіе это—цѣлію жизни. Цѣли этой онъ отдается весь, ее онъ только знаетъ, къ ней стремится, ее жаждетъ, ради нея готовъ отказаться отъ всего, забыть все. Онъ пылаетъ страстью къ міру, которую Слово Божіе считаетъ враждою на Бога. „Не знаете ли, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога? Кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу“ (Іак. IV, 4). Жизнь говоритъ, что такіе люди самую истину превращаютъ во лжу и самую святыню „мнятъ быти скверну“. Они не стѣсняются обнаруживать ложь, но только обнаруживаютъ ее подъ блестящею формою поддѣлки: на словахъ и въ поступкахъ—подъ знаменемъ новыхъ вѣяній и утонченнаго вкуса, а въ сочиненіяхъ проповѣдуютъ чистѣйшій эгоизмъ и себллюбіе, добродѣтель выставляютъ на позоръ, отдавая предпочтеніе пороку. Самый міръ науки, искусства и художества направляется такъ, чтобы служить только эгоизму человѣка и его стремленію къ наслажденіямъ.

Много сдѣлала наука для человѣка и еще больше должна сдѣлать. Она обращаетъ въ пользу человѣка неизмѣримыя силы природы, она открываетъ законы явленій, уменьшаетъ болѣзни, нищету. Думаютъ теперь, что посредствомъ изученія соціальныхъ и экономическихъ фактовъ наука достигнетъ до болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатства, до уничтоженія бѣдности, думаютъ, что благосостояніе общее будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ большее распространеніе чувства братства и, быть можетъ, водвореніе общаго постояннаго мира. Къ этому добавляютъ, что предъ такими благодѣяніями науки тускнѣютъ благодѣянія религіи. „Если бы человѣчество перестало, наконецъ, заблуждаться въ своихъ почтеніяхъ, то оно построило бы алтари великимъ ученымъ—Архимеду, Ньютону, Лавуазье, Смитту и разрушило бы алтари святымъ мученикамъ. Религія учитъ страдать, не уменьшая страданій, она увѣковѣчиваетъ, такъ сказать, ихъ господство, заставляя почитать ихъ; наука же строитъ машины, которыя, сохраняя силы человѣка, дадутъ когда нибудь возможность самой боль-

шей части людей принять участіе въ наслажденіяхъ“. Такъ въ свое время мечтавъ Бокль (Исторія цивилизаціи въ Англии, т. I. гл. IV и V) и мы видимъ, какъ исполнились его мечты. Наука, какъ была, такъ и осталась равнодушною какъ къ благу, такъ и ко злу. Даже болѣе, въ послѣднее время она даетъ рѣшительный перевѣсъ злу. Достаточно указать на эти усовершенствованія въ области истребительныхъ средствъ, на это сосредоточеніе богатства въ рукахъ немногихъ и ужасающую нищету трудящейся массы, на это постепенно распространяющееся безбожіе, чтобы сразу оцѣнить важность научныхъ результатовъ. Вотъ что писалъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія берлинскій генераль-суперъ-интендентъ въ своемъ пастырскомъ посланіи къ подчиненному духовенству: „Мы не должны скрывать, что упадокъ церковной жизни чрезвычайно великъ. Церкви и алтари посѣщаются лишь немногими; большинство же населенія заботится исключительно о временномъ и земномъ. Молитва въ домахъ замолкла. Слово Божіе не читается и еще менѣе исполняется. Число невѣнчанныхъ браковъ до ужаса велико. Преступленія и безнравственность увеличиваются все болѣе и болѣе, благочестіе и уваженіе къ божественному и человѣческому порядку сокрушаются, а суды Божіи не принимаются въ соображеніе и не почитаются“... Если допустить, что на эту картину жизни берлинскаго высокообразованнаго общества наложены слишкомъ густо черныя краски, то все-таки нельзя не видѣть, что картина эта весьма подходяща и къ нашей жизни. Научные результаты, оказывается, не вездѣ такъ благодѣтельны, или лучше—вездѣ не такъ благодѣтельны, какъ слѣдовало бы ожидать. Наоборотъ, мы видимъ, какъ наука освобождаетъ современнаго человѣка отъ религіозныхъ обязательствъ, убиваетъ въ немъ вѣру въ Бога и въ вѣчное будущее. Возьмите хотя бы ученый міръ и въ особенности эту учащуюся молодежь. Вѣдь религія въ этой средѣ упала, ее теперь отвергаютъ, потому что противъ нея говорятъ, яко бы, современные научные результаты. И хотя намъ легко можно показать, но весь-

ма трудно убѣдить такихъ ученыхъ въ томъ, что религія вполне согласуется съ научными данными. По теоріи, напр., Канта и Лапласа, міръ произошелъ изъ скопленія паровъ, и когда масса эта стала вращаться вокругъ своей оси, отъ нея стали отдѣляться кольца, превратившіяся потомъ въ планетные шары. Но 1) откуда произошло это первоначальное скопленіе паровъ? 2) отчего вся эта масса пришла въ движеніе? Пусть точная наука отвѣтитъ на эти вопросы. Она не отвѣтитъ никогда, а между тѣмъ данная научная гипотеза признается въ ученомъ мірѣ чуть ли не за аксіому. Или эта, напр., теорія Дарвина, по которой всѣ существа развились изъ первичной клѣтки путемъ борьбы за существованіе и путемъ естественнаго подбора. А откуда появилась первая клѣтка? Вопросъ этотъ такъ и останется вопросомъ, а теорія Дарвина считается чуть ли не непогрѣшимой. Вотъ почему такіе ученые, какъ философъ Карро, рассуждаютъ такъ: „Если наука ведетъ къ практическому атеизму и матеріализму, то я, нисколько не колеблясь, скорѣе предпочту ей невѣжество. Въ самомъ дѣлѣ, какія слѣдствія для жизни человѣческой отъ того, что люди, получившіе образованіе, стали проповѣдывать что бытіе Бога—пустая абстракція, вымыселъ мистиковъ, что никакой не надо религіи, кромѣ религіи труда, работы, что частная собственность есть воровство, что имѣнія богатыхъ должны быть расхищаемы, что будущей жизни нѣтъ, что всѣ люди должны стремиться къ личному наслажденію, что эгоизмъ есть заправляющее начало всѣхъ человѣческихъ поступковъ и основаніе нравственности и т. п. При всеобщемъ господствѣ такихъ убѣжденій—водворился ли бы когда нибудь земной рай и человѣческое счастье подвинулось ли бы впередъ? Да, наконецъ, и человѣчество стало ли бы стремиться къ просвѣщенію при такихъ обстоятельствахъ? Въ чемъ заключается все обаяніе образованія? Что это такое, что заставляетъ насъ быть увѣренными въ послѣдствіяхъ побужденій, которыя влекутъ людей къ школь? Это то, говоритъ Карро, что мы вѣримъ въ честность, въ постоянное внутреннее

вліяніе релігійозныхъ и нравственныхъ чувствъ; что до школы есть семья, есть отецъ, мать, которые бодрствуютъ надъ молодою душою дитяти—ласкою, примѣрами, легкимъ выговоромъ и наставленіями; что позже священникъ-воспитатель, общество сдѣлають его болѣе живымъ и разумнымъ, что сверхъ виѣшняго слоя знанія остается непочатымъ тотъ драгоцѣнный слой почвы, откуда истекають обильные источники благородныхъ чувствъ самоотверженія, справедливости, благотворительности, безъ которыхъ душа грубѣть, общественная жизнь слабѣть, даже сама наука обращается въ ядъ (*La morale utilitaire*, p. 371—374).

Мы знаемъ, какъ облагороженъ, какъ возвышенъ и какъ переустроенъ художественный міръ, міръ искусства христіанствомъ,—но современный человѣкъ внесъ и туда свой эгоизмъ, себялюбіе, страсть къ наслажденію, наслажденію не духовному, что даетъ эстетика, а плотскому. Искусство стало плотскимъ.

Недавно у себя на родинѣ противъ такого направленія въ искусствѣ объявила походъ здравомыслящая часть нѣмцевъ. Правительство приняло сторону ихъ (*lex Heinze*). Произошла борьба и хотя не была выиграна побѣда, но рѣшительный и твердый протестъ противъ этого направленія въ искусствѣ произвелъ на общество отрезвляющее впечатлѣніе. Съ публичныхъ мѣстъ стали само собою исчезать картины, на полотнѣ которыхъ красовалось безтыдство. Въ Берлинѣ съ большимъ трудомъ прошла на сцену „Власть тьмы“. Тамъ сознано обществомъ, что язвы людскія излѣчиваются не публичнымъ открытіемъ ихъ.

Интересно, какъ отнеслась къ этому отрадному явленію въ жизни нашего сосѣда часть нашей прессы.

Болѣе неправильнаго отношенія къ этому столь серьезному вопросу трудно и представить себѣ. Это—одно высмѣиваніе и издѣвательство надъ тѣми, которые считали указанное вредное, „свободное“ направленіе въ искусствѣ однимъ изъ величайшихъ вопросовъ жизни и дальнѣйшаго нравствен-

наго роста и развитія. Это было въ позапрошломъ году. Совершенно то же произошло и въ прошломъ. Въ Вѣнѣ, по свидѣтельству газеты „Россія“ (отъ 21 марта 1901 года), произвела положительный расколъ въ общественномъ мнѣніи картина Климта „Медицина“. Дѣло это корреспондентъ представляетъ въ такомъ видѣ: „въ прошломъ году, говоритъ онъ, А. Климтъ, одинъ изъ талантливейшихъ вѣнскихъ художниковъ, написалъ картину „Философія“, предназначавшуюся для университетскаго зала. Это было пресловутое, говоритъ корреспондентъ, время Ix Heinze и отголоски берлинскихъ протестовъ слышны были и въ Вѣнѣ. Вѣнскіе профессора,—клерикалы составили коллективный протестъ: „не желаемъ-де этой картины, она безправственна“ и подали министру народнаго просвѣщенія. Картина Климта была отправлена на парижскую выставку, гдѣ ею восхищались посѣтители со всѣхъ концовъ міра. Ей была присуждена высшая награда—золотая медаль. То же самое случилось и съ „Медициной“. Картина выставлена была только недѣлю, говоритъ корреспондентъ, а противъ нея открыта уже цѣлая кампанія. Въ клерикальных органахъ появились статьи, среди профессоровъ агитація и даже въ парламентѣ нѣкоторые депутаты выступили съ энергичнымъ запросомъ. Авторъ газетной замѣтки стоялъ предъ картиною въ восхищеніи, а на другихъ она произвела совсѣмъ не то впечатлѣніе,—приведши ихъ не въ восторгъ, а въ негодованіе. Картина эта показалась имъ нарушающей элементарныя правила эстетики и безстыдно извращающей понятіе о красотѣ въ самой грубой формѣ“. Вотъ какіе вкусы могутъ быть!

Но требованіе такой для искусства свободы не есть ли стремленіе къ насилію надъ другими? Если ты хочешь эстетическаго наслажденія, наслаждайся, но почему же ты не позволяешь и другому имѣть свой взглядъ на эту эстетику, если этотъ взглядъ покоится на его христіанскихъ чувствахъ. Можно ли назвать, въ самомъ дѣлѣ, такое отношеніе къ дѣлу серьезнымъ, безпристрастнымъ, вдумчивымъ? Во имя свободы

и ради нея совершается насиліе надъ совѣстію тѣхъ, по убѣжденію которыхъ эта свобода въ искусствѣ умерщвляетъ все благородное въ жизни, все высокое и святое, посявая и воспитывая въ людяхъ дурное, чувственное, плотское. Въ нынѣшнемъ обществѣ есть спросъ на такого рода товаръ. Искусство идетъ навстрѣчу спросу и чѣмъ лучше и скорѣе удовлетворяется послѣдній, тѣмъ сильнѣе развивается потребность. Неудивительно, если искусство это и на выставкѣ получить золотую медаль, хотя, впрочемъ, присужденіе наградъ тамъ производится не по нравственнымъ мотивамъ. Искусство такое является безнравственнымъ; тогда какъ по существу своему оно должно быть нравственно, такъ какъ между искусствомъ и нравственностію самая тѣсная, можно сказать, органическая связь, такая связь, что гдѣ нѣтъ нравственнаго элемента, тамъ не можетъ быть и истиннаго искусства. И въ обществѣ живо стремленіе къ тому, что даетъ настоящее искусство. Кто, напр., бывая въ Кіево-Владимірскомъ соборѣ, не видитъ тамъ всегдашней толпы, въ нѣмомъ восторгѣ и сердечномъ умиленіи взирающей на Богоматерь кисти Васнецова? Не одну душу возвысило надъ этимъ грѣшнымъ міромъ и освободило отъ всего временнаго и условнаго это великое произведеніе высокаго художественнаго творчества. Что привлекаетъ людей къ лику Богоматери во Владимірскомъ соборѣ? Очевидно, присущее человѣку стремленіе къ міру идеальному, высокому, міру небесному. Зачѣмъ же эти рѣчи о свободѣ въ искусствѣ, когда предъ человѣкомъ необъятная возможность искусствомъ возвышаться въ небесный міръ святыхъ идей и безсмертныхъ идеаловъ, возможность одухотворять свою плоть. Созерцая искусствомъ представленную небесную красоту, человѣкъ въ это время или въ этотъ моментъ дѣлается человѣкомъ въ полномъ и истинномъ значеніи этого слова. Созерцаніе это очищаетъ его душу, возвышаетъ умъ, человѣкъ смотритъ въ вѣчность, смотритъ туда, куда стремится и чего жаждетъ его душа. Стремленіе это неискоренимо, его ничто не въ силахъ уничтожить въ человѣкѣ. Это мы видимъ въ

опытъ современной жизни. Мы видимъ, какъ теперь искусство обращается въ забаву, превращается въ одинъ изъ видовъ самоугожденія, мы видимъ, какъ систематически прививаются теперь обществу особые художественные вкусы и симпатіи, съ грустью мызираемъ на печальные плоды этого свободного искусства, или этой свободы въ искусствѣ.

Свобода эта является не свободою чловѣка, а свободою дѣйствій его или иначе произволомъ. Теперь постоянно слышишь, что свобода сама для себя служить противовѣсомъ, что добрыя чувства уравновѣшиваютъ злыя, что правильно направленная воля нейтрализуетъ дѣйствія той воли, которая ведетъ къ заблужденіямъ и злу. Но, кажется, нѣтъ ничего болѣе недоказаннаго, какъ это мнѣніе. Мы знаемъ, что дурныя страсти острѣе добраго хорошаго чувства. Не такъ важно то, отъ чего это происходитъ, какъ то, что это несомнѣнно такъ.

Епископа Платона.

(Продолженіе будетъ).

Паломничество къ святынямъ г. Кіева ¹⁾.

Пришедшіе въ Кіевъ богомольцы находятъ для себя пріютъ въ разныхъ мѣстахъ. Основная и болѣе многочисленная масса ихъ помѣщается въ лаврской гостиницѣ. Гостиница лаврская представляетъ собой весьма обширное учрежденіе. На обширномъ дворѣ внутри стѣнъ монастырскихъ, къ югу отъ главныхъ монастырскихъ зданій, устроено до 10 огромныхъ многоэтажныхъ гостиничныхъ корпусовъ. Всѣ эти корпуса раздѣлены на номера для болѣе состоятельныхъ богомольцевъ и на болѣе обширныя помѣщенія для сѣраго крестьянъ.

---

¹⁾ См. № 22 за 1902 г.

янского люда. Отъ богомольцевъ второго разряда отбираются на храненіе котомки и сумки, а самимъ имъ предоставляется право устриваться, по своему личному усмотрѣнію, на нарахъ и на полу отведенныхъ для нихъ помѣщеній. Для большихъ въ одномъ изъ корпусовъ устроена страннопріимница, рассчитанная на 50 человекъ, но могущая вмѣстить въ себя, въ случаѣ нужды, и вдвое большее количество людей. Определенной платы за номера и за пользованіе общими помѣщеніями не полагается. Всякій за пріютъ въ лаврской гостиницѣ жертвуетъ по своему личному усмотрѣнію. Отъ бѣдныхъ не только не требуется плата, а напротивъ, для нихъ отпускается изъ лаврской кухни бесплатный столъ. Въ дни наибольшаго наплыва богомольцевъ такимъ столомъ въ лаврской гостиницѣ пользуется болѣе 2000 человекъ ежедневно. Во всѣхъ лаврскихъ гостиничныхъ корпусахъ одновременно можетъ помѣститься болѣе 10000 человекъ. Но и при такой вмѣстимости она не можетъ дать пріюта всѣмъ богомольцамъ, собирающимся въ Кіевъ къ большимъ праздникамъ, когда общее число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ одинъ разъ. Не нашедшіе пріюта въ лаврской гостиницѣ располагаются въ подворьяхъ другихъ кіевскихъ монастырей и нѣкоторыхъ приходскихъ церквей. Такія подворья есть въ монастыряхъ: Михайловскомъ Златоверхомъ, Выдубицкомъ, Троицкомъ, Никольскомъ, Покровскомъ, Флоровскомъ и Братскомъ. Но изъ всѣхъ этихъ подворій только въ подворьѣ Михайловскаго монастыря можетъ помѣститься значительное количество богомольцевъ. Въ послѣднее время здѣсь устроена прекрасная гостиница съ заѣзжимъ дворомъ. Въ виду центрального положенія Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, гостиница эта всегда бываетъ переполнена людьми средняго достатка, пріѣзжающими въ Кіевъ не только для богомолья, но и по другимъ своимъ дѣламъ. Особенно много здѣсь бываетъ духовныхъ, чиновниковъ, пародныхъ учителей, служащихъ на заводахъ и фабрикахъ и т. п. Но представляя большія удобства для интеллигентныхъ и полунинтеллигентныхъ

людей, гостиница эта представляет мало удобствъ для простаго народа. Въ ней очень мало дешевыхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего многимъ изъ простонародья приходится спать подь открытымъ небомъ, сдавши предварительно свои котомки на храненіе въ особо-приспособленныя для этого кладовыя. За пользованіе номерами въ Михайловской гостиницѣ полагается опредѣленная плата, хотя и не особенно высокая. Къ неудобствамъ гостиницы нужно отнести еще и отсутствіе при ней столовой, изъ которой можно было бы получать пищу. Во всѣхъ другихъ монастырскихъ гостиницъ для прїѣзжающихъ нѣтъ. Если же въ подворьяхъ ихъ и останавливаются простыя богомольцы, то къ услугамъ ихъ отводятся всѣ свободныя помѣщенія—коридоры, галереи, сараи, а то и просто сыра мать земля подь небеснымъ шатромъ. Специально для богомольцевъ приспособлены подворья слѣдующихъ приходскихъ церквей: Феодосіевской и Воскресенской, находящихся у южной стѣны Лавры на Печерскѣ, и Добро-Никольской и Покровской на Подолѣ. При печерскихъ церквахъ устроены цѣлыя каменные и деревянные корпуса, разбитыя на отдѣльные номера, а при подольскихъ—только лишь обширныя деревянные галереи, разбитыя на отдѣльныя помѣщенія. Номера предоставляются сравнительно небольшому числу богомольцевъ за небольшую плату, а въ деревянныхъ галереяхъ въ каждомъ отдѣленіи помѣщается ихъ столько, сколько можетъ расположиться для сна по полу. Не смотря на полное отсутствіе какихъ-либо удобствъ въ помѣщеніяхъ послѣдняго рода, богомольцы изъ простаго народа весьма дорожатъ ими и занимаютъ ихъ на расхватъ. Объясняется это тѣмъ, что каждая отдѣльная партія богомольцевъ, имѣя для себя особое помѣщеніе, можетъ съ безопасностью хранить въ немъ свое имущество, переодѣваться въ чистую одежду, отдыхать въ тѣни послѣ утомительныхъ хожденій по Кіеву, безъ стѣсненія подкрѣпляться пищею и, главное, укрываться въ нихъ отъ дождя и непогоды. Въ дни великихъ весеннихъ праздниковъ всѣ эти помѣщенія переполняются. Между тѣмъ подходятъ все

новья и новья партіи богомольцевъ и Христомъ Богомъ умоляютъ дать хоть какой нибудь уголь, гдѣ бы они могли сложить свои вещи и дать покой своему измученному тѣлу и усталымъ ногамъ. Къ услугамъ такихъ богомольцевъ при названныхъ церквахъ отводятся всѣ свободные углы, церковные притворы, чердаки крышъ, колокольни, всѣ свободные сараи при квартирахъ священнослужителей и даже ихъ кухни. Когда и эти углы бываютъ заняты, то запоздавшимъ путникамъ предоставляются громадныя деревянныя лари, раздѣленные на нѣсколько отдѣльныхъ ящичковъ, куда они складываютъ свои котомки для охраны отъ воровъ, а сами располагаются подъ открытымъ небомъ на церковномъ погостѣ. И благо, если погода бываетъ хорошая. Но если пойдетъ дождь, бѣдные неудачники оказываются въ крайне плачевномъ положеніи. Въ такомъ случаѣ настоятели церквей волею неволею разрѣшаютъ имъ собираться въ открытые и освѣщенные по этому поводу храмы, гдѣ они подъ надзоромъ церковныхъ сторожей въ полудремотномъ состояніи и проводятъ бурную ночь.—Кромѣ поименованныхъ четырехъ церквей, въ дни наибольшаго скопленія въ Кіевѣ, богомольцы размѣщаются еще при слѣдующихъ церквахъ: на погостѣ Софійскаго собора, въ галереяхъ Петропавловской церкви на Подолѣ и въ свободныхъ помѣщеніяхъ подольскихъ приходскихъ церквей: Борисо-Глѣбской, Притиско-Никольской, Набережно-Никольской и Кресто-Воздвиженской. Но здѣсь ихъ бываетъ сравнительно немного, да и удобствъ для нихъ представляется гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.—На частныхъ квартирахъ богомольцы изъ простонародья въ Кіевѣ не останавливаются. Обычно они платятъ за свой пріютъ при монастыряхъ и при приходскихъ церквахъ за все время пребыванія ихъ въ Кіевѣ не болѣе 5 копѣекъ. Но за такую плату никто на частной квартирѣ не желаетъ имѣть съ ними дѣло.

Найдя для себя въ томъ или другомъ мѣстѣ надежный пріютъ, время своего пребыванія въ Кіевѣ богомольцы проводятъ такимъ образомъ.

Прежде, чѣмъ начать свое путешествіе по Кіеву для обзора и поклоненія его святынямъ, всякій простой богомольецъ считаетъ своимъ долгомъ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ. Безъ этого онъ считаетъ себя недостойнымъ пойти въ „Печеры“ на поклоненіе мощамъ святыхъ печерскихъ угодниковъ и совершать путешествіе къ другимъ кіевскимъ святынямъ. Но говѣють богомольцы слишкомъ непродолжительно. Хорошо, если они отслушаютъ сполна вечерню и утреню. Но часто они тяготятся и такимъ непродолжительнымъ богослуженіемъ и стараются добрую половину его провести за бесѣдой на церковномъ погостѣ, или за подкрѣпленіемъ пищей. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко приходится настойчиво приглашать ихъ въ церковь. Непосредственно послѣ утрени, обычно совершаемой съ вечера (съ 4¹/₂ часовъ), начинается исповѣдь богомольцевъ. При большомъ стеченіи исповѣдниковъ бываетъ весьма затруднительнымъ поддержаніе надлежащаго порядка въ храмѣ. Обыкновенно каждому желательно поскорѣе подойти къ духовнику, но такъ какъ желающихъ исповѣдываться бываютъ иногда цѣлыя сотни, то и нисколько неудивительно, если въ храмѣ нѣкоторое время бываетъ безпорядокъ, и духовникъ не разъ бываетъ вынужденъ принимать мѣры къ устраненію его. Самая исповѣдь говѣющихъ въ Кіевѣ представляетъ собою особенность, какой не встрѣчается въ великороссійскомъ краѣ. Всякій малороссъ можетъ не сказать духовнику ни объ одномъ изъ своихъ грѣховъ, но за то непременно потребуеть отъ него прочесть ему „сновидѣ“. Подъ такимъ названіемъ въ Юго-Западномъ краѣ извѣстна заимствованная изъ требника митрополита Петра Могилы общая формула исповѣди слѣдующаго содержанія: „Исповѣдаю Господу, Богу, Вседержителю и Преплагословенной Приснодѣвѣ Маріи Богородицѣ, всѣмъ небеснымъ силамъ, и всѣмъ святымъ и тебѣ, отче честный, всѣ грѣхи мои, ихже злѣ содѣлахъ, мыслію, словомъ, дѣломъ, и всѣми моими чувствами. Сихъ всѣхъ, и иныхъ безчисленныхъ моихъ грѣховъ, яже множества ради воспоминаюти, и познати я до себе не возмо-

гохъ, каюся и повинна себѣ Господу Богу моему быти представляю и молю Пречистую Дѣву Богородицу, и вся небесныя силы, да помолятся о мнѣ грѣшномъ Господу Богу моему: такожде и тебѣ, отче честный, и прошу тя, яко имущаго отъ Христа Бога данную власть оставляти грѣхи, да разрѣшиши мя, и простиши и енитимію подаси ми за вся моя согрѣшенія; желаю бо и имамъ волю каятися Божіею помощію“¹⁾). Формула эта имѣетъ много редакцій, но общая мысль всѣхъ этихъ редакцій одна и та-же. И если духовникъ откажетъ малороссу въ прочтеніи „сповіди“, предлагая ему самому исповѣдать грѣхи свои, онъ отходитъ послѣ совершенія таинства покаянія совершенно неудовлетвореннымъ и успокаивается только послѣ того, какъ выслушаетъ гдѣ либо ничѣмъ незамѣнимую для него „сповідь“. Но бывають, впрочемъ, и такіе богомольцы (преимущественно изъ черниговцевъ), которые не имѣють *никакого представленія* объ исповѣди, а потому бессмысленно повторяють предлагаемые имъ духовникомъ вопросы, отрицаются отъ всякихъ грѣховъ и съ чистой совѣстью признають себя святыми. Если же духовникъ разъяснитъ имъ, что никто изъ живущихъ на землѣ не можетъ считать себя святымъ, и снова начнетъ предлагать имъ вопросы о томъ, не чувствуютъ ли они за собой того или другого грѣха, то въ отвѣтъ весьма часто слышитъ такія классическія среди богомольцевъ фразы: „а я знаю?“, „что ступила, то и согрѣшила“, „словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, а больше ничѣмъ“ и т. п.—Вообще же, относительно развитія религіозно-нравственнаго сознанія у богомольцевъ нужно замѣтить, что оно гораздо выше у жителей южныхъ губерній, въ особенности у жителей Подольской и Волынской губерній, чѣмъ у жителей сѣверныхъ губерній. И чѣмъ бѣднѣе богомольецъ, тѣмъ менѣе у него развито религіозно-нравственное сознаніе.—Послѣ исповѣди всякій богомольецъ считаетъ себя

¹⁾ Евхологіонъ, albo молитвословъ, или требникъ. Львовъ, 1682 г., листъ 95—96-й.

вполнѣ достойнымъ пойти въ „Печеры“ и поклониться тамъ мощамъ святыхъ угодниковъ. Обыкновенно хожденіе богомольцевъ въ „Печеры“ совершается раннимъ утромъ (часа въ 2—3) предъ литургіей. Возвратившись изъ „Печеръ“ къ началу проскомидіи, они собираются въ церковь, выстаиваютъ литургію и причащаются Святыхъ Таинъ. Во время говѣнія всѣ болѣе или менѣе состоятельные богомольцы изъ малороссовъ считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ съ вечера или утромъ записаться „на службу Божию“, или говоря иначе, записать въ синодики свои имена и имена своихъ присныхъ, живыхъ и умершихъ, для поминовенія на литургійныхъ экте-ніяхъ. Кромѣ этого, всѣ говѣльщики, откуда бы они ни были, во время проскомидіи подаютъ въ алтарь для поминовенія и изытія частицъ отъ одной до нѣсколькихъ десятковъ просфоръ. При большомъ количествѣ говѣльщико-въ число просфоръ въ лаврѣ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ и изытіемъ частицъ изъ нихъ занимаются нѣсколько іеромонаховъ, при значительномъ штатѣ іеродіаконовъ и послушниковъ. И въ приходскихъ церквахъ бываетъ на проскомидіи нерѣдко по нѣскольکو сотенъ просфоръ. А такъ какъ здѣсь работаетъ одинъ только священникъ, то совершеніе проскомидіи начинается часа въ 4 утра, и совершеніе литургіи затягивается иногда до 10—11 часовъ утра.—Послѣ литургіи причастники подкрѣпляются пищей и затѣмъ расходятся по Кіеву для обзора монастырей, соборовъ, церквей и другихъ кіевскихъ достопримѣчательностей. Живущіе въ лаврѣ, осмотрѣвши лавру и поклонившись всѣмъ ея святынямъ, направляются или въ Выдубицкій монастырь и до Іоны, или на Старый Городъ въ Михайловскій Златоверхій монастырь, Софійскій и Владимірскій соборы, въ Десятинную и Андреевскую церкви, въ княгиницъ монастырь—Покровскій женскій, основанный вел. кн. Александрой Петровной,—въ инокиняхъ Анастасіей. До послѣдняго времени особый интересъ для многихъ богомольцевъ представляло посѣщеніе „Іоны“. Подъ именемъ „Іоны“ въ Кіевѣ извѣстенъ Святотроицкій монастырь, основанный

старцемъ архимандритомъ Іоной, въ схимѣ Петромъ († 9-го января 1902 года), который приобрѣлъ великую славу среди благочестиваго русскаго народа.

По пути изъ лавры на Старый городъ богомольцы заходятъ въ военный соборъ (Большой Николай), въ Никольскій монастырь (Малый Николай), на Аскольдову могилу и въ Александро-Невскую церковь. Здѣсь они становятся свѣчи, прикладываются къ мѣстнымъ святынямъ, записываются на поминовеніе и опускаютъ въ кружки небольшія жертвы.

Михайловскій Златоверхій монастырь привлекаетъ богомольцевъ мощами св. великомученицы Варвары, Софійскій соборъ мощами св. великомученика Макарія, величественной мозаичной иконой Богоматери „Нерушимая стѣна“, чудотворнымъ образомъ святителя Николая Мокраго и вообще своей сѣдой древностію, Владимірскій соборъ—своей высокохудожественной живописью и красотой внутренняго убранства, Десятинная церковь—преданіемъ о св. кн. Владимірѣ,—Андреевская церковь—своей замѣчательной архитектурой и мѣстоположеніемъ и Покровскій монастырь—чуднымъ иѣніемъ монахинь и памятью о строительницѣ монастыря. Улицы и Софійская площадь, расположенныя между старогородскими святынями, во время наплыва богомольцевъ представляютъ необычайное оживленіе. Толпы народа въ разнообразныхъ костюмахъ движутся во всевозможныхъ направленіяхъ.

Уличное движеніе всецѣло переносится и въ старогородскіе обширные храмы. Богомольцы не могутъ долго стоять на одномъ мѣстѣ. Чувство любопытства гонитъ ихъ все дальше и дальше, и они, поклонившись одной святынѣ, переходятъ къ другой и заглядываютъ во всѣ углы храма. Если въ храмахъ богослуженіе не совершается, то къ ихъ услугамъ являются особыя провозатые изъ мѣстныхъ церковнослужителей и сторожей. Подъ руководствомъ ихъ, они осматриваютъ всѣ достопримѣчательности храма, отъ нихъ же получаютъ и всякаго рода свѣдѣнія о мѣстныхъ святыняхъ. Проходя мимо столовъ записчиковъ, многіе изъ нихъ записываютъ свои имена

и имена своихъ родныхъ и знакомыхъ въ поминальныя книги. Плата за запись въ книги всѣхъ одинаковая и не превышаетъ для бѣдныхъ людей 20 копѣекъ за каждую отдѣльную потребу. Но люди состоятельные дѣлаютъ и большія пожертвованія.—Во время богослуженія движеніе богомольцевъ по храмамъ совершается безъ провожатыхъ, вслѣдствіе чего оно бываетъ какъ бы автоматическимъ и весьма безпорядочнымъ. Стоитъ только вожаку партіи тронуться въ какомъ либо направленіи, какъ и вся партія движется въ томъ же направленіи. Да иначе они поступать и не могутъ, такъ какъ, разбившись, они легко могутъ затеряться среди безчисленной толпы богомольцевъ.

Свящ. Д. Н—на.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Незамѣнимость внѣбогослужебныхъ собесѣдованій воскресными школами для взрослыхъ.

Не смотря на все воспитательное значеніе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, нѣкоторые священники, обративъ вниманіе лишь на трудности, съ которыми сопряжены бываютъ внѣбогослужебныя собесѣдованія, пришли къ ихъ отрицанію и утверждаютъ, будто они не пригодны для сельскаго люда. Ссылаясь на то, что на ихъ собесѣдованія приходитъ мало народу, эти священники предлагаютъ сопастырямъ, вмѣсто внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, какъ лучшій испытанный ими способъ наученія прихожанъ истинамъ вѣры и правиламъ жизни, устройство *воскресной школы для взрослыхъ*. Но такъ какъ и воскресная школа не устраняетъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій, какими бываютъ иногда обставлены внѣбогослужебныя собесѣдованія, то сторонники воскресной школы

прямо заявляютъ, что тѣми взрослыми, которые не ходятъ не только на собесѣдованія, но и въ церковь—или по лѣности, или по непониманію важности христіанскаго ученія, слѣдуетъ совсѣмъ пренебречь: такихъ ничѣмъ не заставишь ходить въ воскресную школу. По крайнему разумѣнію этихъ священниковъ, нужно обратить вниманіе на среднее по возрасту поколѣніе, на жениховъ и невѣсты, позаботиться о томъ, чтобы дѣти школьнаго возраста, которыхъ въ приходѣ найдется нѣсколько десятковъ, а равно женихи и невѣсты, которыхъ также найдется въ приходѣ десятки, посѣщали воскресную школу и обучались въ ней грамотѣ и Закону Божію. Достигнуть этого можно, по словамъ сторонниковъ воскресной школы, безъ особеннаго труда. Слѣдуетъ лишь объявить, что всѣ женихи, невѣсты и подростки не будутъ вѣнчаны въ свое время, если не будутъ ходить въ воскресную школу. Подобнымъ же заявленіемъ можно заставить ихъ ходить и въ храмъ по воскресеньямъ и праздникамъ къ богослуженіямъ. Въ воскресной школѣ неграмотные могутъ обучаться *чтенію, письму и счисленію*, а обучившись чтенію, могутъ изучать молитвы и Законъ Божій не со словъ только священника, но и по книгамъ. Кромѣ того, обученіе взрослыхъ *чтенію, письму и счисленію* можетъ заинтересовать ихъ—и, какъ показалъ опытъ занятій этихъ священниковъ въ воскресной школѣ, дѣйствительно заинтересовываетъ взрослыхъ учащихся. Всѣ учащіеся въ воскресной школѣ обязываются неопустительно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ приходять къ утрени и литургіи или, по крайней мѣрѣ, къ литургіи, а по окончаніи богослуженія—быть въ школѣ. Кто не приходитъ въ церковь и въ школу, о такомъ дѣлается отмѣтка въ журналѣ; если же кто часто не бываетъ въ церкви и въ школѣ, такому объявляется, что его неусердіе къ посѣщенію храма и къ изученію Закона Божія помѣшаетъ своевременному бракосочетанію его *).

*) *Яхонтовъ Н.* свящ.: „Преимущ. значеніе *воскр. школы для взрослыхъ* предъ внѣбог. собесѣд. въ сельскихъ приходяхъ“ („Рук. для с. и.“, 1893 г., № 31).

Нѣтъ спору, дѣло народнаго образованія, обученіе неграмотныхъ крестьянъ „чтенію, письму и счисленію“ — дѣло доброе, по справедливости заслуживающее похвалы и поощренія. Но обученіе народа „чтенію, письму и счисленію“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть превосходства предъ внѣбогослужебными собесѣдованіями, и воскресная школа не можетъ съ усѣхомъ замѣнить собою внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Воскресная школа и внѣбогослужебныя собесѣдованія — далеко не одно и то же, и различіе между ними весьма глубокое, можно сказать, принципиальное. Занимаясь въ школѣ, священникъ можетъ лишь *обучать* начальной грамотѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ неграмотныхъ прихожанъ, — на внѣбогослужебныхъ же собесѣдованіяхъ онъ ихъ *назидаетъ* и воспитываетъ. Въ воскресной школѣ священникъ лишь общается элементарныя свѣдѣнія по предметамъ школьнаго курса, — при помощи же внѣбогослужебныхъ собесѣдованій онъ, какъ пастырь, ведетъ своихъ пасомыхъ къ вѣчному спасенію, убѣждая ихъ къ покаянію и перемѣнѣ образа жизни. Предпочитая воскресную школу для взрослыхъ (или, вѣрнѣе, для подростковъ) внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ, священникъ отвращаетъ лицо свое отъ всѣхъ тѣхъ прихожанъ, которые, или въ силу семейнаго положенія, или по причинѣ своего возраста (напр., старости), не могутъ быть учениками въ его воскресной школѣ. Онъ, естественно, бросаетъ на произволъ судьбы, оставляетъ безъ всякаго наученія всѣхъ своихъ прихожанъ, за исключеніемъ нѣкотораго числа жениховъ, невѣстъ и подростковъ. Между тѣмъ, священникъ долженъ поучать, назидать и вести ко спасенію всю врученную ему водительство паству, подражая Христу, Который пришелъ не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать къ покаянію (Мѡ. 9, 13); онъ, какъ врачъ духовный, нуженъ не столько здоровымъ, сколько именно больнымъ (Мѡ. 9, 12), удаляющимся отъ Бога своими грѣховными дѣлами, погрязшимъ въ тинѣ страстей. Оставляя безъ назиданія и наученія ббольшую часть своихъ пасомыхъ, священникъ, при помощи

„чтенія, письма и счисленія“, не въ состояніи побудить къ истинно христіанской жизни и ту меньшую часть прихожанъ, которая посѣщаетъ его воскресную школу: въ лучшемъ случаѣ онъ лишь нѣсколько разовьетъ умственные способности своихъ учениковъ, но въ сердце ихъ онъ едва ли вдохнетъ ревность къ достиженію христіанскаго совершенства, едва ли и волю ихъ подвигнетъ къ неослабному исполненію божественныхъ заповѣдей Спасителя.

Что касается самаго способа привлеченія крестьянскихъ подростковъ къ занятіямъ въ воскресной школѣ (разумѣемъ заявленіе о томъ, что непосѣщающіе школы въ свое время не будутъ вѣнчаны), то это проявленіе пастырской ревности можетъ имѣть мѣсто и въ отношеніи къ непосѣщающимъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, чего не отрицаютъ и сами сторонники воскресныхъ школъ. А потому, сельскій пастырь, ревнующій о спасеніи и назиданіи своихъ пасомыхъ, не долженъ ни въ какомъ случаѣ пренебрегать внѣбогослужебными собесѣдованіями. Если у него есть особенное желаніе видѣть своихъ пасомыхъ самостоятельно читающими Слово Божіе и душеспасительныя книги, то онъ можетъ открыть въ своемъ приходѣ и воскресную школу, не замѣняя, однако, ею внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и ни въ какомъ случаѣ не отмѣняя послѣднихъ, если они уже заведены.

Свящ. А Юрѣвскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 мая 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюня 16-го.

Содержаніе: Къ вопросу о свободѣ совѣсти (продолженіе).— Домашнее воспитаніе (окончаніе).—Паломничество къ святынямъ г. Кіева (окончаніе).—О нашихъ дѣтяхъ.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти ¹⁾.

Разсматриваемая съ болѣе узкой точки зрѣнія политической экономіи, свобода кажется нѣкоторымъ вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ бѣдности—этой неизлѣчимой раны жизни человѣческаго общества. Говорять, что абсолютная свобода промышленности и торговли, уничтоженіе всѣхъ монополій имѣли бы своимъ послѣдствіемъ въ самомъ непродолжительномъ времени умноженіе богатства и исчезновеніе боязни голода и торговыхъ кризисовъ (Carro. La moral. util. p. 375). Другіе, проповѣдуя принципъ равенства и свободы въ социальномъ отношеніи, утверждаютъ, что общественное благосостояніе лучше упорядочивается чрезъ особенное стремленіе каждаго въ отдѣльности, такъ какъ при матеріальномъ улучшеніи частнаго улучшается и цѣлое (Stein, Historisch-kritische

¹⁾ См. № 23 за 1902 г.

Darstellung in patrologischen moralprincipien, p. 256). Спенсеръ въ „Соціальной статистикѣ“ говоритъ, что благо есть совершенство, а совершенство пропорціонально индивидуализаціи, т. е. степени разнородности и напряженности индивидуальныхъ силъ и способностей. По нему, счастье состоитъ въ приспособленіи къ условіямъ существованія, такъ какъ оно достигается при наибольшемъ производствѣ, т. е. при раздѣленіи труда и равной свободѣ. Отсюда изъ такого рода взглядовъ само собою вытекаетъ требованіе абсолютной конкуренціи. Безъ сомнѣнія, въ конкуренціи заключается великая сила, потому что гдѣ нѣтъ соревнованія, тамъ трудно рассчитывать на матеріальный или духовный прогрессъ. Слѣдовательно, благородная, правильная конкуренція, т. е. сообразная съ требованіями разума, весьма полезна. Но картина дѣйствительной жизни совершенно измѣнится, коль скоро неограниченная, абсолютная конкуренція станетъ на степень принципа всѣхъ экономическихъ стремленій и нуждъ и потребуетъ практическаго осуществленія. Въ теоріи здѣсь, конечно, проглядываетъ абсолютная свобода всѣхъ безъ различія. Но если поставимъ себя на твердую почву опыта, то сейчасъ же увидимъ, что эта цѣль не только не достигается, а, напротивъ, предваряется дѣйствіями, радикально противоположными. Допустивъ то положеніе, что каждый долженъ заботиться только о своемъ интересѣ, чтобы улучшеніемъ своего частнаго улучшить общее, мы въ результатѣ получимъ то, что каждый на участіе въ абсолютной конкуренціи имѣлъ бы настолько права, насколько есть у него силы, и настолько могъ бы удерживать это право, насколько онъ сознаетъ свою, ничѣмъ неограниченную, и не отъ чего независящую свободу. Въ результатѣ игра частныхъ интересовъ, несообразная съ требованіями нравственнаго закона. Право сильнаго или грубая сила одного согласно съ этимъ принципомъ вступила бы въ борьбу съ нравственнымъ правомъ и нравственной силой другого. Побѣда будетъ, конечно, на первой сторонѣ, получится торжество плутократіи, капитала. Это можно подтвердить фактами.

Нигдѣ въ мірѣ люди не подошли къ закону равной свободы въ экономическомъ отношеніи такъ, какъ въ Англіи. Точно также нигдѣ не получила такого колоссальнаго развитія система наибольшаго производства при наибольшемъ раздѣленіи труда, какъ въ Англіи. Дѣйствительно, что касается матеріальнаго довольства англійскаго народа, то оно превзошло довольство всѣхъ другихъ народовъ, поражая своею колоссальностію. По расчету англійскаго инженера Фейнберга въ 1865 году въ Англіи было въ ходу 3,600,000 паровыхъ лошадиныхъ силъ, что равняется труду 76 милліоновъ рабочихъ. Принимая для Англіи того времени 5 милліоновъ семействъ, мы находимъ, что на каждую семью приходилось 15 паровыхъ рабовъ. Англійской семьѣ оставалось, повидимому, только наслаждаться жизнію. Еще въ 1860 году Англія вывозила 2,763,000 километровъ бумажныхъ тканей, а этимъ можно было 64 раза обернуть земной шаръ по его окружности. Если Англія на свой счетъ можетъ такъ роскошно одѣть землю, то можно себѣ представить, какъ должны быть одѣты сами англичане. Сбереженіе времени, даваемое желѣзными путями, равнялось въ Англіи въ 1870 году 180 мил. рабочихъ дней. Считая средній заработокъ въ день равнымъ 3, 2 шиллинга, окажется, что въ Англіи было тогда даровыхъ рабочихъ въ одинъ день 250,000 и т. д. Но, странное дѣло, Англіи, могущей одѣть земной шаръ, печѣмъ одѣть своихъ нищихъ. Нищета растетъ тамъ съ ужасающей быстротой. Это видно изъ официальныхъ данныхъ постепеннаго прогрессивнаго увеличенія числа нищихъ. Но цифры даютъ лишь слабое понятіе о нищетѣ народной, потому что къ официальной милостынѣ прибѣгаютъ не всѣ. Не смотря на колоссальное развитіе желѣзныхъ дорогъ, дающихъ сотни тысячъ даровыхъ рабочихъ, Торнтонъ говоритъ, что „въ Англіи на каждого человѣка приходится два, которые болѣе трехъ сотъ дней въ году отъ 10 до 16 часовъ въ сутки поглощены чернымъ трудомъ на фермахъ, заводахъ, рудникахъ, въ лавкахъ. Два человѣка должны исполнять этотъ тяжелый трудъ, чтобы осво-

бодить отъ него третьяго“. (Трудъ, его ложныя требованія, стр. 25). Однако, на что-же расходуетъ эта рабочая сила?

Говорятъ, что Англія страна свободы и политическихъ убѣжденій. И дѣйствительно, въ какомъ другомъ государствѣ возможны республиканскіе митинги въ нѣсколько тысячъ чело­вѣкъ чуть не подъ окнами королевскаго дворца? Протестъ громадной толпы, но безъ всякихъ насилій. Народное самосознаніе достигло той высоты, на которой толпа въ своихъ дѣйствіяхъ является личностію. Но не смотря на эту свободу, народъ англійскій страдаетъ отъ стѣсненій. Члены рабочихъ ассоціацій налагаютъ на себя средневѣковое ярмо, пользуясь самодержавною свободою. На одномъ изъ конгрессовъ (Отеч. Зап. 72, 4, 561) была принята такая резолюція: „свобода труда и промышленности уничтожила корпораціи. Мы должны бороться съ такимъ направленіемъ, не замыкаясь, однако, въ узкія рамки, разбитыя нашими отцами“. Независимо отъ разнаго рода конгрессовъ практическіе англичане повели отреченіе отъ свободы гораздо далѣе. Они почти возстановили цеховой институтъ. Не только помимо всякаго правительственнаго вмѣшательства, а даже вопреки ему, члены конгрегацій наложили на себя цѣпи самой скрупулезной регламентаціи, за неисполненіе статутовъ которой положили въ иныхъ случаяхъ даже смертную казнь. Ассоціаціи эти воровчатъ миллионными капиталами и членами ихъ состоятъ чуть не половина всѣхъ англичанъ. Что же это значитъ? Почему эта масса людей бѣжитъ отъ свободы и ищетъ счастья тамъ, гдѣ царитъ притѣсненіе? Очевидно, свобода въ теоріи и свобода на практикѣ—двѣ вещи совершенно разныя. И вотъ, мы видимъ, что современная жизнь стремится именно къ такой свободѣ вообще и къ свободѣ въ наукѣ, и искусствѣ въ частности. Стремленіе это, какъ мы знаемъ, уже и осуществляется.

Если къ такому положенію вещей присоединить современное свободное отношеніе къ религіи, то получится та жизненная обстановка, въ которой выступилъ со своимъ докладомъ о свободѣ совѣсти г. Стаховичъ, и стануть понятными—

какъ самая возможность появленія такого доклада, такъ и то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на общество.

Теперь, какъ мы знаемъ, все болѣе распространяется то воззрѣніе, по которому жизнь наша является приготовленіемъ къ будущей жизни, но не небесной, а земной. На мѣсто христіанской религіи ставится религія человѣчества, на мѣсто Богочеловѣка—человѣкобогъ. Будущее рисуется, какъ свѣтлое царство полной свободы во всемъ. Вѣра въ Бога замѣняется вѣрою въ человѣка, въ его силы, мощь. Церковь съ ея идеею о вѣчности, съ ея ученіемъ объ отреченіи отъ эгоизма, себялюбія, представляется, поэтому, для многихъ преградой къ этой свободѣ. И мы видимъ, какъ въ послѣднее время въ особенности густѣютъ ряды враждебно настроенныхъ къ Церкви лицъ. Доселѣ было много не признающихъ ни православія, ни инославія, лицъ, совсѣмъ не вѣрующихъ въ Бога. Но эти наши атеисты древняго времени, не вѣруя въ Бога, признавали за другими право вѣровать въ Него и относились съ уваженіемъ къ Его св. Церкви. Противорелигіозныя убѣжденія ихъ на дѣлѣ не являлись противцерковными.

Не то мы видимъ теперь. Графъ Толстой, не вѣруя во Христа, какъ Бога, отвергаетъ Его св. Церковь, ставить для себя задачею разрушить ее, поколебать все зданіе христіанства, вынудивши изъ подъ него краеугольный камень—Исуса Христа. Признавая ученіе Исуса Христа, какъ полезное для жизни, графъ отвергаетъ дѣло Его, какъ бесполезное и съ этой точки оперируетъ надъ человѣкомъ, объясняя для него смыслъ его жизни; вынимаетъ изъ человѣка бессмертную душу, оставляетъ ему одну плоть и сочиняетъ для него,—этого лишеннаго живой души существа,—свою собственную мораль. „Эта мораль стремится не къ тому, чтобы указать человѣку, какъ достигнуть покоя и мира душевнаго, а къ тому, чтобы указать ему, какъ достигнуть покоя плотскаго. Это мораль гигиеническая, цѣль ея—равновѣсіе плоти. Вредное и полезное—вотъ ея высшее начало. И вотъ эту мораль графъ Толстой (не признавая Христа Богомъ) выдаетъ за христіан-

скую. Но Христось въ своей проповѣди имѣлъ въ виду только душу человѣческую, для христіанина плоть имѣеть цѣнность только какъ вмѣстилище духа; для графа же Толстого она имѣеть цѣнность сама по себѣ, ибо въ ней, этой плоти, и заключень весь человѣкъ (Ю. Николаевъ). Но, смотря такъ на человѣка, какъ графъ Толстой смотритъ на жизнь его, или какъ онъ смотритъ на человѣка въ жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ даетъ въ переведенной имъ баснѣ о путешественникѣ, преслѣдуемомъ въ пустынѣ разсвирѣпѣвшимъ звѣремъ.!

Спасаясь отъ дикаго звѣря, этотъ путешественникъ бросается въ пустой колодець, но на днѣ этого колодца онъ видитъ дракона, открывающаго пасть, чтобъ проглотить его. И несчастный, опасаясь выйти, чтобъ не сдѣлаться добычей дикаго звѣря, и не рѣшаясь опуститься на дно, чтобъ не быть съѣденнымъ дракономъ, ухватывается за вѣтку дикаго кустарника. Его руки ослабѣвають, онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ неминуемо погибнуть; продолжая цѣпляться за кустъ, онъ видитъ, какъ двѣ мыши, одна бѣлая, другая черная, сидятъ внизу куста и грызутъ его. Путешественникъ видитъ это и понимаетъ, что гибель неизбежна, но, вися такимъ образомъ, онъ оглядывается и замѣчаетъ на листьяхъ куста нѣсколько капель меда; онъ достигаетъ ихъ языкомъ и слизаетъ ихъ съ наслажденіемъ.

И вотъ къ этому несчастному, висящему надъ пропастью, графъ Толстой обращается съ проповѣдью любви, воздержанія, милосердія. Зачѣмъ ему эти добродѣтели? Для того, чтобы онъ былъ легче и могъ дольше висѣть на вѣткѣ? Но, вѣдь, все равно на верхъ онъ не взлетитъ; да и нечего ему летѣть туда, такъ какъ тамъ ожидаетъ его такая же участь. Положеніе ужасное. Не лучше ли человѣку выпустить вѣтку изъ рукъ и полетѣть въ пропасть, чтобы сразу умереть, вмѣсто того, чтобы умирать безконечно. И все таки нравственное ученіе графа Толстого весьма многими признается евангельскимъ. Попробуйте разубѣдить ихъ! Даже и не „толстовецъ“ сейчасъ же обвинить васъ въ фарисействѣ и ни за что не

повѣрить вамъ, не повѣрить вашей искренности. Напрасно вы будете увѣрять, что вы ничего собственно не имѣете противъ такихъ прописныхъ истинъ, какъ тѣ, что война зло и что она не согласуется съ религіей мира, что обжорство хуже умѣренности, что чистота молодыхъ людей предъ бракомъ лучше разврата и т. д. Напрасно вы станете увѣрять, что дѣло не въ частностяхъ его ученія, а въ основѣ, что нельзя выдавать и считать христіанскою ту мораль, которой чужды Христось—живой Богъ и Спаситель. Васъ на лучший конецъ не стануть слушать, а будутъ смотрѣть на Толстого, который бредеть съ огаркомъ въ рукахъ и думаетъ, что вносить свѣтъ въ жизнь и, конечно, радуется тому, что прививается къ жизни его ученіе, радуется удачной прививкѣ яда къ церковному организму, относя этотъ успѣхъ къ добрымъ качествамъ яда, тогда какъ успѣхъ этотъ зависитъ не столько отъ качества яда, сколько отъ качества той среды, къ которой онъ прививается. Многіе теперь испытываютъ на себѣ и видятъ на другихъ, что жизнь идетъ такъ плохо, какъ хуже не можетъ идти. Они ищутъ, жаждутъ лучшаго. Но вмѣсто того, чтобы обратиться за помощію къ Церкви, къ вѣрѣ христіанской, они обращаются къ ученію Толстого, которое, кстати сказать, такъ просто и въ требованіяхъ своихъ имѣетъ въ виду не ту жизнь вѣчную, а только эту земную. Поэтому принимаютъ ученіе Толстого и по соціальному рецепту его устрояютъ жизнь свою. Извѣстно, что изъ этого доселѣ ничего не вышло болѣе или менѣе серьезнаго,—и сами толстовцы критически относятся къ своему опрощенію, а народъ смотритъ на дѣла этихъ „пановъ“, какъ на баловство. Но почему же и число „толстовцевъ“ не уменьшается и имя Толстого, какъ нравственнаго реформатора, стоитъ въ особенности въ средѣ учащейся молодежи такъ высоко?

Почему?

Потому, что Толстой, освобождая человѣка отъ религіознаго авторитета, освобождаетъ его и отъ всякаго авторитета, подчиненія и зависимости, предоставляя ему полную свободу,

поставивъ на мѣсто воли Божіей волю человѣческую. А это какъ нельзя болѣе подходитъ къ стремленіямъ современнаго человѣка.

Бога нѣтъ. Человѣкъ, поэтому, долженъ жить только для себя, имѣя въ виду себя. Самоугожденіе—главный принципъ жизни, свобода—средство, ведущее къ нему.

И рѣчь г. Стаховича о свободѣ совѣсти въ основѣ своей имѣетъ именно это рабское угожденіе самому себѣ. Быть можетъ, г. Стаховичъ и дѣйствительно преисполненъ былъ, какъ увѣряетъ, благими намѣреніями, выступая съ своимъ докладомъ, тогда помимо его воли устами его къ Церкви предъявила свои требованія современность, предъявила тѣ требованія, которыя св. Церковь никакъ не можетъ выполнить, если не перестанетъ быть собою.

Свобода вѣроисповѣданія! Но сказано Господомъ: „аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь“ (Мѣ. XVIII, 17). Отсюда предоставить каждому вѣрвать, какъ кто хочетъ, не значить ли признать за каждымъ право имѣть своевольное отношеніе къ Церкви, т. е. такого рода отношеніе, которое теперь люди желаютъ имѣть ко всему, ко всѣмъ сторонамъ жизни? Докладъ г. Стаховича долженъ былъ произвести такое впечатлѣніе, какое произвелъ, потому что онъ идетъ на встрѣчу желаніямъ времени, или иначе, желанія времени выражены въ немъ. Не о свободѣ личности въ вѣрѣ надо говорить теперь, а объ улучшеніи этой личности. Если бы современная жизнь была истинно христіанской, если бы современные христіане были дѣйствительно христіанами, то тогда совѣсть ихъ даже и не чувствовала бы церковныхъ узъ. Онѣ существуютъ только для того, кто носитъ имя Христова, не будучи христіаниномъ на дѣлѣ. Надо прежде всего освободиться отъ той скверны, той нечистоты, въ которой мы живемъ и которая составляетъ какъ бы нашу плоть,—такому христіанину нѣтъ жизни внѣ Церкви, ему нуженъ церковный воздухъ и такому можно предоставить полную свободу въ вѣрѣ. О той-же свободѣ, о

которой говорить г. Стаховичъ, говорили и раньше, но всё эти рѣчи такъ и остались безъ приложенія къ христіанской жизни.

Еще въ началѣ христіанства поднимался вопросъ о свободѣ совѣсти, поднимался почти въ той же формѣ, въ какой поднять и теперь. Въ четвертомъ вѣкѣ положеніе христіанской церкви оказалось крайне опаснымъ. Отъ времени апостоловъ прошло уже болѣе двухъ столѣтій. Живое преданіе апостольское естественно должно было ослабѣть. Главнымъ источникомъ для усвоенія христіанскихъ истинъ было Свящ. Писаніе, которое, не восполняясь преданіемъ, давало широкій просторъ личному толкованію. Еще Оригенъ отвѣчая на тѣ упреки, которые дѣлалъ христіанству язычникъ Цельсъ, не отрицалъ существованія у христіанъ разностей въ пониманіи Св. Писанія; но, съ своей точки зрѣнія, находилъ въ этихъ разностяхъ только доказательство важности основъ христіанства и пользы его для жизни. Ссылаясь на примѣры медиковъ и философовъ, распадающихся на различныя секты по разнообразію вопросовъ, какими занимаются, и способовъ рѣшенія ихъ, а также и на примѣры іудеевъ, раздѣляющихся на секты, вслѣдствіе различнаго толкованія книгъ Моисеевыхъ и писаній пророческихъ, Оригенъ полагалъ, что по высотѣ христіанства секты въ немъ даже необходимы, такъ какъ изслѣдованіемъ его занимаются весьма многіе изъ людей ученыхъ, и хотя всё одинаково считаютъ извѣстныя изреченія божественными, естественно расходятся въ пониманіи ихъ. (Migne, Ser.-graeca, t. XI, III, 12).

Такое воззрѣніе на отношеніе къ основамъ христіанства становилось все болѣе и болѣе ходячимъ среди ученыхъ, приливъ которыхъ постепенно увеличивался, и между которыми Арнобій упоминаетъ и ораторовъ, и грамматиковъ, риторовъ, юрисконсультовъ, медиковъ и философовъ (Migne, Ser.-latina, t. V, II, 5).

По мнѣнію Лактанція, личный разумъ, личное сужденіе человѣка и независимость этого сужденія отъ возможныхъ

преданій, главнымъ образомъ и должны были имѣть мѣсто въ религіи (Migne, ser.-lat., t. VII, 11. 8), такъ какъ мудрость и религія — понятія нераздѣльныя, и ложь язычества, по словамъ его, въ томъ и состояла, что въ немъ ничего не давалось для жизни, ничего для мудрости, ничего для вѣры, а все сводилось, какъ выражается онъ, къ культу, имѣющему отношеніе къ пальцамъ (Ibid. IV, 3). Лактанцій ставилъ даже въ укоръ язычникамъ ихъ сдержанность относительно религіозныхъ вопросовъ (Ibid. V, 20).

Высказывая подобныя возрѣнія, ни Оригенъ, ни Лактанцій не подозрѣвали всей опасности ихъ. Вѣра въ силу человѣческаго ума и въ любовь его къ истинѣ была естественна въ Оригенѣ при его личной геніальности и горячей любви къ христіанской истинѣ. Оригенъ, остановившій въ свое время развитіе и распространеніе возникшей въ Аравіи ереси однимъ своимъ личнымъ вліяніемъ и убѣжденіемъ возвратиться въ лоно церкви самаго ересіарха (Евсевія, Исторія, кн. IV, 33), не могъ даже и представить себѣ возможности появленія въ Церкви такихъ заблужденій, которыя не поддались бы убѣжденіямъ и доводамъ разума. Послѣ и самъ онъ подвергся церковному осужденію за неправильный образъ мыслей въ нѣкоторыхъ пунктахъ христіанскаго ученія. Могъ и Лактанцій отстаивать свободу личнаго разума въ дѣлѣ религіи и посылать даже укоры язычникамъ за ихъ сдержанность въ этомъ дѣлѣ. Онъ могъ держаться такого взгляда потому, что не успѣлъ еще на дѣлѣ увидѣть этой свободы и не могъ предполагать того, что свобода эта можетъ не ограничиться областію того, что въ христіанствѣ преподается для жизни, для мудрости, а перейдетъ и въ область того, что преподается для вѣры. Но умные и образованные язычники того времени, со стороны наблюдавшіе за постепеннымъ развитіемъ въ средѣ христіанской личной свободы разумнѣя его, яснѣе видѣли ту опасность, какою она грозила христіанству. Въ ряду упрековъ, которые дѣлаеть у Минуція Феликса христіанству язычникъ, самый важный тотъ, что христіанство стре-

мится къ разрѣшенію такихъ вопросовъ, которые превышаютъ область человѣческаго вѣдѣнія, и по которымъ нельзя сообщить ничего вѣрнаго и точнаго. По словамъ язычника средства человѣческаго ума недостаточны для уясненія не только природы божественной, но и той видимой природы, которая надъ нами и подъ нами; равно какъ и для доказательства того, есть ли дѣйствительно въ природѣ и жизни слѣды божественнаго промысла. Находя самыя попытки ума человѣческаго въ этомъ направленіи недозволительными и нечестивыми, язычникъ выставялъ превосходство язычества предъ христіанствомъ въ томъ, что оно представляло собою, по крайней мѣрѣ, такую религію, въ которой всѣ были твердо согласны, хотя и не могли отдать отчета въ ея происхожденіи, — религію древнюю, полезную и спасительную. Развивая такого рода мысли, язычникъ не могъ безъ негодованія не отмѣтить тотъ фактъ, упущенный изъ вида и Оригеномъ и Лактанціемъ, что „нѣкоторые (изъ христіанъ) необразованные, невѣжды, чуждые понятія о самыхъ простыхъ искусствахъ, осмѣливаются разсуждать о сущности вещей и Божествѣ, о чемъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ спорятъ между собою философы различныхъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, ограниченности человѣческаго ума такъ далеко до познаній Бога, что ему недоступно ни то, что находится надъ нимъ на небѣ, ни то, что заключено въ глубокихъ нѣдрахъ земли, ему не дано это знать и постигать, и даже нечестиво пытаться проникать въ эти тайны („Октавій“ V. Сочиненія др. христ. апологетовъ, протоіер. Преображенскаго, Спб. 1895, стр. 228—229).

Невольно съ этимъ согласишься, когда вспомнишь, какъ и чѣмъ такъ скоро показало себя въ христіанской жизни свободное отношеніе разума къ истинамъ вѣры. Аріанство и дальнѣйшія ереси, такъ терзавшія Церковь, во всей силѣ показали страшную опасность для жизни отъ полной свободы въ отношеніи къ вопросамъ вѣры и необходимость нѣкоторой въ этихъ вопросахъ сдержанности.

Что было въ христіанской древности, то можно наблюдать и теперь. Не успѣлъ, какъ говорится, г. Стаховичъ высказаться по вопросу о свободѣ совѣсти, какъ такіе писатели, какъ Боборыкинъ, напр., налету схватываютъ его мысли и пускаютъ въ оборотъ. И навѣрное г. Стаховичъ готовъ откеститься отъ этихъ сотрудниковъ. По крайней мѣрѣ, онъ не утверждаетъ того, что именно внѣ церкви истинное христіанство, какъ то утверждаетъ г. Боборыкинъ, по которому и штундизмъ есть „богоискательство“, всегда живущее въ русскомъ народѣ, и штундистъ есть истинный христіанинъ (В. Евр. Мартъ, стр. 76), что въ расколѣ и сектантствѣ одно только хорошее, тамъ, между прочимъ, существуетъ великій социальный принципъ солидарности и равномѣрнаго распредѣленія земныхъ благъ. „Скиты!“ восклицаетъ Боборыкинъ,—какой хозяйственный бытъ! Вотъ настоящая школа народно-этического воспитанія!“ (стр. 72). А между тѣмъ, сердце охватываетъ глубокая скорбь и пронизываетъ острая боль отъ одного представленія всей этой массы сектъ, которыя суть плодъ религіознаго невѣжественнаго свободомыслія. Ну, можно ли назвать школой народно-этического воспитанія эту, напр., „двигаловскую вѣру“ или „коммерсантовъ рай“,—толкъ, недавно появившійся въ Саратовской губерніи. Основатель его, крестьянинъ Аѳанасій Коноваловъ съ сыномъ Андреемъ продаютъ своимъ послѣдователямъ мѣста въ раю, говоря, что теперь время послѣднее и мѣсть въ раю осталось мало, а потому нужно покупать заблаговременно. Есть въ раю первый классъ и стоитъ 10 рублей, а есть и второй, цѣною въ 5 рублей. Первоклассники могутъ посидѣть въ креслѣ и полежать на диванѣ, а второклассники будутъ сидѣть на тубареткѣ и смотрѣть на блаженство первыхъ. Мѣста въ раю продаются не только живымъ, но и мертвымъ. Продажа мѣсть послѣднимъ происходитъ такъ: умершаго умываютъ три раза холодной водой, надѣваютъ бѣлую длинную рубашку и бѣлый длинный халатъ и закутываютъ съ ногъ до головы бѣлыми нитками. Коноваловы берутъ умершаго за го-

лову, а двѣ старыя дѣвицы—за ноги и *двигаютъ* (отсюда *двигаловская стѣна*) его взадъ и впередъ по лавкѣ три раза, приговаривая: „днесь съ нами и въ раю съ нами“ (Миссіонерскій календарь на 1902 г. стр. 206—207).

А эти дырники или дыромоляи.

Или эти лучипковцы, которые вмѣсто свѣчей употребляютъ лучину и вѣрятъ, что „у кого она больше дымить, того молитва угодна Богу;—*тѣвяки*, или *тѣшаки*, которые утверждаютъ, что, при произнесеніи словъ молитвы Иисусовой „Сыне Божій“, нужно полагать руку сначала на лѣвое плечо, а не на правое. Однако, между собой они жарко спорятъ о томъ, какъ нести руку съ лѣваго плеча къ правому, надъ носомъ или мимо рта. (Тамъ-же, стр. 211). Не говоря, напр., о бѣгунствѣ и нѣтовщинѣ, въ которой сами себя сжигаютъ и поютъ о всеобщей гибели. А эти немоляки, некудышники, хлысты, скопцы... Да и этотъ нашъ южно-русскій протонародный рационализмъ, этотъ невѣжественный штундизмъ, не вызываютъ ли не восхищеніе, а глубокую скорбь? Несчастные въ своемъ ослѣпленіи эти сектанты вступили на гибельный путь и пришли къ своему положенію, отдавшись водительству своего ума въ дѣлѣ вѣры, не желая знать никакого авторитета въ немъ. Между тѣмъ, „есть два пути, говоритъ бл. Августинъ, которымъ мы должны слѣдовать, когда насъ мучить мракъ окружающихъ явленій: это разумъ и авторитетъ. Разумъ освобождаетъ отъ мрака весьма немногихъ. Авторитетъ же бываетъ частію божественный, частію человѣческій; но истинный, прочный и высшій авторитетъ тотъ, который называется божественнымъ. Этотъ авторитетъ долженъ своими дѣлами показать свою власть, своимъ уничиженіемъ научить милосердію, — а все это дается въ той религіи, въ которую мы посвящаемся, и въ которой жизнь добродѣтельныхъ людей освящается авторитетомъ Таинствъ. („О порядкѣ“, гл. V, IX). Такимъ образомъ, по взгляду блаженнаго Августина, вѣрующій въ вопросахъ вѣры долженъ подчиняться авторитету Церкви.

(Продолженіе будетъ).

Домашнее воспитаніе¹⁾.

Душа всякаго христіанина, а преимущественно дитяти, есть храмъ Св. Духа; она должна быть чиста, какъ солнечный лучъ, бѣла, какъ снѣгъ; она такъ недавно еще омыта водою крещенія; это—святыня, которой ничто скверное и нечистое не должно касаться... Но... какъ рано этотъ храмъ Божій начинаетъ скверниться? Невольный страхъ объемлетъ душу, когда подумаешь, что это дѣлается не наемными учителями, не грубыми слугами, а самими родителями. Въ самомъ дѣлѣ, всмотримся въ нашу жизнь... Какъ часто наши дѣти бываютъ свидѣтелями нашей лжи—самой наглою, нашей лести—самой постыдною? Какъ часто въ присутствіи ихъ ведутся разговоры самые нескромные, дѣлаются намеки самые нецѣломудренныя? Какъ часто при нихъ осмѣиваютъ добродѣтель, а пороки хвалятъ? Не называютъ ли скромность—необразованностью, дерзость—откровенностью, смиреніе—раболобствомъ, гордость и славолубіе—величіемъ души, кротость—трусостью, расточительность—человѣколюбіемъ, религіозность—ханжествомъ, незлобіе—безсиліемъ, нищихъ—тунеядцами, лести—умѣнемъ жить въ свѣтѣ и проч.?... При такомъ хаосѣ понятій, могутъ ли наши дѣти имѣть здравое понятіе о нравственности?—Какъ часто люди бѣдные, но честные пользуются нашимъ невниманіемъ, чуть не презрѣніемъ, а люди знатные и богатые, хотя и съ сомнительною нравственностью, встрѣчаются съ поддѣльнымъ восторгомъ, съ изысканною вѣжливостью? Какъ часто тѣхъ людей, предъ которыми такъ льстили, тотчасъ начинаютъ осуждать, какъ только они оставили порогъ нашего дома! Что думаютъ о насъ въ это время дѣти наши? Не внушаемъ ли мы имъ презрѣнія къ себѣ? Какой урокъ они могутъ вывести для себя изъ тѣхъ мнѣній, какія они слышатъ о себѣ въ свѣтѣ? Ибо къмъ восхища-

¹⁾ См. № 22 за 1902 г.

ются тамъ? Кто собираетъ дань похвалы и удивленія? Юноша ли скромный, цѣломудренный, смиренный труженикъ? Какъ часто этихъ юношей преслѣдуетъ насмѣшка! „Онъ неловокъ, неуклюжъ, скученъ, педантъ“... Какъ часто подобные отзывы приходится слышать нравственному юношѣ! Восторгъ и похвалы безъ разума часто отдаются блестящей праздностворкой вѣтренности, пустой болтливости, иногда даже цинической, нескромной. Вотъ и будь нравственнымъ юноша!!!

Далѣе, вслушаемъ въ тѣ наставленія, совѣты, замѣчанія, выговоры, которые дѣлаютъ родители своимъ дѣтямъ. Вотъ отецъ хочетъ внушить сыну любовь къ наукѣ, хочетъ убѣдить его серьезно заниматься наукою. Для этой цѣли онъ ставитъ ему въ примѣръ людей обогатившихся, получившихъ высокія должности, вообще, указываетъ только на *славныхъ земли*. Спрашивается, что онъ старается развить въ душѣ своего сына—любовь ли къ наукѣ, или страсть къ богатству, къ чинамъ, къ почетному положенію въ обществѣ? А указаль ли онъ хоть разъ на прославившихся на небесахъ?—О, объ этомъ никто и не вспомнить, а если кто и вспомнить о нихъ, „того,—скажемъ словами св. Іоанна Златоуста,—преслѣдуютъ какъ человѣка, который все разстраиваетъ“. Вотъ дитя—надежда и гордость родителей. Оно неловко сдѣлало гостю поклонъ,—ему тотчасъ выговоръ; но это же дитя легло спать, не помолвившись Богу,—родители рѣдко и вспомнить объ этомъ. Спрашивается: не можетъ ли дитя отсюда вывести такого заключенія, что ловко расшаркиваться предъ гостями гораздо важнѣе, чѣмъ молиться Богу, такъ какъ за неудачное исполненіе перваго оно получило выговоръ, а за совершенное забвеніе молитвы ему не сказали ни слова? Вотъ и преуспѣвай нравственность!—Юноша сдѣлалъ страшное преступленіе—нарушилъ седьмую заповѣдь. Одни родители стараются не замѣчать этого, другіе—пріятно подсмѣиваются:—что же удивительнаго, если онъ скоро безъ стыда и совѣсти начнетъ гордиться этимъ безобразіемъ, самъ станетъ рассказывать про свои похождения?—Но этотъ же юноша забылъ

сдѣлать визитъ нужному человѣку... Какая тревога поднимается въ семействѣ. Бѣдный юноша! долго ему придется слушать замѣчанія о томъ, какъ нужно жить на свѣтѣ... Наступаетъ великій праздникъ. Въ домѣ все заботится, все заняты, все готовится... къ чему?—Къ балу, который даетъ извѣстная *особа*, къ приему гостей у себя дома. О чемъ ведутся разговоры въ это время?—О модахъ, о цвѣтѣхъ и покроѣ платья и тому подобныхъ предметахъ. А разсказалъ ли глава дома исторію наступающаго праздника, жизнь празднуемаго святого и проч...? Какой странный вопросъ! Съ увѣренностью можно сказать, что онъ самъ не знаетъ этой исторіи. Да если бы и зналъ, то ему некогда заняться этимъ: вѣдь канунъ праздника принято проводить въ клубѣ, а утромъ и подумать объ этомъ нѣтъ времени. Да и считаетъ ли онъ, наконецъ, это своимъ долгомъ?!.. Подумаешь, какія усилія употребляютъ добрые родители, чтобы устроить участь своихъ дѣтей, составить ихъ карьеру, оставить болѣе или менѣе обезпеченное состояніе! Но многіе ли заботятся сдѣлать ихъ наслѣдниками царства небеснаго?... Какъ заботливо предостерегаютъ своихъ дѣтей отъ преткновеній, которыя легко могутъ встрѣзаться имъ на поприщѣ службы,—а заботятся ли отвортить ихъ отъ пути, ведущаго на дно адаво? Какъ стараются сдѣлать ихъ такъ называемыми *порядочными людьми*,—но заботятся ли сдѣлать ихъ хорошими христіанами, благословенными чадами Церкви Православной?—Увы! самыя эти слова: „адъ“, „царство небесное“, „благословенное чадо Церкви“ изгнаны изъ нашего общества и для многихъ служатъ предметомъ оскорбительныхъ для религіознаго человѣка шутокъ. Увы! и мы должны скорбѣть вмѣстѣ съ св. Іоанномъ Златоустомъ: „отцы сами влекутъ дѣтей ко злу, непрестанно занимая ихъ умъ и сердце выгодами временной жизни и не позволяя имъ вспомнить о любви мудрости даже во снѣ“. Послѣ этого можетъ ли быть современная молодежь нравственна, когда въ ея душѣ самыя основанія нравственности подорваны словомъ и примѣромъ ок-

ружающаго ея общества? Можетъ ли она быть даже просто честной, когда кругомъ нея заботятся не столько о честности, сколько о ловкости и искусствѣ „устраивать“ свои дѣла? Можно ли ей говорить о самоотверженіи въ пользу ближняго или на благо общества, когда она кругомъ себя видѣла и и видитъ лишь погоню за карьерою, лишь животную борьбу за существованіе? Когда для всѣхъ ясно, что не столько цѣнятся трудъ и талантъ, сколько богатство, знатность происхожденія, связи?... О, какъ рано эти кумиры становятся извѣстны дѣтямъ! Какъ рано научаемъ мы дѣтей поклоняться этимъ кумирамъ и все приносить имъ въ жертву!

Послѣ всего сказаннаго о неудовлетворительности, или точнѣе — почти всякомъ отсутствіи раціональнаго домашняго воспитанія становится понятной та великая нравственная распущенность, которой отличается нынѣшняя молодежь, служащая не утѣхой, какъ бы слѣдовало, а предметомъ огорченій и постоянныхъ безпокойствъ для родителей, общества и всего государства. Справедливо, слѣдовательно, говорится, что „кто чѣмъ согрѣшаетъ, тотъ тѣмъ и наказывается“. Согрѣшаемъ худымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, — наказываемся соотвѣтственнымъ (т. е. худымъ) поведеніемъ ихъ. Поэтому, на родителяхъ лежитъ долгъ — создать вокругъ дитяти такую атмосферу, которая своими впечатлѣніями помогала бы дитяти въ истинномъ направленіи его жизни. Если назначеніе человѣка на землѣ состоитъ въ развитіи его духовной жизни, то для этой цѣли пригодно только такое христіанское семейство, которое св. ап. Павелъ называетъ „домашнею церковію“ (Римл. 16, 4). Духъ благочестія, царящій въ такой семьѣ, столь же животворно дѣйствуетъ на нравственное теченіе духовной жизни, какъ чистый воздухъ на здоровье тѣла. Подъ вліяніемъ добрыхъ примѣровъ, при упражненіи въ добрыхъ дѣлахъ, развиваются люди честные, трудолюбивые, благожелательные, склонные къ миру, порядку, готовые дѣлать все для пользы своихъ семействъ и общества; напротивъ, въ средѣ людей порочныхъ вырабатываются праздные любители удо-

вольствій, жадные къ наслажденіямъ чувственнымъ; трудъ для нихъ—мученіе. Такіе же люди—тяжкое бремя для всѣхъ государствъ, злокачественная язва всѣхъ человѣческихъ обществъ.

И. Самойловичъ.

Паломничество къ святынямъ г. Кіева ¹⁾.

Поклонившись святынямъ стараго города, богомольцы, въ особенности малороссы, считаютъ своимъ непрѣмнымъ долгомъ спуститься на Подоль. Въ дни весенняго наплыва богомольцевъ горы Кіевскія, расположенныя между старымъ городомъ и Подоломъ, на своихъ спускахъ Александровскомъ и Андреевскомъ и на Уздыхальницѣ уподобляются горамъ самарійскимъ послѣ бесѣды Спасителя съ самарянкой, когда послѣднія были покрыты, яко плавами, жителями Сихема, спѣшившими къ колодцу праотца Іакова, чтобы посмотреть здѣсь на необыкновеннаго Учителя и послушать словесъ Его. Подобно самарянамъ, и кіевскіе богомольцы спѣшатъ къ подольскому колодцу, извѣстному въ народѣ подъ названіемъ „Святого Лева“. „Святой Левъ“ представляетъ собой ничто иное, какъ большой каменный водоемъ, устроенный въ давнее время для сбора дренажной воды, вытекающей по деревяннымъ трубамъ изъ кіевскихъ горъ. Вода эта выбивается фонтаномъ посреди водоема изъ пасти льва, раздираемаго Сампсономъ, и стекаетъ въ обширный каменный резервуаръ, окружающій группу Самсона со львомъ. Надъ резервуаромъ устроенъ массивный каменный куполообразный павильонъ, поддерживаемый столбами и украшенный солнечными часами. Народъ почему то считаетъ воду изъ фонтана Самсона цѣлебной. Поэтому богомольцы умываются этой водой и упосятъ ее въ бутылочкахъ домой, а болѣе ревностные, напившись воды, украшаютъ и самого „Святого Лева“ крестиками

¹⁾ См. № 23 за 1902 г.

и иконками. Крестики и иконки бросают они и въ самый резервуаръ. Благоговѣнное почитаніе богомольцами „Святого Лева“ создало вокругъ него особый, очень своеобразный торговый центръ въ Кіевѣ. Богомольцы могутъ найти здѣсь для себя все, что имъ необходимо. Ближайшіе къ фонтану магазины заняты продавцами церковныхъ вещей. Возлѣ Успенскаго собора, находящагося всего лишь чрезъ дорогу отъ фонтана, расположенъ цѣлый рядъ иконныхъ лавокъ, наполненныхъ иконами, дешевыми по цѣнѣ, но весьма плохими по качеству живописи и внѣшней отдѣлкѣ. Тутъ же пріютились торговки съ корзинами и на рундукахъ, крикливо зазывающія богомольцевъ для покупки всевозможныхъ крестиковъ, ладонокъ, медальоновъ, иконокъ, бусъ, монистъ, коралловъ и другихъ украшеній. Цѣлыя горы корзины изъ разноцвѣтной лозы прельщаютъ взоры простодушныхъ посѣтителей фонтана и они стараются пріобрѣсти хоть маленькую корзинку на память о Кіевѣ и о „Святомъ Левѣ“. Есть здѣсь, наконецъ, и продавецъ булокъ, рыбы, дешевыхъ конфетъ и другихъ снѣдей, специально заготовленныхъ для богомольцевъ. Все это взятое вмѣстѣ, еще болѣе дѣлаетъ привлекательнымъ „Святого Лева“ для народа и упрочиваетъ къ нему народное влеченіе.

Во время своего пребыванія въ Кіевѣ всѣ богомольцы стараются пріобрѣсти для своихъ родныхъ и знакомыхъ, а также и для своихъ приходскихъ церквей что-либо изъ предметовъ религіознаго почитанія. Малороссы изъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской весьма часто пріобрѣтаютъ большія иконы для благословенія своихъ дѣтей, а также плащаницы, кресты для крестныхъ ходовъ, хоругви, священническія облаченія, лампы, евангелія и металлическія свѣчи. Всѣ вообще богомольцы покупаютъ небольшія иконки, крестики, медальоны, ладонки, кольца отъ великомученицы Варвары, ладонь, смирну и т. п. Большая потребность въ предметахъ религіознаго почитанія создала весьма обширную торговлю ими въ разныхъ пунктахъ г. Кіева. Лучшими изъ иконныхъ

лавокъ являются лаврскія. Здѣсь имѣется большой складъ иконъ, ручныхъ и натѣльныхъ крестовъ, хоругвей, евангелій и т. п. Пополняются эти лавки произведениями московскихъ, владимірскихъ и кіевскихъ мастерскихъ. Есть въ Лаврѣ и собственная иконописная школа, но она удовлетворяетъ только лишь требованія заказчиковъ и цѣнить свои произведенія очень дорого. Рядомъ съ иконными лавками въ Лаврѣ помѣщаются большіе склады—лавки богослужебныхъ книгъ и произведеній назидательной литературы, издаваемыхъ лаврской типографіей. Печатныя лаврскія изданія находятъ для себя широкій сбытъ въ южныя русскія губерніи и даже за границу. Особенно бойко идетъ торговля въ лавкахъ при входѣ въ пещеры и на пути къ гостиницѣ. Но хорошо торгуютъ и лавки при входѣ въ святые ворота (съ внутренней стороны) и при типографіи. Слѣдующимъ по обширности торговли религіозными предметами является Михайловскій монастырь. Здѣсь есть довольно обширныя лавки у святыхъ воротъ (внутри монастыря) и въ самыхъ святыхъ воротахъ. Кромѣ иконъ, крестовъ и проч. здѣсь находятъ широкій сбытъ троицкіе листки (единственное мѣсто продажи ихъ въ Кіевѣ) и литографическія произведенія фирмы Фесенко (иконы, виды святыхъ мѣстъ и портреты). Есть еще иконныя лавки и при монастыряхъ: Выдубецкомъ, Троицкомъ, Флоровскомъ, Покровскомъ и при Софійскомъ соборѣ. Всѣ эти лавки принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Кіевѣ, такъ какъ въ нихъ продаются произведенія лучшихъ фирмъ и иконописныхъ мастерскихъ Москвы, Кіева и Владимірской губ. Весьма солидно поставлены въ Кіевѣ и нѣкоторые магазины церковныхъ вещей, находящіеся на Подолѣ, каковы магазины Фоломина, Невѣжина и Покровскаго. Здѣсь можно найти все необходимое для городскихъ и сельскихъ храмовъ. Магазины эти имѣютъ непосредственное сношеніе съ московскими магазинами, а потому и продаютъ свои товары гораздо дешевле, чѣмъ въ монастырскихъ лавкахъ. Вслѣдствіе этого богомольцы охотно заходятъ сюда и приобрѣтаютъ здѣсь множество всевозможныхъ церковныхъ вещей.

Но, къ сожалѣнію, нужно замѣтить, что въ магазинахъ этихъ, на ряду съ хорошими произведеніями, продается много товара недоброкачественнаго. Особенно это нужно сказать относительно иконописныхъ произведеній, каковы дешевыя иконы, плащаницы, писанныя на грубомъ холстѣ, и хоругви. Произведенія эти поражаютъ зрителя уродливостію своего письма и невольно заставляютъ задуматься надъ положеніемъ иконописнаго дѣла для небогатаго класса русскаго народа. И если лучшіе магазины г. Кіева не могутъ доставлять простому народу хорошихъ иконописныхъ произведеній, то что же сказать о тѣхъ иконахъ, которыя продаются въ мелкихъ иконныхъ лавкахъ на Печерскѣ и на Подолѣ? Изъ этихъ лавокъ расходятся по Россіи тысячи экземпляровъ иконъ, совершенно негодныхъ по своему письму къ употребленію. Это не иконы, молясь передъ которыми человѣкъ можетъ возбуждать въ себѣ благоговѣйное религіозное чувство, а какая то безобразная мазня, сдѣланная безъ всякихъ справокъ съ иконописными, художественными и историческими требованіями и преданіями. Привычка къ такого рода произведеніямъ настолько извратила вкусъ народа къ вещамъ художественнымъ въ иконописномъ дѣлѣ, что онъ не замѣчаетъ ихъ и не дорожитъ ими, а гоняется только за тѣмъ, чтобы икона была побольше, да краски на ней были поярче.

Накупивши иконъ и другихъ религіозныхъ предметовъ, богомольцы считаютъ нужнымъ въ Кіевѣ же и освятить ихъ, для чего приносятъ ихъ цѣлыми связками въ тѣ церкви, при которыхъ имѣютъ свой пріютъ. И освящаются онѣ здѣсь, и разносятся безпрепятственно по лицу родной земли, не смотря на ихъ невозможную живопись. Приходскій священникъ, конечно, не можетъ не видѣть ихъ плохого качества, но сдѣлать что-либо противъ него онъ не въ состояніи. Икона, не принятая для освященія въ одномъ мѣстѣ, все равно будетъ освящена въ другомъ, да и жаль тѣхъ трудовых копѣекъ, которыя употреблены бѣдными людьми для проявленія своихъ лучшихъ чувствъ и своего религіознаго настроенія.

Прійти на помощь нашему народу въ этомъ случаѣ долженъ не священникъ, а твердая правительственная власть, которая законными мѣрами должна изгнать плохія иконописныя произведенія изъ торговли, а дѣло иконописанія подчинить контролю свѣдущихъ въ этомъ искусствѣ лицъ. Правда, чрезъ это повысится цѣнность иконъ, но зато повысится и достоинство ихъ. И пусть вмѣсто десяти иконъ богомолецъ унесетъ съ собой изъ Кіева одну икону, но за то икону хорошую, которая могла бы сохраняться не одинъ—два года, а десятки лѣтъ, и переходить изъ рода въ родъ, напоминая дѣтямъ о паломничествѣ ихъ отцовъ къ святынямъ кіевскимъ.

Исходивши Кіевъ вдоль и поперекъ и поклонившись всѣмъ его святынямъ, помолвившись за себя и за своихъ присныхъ, истративши всѣ свои деньги и накупивши на нихъ подарковъ для своихъ родныхъ и знакомыхъ, богомольцы, словно стая птицъ въ осеннюю пору, начинаютъ тянуться въ обратный путь. Весьма трогательно бываетъ ихъ прощаніе съ Кіевомъ и съ пріютившими ихъ людьми. Какое-то неуловимое чувство довольства охватываетъ ихъ. Уста ихъ шепчуть слова благодарности Господу Богу, за то, что онъ сподобилъ посѣтить святой градъ Кіевъ и найти здѣсь успокоеніе наболѣвшему отъ жизненныхъ тревоженій сердцу. И нужно видѣть, какъ они цѣлуютъ руки своему духовному отцу, какъ благодарятъ пріютившихъ ихъ людей, чтобы понять, что не съ чувствомъ разочарованія они расстаются съ Кіевомъ, а съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, которое несомнѣнно поддержитъ ихъ и въ грядущіе, часто невеселые дни ихъ жизни.

Свящ. Д. Н.

О нашихъ дѣтяхъ.

Никогда такъ усердно и много ни говорили, ни писали о дѣтяхъ, какъ въ наше время. Вопросами о лучшей постановкѣ воспитанія, о реформахъ всѣхъ учебныхъ заведеній—низшихъ, среднихъ и высшихъ заняты всѣ сферы общества, правящія и не правящія, отцы и матери, представители земскаго и городскаго управленія, всѣ почти газеты и журналы. Никогда такъ не носились съ дѣтьми, какъ въ наше время. Никогда и родители не были такими рабами своихъ дѣтей, какъ сейчасъ, и никогда публицисты и общество такъ не ухаживали за учащеюся молодежью, какъ въ наши дни.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на нынѣшнихъ интеллигентныхъ родителей, въ какой они рабской зависимости у своихъ дѣтей: еще грудныя и слабыя, дѣти приковываютъ къ себѣ отца и мать, лишая ихъ всякой свободы—въ роляхъ няньки и дядьки (за невозможностью въ наше время достать сколько-нибудь сносную прислугу). Поднявшіяся мало-мальски на ноги и до школьнаго возраста они всячески ублажаются со стороны своихъ родителей игрушками, сладостями, костюмчиками, елками и разнообразными развлечениями, и настолько пресыщаются всѣмъ этимъ баловствомъ, что уже нисколько не цѣнятъ никакихъ самыхъ дорогихъ игрушекъ и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дорого для родителей стоящія елки. Поступивши въ школу, дѣти служатъ предметомъ постоянныхъ аховъ и вздоховъ родителей, по поводу будто бы непосильной трудности для нихъ программъ, неодолимости классическихъ и иныхъ затрудненій и по поводу мнимой придирчивости учителей и начальства, и въ то же время постоянно требуютъ указокъ старшихъ во время приготовленія уроковъ и—обязательныхъ репетиторовъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ они удручаютъ родителей своимъ крайне раннимъ развитіемъ, quasi передовыми идеями, укоряютъ отца и мать за отсталость понятій и за несочувствіе ихъ вольнолюбивымъ стремленіямъ и немилосердно бьютъ по тощимъ

родительскимъ карманамъ, переходя съ факультета на факультетъ въ поискахъ науки по вкусу и не будучи въ состояніи никакъ окончить хоть одинъ факультетъ.

Посмотрите, дальше, на нашу прессу и ея публицистовъ, какъ они въ большинствѣ своемъ всячески стараются угодить нашимъ дѣтямъ: кричатъ о всевозможномъ облегченіи учащихся, о необходимости для нихъ разныхъ улучшеній въ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ, о всевозможныхъ льготахъ и реформахъ, какъ имъ хочется совершенно обновить педагогическій персоналъ и программы въ цѣляхъ единственно облегченія дѣтей, полагая, что дѣти переутомляются отъ труда; какъ они при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ хвалятъ и оправдываютъ нашу учащуюся молодежь, хотя бы она проявляла себя и не совсѣмъ корректнымъ поведеніемъ. Ужъ не говоримъ о такъ называемыхъ (мнимо) принципиальныхъ массовыхъ движеніяхъ этой молодежи, но когда она и просто скандалитъ отъ полноты юношескихъ силъ, бездѣлья и мало воспитанности, и тогда ее не только не принято укорять за это, но часто чуть не хвалятъ. И, Боже, упаси, если бы кто осмѣлился сказать въ обществѣ или печати что-нибудь въ осужденіе разныхъ скопныхъ движеній этой молодежи,—онъ ренегатъ, обскурантъ; его грязью закидаютъ не только эта самая молодежь, но даже и отцы ея, которые, къ слову сказать, хотя часто во многомъ и не сочувствуютъ своимъ многоумнымъ дѣтямъ, но боятся открыто выразить имъ это свое несочувствіе и не смѣютъ ни въ обществѣ, ни даже другъ предъ другомъ сознаться въ этомъ несочувствіи.

Посмотрите, наконецъ, на школу: учителя и начальство, опасаясь нареканій со стороны родителей въ придирчивости, а со стороны печатныхъ защитниковъ дѣтей въ отсталости отъ вѣяній времени, всячески мирволятъ учащимся: начальство избѣгаетъ строгихъ взысканій и твердыхъ мѣръ и нерѣдко въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ заискиваетъ у нихъ; учителя очень часто боятся оскорбить великовозрастнаго лѣнтяя единицей и двойкой. Въмѣсто строгаго требованія

отъ учащихся твердо знать уроки, имъ даже въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ наши дни въ классѣ читаютъ лекціи и всячески стараются не только вложить въ ротъ задаваемые работы, но даже и разжевать за нихъ, чтобы дома дѣти не обременились подготовкою уроковъ.

Общая мысль, проникающая всѣ подобныя отношенія къ дѣтямъ въ наше время, та, что де на вашей сторонѣ, дѣтушки, всѣ права, на нашей же (родительской) и на сторонѣ вашихъ наставниковъ, общества и государства лишь обязанности по отношенію къ вамъ. Вы имѣете власть все требовать, пользоваться всякими льготами и жить—какъ вамъ пріятнѣе, а мы будемъ служить вамъ и утѣшаться вами.

И дѣти наши прекрасно поняли свое положеніе. Они всячески стараются эмансипироваться отъ какихъ бы то ни было обязанностей и всѣ стремятся къ какимъ-то особымъ правамъ и льготамъ.

Маленькія—они не отходя виснутъ на отцѣ и матери, не давая имъ для себя сдѣлать ни шагу: ни заняться дома своимъ дѣломъ, ни отлучиться отъ нихъ на сторону, ни свободно поѣсть, ни свободно отдохнуть. За уроками они не хотятъ ни подумать хорошенько, ни запомнить, ни посидѣть подольше за самостоятельнымъ разъясненіемъ на первый разъ непонятнаго, а все требуютъ, чтобы имъ было дано готовое, чтобы не обременяли ихъ память и чтобы учили ихъ лишь между играми, въ смыслѣ только развлечения.

Въ школѣ они хотятъ, чтобы за нихъ учили уроки, рѣшали задачи и писали сочиненія ренетиторы, чтобы учителя клали имъ все въ ротъ уже разжеванное, чтобы уроками не отягощали, чтобы занятныхъ вечернихъ часовъ имъ не назначали. Однимъ словомъ, переводили бы ихъ изъ класса въ классъ лишь за то, что они умѣютъ кататься на конькахъ, на велосипедѣ, танцовать и заниматься съ барышнями (какъ, наоборотъ: ученицы—съ кавалерами), а въ заключеніе выдали бы имъ аттестатъ объ окончаніи полного курса средне-учебнаго заведенія. На школьное начальство, на учителей они

смотреть, какъ на людей рутины, отсталыхъ чиновниковъ, самое существованіе которыхъ есть только вопросъ времени, а потому на требованія ихъ часто смотрять, какъ на досадныя и несправедливыя придирки.

А въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ среди студентовъ въ наши дни только и живетъ одно сознаніе своихъ правъ и отнюдь никакихъ ограниченій и обязанностей. Какъ только современный юноша облекся въ студенческую форму, онъ сразу возмнилъ себя уже побѣдившимъ всѣ науки, онъ третируетъ свысока не только своихъ профессоровъ (яркая иллюстрація—случай въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ), но и самую науку и, считая занятія ею дѣломъ для себя излишнимъ и несовременнымъ, предпочитаетъ большую часть учебнаго времени пребывать внѣ стѣнъ университета и даже часто внѣ университетскаго города. Онъ или рѣшаетъ общественные и государственные вопросы и предъявляетъ ко всѣмъ и всему свои претензіи и запросы, или живетъ такъ называемую общественною жизнью: играетъ въ карты, пьетъ, танцуетъ, ухаживаетъ за женщинами, предается всякаго рода спортамъ, а иногда просто состоитъ на какомъ-нибудь частномъ заработкѣ. Заниматься прямымъ своимъ дѣломъ,—учиться,—некогда, онъ и на экзамены-то является только изъ-за диплома и зачастую не стыдится униженно выпрашивать себѣ удовлетворительную отмѣтку *Christi gratia*.

Что же, нормально ли такое положеніе дѣла? Отнюдь нѣтъ. Оно не только глубоко ненормально, но крайне печально и обѣщаетъ намъ мало хорошаго въ будущемъ.

Намъ на Руси нужно просвѣщеніе и знанія, а наши дѣти, при такомъ ихъ отношеніи къ своему прямому дѣлу, выйдутъ въ большинствѣ лишь дипломированными невѣжками и недочками. Намъ нужны на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной жизни усердные работники, а наши дѣти заниматься дѣломъ, исполнять строго свои обязанности находятъ для себя непривычнымъ ярмомъ и ненавистнымъ стѣс-

неніемъ свободы. Какой врачъ, инженеръ, юристъ, богословъ выйдетъ изъ студента, который въ стѣнахъ своего учебнаго заведенія на лекціяхъ въ теченіе академическаго года бывалъ лишь въ качествѣ рѣдкаго гостя! Какой исполнитель своихъ обязанностей явится въ лицѣ человѣка, который съ малолѣтства не сознавалъ для себя писанными какія-либо обязанности! Всякое положеніе въ государствѣ, въ обществѣ, на чиновничьей службѣ налагаетъ на человѣка, занимающаго его, свои обязанности, но будутъ ли ясно сознавать ихъ и добросовѣстно относиться къ нимъ наши дѣти, привыкшія искать всегда и вездѣ лишь своихъ правъ и всякихъ для себя льготъ. Если и доселѣ было на Руси въ большинствѣ случаевъ такъ, что всякаго рода великіе и малые начальники полагали, что за ними числятся лишь одни права, а обязанности за подчиненными, то до чего же дойдетъ это сознаніе своихъ правъ у разнаго рода начальниковъ и нашихъ дѣятелей въ недалекомъ будущемъ?

А какихъ отцовъ, какихъ супруговъ обѣщаютъ нашему отечеству наши дѣти? Кому изъ насъ неизвѣстны сложныя и отвѣтственныя обязанности тѣхъ и другихъ, и ужели же эти обязанности легко и охотно возьмутъ на себя наши, не привыкшія къ отягощенію себя обязанностями и свободолюбивыя дѣти! Нѣтъ, уже и сейчасъ замѣчается бѣганіе законныхъ брачныхъ узъ и легкое отношеніе у мужчинъ къ женщинамъ. И сейчасъ уже многіе молодые супруги требуютъ отъ жизни лишь удобствъ, свободы и удовольствій и не хотятъ нести тягостей воспитанія дѣтей и всячески ухищряются не имѣть ихъ. Что же будетъ дальше?

Итакъ, что же? Молчать объ этой ненормальности, гладить по головкѣ нашихъ дѣтокъ, идти вслѣдъ за модными публицистами и потаковниками молодежи? Или же нѣтъ? А если не молчать, кому же говорить противъ этого? Кому надлежитъ открыть глаза обществу на глубокую ненормальность въ постановкѣ воспитанія дѣтей въ наше время,—на неправильныя отношенія въ разнаго рода претензіяхъ нашей уча-

щейся молодежи? Ждать этого слова отъ свѣтскихъ глашатаевъ мало надежды; тамъ подобныя рѣчи считаются признакомъ чловѣка отсталаго, обскуранта, „оглушителя“. Оттуда страшно кому-либо взяться за это дѣло.

Единственная надежда въ этомъ дѣлѣ и единственно кому не страшно и кому пристало говорить объ этой ненормальности, — нашимъ духовнымъ наставникамъ—пастырямъ Церкви. Имъ нечего бояться клички ренегатовъ и обскурантовъ, духовенство давно обозвано этой кличкой и не иначе представляется въ сознаниіи свѣтскаго общества, какъ отсталымъ отъ вѣяній времени. Но такъ какъ авторитетъ пастырскій все еще не потерянь на Руси, все же еще есть многіе, слушающіе слова своихъ пастырей, то имъ-то,—пастырямъ,—и надо не замедлить воздѣйствовать чрезъ послушныхъ своихъ овецъ на наше интеллигентное общество, поспѣшить поставить на видъ своимъ пасомымъ неправильную постановку современнаго дѣтскаго воспитанія и вообще ненормальность отношенія въ наше время къ дѣтямъ, призвать отцовъ и матерей учащейся молодежи къ строго-христіанскому отношенію къ своимъ дѣтямъ. Внушите же имъ, отцы и братія, требовать отъ дѣтей строгаго исполненія своихъ обязанностей, постояннаго труда и усердія къ дѣлу. Покажите цѣлесообразность иного, лучшаго воспитанія и иного отношенія къ дѣтямъ на живомъ примѣрѣ,—на вашихъ собственныхъ дѣтяхъ. Напомните, прежде всего, и вашимъ роднымъ дѣтямъ, что всегда, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности дѣти духовенства до сего времени были образцами добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, примѣрами усердія и усидчивости; никогда они не рвались добиваться мнимыхъ правъ и заявлять какія-либо незаконныя и неосновательныя претензіи, но всегда строго проникались сознаниемъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Постарайтесь внушить вашимъ дѣтямъ, чтобы они и теперь, въ наше мятущееся время, не увлекались уродливыми уклоненіями свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеній отъ сво-

его прямого назначенія и не проникались ихъ необузданными стремленіями къ какимъ-то мнимымъ правамъ и вольностямъ. Дурные примѣры заразительны; къ сожалѣнію, даже и нѣкоторыя духовно-учебныя заведенія захватываются этимъ общимъ волненіемъ свѣтской молодежи, даже и наши духовные воспитанники перѣдко всячески отлыниваютъ отъ дѣла и начинаютъ скептически поглядывать на свои богословскія науки и тоже требуютъ отъ своихъ учителей и начальства поблажекъ. Но пусть эти примѣры семинарскихъ волненій и духовнаго ослабленія останутся единичными, и дѣти наши не отвыкаютъ отъ труда и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Пусть они не рвутся незаконнымъ путемъ къ мнимымъ правамъ и льготамъ, *опираясь на спины своихъ отцовъ и проживая ихъ трудовыя гроши*, пусть лучше они науками готовятъ себя хорошенько къ самостоятельной жизни и тогда на аренѣ ихъ служенія обществу, церкви и государству, дай имъ Богъ, во всеоружіи знанія и созрѣвшей мысли борются за добро и правду, за обидимыхъ и униженныхъ. Пусть они тогда всячески заботятся объ улучшеніяхъ и реформахъ жизни. Разумныя и законныя реформы всегда желательны.

А имѣя живой укоръ обществу въ своихъ дѣтяхъ, духовенство наше съ большимъ правомъ, въ качествѣ руководителей, потребуетъ и отъ общества иного отношенія къ его дѣтямъ, иного, чѣмъ оно сейчасъ есть. Привычка къ труду, къ насилію надъ свободолобивой волей нужна человѣку не только въ жизни и на службѣ, но даже и въ дѣлѣ вѣры.

Обыкновенно думаютъ, что для того, чтобы быть настоящимъ христіаниномъ, достаточно убѣдиться въ бытіи Бога и Христа Его, а то забываютъ, что лѣнивый и избалованный сынъ, и не имѣя возможности отрицать бытіе строгаго отца, все же часто не исполняетъ его воли, такъ и эмансипировавшийся отъ всякихъ обязанностей, чуждый труду, человѣкъ не найдетъ въ себѣ силы и умѣнья какъ слѣдуетъ помолиться Богу. Слѣдовательно, и призывая своихъ пасомыхъ къ правдивному совершенству и къ христіанской жизни, пужно на-

чать съ призыва родителей къ рациональному христіанскому воспитанію дѣтей, къ пріученію дѣтей къ дѣлу, къ строгому исполненію своихъ обязанностей.

Настойте же, оо. и братія, *благовременнѣ и безвременнѣ*, умолите общество наше обратить неотложное и серьезное вниманіе на дѣтей своихъ. Дѣти—это залогъ нашего будущаго, это надежда и носители судьбы нашего отечества и государства ..
(Смол. Епарх. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 31 мая 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюня 23-го.

Содержаніе: Праздникъ Пятидесятницы въ древнемъ христіанскомъ Іерусалимѣ. — Къ вопросу о свободѣ совѣсти (продолженіе). — С. А. Рачинскій, какъ поборникъ церковной школы и защитникъ русскаго духовенства.

Праздникъ Пятидесятницы въ древнемъ христіанскомъ Іерусалимѣ.

Сошествіе Святаго Духа на апостоловъ, случившееся въ Іерусалимѣ въ день ветхозавѣтной Пятидесятницы, было событіемъ величайшей важности въ исторіи христіанской Церкви. Съ этого дня открывается въ Церкви спасительная дѣятельность третьяго лица Св. Троицы, Духа Святаго, Который освящаетъ и спасаетъ Своею божественною благодатію вѣрующихъ, искупленныхъ отъ рабства грѣху и діаволу Спасителемъ міра, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Воспоминаніе объ этомъ священномъ событіи сошествія Святаго Духа осталось навсегда въ душахъ христіанъ, а праздникъ новозавѣтной Пятидесятницы съ самыхъ первыхъ временъ и повсемѣстно сталъ ознаменовываться особенно торжественнымъ и величественнымъ богослуженіемъ. Но нигдѣ богослуженіе дня Пяти-

десятницы не достигало такой степени высоты и развитія какъ въ іерусалимской Церкви. И это понятно почему. Въ *Іерусалимѣ* совершилось то благодатное событіе, которое воспоминается въ день пятидесятый по Пасхѣ; въ *Іерусалимѣ* всѣ священныя для христіанъ мѣста, ознаменованныя многочисленными событіями первыхъ дней христіанства; здѣсь сильнѣе и живѣе дышало религіозное чувство вѣрующихъ, питаемое на каждомъ, такъ сказать, шагѣ самыми дорогими для ихъ сердца воспоминаніями.

Интереснымъ памятникомъ богослуженія древнихъ іерусалимскихъ христіанъ въ день Пятидесятницы является сочиненіе Сильвіи Аквитанской, описывающее путешествіе ея къ святымъ мѣстамъ Іерусалима въ концѣ четвертаго вѣка. Сильвія, или иначе Сальвія, была знатная и весьма образованная женщина. Во время своего путешествія по святымъ мѣстамъ она интересовалась всѣмъ, что могла здѣсь наблюдать, и дѣлала подробныя записи видѣннаго. Замѣчательное ея сочиненіе, важное и для палестиновѣдѣнія и для исторіи древняго христіанскаго богослуженія въ іерусалимской Церкви, написано на латинскомъ языкѣ и сохранилось до настоящаго времени. Въ первый разъ „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“ Сильвіи Аквитанской издано въ оригиналѣ итальянскимъ археологомъ Гаммурини въ 1887 году, а нѣсколько позже, въ 1889 году, оно переиздано у насъ въ Россіи академикомъ Помяловскимъ, который исправилъ ошибки перваго изданія, присоединилъ къ латинскому тексту точный русскій переводъ его и сдѣлалъ къ своему изданію много цѣнныхъ примѣчаній¹⁾.

Изъ этого сочиненія Сильвіи Аквитанской мы и беремъ свѣдѣнія о богослуженіи іерусалимскихъ христіанъ конца четвертаго вѣка въ день Пятидесятницы.

Прежде всего, при знакомствѣ съ богослуженіемъ іерусалимскихъ христіанъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе чрез-

¹⁾ Православный Палестинскій Сборникъ, т. VII, в. II.

вычайное обиліе службъ въ день Пятидесятницы. Окончится одна служба, пройдетъ послѣ нея небольшой промежутокъ времени, и уже начинается другая служба. Въ этой, почти непрерывной смѣнѣ церковныхъ службъ, проходятъ цѣлыя сутки праздника... Другая особенность іерусалимскаго богослуженія та, что службы Пятидесятницы не сосредоточиваются въ какомъ либо одномъ храмѣ Іерусалима, но приурочиваются къ нѣсколькимъ церквамъ. Богомольцы совершаютъ въ этотъ день цѣлый рядъ переходовъ отъ одного храма къ другому и въ разныхъ храмахъ выслушиваютъ по очереди всѣ службы Пятидесятницы. Переходы народа отъ храма къ храму занимаютъ не мало времени и обставляются торжественно. Толпа богомольцевъ, во главѣ съ епископомъ и клиромъ, подвигается медленно и на пути величественно поетъ священные пѣсни, относящіяся къ празднику... Непрерывныя службы, конечно, не могли не утомлять богомольцевъ; Сильвія Аквитанская, свидѣтельница и участница этихъ праздничныхъ богомолій, признаетъ, что въ день Пятидесятницы „бываетъ большой трудъ народу“¹⁾; но христіане нисколько не тяготились своимъ праздничнымъ „трудомъ“. Замѣтно, что они даже пренебрегали физическимъ утомленіемъ въ виду обильныхъ духовныхъ наслажденій, которыя получали отъ церковныхъ службъ, и охотно, не отставая другъ отъ друга, согласною толпою обходили святыя мѣста.

Праздничныя службы на Пятидесятницу въ Іерусалимѣ начинались всенощнымъ бдѣніемъ въ полночь, въ храмѣ Воскресенія. Храмъ Воскресенія былъ однимъ изъ цѣлой группы великолѣпныхъ храмовъ, построенныхъ на святыхъ мѣстахъ въ четвертомъ вѣкѣ императоромъ Константиномъ Великимъ и его матерью св. Еленою. Въ древнемъ Іерусалимѣ храмъ Воскресенія находился на западной сторонѣ города, за городскими, такъ называемыми „судными воротами“, чрезъ которые ходили, во времена Спасителя, къ мѣсту публичныхъ

¹⁾ Прав. Пал. Сборникъ, т. VII, в. II, стр. 164.

казней, на Голгоѳу. На Голгоѳѣ принялъ мучительную крестную смерть Спаситель міра. Здѣсь, въ этой мѣстности, недалеко отъ Голгоѳы, Онъ былъ погребенъ въ новой, еще не совсѣмъ отдѣланной гробницѣ Никодима, къ которой возсталъ отъ мертвыхъ въ третій день. Здѣсь же, къ востоку отъ гробницы Спасителя былъ обрѣтенъ св. Еленою и святой крестъ Христовъ—орудіе мучительной смерти Господа ¹⁾. Построеніемъ храмовъ на этихъ святыхъ мѣстахъ Константинъ Великій и св. Елена увѣковѣчиваютъ ихъ въ памяти человѣчества. Храмъ Воскресенія былъ воздвигнутъ на мѣстѣ воскресенія Христа. Храмъ былъ построенъ въ формѣ обширной

¹⁾ Эти священные для христіанъ мѣста на западной сторонѣ Іерусалима и ихъ взаимное отношеніе проф. С. А. Терновскій изображаетъ такъ въ своихъ „Очеркахъ изъ церковно-исторической географіи. Вып. I, Каз., 1899 г.“. Мѣсто публичныхъ казней находилось почти тотчасъ за судными воротами, въ разстояніи всего 100 локтей отъ городской стѣны. Здѣсь была небольшая площадка, или, лучше сказать, котловина, имѣвшая болѣе 100 сажень въ окружности, окруженная почти со всѣхъ сторонъ скалистыми холмами. На восточной сторонѣ котловины, въ видѣ мыса, выступалъ скалистый холмъ, имѣвшій не болѣе двухъ сажень высоты надъ площадью котловины, но обращающій на себя вниманіе по своему виду, напоминавшему человѣческой черепъ. Это была Голгоѳа, настоящій естественный эшафотъ для публичнаго наказанія преступниковъ... Въ западной сторонѣ котловины, имѣвшей менѣе высокой и крутой спускъ, были изсѣчены двѣ гробницы. Одна изъ нихъ, очевидно, принадлежала зажиточной фамиліи, была сдѣлана по образцу большей части іерусалимскихъ гробницъ, т. е. имѣла сперва маленькую комнату, а за ней гробничную камеру съ тремя гробничными ложами. Но этой гробницы, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ „гробницы Іосифа и Никодима“, было недостаточно для большого семейства владѣльца. И вотъ послѣдній устраиваетъ новую гробницу, и избираетъ для новой пещеры часть скалы еще болѣе близкую къ Голгоѳѣ, отстоящую отъ нея всего на 17 сажень. Уже были сдѣланы передняя комната новой гробницы и первая гробничная камера вчернѣ, какъ Провидѣніе остановило дальнѣйшую выдѣлку погребальныхъ ложъ и погребальная необдѣланная камера съ наскоро приготовленнымъ одиночнымъ ложемъ сдѣлалась гробницею Господа... Нѣсколько далѣе на востокъ отъ этой гробницы была цистерна, во время смерти Спасителя не имѣвшая воды. Въ нее по преданію, были брошены кресты Спасителя и распятыхъ съ нимъ разбойниковъ“ (стр. 86—87).

базилики и имѣлъ нѣсколько входовъ. Отдѣльную часть его составляла пещера Гроба Господня; она отгораживалась отъ храма рѣшоткою. Внутри пещеры гроба Господня горѣла неугасимая лампада, отъ которой брался огонь для прочихъ церковныхъ свѣтильниковъ ¹⁾).

Начало всенощнаго бдѣнія въ полночь, или какъ выражается Сильвія „съ перваго цѣнія пѣтуховъ“ ²⁾, было обычнымъ временемъ начала ночной службы въ этомъ храмѣ Воскресенія каждый день ³⁾. Боясь опоздать къ началу службы, заботливые богомольцы собираются къ церкви до начала полуночнаго богослуженія и, въ ожиданіи отверстія дверей храма, которыя обыкновенно не открываются ранѣе „цѣнія пѣтуховъ“, проводятъ время возлѣ церкви, въ помѣщеніи, освѣщенномъ лампадами ⁴⁾. Въ полночь входныя двери Воскресенья, отверзаются и народъ вступаетъ въ церковь. Начинается бдѣніе... Изъ замѣчанія Сильвіи, что бдѣніе на Пятидесятницу совершается также, какъ и во всякій воскресный день ⁵⁾, слѣдуетъ заключить, что въ храмѣ Воскресенія воскресная служба, всегда предпочиталась службѣ праздничной, какъ бы ни былъ великъ праздникъ. Это предпочтеніе воскресной службы службѣ праздничной составляетъ особенность типикона храма Воскресенія и замѣтно отличаетъ его отъ типикона обители св. Саввы Освященнаго, по которому, наоборотъ, служба праздниковъ дванадцатыхъ совершенно вытѣсняла собою службу воскресную ⁶⁾.

За утреней въ храмѣ Воскресенія слѣдовала литургія. Она начиналась, какъ выражается Сильвія—„съ наступленіемъ утра“ ⁷⁾, слѣдовательно часовъ въ 6 по нашему счету,

¹⁾ Прав. Пал. Соб. VII, II, с. 243—244.

²⁾ Ibid. стр. 164.

³⁾ Ibid. стр. 141—142.

⁴⁾ Ibid. стр. 142.

⁵⁾ Ibid. стр. 164.

⁶⁾ Богослуженіе страстной и пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в. А. А. Дмитріевскаго Казань. 1894 г., стр. 225—226.

⁷⁾ Пр. Пал. Соб. VII, II, стр. 164.

но отправлялась не въ храмъ Воскресенія, а въ другой, „большой церкви“, иначе называемой „Мартиріумъ“. „Большая церковь“ — „Мартиріумъ“, была построена на самой Голгоѣ, на мѣстѣ страданій Господа, и, по отношенію къ храму Воскресенія, занимала мѣсто нѣсколько восточнѣе его. Главныя входныя двери Мартиріума выходили на площадь¹⁾. Ранняя литургія въ Мартиріумѣ ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной воскресной литургіи; слѣдовательно и здѣсь, въ Мартиріумѣ, служба воскресная предпочиталась службѣ праздника. На литургіи, въ обычное время, произносились поученія пресвитерами и епископомъ въ такомъ порядкѣ, что сначала проповѣдывали пресвитеры, а послѣ нихъ, какъ бы заканчивая и подтверждая проповѣдь пресвитеровъ, говорилъ епископъ. Сравнительно съ обыкновенною воскресною литургіей, ранняя литургія на Пятидесятницу оканчивалась нѣсколько скорѣе. Отпустъ ея дѣлался „до третьяго часа“, или около 8 часовъ утра по нашему счету времени. Нѣкоторая поспѣшность въ совершеніи службы вызывалась необходимостью для всѣхъ итти изъ Мартиріума на Сіонъ, гдѣ въ концѣ „третьяго часа“ или, по нашему, около 9 часовъ утра, имѣла начаться поздняя, уже въ собственномъ смыслѣ *праздничная* литургія.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Ibid. с. 243.

²⁾ См. № 24 за 1902 г.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти ²⁾.

Но какъ смотрѣли св. отцы на отношеніе къ иномыслящимъ изъ христіанъ? Какое должно быть, по ихъ воззрѣнію, къ нимъ отношеніе? Вопросъ въ высшей степени важный.

Св. отцы Церкви охраняли цѣлость и единство *исповѣданія вѣры Христовой* и. если замѣчали, что въ нѣдрахъ

¹⁾ Ibid. с. 243.

²⁾ См. № 24 за 1902 г.

Церкви являлся человекъ, отступающій отъ единства вѣры, и упорно держащійся своего заблужденія, они предавали его анаѳемѣ или отлучали отъ Церкви, хотя при этомъ и сами относились и своимъ ученикамъ и пасомымъ заповѣдывали относиться къ нимъ съ участіемъ и даже любовію, какъ къ больнымъ, несчастнымъ, требующимъ строгаго обращенія, раствореннаго братскою участливостію. Св. Аѳанасій Александрійскій, всю жизнь свою страдавшій отъ еретиковъ, всѣми мѣрами боролся съ ними, но никогда не прибѣгалъ къ насилію. „Религіи свойственно“, говоритъ онъ, не принуждать, а убѣждать. Не мечемъ и не оружіемъ проповѣдуется истина, а убѣжденіемъ и совѣтами“ (Исторія аріанъ, 67, 33). Такое отношеніе, по взгляду св. отца, должно быть къ уже совращеннымъ, но не совращающимъ другихъ христіанъ. Къ этимъ онъ становился совсѣмъ въ другія отношенія, вель непримиримую борьбу и требовалъ себѣ помощи въ этой борьбѣ отъ свѣтской власти. Извѣстно, что императоръ Константинъ Великій смотрѣлъ за это на св. Аѳанасія, какъ на человека, крайне не спокойнаго, и подъ конецъ своей жизни даже сослалъ его въ заточеніе. (Сократъ, Ц. И. I, 35. Созомень, Ц. И. II, 28).

Св. Григорій Богословъ точно также учитъ кротости и любви въ обращеніи съ еретиками. „Если ихъ трактуютъ врагами, говоритъ онъ, если ихъ отталкиваютъ, теряютъ души, за которыя умеръ Иисусъ Христосъ. Не будемъ спѣшить осужденіемъ ихъ; скорѣе—уступимъ имъ въ вещахъ, менѣе важныхъ, чтобы получить благо болѣе великое—ихъ согласіе. (Рѣчь 14). Но мы знаемъ, какъ онъ дѣйствовалъ, когда нужно было отстаивать въ Константинополѣ православіе. Энергичная и твердая борьба его съ еретиками до того довела послѣднихъ, что они подсылали къ св. отцу наемныхъ убійцъ.

„Простимъ людямъ заблудшимъ и помолимся о спасеніи ихъ, но будемъ неустанно сражаться съ ересью“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. (О непостиж. существа Божія, 11. 7); и хотя лично онъ былъ противъ крайнихъ насильственныхъ

мѣръ въ борьбѣ съ еретиками, однако одобрялъ закрытіе ихъ собраній и отнятіе у нихъ церковей (Бесѣда на ев. Мѣ. XXIX и XLVI). Историкъ Сократъ передаетъ со словъ другихъ, что Златоустъ отнялъ много церковей у новаціанъ и квартодециманъ (Ц. И. VI, 19). Бл. Иеронимъ, повидимому, оправдывалъ даже казнь пропагандистовъ—обольстителей, ссылаясь на Втор. XIII, 6—10. „Я не могу слышать равнодушно подобнаго святотатства (которое допускалъ Вигиланцій), пишетъ бл. Иеронимъ пресвитеру Ринарію“. Читалъ я о сулицѣ Финееса. (Числ. XXV), о суровости Или (3 Цар. XVIII), ревности Симона Хананея, строгости Петра, умерщвляющаго Ананію и Сапфиру (Дѣян. V), твердости Павла, осудившаго на вѣчную слѣпоту волхва Елима противившагося путемъ Господнимъ (Дѣян. XIII). Любовь къ Богу не есть жестокость. Поэтому и въ законѣ говорится: если братъ твой, или другъ твой, или жена, яже на лонѣ твоемъ, захотятъ совратить тебя, да будетъ рука твоя на нихъ, да прольешь кровь ихъ и да измеша злое отъ Израиля (Втор. XIII и XVII). (Письмо 89. Твор. бл. Иеронима Стрид. Ч., III. стр. 59). Бл. Августинъ, послѣ неудачнаго опыта съ донатистами, которыхъ онъ не могъ обратить на путь истины ни бесѣдами, ни сочиненіями, сталъ оправдывать преслѣдованіе еретиковъ (Письмо 185 къ Бонифацію).

Папа Левъ Великій оправдывалъ даже смертную казнь еретиковъ (Epist. XV ad Turribium). Но такой взглядъ на это дѣло проводился отдѣльными лицами и преимущественно Отцами западной Церкви; вообще—все святые отцы въ своихъ отношеніяхъ къ иномыслящимъ поступали въ духѣ Христовой вѣры. Ко всемъ людямъ относились они съ одинаковою любовію, но цѣлость своей вѣры и ввѣренной имъ паствы отстаивали съ готовностью положить за это дѣло и душу свою. На насилія со стороны еретиковъ они отвѣчаютъ должными мѣрами, а противъ заблужденій ихъ дѣйствуютъ убѣжденіемъ. Дѣйствуя такъ, они поступаютъ по заповѣди Спасителя, Который съ возможною ясностію опредѣлилъ харак-

теръ отношеній его послѣдователей къ иномыслящимъ. Однажды Спаситель со своими учениками пришелъ въ самарянское селеніе, но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешественнаго въ Иерусалимъ. Видя то, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! хочешь-ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: „не знаете, какого вы духа“. (Лук. IX, 51—55).

Какой же это духъ?

Духъ этотъ есть духъ любви христіанской, той любви, которой требуетъ отъ своихъ послѣдователей Спаситель, которой научаютъ святые апостолы и въ духѣ которой живутъ и дѣйствуютъ святые отцы Церкви.

Мы знаемъ, что сущность христіанскаго ученія и христіанской жизни сводится къ одному чувству, чувство это—любовь. Вся жизнь Христа, принесшаго Себя въ жертву правдѣ Божіей, есть не что иное, какъ выраженіе любви,—въ ученіи Его слышенъ одинъ голосъ—голосъ безраздѣльной любви, вѣсть одинъ духъ, духъ самой полной любви. „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, говоритъ Іисусъ искушавшему Его законнику, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и большая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки (Мѡ. XXII, 37—40). Любовь христіанская, по слову Спасителя, обнимаетъ въ Богѣ все человѣчество, даже и враговъ. Предъ нею исчезаетъ всякое различіе происхожденія и положенія: „Кто есть мой ближній?“ спрашиваютъ у Іисуса. Не только іудей, котораго ты обязанъ любить по закону, но и самарянинъ, котораго твой законъ научаетъ тебя проклинать (Лк. X, 29—37). „Когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, говоритъ Іисусъ, и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ“ (Лк. XIV, 13—14). „Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, бла-

гословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обидящихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже-ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?" (Мф. V, 43—47). Въ прощальной бесѣдѣ своей съ учениками Спаситель съ особенною силою указываетъ на новую заповѣдь „любить другъ друга“. Эта любовь взаимная должна была, по Его словамъ, показать всему міру Его истинныхъ учениковъ. „Сія есть заповѣдь Моя, говоритъ Онъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ; нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 12—13).

Тѣмъ-же духомъ любви проникнута жизнь и ученіе и непосредственныхъ учениковъ Христа, Его апостоловъ. Обращаясь къ малоазійскимъ христіанамъ апостоль Петръ говоритъ: „послушаніемъ истинѣ чрезъ Духа очистивши души ваши къ нелицемѣрному братолюбію, постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца“, (1 Петр. I, 22), „болѣ всего имѣйте усердную любовь другъ ко другу“ (1 Петр. IV, 8). Апостоль Іаковъ называетъ любовь закономъ царскимъ (II, 8). Святой Іоаннъ Богословъ постоянно повторяетъ въ своихъ Писаніяхъ заповѣдь о любви, полученную имъ отъ возлюбленнаго Учителя, заповѣдь, которая, по преданію, не сходила съ его устъ до самой смерти. „Кто говоритъ, учитъ онъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна“ (1 Іоан. II, 9, 10). „Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть Отъ Бога, равно и не любящій брата своего. Ибо таково благовѣствованіе, которое вы слышали отъ начала, чтобы мы любили другъ друга.

„Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ

смерти. Любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ. Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною“ (1 Иоан. III, 10, 11, 14, 16, 18). Любвию проникнута вся проповѣдь и Апостола языковъ: „если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю то я—мѣдъ звенящая, или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ-что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, вѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“ (1 Кор. XIII, 1—3, 8).

Церковь въ своемъ ученіи оставалась всегда вѣрною новой заповѣди своего Основателя и Его непосредственныхъ учениковъ. Творенія ея отцовъ и учителей проникнуты тѣмъ-же духомъ любви, обнимающей собою все, даже самыхъ враговъ и преслѣдователей христіанъ. Тертуліанъ въ своей знаменитой Апологіи пишетъ язычникамъ: „вы забываете, что вы сами служите предметомъ нашей любви, что любовь христіанская обнимаетъ также васъ и съ вами весь міръ. Вы забываете, что, не смотря на ваши преслѣдованія, мы молимся за васъ и дѣлаемъ вамъ добро; что если мы не даемъ ничего для боговъ вашихъ, то даемъ для вашихъ бѣдныхъ; забываете, что наша любовь раздаетъ на вашихъ улицахъ болѣе милостыни, чѣмъ ваша религія приноситъ жертвъ въ вашихъ храмахъ“ (гл. 37—38, 42). Вся святоотеческая письменность есть собственно развитіе той мысли, что царство Божіе, основанное на землѣ Спасителемъ міра, есть царство любви. Членовъ этого царства, по заповѣди Основателя его, должно одушевлять въ жизни одно чувство, чувство любви. Самые великіе аскеты, отрекшіеся отъ міра и удалившіеся изъ него, живутъ исключительно этимъ чувствомъ и научаютъ ему другихъ. „Безъ любви къ ближнему, говоритъ Исаакъ Сиринъ, и умъ

не можетъ просвѣтиться собесѣдованіемъ съ Богомъ и Божественною любовью“¹⁾. Любовь къ ближнему должна быть непремѣнно дѣятельною, а не мысленною только. „Ни одинъ человѣкъ, пишетъ Исаакъ Сиринъ, не смѣетъ сказать, что онъ имѣетъ любовь къ ближнему, когда онъ имѣетъ ее только въ душѣ своей, а оставилъ ту ея часть, которая исполняется тѣломъ по силамъ и обстоятельствамъ времени и мѣста, способствующимъ къ дѣйствованію; ибо тогда только (т. е. „когда любовь къ ближнему доказана дѣлами) можно повѣрить и узнать, что и въ созерцаніи ума есть любовь“²⁾. Дѣятельная любовь къ ближнему рождаетъ въ христіанинѣ смиреніе, смиреніе приводитъ его къ искреннему и глубокому сокрушенію о своихъ грѣхахъ, что даетъ ему силу противоборствовать страстямъ для достиженія нравственной чистоты; а когда онъ достигъ внутренней чистоты, тогда душа его становится способною имѣть сыновнее дерзновеніе къ Богу; а это служить доказательствомъ того, что онъ сдѣлался приснымъ Богу. Такимъ образомъ, любовь приближаетъ человѣка къ Богу, дѣлая его чадомъ Божиимъ и храмомъ Духа Святаго. Такой взглядъ на любовь и значеніе ея высказываетъ преп. Исаакъ Сиринъ. Этому взгляду держатся и всѣ другіе отцы Церкви и учителя, утверждая при этомъ, что любовь къ ближнимъ есть выраженіе высшей любви къ Богу. „Первая заповѣдь (возлюбиши Господа Бога Твоего), по словамъ Василія Великаго, служить основаніемъ второй (возлюбиши ближняго твоего) и чрезъ вторую мы исполняемъ первую“. „Нужно, говоритъ блаж. Августины, все относить къ Богу; *въ Немъ и для Него* нужно любить всѣхъ людей. Григорій Великій говоритъ: „большая часть людей любятъ ближнихъ своихъ ради себя. Но Богъ приказываетъ намъ любить нашихъ друзей въ Немъ и нашихъ враговъ ради Него“.

Любовь Божія обнимаетъ собою все твореніе. Мы, христіане, какъ и все человѣчество, восприняты въ планъ этой

¹⁾ Христ. Чт. 1821 г. III ч., стр. 130—131.

²⁾ Тамъ же стр. 136—137.

любви и поэтому крѣпкія узы соединяють человѣка съ чело-
вѣчествомъ, съ его ближними. Естественный союзъ въ Богѣ
является тѣснѣйшимъ союзомъ братства, связывающаго все
человѣчество общностью въ интересахъ и цѣляхъ, по дѣйствию
Божественной воли. Еще болѣе тѣсная связь устанавливается
между людьми, какъ членами Церкви Христовой, которая
должна охватить и соединить въ будущемъ все челоѣчество.
Христось учредилъ на землѣ царство, обнимающее и соеди-
няющее всѣхъ однимъ общимъ чувствомъ любви. Тѣ, кто не
проникся этою любовью, тѣ внутренно не участвуютъ въ бла-
годатномъ союзѣ любви, хотя бы и принадлежали къ нему
внѣшне. Религіозный характеръ христіанской любви, возводя-
щей все къ Богу, придаетъ единство челоѣческой жизни,
скрѣпляетъ всевозможныя обнаруженія ея и возвышаетъ чело-
вѣка въ дѣятельности.

Какимъ же образомъ зачинается въ сердцѣ челоѣка эта
любовь? Христіанская любовь есть даръ Святаго Духа. „Лю-
бовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, дан-
нымъ намъ“ (Рим. V, 5). Слѣдовательно, христіанскую лю-
бовь можетъ имѣть только челоѣкъ, возрожденный Духомъ
Святымъ, какъ говоритъ и другой апостоль: „любовь отъ Бога,
и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога (1 Іоан.
IV, 7). Воспламеняется же въ сердцѣ нашемъ христіанская
любовь чрезъ приращеніе, такъ сказать, сердца нашего къ
безконечной любви Божіей къ намъ, явленной въ Иисусѣ Хри-
стѣ. „Любовь Христова объемлетъ насъ, разсуждающихъ такъ:
если единъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли. А Христось за
всѣхъ умеръ, чтобы живущіе уже не для себя жили, но для
умершаго за нихъ и воскресшаго“ (2 Кор. V, 14. 15). „Лю-
бовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу
Свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ“ (1 Іоан.
III, 16). Значить, источникомъ христіанской любви служить
безпредѣльная любовь Божія къ намъ въ Его Сынѣ: „будемъ
любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“ (1 Іоан.
IV, 19), а „любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что

Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него“ (1 Іоан. IV, 9).

Христіанская любовь состоитъ, такимъ образомъ, въ чувствѣ или сознаниі любви къ намъ Божіей, въ вѣрѣ нашего сердца въ то, что Господь сотворилъ и творить для насъ. Что же творить въ духѣ нашемъ это живое сознание, эта живая вѣра сердца, проникнутаго благодарностью къ Господу Спасителю? Это сознание и вѣра съ такою силою дѣйствуютъ на волю христіанина, что служатъ для нея новымъ закономъ, не закономъ буквы, не закономъ внѣшнимъ, а закономъ духа внутреннимъ. „Нынѣ“, говоритъ Апостоль, „мы освободились отъ закона“, т. е. освободились отъ закона въ томъ смыслѣ, что онъ не дѣйствуетъ уже болѣе на насъ внѣшнимъ образомъ, какъ буква и приказаніе съ угрозами и проклятіями. Какъ освободились отъ такого закона? „Умерши для него“, говоритъ Апостоль, т. е., освободились чрезъ самоотверженіе отъ злой воли, влекущей насъ на всякое зло. Что же даетъ намъ свобода отъ закона? Она дѣлаетъ насъ правоспособными „служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ“, „служить Ему исполненіемъ Его закона духовнымъ, совершеннымъ и свободнымъ, какъ и законъ самъ въ себѣ есть законъ духовный“ (Рим. VII, 6. 14), законъ свободы (Іак. I, 25), законъ благодати (Іоан. I, 17), которая есть духъ нашей жизни и жизнь нашего духа. И потому Апостоль въ посланіи къ Галатамъ (V, 18 и 14) и Римлянамъ (VIII, 15) живущихъ по духу считаетъ живущими не подъ закономъ внѣшнимъ, а подъ закономъ любви, потому что духъ благодати есть духъ любви и которымъ мы взываемъ: „Авва, Отче!“ Къ исполненію требованій этого закона не имѣется никакой нужды въ постороннихъ побужденіяхъ, а исполняется онъ охотно изъ одной любви къ его святости и сладости.

Такимъ образомъ, любовь къ Богу и Христу производитъ въ сердцѣ христіанина любовь къ закону Божію и Христову, а любовь къ закону дѣлаетъ его исполненіе свободнымъ, потому что исполняющій Его законъ по любви, испол-

няетъ его по сердечному влеченію, и потому такой исполнитель воли Божіей имѣетъ истинную свободу духа. Онъ не есть тотъ рабъ, который только по страху держится законныхъ постановленій, или по немощной совѣсти своей слѣдуетъ заповѣдямъ и ученіямъ человѣческимъ, а не Божіимъ... „не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся“ (Кор. II, 21), но онъ есть сынъ Божій, который водится Духомъ Божіимъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. III, 18). Кто водится духомъ, для того нѣтъ закона, потому что плоды духа суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣтъ закона (Гал. V, 22, 23). Эти внутреннія добродѣтели совершаются не въ силу повелѣній внѣшняго закона и не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, а внутреннею силою любви и духа свободнаго.

Но возможна-ли въ жизни человѣка такая чистая любовь, чуждая малѣйшей примѣси корыстныхъ расчетовъ? Что такая любовь не только возможна, а и необходимо должна быть въ жизни христіанина, это подтверждается прежде всего примѣромъ Иисуса Христа, въ любви Котораго не было и тѣни корысти: „не ищу воли Моей, говорилъ Онъ, но воли пославшаго Меня Отца (Іоан. V, 30). Примѣръ же Иисуса Христа есть законъ для всѣхъ Его послѣдователей.

Такой именно любви требуетъ и истинное христіанское самоотверженіе, которое, касаясь всѣхъ склонностей эгоистической воли, исключаетъ изъ любви всякій видъ корысти. Пока остается въ человѣкѣ что либо, питающее его самолюбіе, до тѣхъ поръ онъ не достигъ еще полного самоотверженія. Ученіе апостола Павла о совершенномъ безкорыстіи въ христіанской любви, подтвержденное его собственнымъ примѣромъ, утверждаетъ, что эта любовь дѣйствительно возможна для насъ въ настоящей жизни (Рим. VIII, 38—39).

Впрочемъ, хотя истинная любовь чужда всякой корысти, всѣхъ видовъ и цѣлей эгоистической воли, но это не означаетъ того, чтобы она лишена была или даже чуждалась

истиннаго удовольствія и духовнаго наслажденія. Это было бы несообразно ни съ природою человѣка—существа чувственно-разумнаго, ни съ свойствами истинной добродѣтели, которая сама себя награждаетъ чувствомъ удовольствія, ни съ ученіемъ христіанскимъ, которое блаженство поставляетъ въ рядъ другихъ побужденій къ добродѣтели,—особенно-же это несообразно съ свойствами истинной любви къ Богу, которая какъ исполненіе нравственнаго закона есть сама въ себѣ источникъ блаженства. Истинная любовь къ Богу есть самая жизнь сердца, прилѣпившагося къ Господу, а какъ жизнь она не можетъ не изливаться изъ сердца восторгомъ, радостью, блаженствомъ о Духѣ Святомъ. Она есть истинная жизнь вѣрующаго и чрезъ вѣру живущаго Христовою жизнью; а если первое свойство и принадлежность жизни есть радость и блаженство, то можно-ли отдѣлять это свойство отъ жизни Христовой, которая одна есть истинная жизнь? Поэтому сердце, любящее Бога, исполненное Христовой жизни, находитъ для себя блаженство вездѣ и даже въ томъ, въ чемъ сердце, чуждое такой любви, не только не находитъ наслажденія, но даже мучится недовольствомъ и скорбью.

Такъ, напр., слово Божіе для нелюбящихъ Бога есть скучная и мертвая буква, каждая истина его отзывается для нихъ горечью. Но для любящаго Бога „слова Господни—слова чистыя, серебро очищенное отъ земли въ горнилѣ, семь разъ переплавленное“ (Пс. 11, 7). Для такого человѣка и законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу; Откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ. Повелѣнія Господа праведны, веселятъ сердце, заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи. Страхъ Господень чистъ, пребываетъ во вѣкъ. Суды Господни истина, всѣ праведны; они вождельниче золота чистаго, слаще меда и капель сота (Пс. XVIII, 8—11).

Нелюбящій Господа постоянно долженъ страшиться, чтобы не пасть на своемъ скользкомъ пути, а любящій, живо чувствуя близость Его къ себѣ, „если пойдетъ и долиною

смертной тѣни, не убоится зла“, потому что помощь Божія вездѣ и всюду подкрѣпляетъ его (Пс. XXII, 4).

Нелюбящій Бога не видитъ самыхъ ясныхъ путей, самыхъ поразительныхъ знаменій Божіихъ, а любящій повсюду встрѣчаетъ ихъ. „Куда пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду-ли на небо—Ты тамъ; сойду-ли въ преисподнюю—и тамъ Ты. Возьму-ли крылья зари и переселюсь на край моря,—и тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу-ли: можетъ быть, тьма сокроетъ меня, и свѣтъ вокругъ меня сдѣлается ночью; но и тьма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день: какъ тьма, такъ и свѣтъ“. (Пс. 138, 7—12).

Нелюбящій Бога часто для успокоенія своей мятущейся совѣсти намѣренно старается удалить мысль о Богѣ, а для любящаго все блаженство въ размысленіи о Немъ. „Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда прійду и явлюсь предъ лице Божіе! Слезы мои были для меня хлѣбомъ день и почь, когда говорили миѣ всякій день: гдѣ Богъ твой? (Пс. 41, 2—4). Скорби и несчастія, которыхъ обыкновенно стараются избѣгать въ жизни, любовь готова переносить ради Господа съ радостію. Она увѣрена, что своими страданіями входитъ въ общеніе страстей Христовыхъ (1 Петр. IV, 13).

Любовь совѣмъ иначе смотритъ и на внѣшнюю природу. Последняя любящему Господа всегда представляется громогласною трубою, псалтирю, издающею пѣснь хвалы и благодаренія Творцу. „Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ: я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ“ (Пс. 91, 5), восклицалъ царь Давидъ, котораго сердце было способно внимать хвалебному гимву природы.

Подъ воздѣйствіемъ любви и воля христіанина получаетъ необыкновенную силу въ осуществленіи своихъ благихъ желаній и достиженіи цѣлей. Эта сила воли составляетъ новый особый отличительный характеръ христіанской свободы. „Все

могу въ укрьвляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“ (Фил. IV, 13), говоритъ Апостоль, „ибо далъ намъ Богъ Духа не боязни, но любви. (2 Тим. 1, 7).

Исторія христіанства чрезвычайно богата примѣрами этого благодѣтельнаго вліянія христіанской любви на личность и общество, освобожденія и личной и общественной жизни отъ виѣшнихъ оковъ, возвышенія личности человѣка до нравственнаго состоянія небожителей, возвышенія жизни человѣка путемъ возвышенія личности его. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что и личный и соціальный прогрессъ, который совершился на глазахъ исторіи, совершился на почвѣ и подъ вліяніемъ христіанской любви.

Семья, напр., представляетъ въ общественной жизни самую необходимую и по своему значенію, наиболѣе важную сферу отношеній. По выраженію Милля, это клѣточка общественнаго организма. Но семейныя отношенія только въ христіанствѣ и именно подъ вліяніемъ христіанской любви достигли своего полного развитія. Чувство христіанской любви въ этихъ отношеніяхъ наиболѣе полно выразилось. Та естественная связь, которая соединяетъ мужа и жену *въ плоть едину*, въ христіанствѣ возвышена до степени нравственнаго союза, высочайшимъ образцомъ и примѣромъ которому служитъ союзъ Христа съ Церковію. Женщина въ этомъ религіозномъ союзѣ семейной любви—полноправная помощница мужчины, связанная съ нимъ тѣсными узами нравственнаго общенія. Ни одна религія въ мірѣ, по вѣрному замѣчанію Вуттке (Handb. d. Chr. Sittenlehre, II Bd. 227—228), не возвышаетъ такъ женщины, какъ христіанство. Какъ на особенную черту священной исторіи Новаго Завѣта, можно указать на то, что женщины въ этой исторіи самое видное мѣсто. Она является въ кругу учениковъ Христовыхъ (Марѳа и Марія, Лук. X, 38; Іоан. XII, 3 и др.); она послѣдняя у креста и первая при воскресеніи; ее мы видимъ въ молитвенномъ общеніи съ членами апостольской Церкви. Почита-

ніе Маріи возможно, говорить Вуттке, только въ христіанской Церкви и не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ язычествѣ.

При полноправіи брачныхъ лицъ, христіанская семейная жизнь составляетъ совершенную и законченную форму семейныхъ отношеній. Христіанская супружеская жизнь является священнымъ храмомъ, подъ сѣнью котораго расцвѣтаютъ добрые плоды. Обѣ цѣли брака—и нравственное восполненіе членовъ союза, и рожденіе и воспитаніе дѣтей паходятъ здѣсь полное осуществленіе.

Что-же дѣлаетъ бракъ такимъ? Дѣлаетъ его такимъ христіанская любовь.

(Окончаніе будетъ).

С. А. Рачинскій, какъ поборникъ церковной школы и защитникъ русскаго духовенства.

„Нѣтъ, современная Россія не вся въ поруганіи святыни, въ хищеніяхъ и глумленіяхъ, во лжи адвокатскихъ рѣчей и журнальныхъ писаній, въ тупомъ разгулѣ кабака и въ откровенномъ развратѣ образованныхъ классовъ. Есть теченія иныя, сокровенныя и глубокія, есть чистые люди, есть добрыя дѣла“... Эти слова Сергѣя Александровича Рачинскаго, дышація такой вѣрой въ несокрушимую силу тѣхъ истинно-русскихъ людей, дѣятельностью которыхъ обезпечивается прочное существованіе и правильное развитіе нашего отечества, прежде всего опредѣляютъ нравственный обликъ его самого и характеризуютъ направленіе его народопросвѣтительной дѣятельности. С. А. Рачинскій служилъ дѣлу народнаго образованія, въ званіи простаго сельскаго учителя, вдали отъ бурныхъ теченій нашей общественной жизни, съ такой терпѣливой настойчивостью, съ такимъ неизмѣннымъ одушевленіемъ и пламенною, святою любовью къ темному деревенскому люду, какія въ настоящее время составляютъ рѣдкость исключительную. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ людей, которые всѣ свои силы, безъ остатка, посвящаютъ интересамъ ближнихъ

и въ жизни своей не знаютъ другого удовольствія, кромѣ беззаветной преданности идеѣ, кромѣ неотступнаго исполненія сознанныаго долга и принятыхъ на себя обязанностей. Это былъ герой труда упорнаго и непрерывнаго, не сопровождающагося непосредственными блестящими результатами и потому мало привлекательнаго для людскаго взора, но въ высшей степени необходимаго для созданія и развитія началъ истинно-человѣческой жизни и окрыляющаго надеждой на прочные успѣхи въ будущемъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ оставилъ профессорскую кафедру въ Московскомъ Университетѣ, поселился въ своемъ родовомъ имѣннѣ въ с. Татевѣ, Смолен. губ., и сдѣлался здѣсь сельскимъ учителемъ. Новое дѣло до того увлекло бывшаго профессора, что онъ совершенно слилъ свою жизнь съ жизнью учениковъ: онъ поселился въ одномъ зданіи съ учениками и сталъ ихъ отцомъ, кормильцемъ и воспитателемъ. „По 10 часовъ каждый день дышалъ онъ насыщенной деревенскими парами атмосферой и горѣлъ въ пламени имъ же самимъ разожженныхъ докучливыхъ ребячьихъ вопросовъ и разговоровъ“ (Изъ Переписки Н. И. Ильминскаго съ К. П. Побѣдоносцевымъ). Вотъ что говорили о немъ крестьяне Татевскіе: „Этакіе люди у всѣхъ на виду, ихъ немного. И то сказать, что за баринъ? О себѣ ему некогда и подумать: цѣлый день въ школѣ съ ребяташками, а нѣтъ, такъ насъ большихъ уму-разуму наставляетъ. Да, этого барина послушаешь, настоящимъ человѣкомъ будешь,—онъ же тебя самъ въ люди и выведетъ“... И это С. А. дѣлалъ не изъ стремленія къ оригинальничанію и не вслѣдствіе увлеченія т. н. хожденіемъ въ народъ, бывшимъ когда-то въ большой модѣ, а потому, что, ставши народнымъ учителемъ, онъ глубоко, всѣмъ своимъ существомъ, почувствовалъ громадный долгъ, лежащій на образованныхъ классахъ въ отношеніи просвѣщенія деревни, и созналъ, что только самоотверженный трудъ учителя, совершаемый не во имя какихъ-либо эгоистическихъ выгодъ, а исключительно Бога для, можетъ внести свѣтъ образованія въ темную среду народа.

Вотъ объ этомъ предметѣ нѣсколько мыслей великаго педагога.

Вопросъ о современной русской школѣ есть вопросъ роковой и грозный. „Отъ качествъ нынѣ подрастающихъ русскихъ поколѣній зависятъ судьбы міра. Нынѣ начинается слагаться умственный и нравственный обликъ самаго многочисленнаго, самаго сплошнаго изъ христіанскихъ народовъ вселенной. Нынѣ колеблется духовная связь этого народа съ другими народами, кровнымъ родствомъ и единствомъ вѣры, всѣмъ ходомъ исторіи призванными дополнить этотъ обликъ, окрѣпить, опираясь на нашу силу. Нынѣ въ небывалыхъ размѣрахъ ускоряется разливъ русскаго племени по странамъ, скудно населеннымъ племенами полудикими, которыя намъ предстоитъ поглотить, переработать въ нашу плоть и кровь, даже помимо нашей воли, силою нашей массы, силою особаго дара простаго русскаго человѣка поглощать инородческіе элементы Востока,—дара, засвидѣтельствованнаго тысячелѣтнею исторіей“. Въ виду этихъ заманчивыхъ перспективъ мы должны дѣятельно приняться за просвѣщеніе массы народной, за сельскую школу. Какою же должна быть начальная школа?—Конечно, не простымъ приспособленіемъ для наученія крестьянскихъ ребятъ чтенію и письму, элементарному счету, словеснымъ символамъ господствующаго вѣроисповѣданія, но средствомъ для приобщенія народныхъ массъ къ тому теченію мыслей, къ тому нравственному строю, который мы считаемъ истиннымъ и нужнымъ, который властвуетъ надъ нашими умами, надъ нашими сердцами. Всегда и повсюду изъ-за грамоты и счета, изъ-за бѣдныхъ крохъ положительнаго знанія, какія можетъ сообщить начальная школа, выглядываетъ нѣчто неизмѣримо глубокое, нѣчто жизненное и роковое, нѣчто совершенно неизмѣримое съ видомъ этой кучки безграмотныхъ ребятъ, собранныхъ вокругъ еле-грамотнаго учителя.. Начальная школа прежде всего школа благочестія и добрыхъ нравовъ. Подчеркнуть, выяснить этотъ ея характеръ, осуществить его силами церковными, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого

слова, составляет задачу возникающей школы церковной“. Для осуществленія этой великой задачи требуется окружить начальную школу соотвѣтствующей атмосферой православно-русскаго благочестія и добрыхъ нравовъ, а потому—„лучшій изъ мыслимыхъ руководителей начальной школы есть добрый священникъ; самый желательный изъ доступныхъ намъ сельскихъ учителей есть діаконъ, подготовленный долгимъ учительствомъ“. Церковная школа и потому предпочтительно должна быть насаждаема на Руси, что она одна по душѣ приходится русскому человѣку, и только на почвѣ церковности можетъ быть устранено то взаимное непониманіе, отчужденіе, которое отдѣляетъ массу народа отъ образованныхъ его слоевъ и тормазитъ всѣ отправления нашей будничной жизни. „Надъ всѣми неравенствами, созданными исторіей, царитъ великое равенство предъ Богомъ. Сознать это равенство, терпѣливо, упорно бороться противъ всего, что затемняетъ его, противъ невѣжества массъ, въ которомъ мы сами виноваты, противъ собственнаго высокомерія, отнимающаго у насъ и то, что сумѣли сохранить эти темныя массы, это—долгъ всякаго мыслящаго христіанина, долгъ, грозно напоминаемый намъ обстоятельствами настоящаго времени“.

Такимъ образомъ, С. А. Рачинскій является апологетомъ церковныхъ элементовъ начальной школы—апологетомъ настолько сильнымъ и авторитетнымъ, что къ его голосу должны бы прислушаться всѣ истинные радѣтели народнаго образованія. Онъ создалъ знаменитую Татевскую школу и принималъ самое горячее участіе въ устройствѣ школъ въ районѣ, прилегающемъ къ Татеву, еще въ то время, когда общество и не могло представить себѣ другого типа начальной школы, кромѣ того, который былъ выработанъ положеніемъ о народныхъ училищахъ 1874 г., и слѣдовательно—выработалъ свои взгляды безъ всякаго сторонняго вліянія, путемъ самостоятельнаго изученія школьнаго вопроса на дѣлѣ. Какъ человѣкъ громаднаго образованія, съ искреннимъ смиреніемъ посвятившій себя тяжелому подвигу служенія крестьянскому обществу,

что и доказалъ своею тридцатилѣтнею дѣятельностью, онъ имѣеть неизмѣримое превосходство предъ тѣми лицами, которыя говорятъ и пишутъ о сельской школѣ по наслышкѣ только, или подъ вліяніемъ того, что Татевскій подвижникъ называлъ „вѣдомственнымъ патріотизмомъ“; поэтому онъ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія, и нѣтъ сомнѣнія, что его учительская дѣятельность скоро найдетъ своего добросовѣстнаго изслѣдователя, который представитъ ее во всѣхъ ея поучительныхъ подробностяхъ не только со стороны теоретическихъ ея началъ, но и со стороны тѣхъ техническихъ пріемовъ обученія и той воспитательной дисциплины, которые С. А. Рачинскій на опытѣ призналъ наиболѣе соотвѣтствующими духу нашей сельской школы.

Но съ именемъ С. А. Рачинскаго связывается представленіе не только объ убѣжденномъ поборникѣ церковной школы, но и о сильномъ защитникѣ современнаго православно-русскаго духовенства отъ разныхъ несправедливыхъ нареканій на него. Какъ извѣстно, русское общество относится къ русскому духовенству съ какимъ-то обиднымъ недовѣріемъ, оно совершенно умалываетъ силу и значеніе духовенства въ дѣлѣ развитія народной жизни, стараясь ограничить его дѣятельность исключительно религіозною областью. Это, можно сказать, враждебное отношеніе къ сословію, которое покрыто историческою славой и въ настоящее время нисколько не уступаетъ другимъ сословіямъ—ни въ отношеніи образованности, ни въ отношеніи пониманія запросовъ русской жизни, ни въ отношеніи исполненія своихъ обязанностей,—находитъ свое объясненіе только въ томъ обстоятельстве, что хулители духовенства ¹⁾ почти не знакомы съ нимъ. Кто далъ себѣ трудъ изучить жизнь русскаго духовенства, условія его многосложной

¹⁾ Прежде всего пресса столичная, а затѣмъ провинціальная, ограничивающаяся пересказомъ, въ формахъ болѣе грубыхъ разсужденій, прессы столичной и сообщеніемъ разныхъ анекдотовъ сомнительнаго свойства. Русск. Обзор. 1898, 4: статья С. А. Рачинскаго: „Учителя и учительницы“.

дѣятельности, для того не можетъ быть сомнѣнія, что оно призвано и вполне правоспособно осуществить великія задачи. Подтвержденіе этого мы видимъ на примѣрѣ С. А. Рачинскаго. С. А. близко стоялъ къ русскому духовенству; школьная дѣятельность, направленная къ установленію возможно близкой связи школы съ Церковью, мало по малу вовлекла его въ громадную переписку съ сотнями священниковъ, разсыпанныхъ по всѣмъ угламъ Россіи,—переписку, давшую ему возможность основательно изучить бытъ духовенства, познакомиться съ разнообразными условіями его дѣятельности, съ его дурными и хорошими качествами. И что же? Всякій разъ, когда ему приходится вести рѣчь о духовенствѣ, о недостаткахъ его, онъ говоритъ съ непритворною скорбью, а о достоинствахъ—съ чувствомъ полного удовлетворенія и съ вѣрою въ то, что первые мало по малу исчезнутъ, вторыя же будутъ возрастать на пользу русскаго народа.

Значительную часть отвѣтственности за недостатки, вкравшіеся въ духовную среду, онъ возлагаетъ на тѣ жизненныя вліянія, подъ коими развивалось современное духовенство на школьной скамьѣ и начало свою самостоятельную дѣятельность въ приходѣ. Эти вліянія, „врываясь въ замкнутый строй нашихъ строго сословныхъ, жившихъ преданіемъ духовно-учебныхъ заведеній, подѣйствовали на него съ потрясающею силою... Богословскія науки, осужденныя всѣмъ строемъ современной мысли, осмѣяныя на тысячу ладовъ на рабьемъ языкѣ нашей прессы, обратилась въ глазахъ учащихся въ предметъ докучливаго зубренія, перестали быть пищей жизни духовной. И, рядомъ съ этимъ, въ новыхъ внѣшкольныхъ ученіяхъ нашли себѣ пищу, въ примѣрѣ образованныхъ классовъ нашли себѣ оправданіе именно наслѣдственные грѣхи нашего духовенства, нажитые вѣками невѣжества и небреженія мірянъ къ устроенію Церкви. Чувство благоговѣнія... систематически и открыто вытраивалось нашею литературою. Поклоненіе мамонѣ, нажива per fas et nefas, безумная жажда роскоши,—развѣ этотъ примѣръ сверху остался безъ вліянія

на наше духовное юношество, сугубо искушаемое и обязательностью брака, и бѣдностью, и стремленіемъ примкнуть къ образованному кругу?.. А теорія невмѣняемости и неотвѣтственности, непобѣдимости всякихъ похотей и бессознательныхъ импульсовъ—развѣ не начинаетъ колебать, грязнить и семейную жизнь духовенства, столь недавно еще отличавшуюся чистотою?.. И развѣ всѣ эти вліянія, послѣ посвященія и полученія мѣста, замѣнялись иными, лучшими? Развѣ деревенская интеллигенція отставала отъ губернской въ пляскѣ вокругъ золотого тельца, въ поклоненіи прочимъ идоламъ дня? Развѣ не туда же толкали молодого священника и жена, воспитанная въ женской гимназій, и братья, избравшіе мірскую карьеру, и просвѣщенные прихожане, и самая духовная среда, щеголявшая новыми передовыми взглядами“?

Но, при всемъ этомъ, печальнымъ явленіемъ въ жизни духовенства нельзя придавать слишкомъ большого значенія и на основаніи ихъ составлять неблагоприятное сужденіе о многочисленнѣйшемъ сословіи. „Полагаю, говоритъ С. А. Рачивскій, что при нравственной оцѣнкѣ обширныхъ группъ или сословій людей, намъ легче судить о направленіи, въ коемъ происходятъ въ нихъ внутренніе перевороты, по необходимости медленные, чѣмъ о наличномъ среднемъ уровнѣ, достигнутомъ въ данную минуту“. Каково же это направленіе въ современномъ духовенствѣ? Сравненіе съ недавнимъ прошедшимъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя убѣждаетъ въ томъ, что, не смотря на постоянно увеличивающуюся трудность достойнаго прохожденія пастырскаго служенія, „число сельскихъ священниковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ плодотворной, истинно-пастырской дѣятельности, разительно *возрастаетъ*, что увеличивается число священниковъ *учительныхъ* и въ церкви и въ школѣ, что въ школьномъ дѣлѣ изъ ихъ числа стали появляться дѣятели выдающіеся, о коихъ прежде и помина не было“. Эти свѣтлыя личности, подвизающіеся подвигомъ добрымъ, хотя и составляютъ меньшинство, но при благоприятныхъ условіяхъ, подобно малой закваскѣ,

могутъ заквасить все тѣсто, влить здоровые соки во все словіе, возбудить въ немъ кипучую дѣятельность, по всей линіи, для осуществленія предстоящихъ ему великихъ задачъ. Изъ послѣднихъ С. А. Рачинскій съ особенною силою, какъ и естественно ожидать отъ народнаго учителя, отдѣляетъ необходимость живѣйшаго участія духовенства въ дѣлѣ народной школы, каковое участіе онъ нисколько не отдѣляетъ отъ чисто пастырскихъ обязанностей священниковъ. „Молодые люди, говоритъ онъ, готовящіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ принятію священнаго сана, должны сознавать всю неизмѣримую важность возлагаемой на нихъ обязанности. Поставленъ вопросъ о возможно широкомъ распространеніи народнаго обученія, этого перваго шага темныхъ массъ къ жизни сознатальной. Дѣйствительно, повсемѣстно, истинно плодотворно этотъ шагъ можетъ быть совершенъ лишь при искреннемъ, поголовномъ содѣйствіи сельскаго духовенства... Единственный путь, коимъ, волною широкою и плодотворною, можетъ влиться въ наши темныя массы доступное имъ образованіе—повсемѣстная инициатива въ этомъ дѣлѣ нашего сельскаго духовенства, которое поголовно обладаетъ образованіемъ, достаточнымъ для руководства начальною школою“. Какъ духовенство необходимо школѣ, такъ и школа нужна духовенству. Расширеніе пастырской дѣятельности, налагаемое на наше сельское духовенство обстоятельствами времени, требуетъ новыхъ средствъ пастырскаго воздѣйствія на приходъ, изъ коихъ школа церковная должна быть поставлена на самомъ видномъ мѣстѣ. „Хорошій священникъ—душа школы; школа—якорь спасенія для священника“.

Заключимъ настоящую замѣтку о взглядахъ С. А. Рачинскаго на сельскую школу и русское духовенство, выработанныхъ путемъ самостоятельнаго и долготѣняго изученія жизни, двумя пожеланіями. Во-первыхъ, дай Богъ, чтобы русское общество выдѣляло изъ своей среды возможно большее число такихъ великихъ, но вмѣстѣ истинно-смиранныхъ дѣлателей на поприщѣ христіанскаго учительства, какимъ былъ

покойный С. А. Рачинскій, не полагавшій своимъ трудамъ ни мѣры, ни конца, и то же завѣщавшій всѣмъ учителямъ народнымъ. Во-вторыхъ, дай Богъ, чтобы православно-русское духовенство, проникнувшись взглядами знаменитаго Татевскаго подвижника, хранило о немъ священную память, не забывало его въ своихъ молитвахъ и всемѣрно старалось быть достойнымъ той восторженной любви, какую къ нему питалъ С. А. Рачинскій до конца своей жизни, и того высокаго довѣрія, какое хотѣлъ возбудить во всѣхъ слояхъ нашего образованнаго общества, въ чемъ значительно и усгѣль.

Н. Гр.

З А М Ъ Т К И.

1. *Какъ священнику поступать въ томъ случаѣ, когда обращаются съ просьбою помянуть извѣстныхъ лицъ и при этомъ подають поминовеніе и просфору послѣ уже великаго входа?*

Изъятіе частицъ изъ приносимыхъ вѣрующими просфоръ никакъ не должно быть продолжаемо долѣе времени перенесенія Св. Даровъ съ жертвенника на престоль. Поэтому, въ случаѣ указанной просьбы, поминовеніе должно быть ограничиваемо лишь прочитываніемъ подаваемыхъ помянниковъ во время пѣнія: „Достойно есть...“ или задостойника, когда, согласно литургійному чину, полагается у насъ вторичное поминовеніе живыхъ и умершихъ.

2. *Можно-ли совершать торжественное поминовеніе усопшихъ (съ возглашеніемъ заупокойной эктениі, чтеніемъ заупокойныхъ апостоловъ и евангелій) на литургій въ воскресные и праздничные дни?*

Согласно общему правилу нашей Церкви, заупокойныя литургій должны быть совершаемы по преимуществу въ будніе дни седмицы и, въ частности, по днямъ субботнимъ, которые особенно посвящаются церковію поминовенію братій, усопшихъ въ вѣрѣ и чающихъ покоя со святыми въ обителяхъ Отца Небеснаго. Но благочестивому христіанскому чувству не воспрещается, конечно, поминать усопшихъ и въ дни воскресные и праздничные, когда совершеніе полной литургій по уставу полагается. Только поминовеніе это въ указанные

дни, согласно дѣйствующему уставу и обычаю церковному, всего благопристойнѣе ограничивать по преимуществу поминовеніемъ данныхъ именъ на проскомидіи и на „Достоинство“..., не присоединяя ни заупокойной эктении, ни заупокойныхъ апостоловъ и евангелій,—тѣмъ болѣе, что для воскресныхъ и праздничныхъ дней особенныхъ апостольскихъ и евангельскихъ заупокойныхъ чтеній не полагается. По 169 правилу Номоканона, печатаемаго при Большомъ Требникѣ, запрещается совершать поминовеніе усопшихъ въ теченіе такъ называемыхъ „Святокъ“ (двѣнадцать дней отъ праздн. Рожд. Христ. до Богоявленія), а также въ первую и страстную седмицы Великаго Поста и во всю свѣтлую недѣлю.

3. *Могутъ-ли быть воспріемниками лица, облеченныя саномъ монашескимъ?*

Въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго каноническаго права не видно запрещенія монахамъ быть воспріемниками дѣтей отъ купели крещенія; а изъ лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ хорошо извѣстно, что воспріемниками княжескихъ и потомъ царскихъ дѣтей были большею частію монахи. И только со времени изданія при Большомъ Требникѣ Номоканона, одно изъ правилъ котораго (84) заповѣдуетъ, что „ниже воспріемникъ бываетъ монахъ дѣтица“,—запрещеніе для монаховъ воспріемничества (наравнѣ съ запрещеніемъ имъ вѣнчать браки) сдѣлалось мало-по-малу общимъ правиломъ (см. Ук. Св. Син. 1805 г.—марта 31; опредѣл. Св. Син. 8-го мая и 9 окт. 1811 г.; ук. Св. Синода 17 окт. 1844 г.) на томъ, конечно, основаніи, что воспріятіе дѣтей отъ купели крещенія необходимо вовлекаетъ монаха въ общеніе съ міромъ и, въ частности, съ лицами другого пола, что явно противорѣчитъ основному началу иноческой жизни. (Подробнѣе см. объ этомъ въ сочин. проф. А. Павлова: „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“, изд. 1897 г., стр. 215—217).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 іюня 1902 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 26.

Подписаніе принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюня 30-го.

Содержаніе: Сословное обособленіе Русскаго духовенства.— Праздникъ Пяти-
десятницы въ древнемъ христіанскомъ Іерусалимѣ (окончаніе).—
Изъ дневника священника.

Сословное обособленіе Русскаго духовенства.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Вопросъ о русскомъ духовенствѣ не принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ вопросовъ, которые бы обсуждались въ литературѣ и журналистикѣ съ неослабнымъ вниманіемъ и всегда серьезнымъ интересомъ. Какъ то такъ случается, что духовенство лишь изрѣдка пользуется благосклоннымъ и участливымъ вниманіемъ общества къ себѣ, своему положенію и назрѣвшимъ въ его жизни потребностямъ. Тѣмъ дороже, конечно, эти рѣдкіе моменты участливаго отношенія къ нему общества. Переживаемое нами время, кажется, можно отнести къ числу такихъ моментовъ. За послѣднее время на страницахъ свѣтской періодической печати появлялись статьи касательно духовнаго образованія и желательныхъ въ немъ улуч-

шеній, касательно матеріальнаго обезпеченія духовенства; высказывалась желательность ослабленія кастовой его обособленности и приводились соображенія о средствахъ для расторгненія ея. Послѣдній вопросъ, по своей серьезности и важности, заслуживаетъ глубокаго и всесторонняго обсужденія. Мы предлагаемъ вниманію читателей нашего журнала исторической очеркъ ¹⁾ сословнаго обособленія русскаго духовенства въ надеждѣ, что онъ поможетъ уяснить это явленіе во всемъ разнообразіи причинъ, вызывавшихъ его, и проявленій, его характеризовавшихъ, и судить о жизнеспособности его подъ дѣйствіемъ тѣхъ ограничительныхъ административныхъ мѣропріятій, которымъ оно подверглось съ середины минувшаго столѣтія.

I.

До XVII вѣка и раньше русское духовенство не составляло запретнаго сословія. Служеніе въ церкви и для церкви болѣе или менѣе широко открыто было людямъ всѣхъ званій и состояній—даже несвободныхъ. Приходскій или вотчинничій выборъ священника свободно падалъ на мірянъ, и право ихъ поступать въ духовное званіе не было тогда ограничено стѣснительными постановленіями власти. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство древней Россіи относительно выхода изъ духовнаго званія. Тогда оно пользовалось свободнымъ правомъ оставаться или не оставаться въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію.

Не то видимъ въ XVIII вѣкѣ. Въ концѣ этого столѣтія (1799 г.) въ русскомъ обществѣ поднимался вопросъ: можно ли опредѣлять на священно-служительскія мѣста людей, хотя

¹⁾ Основаніемъ для него послужило, главнымъ образомъ, извѣстное изслѣдованіе проф. Казанской дух. академіи Знаменскаго подъ заглавіемъ „Приходское духовенство“..., напечатанное въ Правосл. Соб. за 1871 и 72 гг. и отдѣльно.

и духовнаго происхожденія, но служившихъ въ свѣтской службѣ, и притомъ даже не въ постороннемъ какомъ-нибудь вѣдомствѣ, а въ духовномъ же, напр., въ званіи сторожей и приставовъ духовныхъ консисторій. А въ первой половинѣ этого вѣка (въ 1732 г.) св. Синодъ посылалъ въ Сенатъ вѣдѣніе, чтобы канцеляристу города Рыльска нѣкому Звягину, который служилъ въ духовномъ правленіи, не дѣлалось принужденія перейти въ гражданскую службу. На вышеозначенный вопросъ св. Синодъ отвѣчалъ дозволительнымъ указомъ, въ которомъ опредѣленіе на церковныя должности духовныхъ лицъ, служившихъ въ свѣтской службѣ духовнаго вѣдомства, выставилъ, однако, чѣмъ то въ родѣ пожалованія за ихъ службу. На вѣдѣніе же Синода Сенатъ отвѣчалъ такимъ рѣшеніемъ: „ежели у него Звягина отецъ былъ гражданского чина, и онъ былъ у гражданскихъ дѣлъ, то и нынѣ ему быть у гражданскихъ же, а не у духовныхъ... Ежели же отецъ его былъ у духовныхъ дѣлъ, то и оному сыну его быть, какъ и отцу его, у тѣхъ духовныхъ дѣлъ. И о томъ въ св. Синодѣ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ объявить, чтобы въ св. Синодѣ опредѣлено было, дабы впредь къ духовнымъ дѣламъ въ подъячіе опредѣляемы были изъ поповскихъ, дьяковскихъ и причетническихъ дѣтей и изъ прочихъ того св. Синода вѣдомства, а изъ свѣтской команды къ такимъ духовнымъ дѣламъ опредѣлять было запрещено“¹⁾. Эти два факта какъ нельзя лучше характеризуютъ сословное обособленіе русскаго духовенства, образовавшееся въ XVIII вѣкѣ. Это—такое положеніе духовенства, созданное жизнью его и общества (на сколько отъ жизни послѣдняго зависитъ жизнь перваго въ своемъ характерѣ и строѣ) и окончательно сформированное правительствомъ, въ силу котораго духовное сословіе явилось запретнымъ для постороннихъ—не духовныхъ людей и самозамкнутымъ относительно выхода изъ него. Положеніе это

¹⁾ Правосл. Собес. 1872 г., кв. I, стр. 199—200. Ст. проф. Знаменскаго: „Приходское духовенство“.

было создано жизнью духовенства и общества, которые такъ уже настроены, что волнуются вопросомъ, можно ли духовнымъ по происхожденію лицамъ со свѣтской службы поступать на духовную и затрудняютъ свѣтскимъ служителямъ духовнаго вѣдомства переходъ на гражданскую службу; окончательно же было сформировано правительствомъ, которое отвѣчаетъ на запросы и движенія общественной среды въ благопріятномъ для нея смыслѣ.

Подобныя стѣснительныя постановленія относительно доступа мірянъ на духовную службу и выхода духовныхъ людей на свѣтскую службу сдѣлались невозможными уже въ первой половинѣ минувшаго столѣтія. А во второй половинѣ его правительство провозгласило совершенное уничтоженіе замкнутости блага духовенства и приняло мѣры къ расторженію этой замкнутости. Въ цѣляхъ привлеченія въ духовное званіе свѣжихъ силъ, доступъ къ богословскому образованію былъ открытъ для лицъ всѣхъ состояній,—приняты были мѣры къ улучшенію быта духовенства и возвышенію юридическаго и общественнаго положенія его; въ 1867 году отмѣнено было (принципіально, на дѣлѣ же только ослаблено) наследственное начало въ замѣщеніи церковныхъ мѣстъ; съ другой стороны, дѣтямъ духовенства открытъ былъ свободный доступъ во всѣ роды государственной и гражданской службы (въ 1869 году), и всѣ они съ разными правами отчислены были въ свѣтское званіе; въ духовномъ же званіи оставлены были только лица, имѣющія священный санъ и занимающія причетническія должности ¹⁾). Однако, выразившееся въ этихъ мѣрахъ противодѣйствіе сословному обособленію духовенства оказалось слабо: духовное званіе доселѣ не привлекаетъ къ себѣ свѣжихъ силъ и по прежнему наполняется одними почти дѣтьми духовенства, составляя, можно сказать, изолированное об-

¹⁾ Объ этихъ мѣропріятіяхъ можно читать въ изслѣдованіи А. Панкова: „Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя“, гл. VI и VII, стр. 95, 121 и др.

щество, касту, или, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, особую „породу“, съ которой другія сословія почти не имѣютъ ни родственныхъ, ни общественныхъ связей, къ судьбѣ которой они относятся по меньшей мѣрѣ безучастно. Равнымъ образомъ, и свѣтское званіе далеко не изобилуетъ дѣятелями духовнаго происхожденія. Уничтоженіе замкнутости духовенства значительно остается, такимъ образомъ, на бумагѣ, какъ 269-я статья IX т. свода законовъ (о состояніяхъ), которая говоритъ, что „въ бѣлое духовенство могутъ поступать лица всѣхъ вообще состояній, кромѣ крѣпостныхъ, пока не будутъ отпущены узаконеннымъ порядкомъ на волю“¹⁾ Все различіе, слѣдовательно, между сословнымъ обособленіемъ духовенства прежняго времени и современной его замкнутостью сводится, видимо, къ тому, что первое имѣло лишній факторъ для своего образованія въ административныхъ ограниченіяхъ относительно доступа въ духовное званіе постороннихъ людей и выхода духовныхъ лицъ въ свѣтское званіе; подобныхъ ограниченій, столько же широкихъ и ясно выраженныхъ, современная сословная обособленность духовенства уже не имѣетъ. Если же она существуетъ, не смотря даже на противодѣйствіе ей, то она, слѣдовательно, есть сильный „осадокъ“ или печальное послѣдствіе тѣхъ внутреннихъ стихій въ жизни духовенства и общества, которыя, помимо административныхъ мѣръ, замыкали духовное сословіе въ себѣ самомъ раньше (XVIII в.) и держать его въ такомъ положеніи доселѣ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ она есть, можетъ быть, и самостоятельное явленіе, насколько еще остались для духовенства факторы обособленія въ незавидномъ его положеніи—экономическомъ, общественномъ и пр. и въ характерѣ отношеній къ нему правительства и общества. Но такъ какъ этотъ характеръ отношеній къ духовенству, какъ и бытовой строй его жизни, могъ выработаться, какъ само собою понятно, не сразу, а выработывался постепенно, то настоящее его положеніе находить

¹⁾ См. у Знаменскаго, Прав. Соб. 1871 г., кн. III, стр. 349.

для себя объясненіе, главнымъ образомъ, въ прошломъ, и съ этой стороны историческій очеркъ сословнаго обособленія русскаго духовенства ведетъ къ уясненію и современной его замкнутости.

Сословное обособленіе духовенства не прекратилось, какъ видѣли, съ отмѣною обусловливавшихъ его административныхъ мѣропріятій. Значить, не въ нихъ главная организаторская сила этого явленія, а въ тѣхъ внутреннихъ стихіяхъ въ жизни духовенства и общества, которыя мы выше упомянули и къ изслѣдованію которыхъ теперь обращаемся.

Могучими внутренними факторами сословнаго обособленія русскаго духовенства въ XVIII в. были тотъ сословный духъ и складъ его жизни, который зависѣлъ отъ воспитанія, наслѣдственныхъ привычекъ въ его средѣ и множества часто неуловимыхъ обстоятельствъ его частной, общественной и экономической жизни, особенно—отъ сословнаго народораздѣленія Россіи, начатаго и законченнаго въ XVIII вѣкѣ,—а затѣмъ и весь, вообще, бытовой укладъ жизни духовенства, насколько онъ способствовалъ сословному обособленію его своими темными сторонами. Если первый былъ стихіею, замыкавшею духовное сословіе само въ себѣ и относительно выхода изъ него, то послѣдній, какъ увидимъ, являлся, главнымъ образомъ, стихіею, отвлекавшею постороннихъ людей отъ вступленія въ духовное званіе.

II.

Въ XVIII вѣкѣ перешили два порядка замѣщенія церковныхъ должностей—по выбору прихожанъ и по праву наслѣдственному. Первый порядокъ упорно держался въ Малороссіи, за половину XVIII вѣка еще жившей вольной жизнью—подъ почти безконтрольнымъ управленіемъ громадъ и пановъ; тогда какъ въ Великороссіи, гдѣ жизнь общественная рано подпала опеку и регламентаціи правительства, онъ началъ уступать свое мѣсто порядку наслѣдственному еще до XVIII

вѣка. Однако, наслѣдственное право и тамъ и здѣсь постепенно вытѣсняло выборное начало и на первыхъ порахъ подавляло его видимымъ, на дѣлѣ же подкупнымъ и разсчитаннымъ на успѣхъ подчиненіемъ ему же—своему сопернику. Наслѣдники „вдирались“, по выраженію духовнаго Регламента, на церковныя должности, подкупивъ приходскій выборъ въ свою пользу деньгами, низкими и долгими поклонами и разнаго рода заискиваньемъ предъ прихожанами - избирателями ¹⁾).

Что же, однако, ближайшимъ образомъ вызывало развитіе наслѣдственнаго порядка въ замѣщеніи церковныхъ должностей?

Причинъ этого явленія было нѣсколько. Священникъ—пожалованъ ли онъ церковнымъ мѣстомъ съ прицерковными угодьями отъ вотчинниковъ или приходскихъ общинъ, или же пріобрѣлъ онъ его собственною цѣною, иногда очень дорогою ²⁾, въ томъ и другомъ случаѣ естественно стремился упрочить его за своимъ потомствомъ,—въ первомъ случаѣ—какъ теплое дарственное мѣсто, во второмъ—„какъ свою собственность, купленную имъ доходную статью, которая должна кормить его семью процентами съ затраченнаго на нее капитала“ (Знаменскій). Развитіе владѣльческихъ правъ приходскаго духовенства на участки прицерковной земли, отводимые ему общинами и частными владѣльцами, поддерживалось еще постройкой причтами собственныхъ домовъ на этихъ участкахъ и, такимъ образомъ, долше и больше вело за собою развитіе наслѣдственности церковныхъ должностей; а съ дѣтства воспитанная въ дѣтяхъ духовенства склонность къ церковному служенію вмѣстѣ съ бѣдностью духовныхъ семей служила самою естественною поддержкою наслѣдственности ду-

¹⁾ См у Знаменскаго, Правосл. Собес. 1871 г., кн. III, стр. 63 -64, 71—72; 1872 г., кн. III, стр. 240—241.

²⁾ Отъ 30 до 150 рублей. Тамъ же, Правосл. Соб., 1871 г. кн. III, стр. 444.

ховнаго служенія вообще и на извѣстномъ церковномъ мѣстѣ въ частности. Есть факты, свидѣтельствующіе, что наслѣдники, обиженные епархіальной властью въ пользу вольныхъ кандидатовъ, въ своемъ протестѣ противъ такой обиды не иное что выставляли въ доказательство своихъ правъ на родовыя церковныя мѣста, какъ именно тѣ затраты, какихъ стоили эти мѣста отцамъ ихъ и дѣдамъ, всему, словомъ, роду ихъ ¹⁾). Эти же самые протесты обиженныхъ наслѣдниковъ говорятъ, какъ дорого было для нихъ наслѣдственное мѣсто: они хватаются за него, какъ за единственное сродное ихъ духу служеніе, какъ за единственно возможное для нихъ средство прокормленія! Очевидно, что неразрывно съ образованіемъ и развитіемъ наслѣдственности церковныхъ мѣстъ слагался и тотъ сословный духъ въ средѣ духовенства, который, питаясь ею, въ то же время способствовалъ ея развитію.

Послѣдуемъ за наслѣдниками церковныхъ мѣстъ и прослѣдимъ вліяніе отстаиваемой ими наслѣдственности духовнаго служенія на образованіе сословнаго обособленія русскаго духовенства.

Священнослужители, стремясь удержать церковныя мѣста за своими наслѣдниками, старались утвердить законность ихъ правъ на эти мѣста въ сознаніи прихожанъ, отъ согласія которыхъ зависѣло поступленіе наслѣдниковъ на церковныя должности при ихъ приходской церкви. Въ этихъ цѣляхъ они уклоняются отъ посылки наслѣдниковъ въ школу и держатъ ихъ при себѣ, чтобы приучить къ нимъ своихъ прихожанъ ²⁾), даже успѣваютъ при своей жизни опредѣлять ихъ на клировыя должности при своей церкви, облегчая имъ чрезъ это унаслѣдованіе своихъ должностей въ будущемъ—послѣ смерти. Общимъ въ Великороссіи и Малороссіи было явленіе, отмѣченное Духовнымъ Регламентомъ, что „при многихъ церквахъ поповъ не припускаетъ въ церковники чужихъ, но своими сы-

¹⁾ См. у Знаменскаго, Правосл. Соб. 1871 г., кн. III, стр. 444.

²⁾ Тамъ же, Правосл. Соб. 1871 г., кн. III, стр. 419.

нами или сродниками мѣсто того служенія занимаетъ, иногда и вящія потребности“¹⁾. Старшій сынъ малороссійскаго священника, по ходатайству отца, становился сперва дьячкомъ или дьякономъ при его церкви, а потомъ викарнымъ священникомъ „на помощь отцовской старости“, живя по прежнему на отцовскихъ харчахъ и ничѣмъ не пользуясь отъ прихода²⁾. По смерти отца этотъ викарій, въ которомъ парафіяне привыкли уже видѣть своего будущаго священника, дѣйствительно занималъ безъ всякихъ препятствій родовое мѣсто. Велико-россійскій поповичъ, занимая, въ качествѣ наслѣдника, какую-нибудь должность при церкви отца, не оставался уже на его харчахъ, а еще получалъ отъ прихода особый доходъ со-отвѣтственно занимаемой имъ должности. Поэтому, великороссійскіе священнослужители записывали своихъ наслѣдниковъ въ клировыя должности при своей церкви въ очень раннемъ возрастѣ—иногда лѣтъ 12—13-ти, нарочно исключая ихъ для этого изъ школы или же и вовсе не отвозя ихъ въ школу. Въ 25—30 лѣтъ эти клирики тѣмъ же порядкомъ, что и въ Малороссіи, ставились во дьяконы или вторые священники—въ подмогу отцовской немощи и старости, или, какъ тогда говорили, въ священники „въ заставку“³⁾. Не имѣя наслѣдниковъ мужского пола, священнослужители „сдавали“ свои мѣста наслѣдницамъ. А нѣкоторые изъ нихъ, для обезпеченія своихъ дочерей, объявляли ихъ своими наслѣдницами даже помимо сыновей, которые сами могли и должны были въ такомъ случаѣ пріискать себѣ новыя мѣста⁴⁾. Нужно замѣтить, что женитьба на наслѣдницѣ иногда пролагала путь къ священному сану и людямъ свѣтскаго званія. Но это было рѣдкимъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ въ Велико-россіи,

¹⁾ Тамъ же, стр. 353.

²⁾ Эти дьяконы и дьячки вытѣспили со временемъ вольнонаемныхъ клириковъ тѣхъ же степеней, происходившихъ изъ разныхъ званій. См. у Знаменскаго, Правосл. Соб., 1871 г., кн. III, стр. 73—90.

³⁾ Тамъ же, стр. 421—422.

⁴⁾ Стр. 425—428.

потому что масса духовныхъ кандидатовъ оттѣсняла свѣтскихъ, которые при томъ же встрѣчали препятствіе своему поступленію въ духовное званіе, чрезъ бракъ на наслѣдникахъ, со стороны епархіальной власти¹⁾. Въ цѣляхъ закрѣпленія своего мѣста за потомствомъ, священнослужители иногда навимали себѣ викаріа при своей жизни изъ другого рода,—это въ томъ случаѣ, если чувствовали слабость здоровья, а между тѣмъ не имѣли ни одного взрослога наслѣдника. Такъ вотъ, чтобы смерть не застигла семью больного священнослужителя врасплохъ и не помѣшала ей воспользоваться родовымъ мѣстомъ, онъ и навималъ себѣ викаріа, который обязывался „быть послушнымъ государынѣ (вдовѣ) и дѣткамъ“ и служить въ его церкви по его смерти до такого возраста послѣднихъ, который позволить его сыну или его дочери занять родовое мѣсто²⁾.

Преп. *А. Волминъ*.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 428.

²⁾ Стр. 431.

³⁾ См. № 25 за 1902 г.

Праздникъ Пятидесятницы въ древнемъ христіанскомъ Іерусалимѣ³⁾.

Большою толпою, во главѣ съ епископомъ и священнослужителями, богомольцы направлялись въ „третьемъ часу“ изъ Мартиріума на Сіонъ, сопровождая свое величественное шествіе праздничными пѣснопѣніями. Къ концу третьяго часа, или, по нашему, къ 9 ч. утра, народъ подходилъ къ Сіонскому храму на Сіонской горѣ.

Въ вѣкъ Христа Спасителя Сіонская гора занимала господствующее положеніе среди другихъ горъ, на которыхъ раскинулся Іерусалимъ. На Сіонѣ былъ расположенъ такъ называемый *верхній городъ* съ многочисленными постройками, какъ общественными, такъ и частными. Въ ряду послѣднихъ была и та *сіонская горница*, имя которой связано со многими

¹⁾ Тамъ же, стр. 428.

²⁾ Стр. 431.

³⁾ См. № 25 за 1902 г.

событіями изъ священной исторіи На мѣстѣ сіонской горницы св. Елена построила большую, богато украшенную базилику. Обстоятельныя свѣдѣнія о ней передаетъ въ XII вѣкѣ греческій паломникъ, монахъ Іоаннъ Фока. „Святый Сіонъ“, говоритъ онъ, „находится впереди святаго града. Онъ лежитъ на правой сторонѣ его. Вотъ его описаніе. Предъ вами крѣпость, въ которой находится святый сіонъ, мать церквей; это громадный храмъ съ цилиндрическою крышею. При входѣ въ красныя ворота, на лѣвой сторонѣ есть домъ св. Іоанна Богослова, въ которомъ Пресвятая Богородица пребывала по воскресеніи Спасителя;—здѣсь же она и опочила. На этомъ мѣстѣ есть келлія, огражденная желѣзными рѣшетками, и на мѣстѣ, на которомъ она предала свою всесвятую душу Сыну и Богу, находятся два выиуклыхъ кружка. Направо отъ сего храма, у правой части алтаря, есть горница, восходъ въ которую имѣетъ шестьдесятъ одну ступень. Храмъ этотъ о четырехъ куполахъ съ трулломъ¹⁾. Въ лѣвой части горницы видно то мѣсто, гдѣ была Владычня вечеря, а въ углубленіи (въ нишѣ) алтаря—сошествіе Святаго Духа на апостоловъ. Въ нижней части сего храма было омовеніе ногъ“²⁾. Кромѣ этого храма,—на Сіонѣ, на мѣстѣ, гдѣ явился по воскресеніи Христосъ ученикамъ своимъ *дверемъ заключеннымъ*, былъ еще храмъ. Онъ стоялъ напротивъ перваго³⁾.

Но возвратимся къ начатому разсказу о богослуженіи на Сіонской горѣ, къ которой богомольцы собирались въ „третьемъ“ часу дня. Третій часъ было время, когда, по свѣдѣтельству св. Луки, Духъ Святый сошелъ на апостоловъ въ сіонской горницѣ. Въ память этого событія и начало поздней литургіи въ день пятидесятницы на Сіонѣ приурочивалось именно къ третьему часу. Богомольцы размѣщались на Сіонѣ

¹⁾ Т. е. со сводомъ.

²⁾ См. у А. А. Дмитріевскаго въ книгѣ: „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX — X в.“. Казань, 1894, с. 330. Тамъ же можно читать о современномъ состояніи Сіона, стр. 325.

³⁾ Прав. Пал. Сборникъ, т. VII, в. II, стр. 165.

повсюду, гдѣ было можно: и въ главномъ сіонскомъ храмѣ, и въ другомъ, который былъ противъ него, и снаружи храмовъ, прямо подѣ открытымъ небомъ... Начало литургіи предварялось чтеніемъ изъ книги Дѣяній апостольскихъ того мѣста, гдѣ повѣствуется объ обстоятельствахъ сошествія св. Духа (гл. II). По прочтеніи этого священнаго повѣствованія, которое должно было еще живѣе напомнить богомольцамъ о томъ что нѣкогда совершилось въ сіонской горницѣ, начиналась одновременная литургія въ обоихъ сіонскихъ храмахъ. Молитвенный духъ собравшагося народа особенно возгрѣвался горячими словами пастырей—проповѣдниковъ, избравшихъ предметомъ своихъ поученій на литургіи въ этотъ день всестороннее выясненіе воспоминаемаго священнаго событія. Сильвія не указываетъ, сколько времени длилась праздничная литургія на Сіонѣ и когда она оканчивалась, но въ общемъ рассказѣ ея можно найти данныя для отвѣта на эти вопросы. Такъ, Сильвія, между прочимъ, говоритъ, что послѣ литургіи, „при отпустѣ народа“, архидіаконъ объявлялъ начало слѣдующей службы „по шестомъ часѣ“, или послѣ двѣнадцати по нашему счету, а въ промежутокъ отъ конца литургіи до начала слѣдующей службы народъ успѣвалъ, какъ сообщаетъ Сильвія, разойтись по домамъ, нѣсколько отдохнуть и подкрѣпить свои силы обѣдомъ¹⁾. Если этотъ свободный промежутокъ между двумя церковными службами опредѣлить, приблизительно въ 1½—2 часа, то обнаружится, что въ день пятидесятницы поздняя литургія на Сіонѣ, также какъ и ранняя въ Мартиріумѣ, не отличалась особенною продолжительностью. Она начиналась въ 9 часовъ и оканчивалась никакъ не позже половины одиннадцатаго.

„Сегодня тотчасъ по шестомъ часѣ будемъ всѣ готовы на Елеонѣ Имвомонѣ“,—съ такими словами обращался архидіаконъ къ народу по окончаніи литургіи, указывая время и мѣсто слѣдующей службы. Указаніе архидіакона „на Елеонѣ

¹⁾ Ibid., стр. 165.

Имвомонъ“ имѣло то значеніе, что *точно* опредѣляло мѣсто полдневнаго богослуженія. На Елеонской горѣ были двѣ церкви, также, какъ и другія іерусалимскія, основанныя въ IV вѣкѣ Константиномъ Великимъ и св. Еленою, одна—надъ пещерою, въ которой Господь любилъ учить своихъ апостоловъ, и другая—на вершинѣ горы, на мѣстѣ, откуда Спаситель по своемъ воскресеніи вознесся на небо. Эта послѣдняя церковь, на вершинѣ Елеона, и опредѣляется въ возгласѣ архидіакона словами: „на Елеонѣ Имвомонъ“. Какъ замѣчаетъ Сильвія, вѣрующіе особенно любили это полдневное богослуженіе на Елеонской горѣ и къ назначенному часу выходили изъ своихъ домовъ и, „какъ кто можетъ“, поднимались на Елеонскую—Масличную гору, „такъ что“, по выраженію Сильвіи, „въ городѣ не остается ни одного христіанина“¹⁾.

Достигши вершины Елеонской горы—Имвомона всѣ:—и епископъ, и пресвитеры, и народъ,—*садились* и въ такомъ удобномъ положеніи отправляли полуденную, постѣобѣденную службу. Сильвія не обозначаетъ подробно и точно богослужебнаго матеріала, входящаго въ составъ этой полуденной службы на Елеонской горѣ; она точно указываетъ только евангеліе о вознесеніи Господа, которое читалось здѣсь, очевидно, какъ на мѣстѣ, гдѣ произошло это событіе, а о прочемъ—о чтеніи, о пѣніи, антифонахъ, молитвахъ, выражается такъ, что все это „приличествовало“ *дню и мѣсту*. Богослуженіе оканчивалось благословеніемъ, которое принимали отъ руки епископа *оглашенные и отърныя*. Конецъ богослуженія падалъ на девятый часъ“, или, по нашему, на третій часъ дня.

Въ этотъ же девятый—третій часъ богомольцы выходятъ изъ церкви Имвомона и, при пѣніи священныхъ пѣсней, спускаются съ вершины горы къ другой церкви на Елеонѣ—надъ пещерой „въ каковой Господь сидѣлъ и училъ апостоловъ“²⁾. Когда народъ входитъ сюда, говоритъ Сильвія, „бы-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Эта пещера при подношвіи Елеонской горы служила удобнымъ мѣстомъ для добыванія масла изъ маслинъ, собиравшихся жителями Іеру-

ваетъ уже болѣе десятаго часа“, т. е. позже четырехъ часовъ пополудни по нашему счету. Въ храмѣ служится *вечерня*, и въ концѣ вечерни опять преподается благословеніе оглашеннымъ и вѣрнымъ.

Послѣ вечерни, всѣ богомольцы съ епископомъ и пресвитерами, „при пѣніи пѣсней и антифоновъ, приличествующихъ этому дню“, спускаются съ Елеонской горы и медленно идутъ назадъ, на Голгофу, къ Мартиріуму. Наступаетъ вечеръ и начинается уже темнѣть,—а когда богомольцы подходятъ къ городскимъ воротамъ—черезъ которыя лежитъ имъ путь, совсѣмъ спускается ночь. На встрѣчу богомольцамъ выносятъ церковные свѣтильники, чтобы освѣтить ими дальнѣйшую дорогу народа къ Мартиріуму. Путь туда отъ городскихъ воротъ довольно длинный, потому „что отъ воротъ... довольно далеко до большой церкви, т. е. до Мартиріума“, говоритъ Сильвія¹⁾, а толпа богомольцевъ подвигается медленно, такъ какъ ей нужно сберечь свои силы еще для дальнѣйшаго паломничества. Поэтому, когда богомольцы, съ епископомъ во главѣ, при пѣніи священныхъ пѣсней, вступали въ большія двери Мартиріума, которыя выходили на городскую площадь, время приближалось ко „второму часу ночи“, или, по нашему, къ восьми часамъ вечера. Въ Мартиріумѣ пѣлись священные пѣсни, произносилась молитва и преподавалось богомольцамъ благословеніе.

Изъ Мартиріума торжественная процессія съ пѣніемъ идетъ къ сосѣднимъ храмамъ Воскресенія и св. Креста, въ которыхъ отправляется то же послѣдованіе службы, что и въ

салима въ рощахъ Елеона. Въ пещерѣ была устроена для этой цѣли давлиня. Когда оканчивалось время собиранія маслинъ, пещера становилась пустою и въ ней находили убѣжище на ночь бѣдняки, приходившіе въ іерусалимъ. Въ этой-то пещерѣ и любилъ Спаситель бесѣдовать со своими учениками. Здѣсь же онъ провелъ и длинные часы томленія и душевной муки предъ предательствомъ Іуды. См. Очерки изъ церк.-исторической географіи Терновскаго, с. 81—82.

¹⁾ Пр. Пал. Сб., VII, II, с. 165.

Мартиріумъ. Послѣдняя процессія направляется изъ храма св. Креста къ Сіону. Это богомольцы провожаютъ домой епископа. Богомольцы не уменьшаются въ своей численности; они идутъ все, „движется“, по выраженію Сильвіи, „весь христіанскій народъ“, ярко освѣщая свой путь свѣтильниками. Такъ богомольцы доходятъ до сіонскаго храма. Здѣсь имъ предлагаются послѣднія *чтенія*, поются послѣдніе *псалмы* и *антифоны*, произносится *молитва*, послѣ нея преподается благословеніе оглашеннымъ и вѣрнымъ и дѣлается уже полный отпустъ. По окончаніи службы, все подходитъ къ рукъ епископа и, простившись съ нимъ, возвращаются домой приблизительно въ полночь.

Итакъ, цѣлыя сутки праздника пятидесятницы древніе іерусалимскіе христіане проводили въ молитвѣ.

Н. Пальмовъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА.

„Все пошатнулось! Всѣ на бекрень живутъ, на одинъ бокъ ходить, никакой стройности въ жизни нѣтъ... Кому чего надо, никто того не понимаетъ (М. Горькій)“... Это особенно ясно чувствуется подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ юбилейныхъ рѣчей о Жуковскомъ. Прочиталъ и прослушалъ ихъ я не мало. Все это комментарий или распространенное разъясненіе восторженной характеристики поэтического творчества Жуковского, сдѣланной Бѣлинскимъ: „это томительное порываніе въ какую-то туманную даль, за которою тускло мерцаетъ заря лучшей жизни; эта вѣчная грусть по какомъ-то недостижимомъ идеалѣ блаженства... эта благородная покорность волѣ провидѣнія; эта гордая и твердая вѣра въ вѣчность любви и жизни,—непреходящность того, что выражается въ преходящихъ явленіяхъ міра; это грустное наслажденіе роскошью прекрасной природы; это всегдашнее прощаніе съ обаятельными радостями земного и перенесеніе всѣхъ

упованій на ту сторону жизни, туда, гдѣ свершеніе всѣхъ обѣтованій души и мистическихъ предчувствій полного любви и страданій сердца, гдѣ вѣчная весна, неувядающіе цвѣты радости, гдѣ нѣтъ разлуки съ милымъ—что это такое, какъ не первое пробужденіе духа, сознавашаго себя духомъ“?..

Да, немного десятковъ лѣтъ тому назадъ люди жили широко, идейно и твердо;—главное—твердо, убѣжденно, непоколебимо стойко. Была нить въ мысляхъ, искра въ сердцахъ, Богъ—въ душахъ. Жилось ясно, вѣрилось крѣпко, работалось бодро. Были герои духа, богатыри нравственной силы, подвижники здороваго, христіанскимъ смысломъ проникнутаго и потому легко и одушевленно исполняемаго труда... А теперь?..

Совершенно случайно, но необыкновенно кстати пришлось мнѣ прочитать подъ неостывшимъ еще волненіемъ отъ чудныхъ звуковъ бодрящей поэзіи Жуковского съ сильною, правдивою, но увь! невыносимо тяжелою по безнадежности приговора, картиною внутренней жизни современнаго русскаго общества, нарисованною г. Горькимъ въ недавно вышедшемъ его драматическомъ эскизѣ „Мѣщане“. Сердце невольно сжалось тоскою потому болѣе глубокой, что она пала на неподготовленную почву. Получилось такое впечатлѣніе, какое испытываешь, когда послѣ блеска радости и умиленія, которыми горѣлъ вашъ взглядъ, покоившійся на яркомъ и полномъ умиротворяющихъ тоновъ пейзажѣ, онъ вдругъ принужденъ держаться долгое время на безцвѣтной, сѣрой, томительно однообразной перспективѣ...

Останавливаю свое вниманіе на этюдѣ г. Горькаго потому, что вижу въ немъ прекрасный комментарий изъ области литературы къ вѣковѣчной истинѣ, изреченной Божественнымъ Учителемъ и Спасителемъ нашимъ: „кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ (Мѡ. 12, 30)... Безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5),—что въ приложеніи къ нравственной жизни значить: сколько бы человекъ ни напрягался въ своихъ взысканіяхъ пути истины, но разъ онъ въ нихъ идетъ безъ свѣточа евангельской вѣры, онъ, роковымъ обра-

зомъ, теряетъ все подлинно человѣческое,—его, опустошенная сомнѣніями, душа въ концѣ концовъ бываетъ обречена на отчаяніе, все сдѣланное безъ Христа лишь тягостнымъ проклятіемъ ложится на измученную душу и приводитъ или къ самоубійству (нужны ли примѣры тутъ)? Или къ полной нравственной разнузданности, что едва ли лучше самоубійства.

Въ свой эскизъ Горькій вложилъ, очевидно, убѣжденное нравственно общественное свое credo, освѣтивъ и рѣзче выдвинувъ впередъ его существенныя положенія сценами изъ жизни людей, не исповѣдующихъ его; въ этомъ credo—и это мы считаемъ особенно важнымъ—программа и идеаль общественнаго дѣла для нынѣшняго поколѣнія молодыхъ работниковъ.

Что же это за credo? Это слегка философски окрашенная проповѣдь здороваго веселья, веселаго труда, культъ силы и мускулистаго тѣла; все то же, какъ видите, что и раньше немного съ преувеличенной экспрессіей Горькій громко прокричалъ вслухъ современному молодому промышленному поколѣнію рѣчами купца Якова Маякина въ „Оумъ Гордѣевъ“. Но то, что Маякинъ—Горькій предлагалъ, какъ идеаль для тѣснаго круга понятій и дѣятельности одной общественной группы, то теперь онъ распространяетъ на всю общественную жизнь...

Предъ нами въ очеркѣ—люди трехъ возрѣній на жизнь, трехъ настроеній: старики Безсѣменовы, ихъ дѣти, и въ собственномъ смыслѣ, „новые люди“. Въ рѣчахъ и на взаимныхъ отношеніяхъ этихъ лицъ и совершается процессъ разрисовки новаго идеала жизни...

Старики живутъ правдой старо-русскаго, христіанскаго уклада жизни: не мудрствуя лукаво они бредутъ, конечно, съ немалыми ошибками, старою исторически налаженною стезею: вѣруютъ въ Бога, церковь; чтутъ и оберегаютъ семейные устои, аккуратно работаютъ, сколачиваютъ копѣйку, печалются о дѣтяхъ, по своему душу свою за нихъ полагаютъ, т. е., если отбросить въ ихъ изображеніи намѣренно густо поло-

женныя краски съ цѣлью представить стариковъ типами отрицательными, то ихъ можно разсматривать, какъ типическія фигуры, воплощающія въ себѣ положительныя начала здоровой жизни, цѣли и смыслъ которой коренятся, можетъ быть, и малосознательно для самихъ героевъ, но глубоко—въ плодотворной почвѣ русской правды... Этой правдѣ авторъ болѣе чѣмъ не сочувствуетъ.

Вторая правда—правда дѣтей Безсѣменовыхъ: уволеннаго изъ университета студента Петра и сестры его, учительницы Татьяны. Эта правда—что то неопредѣленное, пока только отрицаніе стараго, безъ положительнаго содержанія,—душевное состояніе, характеризующее натуры вялыя, безхарактерныя, отошедшія отъ одного берега и не приставшія къ другому. Правда родителей тѣсна имъ, узка, они „выросли изъ нея, какъ выросли изъ платья“,—то, чѣмъ живутъ старики, ихъ порядокъ жизни, не годится для нихъ, давить ихъ... Но и правда „новыхъ людей“ не удовлетворяетъ ихъ: они ей не вѣрятъ; да и ничему, по существу говоря, они не вѣрятъ, въ чемъ и сознаются сами; и не вѣря ни во что, жалуются на судьбу, киснутъ, ноютъ, не живутъ, а „только слоняются около жизни“... Неопредѣленно и отношеніе автора къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, онъ ставитъ ихъ гораздо выше стариковъ, хотя бы по тому одному, что ихъ (дѣтей) правда есть отрицаніе правды родительской и скрываетъ въ себѣ элементы, годные для „новой“ постройки...

Но всѣ симпатіи автора на сторонѣ „новой правды“. Въ ней—соль этюда. На нее и слѣдуетъ обратить вниманіе... Исповѣдники, выразители и проповѣдники этой правды: Ниль—воспитанникъ Безсѣменовыхъ, машинистъ и испившійся пѣвчій—Тетеревъ,—суть центральныя фигуры этюда. Какова же ихъ правда? Гдѣ ея основанія? Каковы блага?

„Жизнь—интересная штука... Жизнь славное занятіе. Хозяинъ жизни тотъ, кто трудится... Я заставлю ее (жизнь) отвѣтить себѣ такъ, какъ я хочу... Жизнь тяжела, порою она омерзительна, жестока. Я этого порядка не хочу... Наша возъ-

меть!.. И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... Мѣсить ее и такъ, и этакъ; тому помѣшать, этому помочь... Вотъ въ чемъ радость жизни“.

Въ этихъ отрывочныхъ фразахъ—уже опредѣленно выражена душа новой философіи жизни. Кому же посвящается вся эта бодрая, размахистая, удалая энергія? Во имя чего проповѣдуется этотъ культъ зазорной силы и веселой борьбы? Нилъ ясно не формулируетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ—врагъ стараго, отрицаетъ его, смѣется надъ нимъ; врагъ и бесплоднаго нытья. Онъ, повидимому, просто любитъ жизнь; ему весело жить, его занимаетъ, интересуется, захватываетъ цѣликомъ всего самый процессъ жизни. Онъ поетъ славу жизни: „жизнь—удовольствіе“.

Вы думаете, что эта веселость есть лишь необходимое настроеніе для плодотворнаго общественнаго дѣла? Вы ожидаете, что „я не хочу этого порядка“ означаетъ: я хочу облегчить тяжести жизни, смыть мерзость ея и облагородить ее жестокою? Напрасно! За этою, съ виду подкупающею, жизне-радостною бодростью и сладостнымъ расправленіемъ мускуловъ видится отвратительная, алчная, холодная жестокость прямолинейнаго эгоизма. Ни малѣйшаго усилія прикрыть ее хоть скольконибудь флеромъ нравственнаго приличія. „Я силенъ, я тружусь, значить я—господинъ своего положенія... Я имѣю всѣ права; долой съ моего пути всѣ условныя, традиціей и историческимъ опытомъ выработанныя препятствія, сдерживающія личный произволь... Признательность къ благодѣтелямъ? Вздоръ! Канитель... я имъ отплатилъ трудомъ, а теперь „ненавижу“ ихъ, потому что они портятъ (?) жизнь,—жизнь ихъ гнилая“.—Уваженіе къ чужимъ взглядамъ, убѣжденіямъ, интересамъ? Пустяки! Если потребуется для моего торжества, я за горло схвачу другого... На придуманныя людьми права плевать. Права я самъ себѣ добываю.—Однимъ словомъ, я—богъ, я—центръ жизни, и—да здравствуетъ веселая жестокость!..

Но вѣдь, если не во имя божественной правды, то по интересамъ личнаго благополучія, надо же такъ или иначе считаться съ тѣмъ, что называется моралью общественныхъ отношеній? О, это совсѣмъ нетрудно. Вотъ жизненный рецептъ Тетерева, договаривающаго въ закругленныхъ философскихъ положеніяхъ то, что лишь отрывочно, наскокомъ вырывается изъ устъ самоувѣреннаго Нила: „Достопочтенные двуногіе!“ говоритъ Тетеревъ *„когда вы говорите, что зло слѣдуетъ оплачивать добромъ,—вы ошибаетесь. Зло есть качество прирожденное вамъ и потому—малоцѣнное. Добро—вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него, и потому—оно есть драгоценность, рѣдкая вещь, прекраснѣе которой нѣтъ на землѣ ничего. Отсюда выводъ: уравнивать добро со зломъ не выгодно для васъ и бесполезно. Я говорю вамъ: добромъ платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять въ человѣкѣ чувство ростовщика. Ибо человѣкъ—жаденъ. Получивъ однажды больше того, сколько слѣдовало ему, въ другой разъ захочетъ получить еще больше. А также не платите ему меньше, чѣмъ должны, ибо если вы его разъ обсчитаете,—человѣкъ злопамятенъ—онъ скажетъ про васъ „банкроты“, перестанетъ уважать и въ другой разъ не добро уже сдѣлаетъ, а только подастъ милостыню. Братіе! будьте строго точны въ уплатѣ за добро, содѣянное вамъ! Ибо нѣтъ на землѣ ничего печальнѣе и противнѣе человека, подающаго милостыню ближнему своему! Но за зло—всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближняго за зло его вамъ. Если онъ, когда вы просили хлѣба, далъ камень вамъ, опрокиньте юру на голову его... Только люди безжалостно прямые и твердые, какъ мечи, только они пробьютъ“... Что? Тетеревъ не договариваетъ, но догадаться не трудно: пробьютъ, конечно, мнимую толщу общественныхъ, нравственныхъ и прочихъ „сுவѣрій“ и заставятъ всѣхъ пѣть осанну новой правдѣ.*

Вотъ идеаль и программа жизни героевъ этаго... Не то страшно, что есть на самомъ дѣлѣ люди съ подобными

идеалами, а то,—что эти идеалы выдаются авторомъ за правду жизни, привѣтствуются, одобряются, рекомендуются, судя по явному сочувствію, съ которымъ авторъ относится къ Нилу, Тетереву и ихъ единомышленникамъ. И этою моралью питають публику!.. И это кладется въ ухо и на сердце нашему молодому и безъ того одностороннему, набекрень живущему и всякимъ вѣтромъ колеблемому юношеству... Бѣдная наша читающая публика! Бѣдные ученики, идущіе по указкѣ такихъ руководителей!..

Въ расчеты г. Горькаго, конечно, не входило разоблачать безнравственность идеала новой правды. Но онъ это сдѣлалъ неумышленно. Дряблая, ноющая Татьяна, выведенная въ пьесѣ лишь для большаго отбѣненія неестественно приподнятой эффектности первыхъ героевъ, нѣсколькими фразами ставитъ правильную точку зрѣнія для оцѣнки воззрѣніямъ этихъ героевъ. На философію Нила она замѣчаетъ: „это (т. е. проповѣдь эгоизма и разрушенія)—*есть жестокость*, и я думаю, что заразился ею отъ Тетерева, который *ненавидитъ за что-то всѣхъ людей*“...—Да, скажемъ и мы съ чувствомъ глубочайшаго возмущенія, это жестокость. Жестокость „мерзавцевъ“ (по справедливому, хотя и сплеча и звонко брошенному опредѣленію пропившагося философа Тетерева)—которые *живутъ умомъ въпринимъ, върятъ только въ право силы*“... А черты этой жестокости, ея тайники, ея оправданіе намъ извѣстны. Кто же не слышитъ и не пойметъ, что это перецѣвны давно знакомаго намъ мотива,—это въ русскую литературу пересаженный и врывающійся уже въ жизнь могильный тлѣнь философіи М. Штирнера и Ницше,—эхо ихъ цинической философіи эгоизма и безжалостнаго людоедства, для которыхъ—деви́зъ: освобожденіе человѣка отъ власти духа съ его идеалами, только стѣсняющими его произволь и отъ фетишей въ родѣ справедливости, права свободы, гуманности и т. п.;—торжество сильнаго и смерть слабому... Явленіе это, впрочемъ, не совсѣмъ, не цѣликомъ подражательное, но съ ясно выраженными чертами исторически литературной наслѣдственно-

сти. По нашему мнѣнію, это другая форма разрѣшенія давнишняго, нашей художественной литературой по преимуществу выдвинутаго вопроса, томившаго нашу интеллигентную среду: что дѣлать? гдѣ найти бога, чтобы поклониться ему и получить санкцію для опредѣленной жизнедѣятельности?

Первая форма разрѣшенія этого вопроса была такова: порываніе въ поднебесную высь, широчайшій размахъ, рысканье по свѣту въ поискахъ за исполинскимъ дѣломъ; стремленіе осчастливить весь міръ, при полной неустойчивости воли и нравственнаго чувства, при изобиліи узкаго себялюбія и скудости цѣльнаго порыва, при отсутствіи почвы подъ ногами — истинной вѣры въ святое дѣло и величіе труда для Бога и души,—что такъ ярко воплощено въ цѣлой серіи безсмертныхъ типовъ „лишнихъ людей“ (Чацкій, Алеко, Онѣгинъ, Рудинъ, Печеринъ, Обломовъ, Нехлюдовъ и др.), людей, такъ мѣтко охарактеризованныхъ въ ихъ нравственной жизненно практической значимости героемъ Тургеневскаго „Наканунѣ“ Шубинымъ: „нѣтъ у насъ еще никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ корожнее переливатели, да палки барабанныя“...

Теперь рѣшеніе дается, какъ видите, иное, рѣзко противоположное первому, теперь думаютъ „играть въ жизни фортиссимо“. Жизнь хочетъ раздавить? Нѣтъ, я ее раздавлю! Жизнь запутываетъ? Долой ея путы!.. Нѣтъ почвы подъ ногами, идеала? Тѣмъ лучше: это и нужно. Будемъ ковать, пока горячо и, насколько силъ хватить, рвать отъ нея все прижное и сладкое, не размышляя ни о чемъ, т. е.—полный разгромъ всѣхъ нормъ, идеаловъ и чувствъ, которыми жива душа человѣка и которыми человѣкъ отличался доселѣ отъ кровожаднаго животнаго...

Но развѣ апостолы этого нравственнаго цинизма, развѣ они тоже люди?... И что они могутъ возбуждать къ себѣ?

Когда Татьяна говоритъ: „мнѣ ничто, никогда не казалось достовѣрнымъ... Когда я говорю—да, или—нѣтъ... Это я

говоря не по убѣжденію, а такъ какъ то... Иногда скажешь — нѣтъ и тотчасъ же подумаешь про себя—развѣ? а можетъ быть да?—мы ее понимаемъ: она несчастная жертва, ошеломленная и сбитая съ толку безтолковымъ вихремъ патентованныхъ истинъ и „послѣднихъ“ словъ, въ которомъ кружится наша современная общественная мысль, и понимая, искренно жалѣемъ ее,—жалѣемъ особенно въ тотъ моментъ, когда она, подводя итогъ всему пережитому и выстраданному въ попыткахъ разобраться въ откровеніяхъ все новыхъ и новыхъ пророковъ, вполне откровенно и, такъ сказать, предостерегающе умозаключаетъ: „я поняла жестокую логику жизни, кто не можетъ ни во что вѣрить, тотъ не можетъ жить... тотъ долженъ погибнуть“... Да, это истина, это логическій приговоръ беспочвеннымъ нытикамъ, въ погонѣ за мишурными блестками лжеименной мудрости, потерявшими чистый свѣтъ божественной не меркнувшей правды Евангелія. И намъ, повторяемъ, отъ души жаль эти несчастныя жизни, загубленныя ни за что человѣческимъ безсердечіемъ...

Но мы не можемъ безъ нервнаго содроганія и... отвращенія выслушивать циническую клевету на все святое въ рѣчахъ учителей новой (?) правды...

Что можно сказать о ней или противъ нея?—Возражать можно только на то, о чемъ есть возможность судить, выхода изъ общаго какого нибудь основанія, съ точки зрѣнія общепризнаннаго начала. Здѣсь такой исходной точки нѣтъ... „Мнѣ жалко людей, которые вѣрятъ вамъ“, говоритъ Татьяна своимъ подругамъ изъ „новой“ школы, *вѣдь вы ихъ обманываете*. Вотъ все, что и мы можемъ сказать Нилу—Горькому. „Своею мудростью на заказъ, спеціально придуманною для міра уже высшаго сравнительно съ босяцкимъ, вы обманываете другихъ и себя“... „Разрушеніе всякихъ перегородокъ“, переселеніе „по ту сторону добра и зла“, правда, есть логически правильный выводъ для людей, которые, растерявши всякихъ боговъ, охвачены все же животнымъ инстинктомъ самосохраненія и жаждою жизни. Но не надо же забывать, что

всему свое время, мѣсто и смыслъ, что далѣе привычнаго для автора поля зрѣнія—каковымъ для него былъ мѣръ нравственныхъ калѣкъ, полулюдей, полувѣрей, существуетъ еще настоящій человѣкъ,—что душа человѣка не исчерпывается звѣремъ, живущимъ въ немъ, что есть въ ней ничѣмъ неизгладимая печать, божественнымъ перстомъ туда положенная, печать святыхъ чувствъ и безсмертныхъ стремленій къ идеальному, которыми строилось лучшее въ жизни и раньше, которыми жива жизнь теперь, которыя и только теперь они одни, носятъ въ себѣ зиждительныя начала для возможнаго обновленія человѣчества и въ будущемъ. Эти чувства и стремленія въ нашъ короткій памятью суетный вѣкъ могутъ быть временно забыты подъ вліяніемъ исключительныхъ какихъ либо обстоятельствъ и извѣстнаго только склада людьми, но совершенно исчезнуть они не могутъ. И потому то, что, какъ уродливая аномалія, мыслимо въ морали сверхчеловѣка (мы бы сказали *подчеловѣка*)—босяка, то наивно предлагать въ качествѣ правила жизни человѣку съ свѣжей головой и сердцемъ. Можно сказать твердо: человѣчество въ разумныхъ своихъ представителяхъ, просто ради уваженія къ своему человѣческому достоинству, всегда отвернется отъ этой безстыжей теоріи правды, состоящей въ поруганіи надъ всякой правдой. И напрасно г. Горькій полагаетъ, что будущее и у насъ принадлежитъ его сверхчеловѣкамъ („наша возьметъ“). Не говоря уже про несокрушимую религіозно-нравственную твердыню и мощь цѣльнаго и здороваго духомъ простаго нашего народа и вѣрующихъ русскихъ изъ слоевъ высшихъ (которыхъ еще, слава Богу, достаточно подъ сѣнью Церкви), вѣруемъ, что даже наша свѣтская „взыскующая“ интеллигенція, какъ ни уныла она въ своей умственной и нравственной жизни, по чувству естественной, русской крови врожденной безгливости ко всякаго рода безстыдству, заклеить надлежащимъ пренебреженіемъ эту страшную теорію „оправданія зла“. Въ лицѣ совѣстливыхъ и честныхъ „искателей Бога“ эта интеллигенція давно уже испытала вѣрный путь возврата на твердую почву въ рѣшеніи

жизненных проблеммъ—путь разумнологическаго разысканія истины, хотя бы тотъ, напр., которымъ шелъ къ истинѣ нравственной жизни Константинъ Левинъ (чит. „Анна Каренина“ Л. Толстого).

Считаемъ весьма умѣстнымъ выписать относящіяся сюда строки изъ „Анны Карениной“, изображающія постепенное нравственное просвѣтленіе К. Левина; считаемъ это потому особенно умѣстнымъ, что въ строкахъ этихъ ясно намѣчается, съ одной стороны, правильный ходъ мысли въ разрѣшеніи вопроса: „гдѣ смыслъ и правда жизни?“, и вмѣстѣ, и попутно съ тѣмъ отбѣняется та роковая линія отклоненія отъ подлинной истины, на которой стоитъ не оригинальная (подчеркиваемъ это еще разъ) философія Горькаго.

Вотъ эти строки: „онъ (Левинъ) рѣшилъ, что надо или объяснить свою жизнь такъ, чтобы она не представлялась злой насмѣшкой какого—то дьявола, или застрѣлиться.

Но онъ не сдѣлалъ ни того ни другого, а продолжалъ жить, мыслить и чувствовать...

Чтожь это значило? это значило, что онъ жилъ хорошо, но думалъ дурно...

Онъ жилъ (не сознавая этого) тѣми духовными истинами, которыя онъ всосалъ съ молокомъ.

Теперь ему ясно было, что онъ могъ жить только благодаря тѣмъ вѣрованіямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ.

„Что бы я былъ такое, и какъ бы прожилъ свою жизнь, если бы не имѣлъ этихъ вѣрованій, не зналъ, что надо жить для Бога, а не для своихъ нуждъ? Я бы грабилъ, лгалъ, убивалъ. Ничего изъ того, что составляетъ главныя радости моей жизни, не существовало бы для меня“.—И, дѣлая самыя большія усилія воображенія, онъ все—таки не могъ представить себѣ того звѣрскаго существа, которое бы былъ онъ самъ, если бы не зналъ того, для чего онъ жилъ.

„Я искалъ отвѣта на мой вопросъ. Отвѣтъ мнѣ дала сама жизнь, въ моемъ знаніи того, что хорошо и что дурно“.

„Откуда взялъ я это? Разумомъ, что-ли, дошелъ я до того что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно“.

... „Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями, безъ понятій о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятій того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго“.

„Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь“.

„Мы только разрушаемъ, потому что мы духовно сыты. Именно дѣти“...

Да, дѣти,—взрослыя дѣти, взмостившіяся на литературныя каѳедры и играющія въ нелѣпую игру страшными понятіями ума, освобожденнаго отъ контроля нормальнаго нравственнаго чувства.

Свящ. *Евгеній Капраловъ.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 іюня 1902 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 27

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюля 7-го.

Содержаніе: Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцевъ и Учителей Церкви.—Сословное обособленіе Русскаго духовенства (продолженіе).—Къ вопросу о свободѣ совѣсти (окончаніе).

Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви.

Христіанская Церковь съ самыхъ первыхъ временъ своего основанія заповѣдывала пастырямъ Церкви, по примѣру Господа Иисуса Христа, проповѣдывать Слово Божіе и учить народъ. Такъ, уже Постановленія Апостольскія требуютъ, чтобы епископъ былъ образованъ и имѣлъ развитый и искусный даръ слова. „Епископъ да будетъ образованъ и искусенъ въ словѣ“, говорится въ Постановленіяхъ Апостольскихъ ¹⁾. Онъ долженъ имѣть много свѣдѣній и прилежно изучать и изслѣдывать Священное Писаніе. Священныхъ книгъ онъ не долженъ, такъ сказать, выпускать изъ рукъ, но внимательно и усердно обязанъ читать какъ законъ и пророковъ, такъ и евангелія, чтобы быть истиннымъ, и просвѣщеннымъ руководителемъ народа и питать его здоровою пищею. „Епископъ да поучается

---

¹⁾ Изданіе 1864 г. Казань. 2-я кн., 1-я гл., 17 стр.

въ книгахъ Господнихъ“, читаемъ дальше въ Постановленіяхъ Апостольскихъ¹⁾. Пастырь Церкви обязанъ хорошо знать Писанія для того, „чтобы онъ могъ правильно изъяснять ихъ и соглашать евангеліе съ закономъ и пророками, а законъ и пророковъ—съ евангеліемъ, ибо Господь Иисусъ говоритъ: *Испытайте Писаній, и они свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. 5, 39). И снова: *Ибо о Мнѣ писалъ Моисей* (Іоан. 5, 46)“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Постановленій Апостольскихъ сказано, что „пастырь долженъ съ благостію вразумлять согрѣшающихъ“³⁾. И еще: „Послѣ чтенія евангелія пресвитеры, по одиночкѣ, а не всѣ вдругъ, пусть увѣщываютъ народъ, а послѣ всѣхъ ихъ—епископъ, который подобенъ кормчему“⁴⁾.

Изъ этихъ указаній Постановленій Апостольскихъ на то, что пастырь Церкви долженъ проповѣдывать, можно видѣть также и предметъ, задачу и цѣль пастырской проповѣди въ первое время существованія Христіанской Церкви. Предметъ ея, очевидно, составляло изъясненіе Священнаго Писанія, задачу—вразумленіе и наученіе вѣрующихъ, а цѣль—достиженіе ими вѣчнаго блаженства. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ можно находить и требованіе того, чтобы пастырь Церкви велъ жизнь добродѣтельную и подавалъ собою насомымъ примѣръ, достойный подражанія. „Познай, епископъ, достоинство свое“, поучаютъ Постановленія Апостольскія: „ты наслѣдовалъ власть какъ связывать, такъ и разрѣшать; посему, имѣя власть разрѣшать, сознавай самого себя и живи въ настоящей жизни достойно мѣста своего, зная, что отъ тебя потребуется большій отчетъ“⁵⁾.

Согласно съ подобными наставленіями Церкви, пастыри, ведя добродѣтельную жизнь, ревностно исполчали и свою учительскую, проповѣдническую обязанность. Благодаря такой ревности, всѣ пасомые, можно сказать безъ исключенія, такъ

¹⁾ 2-я кн., 5-я гл., 20 стр.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

³⁾ Тамъ же, стр. 25.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 50, 58-е Апост. прав.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 37.

или иначе были знакомы съ истинами своей вѣры. Поэтому и на обвиненія язычниковъ, будто христіане составляютъ невѣжественную массу людей, апологеты спокойно и убѣжденно отвѣчали, что у христіанъ всякая старая женщина обладаетъ необходимымъ знаніемъ, что здравая мудрость въ христіанскомъ обществѣ есть общее достояніе, между тѣмъ какъ язычество презираетъ и оставляетъ безъ вниманія народную массу, не просвѣщаетъ ея грубой тьмой, и только частныя, отдѣльныя личности въ кругу ея достигаютъ надлежащей мудрости. „У насъ, обращается Аѳинагоръ къ язычникамъ, вы найдете наученныхъ мужчинъ, ремесленниковъ, старыхъ женщинъ, которые могутъ доказать, если не во многихъ словахъ, то своими дѣйствіями, ту пользу, которая почерпается изъ нашего ученія“ ¹⁾. Это ученіе, конечно, излагалось не въ какихъ-нибудь созерцательныхъ, умозрительныхъ разсужденіяхъ и витеватыхъ рѣчахъ. Такъ какъ проповѣдь имѣла въ виду христіанскую жизнь, то христіанскіе проповѣдники и заботились преимущественно объ общедоступности, о практической пользѣ и жизненности своихъ рѣчей и сильно порицали языческую мнимо-ученую, напыщенную и малодоступную народу мудрость: языческая мудрость обращалась къ отдѣльнымъ только личностямъ, между тѣмъ какъ всѣ люди имѣютъ безсмертную душу съ запросами жизни и стремленіемъ къ знанію; она скрывалась въ громкихъ и красивыхъ, но темныхъ и непонятныхъ фразахъ, тогда какъ и необразованные имѣютъ право на просвѣщеніе и нужду въ немъ. Въ одной изъ книгъ противъ Цельса Оригенъ пишетъ: „Если учителя имѣютъ въ виду и считаютъ дѣломъ человѣколюбивымъ, чтобы, на сколько то возможно, большому числу слушателей своихъ быть полезными и приводить къ истинѣ всякаго, и необразованнаго и образованнаго, и грековъ и варваровъ (особенно же они являютъ человѣколюбіе, если пріобрѣтаютъ Богу души простыхъ и невѣждъ), то, очевидно, что они должны употреблять слово и

¹⁾ Пастырское служеніе по воззрѣніямъ вселенской Церкви“. „Руковод. для сельск. наст.“ за 1867 г., т. 2,*стр. 260.

языкъ простой, который былъ бы общедоступенъ для всѣхъ и каждаго. Тѣ же, которые пренебрегаютъ простыми и необразованными, потому что они не способны понимать ихъ, и о тѣхъ только заботятся, кто способенъ по своему образованію понимать ихъ, тѣ ограничиваютъ дѣло общественной пользы слишкомъ тѣсными предѣлами. Эти слова мои направлены къ тому, чтобы защищать простоту Священнаго Писанія отъ нападешій и обвиненій Цельса и другихъ ему подобныхъ, которую они затмеваютъ и унижаютъ, сравнивая ее съ своею рѣчью блестящею и искусственною, такъ какъ наши пророки, Иисусъ и Его Апостолы заботились о томъ, чтобы проповѣдь ихъ была такова, которою бы они могли не только учить истинѣ, но и привлекать сердца народа, пока, убѣдившись въ истинѣ, не придутъ въ силу понимать высокія тайны, сокровенныя подъ простою, повидимому, оболочкою словъ. И, если сказать правду, не стѣсняясь, то немногимъ и немного принесла пользы, если только принесла какую, эта привлекаемость и изысканность рѣчи Платона и другихъ подобныхъ ему говоруновъ, сравнительно съ простотою рѣчи тѣхъ, которые въ своемъ ученіи и въ своихъ сочиненіяхъ снисходили въ образѣ своего слова до общенароднаго пониманія. Итакъ, допустимъ даже, что ученіе грековъ во многомъ сходно съ ученіемъ христіанскимъ; но при всемъ томъ мы не видимъ въ ихъ ученіи той силы, которая бы имѣла могущественное вліяніе на нравственное образованіе наше. Поэтому ученики Иисусовы, хотя необразованы и невѣжды были въ греческой философіи, не смотря однако же на то, они прошли многія страны среди разныхъ народовъ и плѣнили ихъ въ свое ученіе по мѣрѣ удобопріемлемости каждаго изъ своихъ слушателей, такъ что, сколько въ комъ изъ нихъ было расположенности доброй ихъ воли къ принятію этого спасительнаго ученія, столько они и успѣвали¹⁾. Изъ этихъ словъ Оригена видно, что въ первые вѣка христіанства главное вниманіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 261—262.

проповѣдника было обращено на то, чтобы его проповѣдь была понятна и полезна всякому. Такимъ образомъ, предметъ проповѣди составляло изъясненіе истинъ христіанскаго вѣроученія, задача проповѣди состояла въ простотѣ изложенія, чтобы слушатели могли понимать то, чему ихъ учили, а цѣлью проповѣди было поставлено спасеніе вѣрующихъ, ихъ нравственное совершенство.

Обратимся теперь непосредственно къ твореніямъ Отцовъ и учителей Церкви и посмотримъ, какъ они сами учили о предметѣ, задачахъ и цѣли христіанской проповѣди. Въ первые три вѣка христіанства проповѣдь хотя и существовала, однако не достигла еще той высоты, на которую она была возведена въ четвертомъ вѣкѣ. Поэтому изъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства мы укажемъ только на ученіе Кипріана, епископа Карфагенскаго, о данномъ предметѣ, а затѣмъ перейдемъ къ ученію жившихъ въ четвертомъ и послѣдующихъ вѣкахъ, и укажемъ ихъ воззрѣнія на предметъ, задачу и цѣль проповѣди.

1. *Св. Кипріанъ, епископъ Карфагенскій.*

Святой Кипріанъ, епископъ Карфагенскій, въ посланіи къ Фортунату „Объ увѣщаніи къ мученичеству“ пишетъ, что пастырь церкви долженъ быть ревностнымъ учителемъ своихъ пасомыхъ. „Считаю обязанностію своею, говоритъ онъ, собрать изъ Божественныхъ предписаній для нашихъ сражающихся братьевъ столько оружія и щитовъ, сколько въ состояніи буду сдѣлать при Божественной помощи. Ибо не достаточно возбуждать къ борьбѣ народъ Божій однимъ только своимъ голосомъ, мы должны еще и Божественнымъ чтеніемъ укрѣплять вѣру, сообразную съ добродѣтелію, и преданную Богу жизнь вѣрующихъ. Или, къ чему иному должна быть направлена наша заботливость, наша ревность, если не къ тому, чтобы ввѣренный намъ Богомъ народъ и для неба предназначенное воинство — своими неустанными наставленіями

обезопасить противъ стрѣлъ и нападеній сатаны? Не годенъ на войнѣ тотъ воинъ, который предварительно не научился военному искусству. Противникъ нашъ, съ которымъ мы имѣемъ ратовать, старый, опытный врагъ: онъ изловчился направлять во вредъ человѣку всѣ повороты, всю силу, всѣ тайныя ухищренія; и если, поэтому, онъ нападаетъ на неопытнаго, необученаго, неосторожнаго и крайне трусливаго христіанскаго воина, то легко поражаетъ его¹⁾. Въ этихъ словахъ святаго Кипріана и заключается указаніе на предметъ и задачу христіанской проповѣди. Предметъ ея, по нему, составляетъ изъясненіе Священнаго Писанія, а задачу—борьба съ врагами православной вѣры и добродѣтельной жизни, то есть—съ еретиками и сатаною, который вредитъ добродѣтельному человѣку всѣми возможными средствами. Что касается цѣли и внѣшней формы проповѣди, то относительно этого св. Кипріанъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Пусть щеголяетъ богатое краснорѣчіе своею изворотливостію въ судебныхъ мѣстахъ и въ публичныхъ рѣчахъ, произносимыхъ среди народныхъ собраній; а гдѣ идетъ рѣчь о Господѣ Богѣ, тамъ чистое и искреннее слово ищетъ доказательствъ для вѣры не въ силѣ краснорѣчія, а въ самой вещи. Итакъ, отъ проповѣдника нужно ожидать не краснорѣчія, а силы, не рѣчей, прикрашенныхъ витіеватыми оборотами, какими увлекается толпа, а безыскусственнаго, сильнаго простою истиною слова о благодати Божіей“²⁾.

Слѣдовательно, красота внѣшней формы не должна особенно занимать проповѣдника: его больше должна интересовать практическая польза, конечная цѣль христіанской проповѣди. А цѣль эта—не въ похвалѣ за краснорѣчіе, а въ томъ, чтобы привлечь слушателей къ вѣрѣ въ Бога, возгрѣть въ нихъ стремленіе пріобрѣсти себѣ благодать Божію и, при ея содѣйствіи,—вѣчное спасеніе. Но, чтобы столь высокая

¹⁾ Творенія св. Кипріана, еп. Карфагенскаго, т. 2-й, стр. 311—312.

²⁾ „Пастырское служеніе по воззрѣніямъ вселенской Церкви“. „Руковод. для сельск. паст.“ за 1867 г., т. 3, стр. 473.

цѣль проповѣди достигалась вѣрнѣе, Св. Кипріанъ совѣтуетъ проповѣдникамъ учить пасомыхъ не только словомъ, но и примѣромъ своей добродѣтельной жизни. „Если мы возвышаемъ завѣтъ Господенъ, справедливо спрашиваетъ св. Кипріанъ, и не дѣлаемъ того, что Господь дѣлалъ, то не значитъ ли это—отвергать словеса Господни и возненавидѣть ученіе Его“¹⁾? И далѣе, какъ бы въ отвѣтъ на это, заявляетъ: „Если всеѣмъ христіанамъ необходимы тихость, смиреніе и благоправіе, то тѣмъ болѣе нужно хранить это и исполнять намъ, которые содѣлались примѣромъ для прочихъ братьевъ и съ правами которыхъ должны сообразоваться жизнь и дѣйствія всеѣхъ“²⁾.

М. Добровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 474.

²⁾ Тамъ же, стр. 475.

³⁾ См. № 26 за 1902 г.

Сословное обособленіе Русскаго духовенства³⁾.

Наслѣдственнымъ замѣщеніемъ церковныхъ мѣстъ заправляли не одни священнослужители отцы, но и ихъ дѣти и родственники, т. е. сами наслѣдники. Сознавая законность своихъ правъ, наслѣдники умершаго священно-служителя, не успѣваго при жизни опредѣлить своего сына въ свой клиръ или дочери сдать свое мѣсто, сами смѣло и свободно пристраиваются на родовыхъ мѣстахъ. Вдовы зачисляють мѣста умершихъ мужей за своими дѣтьми, если они не совершеннолѣтнія и потому „до презвитерства не способныя“, а для отпращиванія церковныхъ службъ нанимають викарія на время до совершеннолѣтія дѣтей, или же замѣщаютъ эти мѣста, если дѣти совершеннолѣтнія; невѣсты разбираются въ своихъ женихахъ и мѣняють ихъ, а женихи эти „ищуть женъ“ въ вакантныхъ приходахъ, лишь бы получить, чрезъ бракъ съ ними, церковное мѣсто, не испрашивая на то согласія у прихожанъ. Поженившіеся кандидаты-наслѣдники церковныхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 474.

²⁾ Тамъ же, стр. 475.

³⁾ См. № 26 за 1902 г.

мѣсть, стараются теперь, какъ-нибудь, получить рукоположеніе и съ этой цѣлію представляютъ архіерею иногда фиктивный, подложный выборъ отъ имени какой-нибудь приходской общины; а, получивъ ставленическую грамоту, они въ рукахъ съ нею уходятъ отъ архіерея, часто не зная, какъ и гдѣ ихъ допустить священствовать. Вотъ стекаются они по нѣсколько человѣкъ на приходскіе выборы и, перебивая другъ у друга вакантное церковное мѣсто, договариваются за ничтожную годовичную плату служить приходской общинѣ. Часто еще до посвященія они вступаютъ въ разныя сдѣлки съ наличными священно-служителями, такъ или иначе втираются въ товарищи къ нимъ, или скупаютъ за договоренную плату часть прихода у мнимо-больныхъ и слабыхъ священниковъ-продавцовъ и служатъ здѣсь вмѣстѣ съ ними. Энергично отстаивая родовыя церковныя мѣста отъ всякаго искательства постороннихъ лицъ, наслѣдники учиняютъ разнаго рода безчинства. Случалось, что они самовольно наслѣдали на наслѣдное мѣсто и владѣли имъ, при всеобщемъ возстаніи противъ нихъ прихожанъ,—при томъ иногда даже еще до посвященія въ священный санъ; гнали вонъ замѣстителей ихъ мѣсть, назначенныхъ епархіальной властью, поднимали горячія тяжбы не только съ своими соперниками, но и съ архіереемъ, и иногда брали верхъ надъ такими сильными соперниками, какъ ученые кандидаты на церковныя должности. Не имѣя почему либо возможности получить мѣсто законнымъ путемъ, наслѣдники иногда наѣзжали на наслѣдный приходъ и совершали здѣсь требы безъ посвященія. Такихъ наслѣдниковъ—самозавовъ исторія знаетъ немного, но замѣчательно то, что она встрѣтила ихъ не въ какой-нибудь глуши нашего обширнаго отечества, а въ Московской епархіи, да еще въ Малороссіи. Злоупотребленія правомъ наслѣдственности церковныхъ мѣсть выражались и въ болѣе общей формѣ—продажѣ наслѣдныхъ мѣсть. Священнослужители продавали свои мѣста—одни, престарѣлые и бездѣтные—потому, что были послѣдними въ родѣ; другіе—тоже бездѣтные, выходя за штатъ; третьи, нуждаясь

въ деньгахъ для поправленія своихъ запутанныхъ дѣлъ; четвертые, увлекшись соблазномъ получить значительную сумму денегъ и т. д. А послѣ эти же продавцы разными кривыми путями успѣвали получить отъ архіерея грамоты на присканіе мѣста, или, записавшись въ приказъ церковныхъ дѣлъ и взявъ здѣсь поорарныя или епитрахильныя грамоты, отправлялись на крестецъ и здѣсь, въ поповской избѣ, дожидались пока кто-нибудь не найметъ ихъ послужить или исправить потребу. Владѣльческія отношенія къ родовому мѣсту сохраняли за собой даже такіе члены духовнаго семейства, которые уже никакъ не могли владѣть этимъ мѣстомъ сами, напр. бездѣтныя и безсемейныя вдовы священнослужителей. Не имѣя никого, кому бы передать свои наслѣдныя права изъ родныхъ, такая вдова продавала родовое мѣсто чужимъ. Интересно знать, не открывалось-ли этою продажею доступа въ духовное званіе постороннимъ людямъ? Рѣшить этотъ вопросъ опредѣленно, по отсутствію подъ руками фактовъ, не можемъ. Въ донесеніи Св. Синоду отъ 1721 года Θεофилакта Лопатинскаго (управлявшаго тогда славяно-греко-латинскими школами въ Москвѣ) содержится жалоба школьничковъ на то, что сильно затрудненъ для нихъ, какъ людей безденежныхъ, доступъ къ церковнымъ должностямъ, между прочимъ, наслѣдіемъ церквей, „продажею и куплею стяжаемымъ“. Но кто перебивалъ у нихъ церковныя мѣста—духовные люди или свѣтскіе—изъ донесенія не видно. Можно полагать, что въ массѣ духовныхъ кандидатовъ, перебивавшихъ церковныя мѣста другъ у друга, всегда находились болѣе или менѣе состоятельные охотники на продажныя мѣста, такъ что въ средѣ ихъ терялись свѣтскіе покушники, если только они были. Наше предположеніе оправдывается тѣмъ общимъ явленіемъ, что къ концу XVIII вѣка рѣдкое мѣсто не было унаслѣдованнымъ духовными людьми отъ духовныхъ же и притомъ родственныхъ имъ людей.

Наслѣдственное замѣщеніе церковныхъ должностей въ XVIII вѣкѣ можно представить въ слѣдующемъ видѣ: мѣсто

умершаго священнослужителя занимаетъ старшій сынъ его, бывшій при отцѣ дьякономъ или викаріемъ, а на его мѣсто опредѣляется во дьяконы слѣдующій братъ, служившій до этого времени дьячкомъ; дьячковское мѣсто заступаетъ третій братъ, бывшій прежде пономаремъ; если недостаетъ на всѣ мѣста братьевъ или если ихъ вовсе нѣтъ, тогда вакантное мѣсто предоставляется дочери, племянницѣ, внучкѣ и т. д. умершаго священника, или замѣщается сыномъ старшаго брата, или же только зачисляется за тѣми и другими, если они еще не подросли и т. д. Нерѣдко, впрочемъ, такой порядокъ наследственной передачи церковныхъ мѣстъ нарушается захватомъ какого-либо мѣста безмѣстнымъ духовнымъ лицомъ изъ другого рода, въ нѣкоторомъ смыслѣ, изгоемъ. Такимъ образомъ, члены духовнаго семейства, принимаемаго въ очень широкомъ объемѣ, „служба при своей родной церкви, одинъ за другимъ переходятъ по разнымъ степенямъ клира, точно древніе князья по своимъ столамъ“ (Знаменскій), иногда противъ воли уступая въ своемъ ряду мѣсто „изгоемъ“.

Переполненіе духовнаго сословія своими кандидатами на церковныя должности было уже естественною преградой для доступа къ нимъ постороннихъ лицъ. Оно сначала вызвало равнодушіе приходскихъ общинъ къ замѣстителямъ церковныхъ мѣстъ въ ихъ приходѣ, такъ мѣтко выразившееся въ сложившейся тогда пословицѣ: „кто ни попъ, тотъ батька“, а потомъ оно же было причиною того, что еще въ концѣ XVII вѣка образовался въ обществѣ взглядъ, что дѣти и родственники священно и церковно-служителей суть самые ближайшіе и законные замѣстители ихъ мѣстъ. Приходскія общины или парахи такъ привыкли видѣть у себя въ приходѣхъ священниковъ изъ наследниковъ, что въ половинѣ XVIII вѣка уже признавали наследственныя права и возставали только противъ безусловнаго значенія этихъ правъ. Но это, конечно, не мѣшало имъ охотно соглашаться на просьбы наследниковъ имѣть ихъ у себя на церковныхъ должностяхъ. Большинство заручныхъ челобитныхъ ходатайствуютъ

именно за наслѣдниковъ. Поэтому, на выборныхъ священниковъ изъ ремесленниковъ, которыхъ видѣлъ на Руси иностранецъ Перри ¹⁾, нужно смотрѣть какъ на исключеніе.

Но въ то время, какъ наслѣдственность церковныхъ мѣстъ—эта давнишняя, идущая еще изъ XVII вѣка, струя въ жизни духовенства отливала его въ особое сословіе, отбивая отъ него постороннихъ лицъ,—жизнь русскаго общества и духовенства охватывала новая струя, пробившаяся въ нее въ началѣ XVIII вѣка,—струя, дававшая полный просторъ развитію наслѣдственности церковныхъ мѣстъ и еще болѣе, чѣмъ эта послѣдняя, сокращавшая отливъ духовныхъ людей изъ своего званія и приливъ въ него свѣжихъ силъ. Эта струя—начатая Петромъ Великимъ формировка государственныхъ сословій. Она раздѣлила народонаселеніе Россіи, жившее доселѣ общею земскою жизнью, на классы (ремесленниковъ, купцовъ, посадскихъ людей и др.), указавъ каждому свой родъ жизни, давъ каждому свое управленіе и права. Духовенство теперь само собою выдѣлилось въ особое сословіе, отдѣльное отъ другихъ, съ особыми правами и управленіемъ. Съ этимъ выдѣленіемъ оно должно было развить въ себѣ давнишніе задатки сословной замкнутости болѣе прежняго, тѣмъ болѣе, что прежняя помѣха развитію наслѣдственности церковныхъ мѣстъ—произвольный выборъ священника со стороны приходскихъ общинъ, теперь, съ раздѣленіемъ народа на государственныя сословія, все болѣе и болѣе стѣснялся и правительственною регламентаціей и невольными хлопотами членовъ общества о своихъ сословныхъ интересахъ. Дѣйствительно, въ духовенствѣ, какъ и въ другихъ сословіяхъ—особенно въ дворянствѣ XVIII в. ²⁾, открываются послѣ сословной реформы Петра исключительныя, сословныя стремленія и интересы. Оно развиваетъ въ себѣ своего рода сословный гоноръ, основанный на непоколе-

¹⁾ Религіозный бытъ русскихъ и состояніе духовенства въ XVIII в. С. Трегубова. См. пер. К. Д. Ак. 1884 г., т. III, стр. 68.

²⁾ См., напр., проектъ В. Н. Татищева въ изложеніи Знаменскаго, Правосл. Соб., 1871 г., кн. III, стр. 333—334.

бимомъ убѣжденіи въ превосходствѣ духовнаго служенія,—которое является теперь исключительно его удѣломъ,—предъ всякимъ другимъ—особенно матеріальнымъ, рабочимъ занятіемъ—занятіемъ иныхъ людей. Нищій причетникъ, гордясь своимъ званіемъ служителя церкви, считаетъ себя существомъ высшимъ сравнительно съ мужикомъ и даже городскимъ мастеровымъ и промысловымъ человѣкомъ, хотя и кланяется тому и другому за подачку насущнаго хлѣба. Вотъ почему старшій братъ св. Тихона Задонскаго не позволяетъ своей матери отдать его младшаго брата Тишу въ домъ богатаго ямщика, когда она рѣшилась было сдѣлать это по причинѣ крайней своей нужды. Онъ бѣжитъ вслѣдъ за матерью, ведущей своего Тишу въ домъ ямщика, останавливаетъ ямщика, останавливаетъ ее и, ставъ предъ нею на колѣни, говоритъ: „Куда вы ведете брата? Вѣдь ямщику отдадите, то ямщикъ онъ и будетъ, а я не хочу, чтобъ братъ ямщикомъ былъ; я лучше съ сумою по міру пойду, а брата не отдамъ ямщику; постараемся обучить его грамотѣ, тогда онъ можетъ къ какой церкви въ дьячки или пономари опредѣлиться“. Но Промыслъ Божій готовилъ бѣдному отроку служеніе неизмѣримо высшее того, о которомъ мечталъ его братъ въ порывѣ своего сословнаго гонора... Порожденная этимъ гоноромъ и сословными интересами духовенства мысль, что духовный юноша долженъ готовиться непременно на служеніе церкви, проникала и школьное воспитаніе и, для назиданія учащихся, развивалась даже на публичныхъ диспутахъ. Въ 1782 году на публичномъ собраніи Московской духовной академіи разыгрывался диспутъ между двумя студентами о томъ, какой избрать имъ родъ жизни по окончаніи курса,—при чемъ одинъ изъ актеровъ, игравшій роль благовоспитаннаго студента, по имени Доброклонина, долженъ былъ доказать другому, игравшему роль Вѣтренникова, преимущества духовнаго званія и предъ военнымъ, и предъ судебнымъ, и всякимъ другимъ, которыми оппонентъ его увлекался по своей вѣтренности. Вообще, духовенство XVIII в., выдѣляясь въ особое сословіе, начинаетъ до-

рожить своими людьми и не охотно отпускаетъ ихъ отъ себя, напр. въ свѣтскую науку; удерживая же духовное юношество въ своемъ вѣдомствѣ часто вопреки его желанія, оно получаетъ отъ него не столько пользу, сколько вредъ, потому что такое юношество рѣдко даетъ хорошихъ пастырей,—чаще изъ среды его выходятъ наемники прихода. Духовенство неблагоклонно принимаетъ въ свои школы и постороннихъ людей, считая неразсчетливымъ употреблять свои средства (сословныя) на воспитаніе и обученіе „чужаковъ“ и нерѣдко для сторонней, свѣтской службы. Съ выдѣленіемъ въ сословіе, духовенство ближе и больше всего (даже почти исключительно) роднится съ людьми своего званія,—кругъ его знакомствъ, служебныхъ отношеній—тоже, главнымъ образомъ, люди духовные. При такихъ условіяхъ духовной жизни выходило, что духовный юноша, воспитанный въ семьѣ и школѣ, какъ будущій служитель церкви, встрѣченный и окруженный, по выходѣ за порогъ школы, духовной средой, которая всей своей обстановкой втягивала его въ свои интересы, не имѣлъ уже ни мужества, ни желанія, ни даже способности пуститься по другой, а не по той дорогѣ, по которой шли его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, на которую толкала его неудержимая сила всей прежней подготовки и воспитанія и настоящихъ условій. Понятно, почему, только за немногими исключеніями, вся масса духовныхъ дѣтей, многочисленность которой приводила въ смущеніе и государство и іерархію, всегда устремлялась на одну церковную службу, производя въ ней чрезмѣрное скопленіе лишнихъ людей. Множество кандидатовъ не находили себѣ мѣсть въ духовномъ званіи и, однако, по нѣсколько лѣтъ проводили въ совершенной праздности, не желая, да и не имѣя способности избрать для себя другой родъ жизни, кромѣ духовнаго. Такъ, студенты Петербургской семинаріи, по случаю строгаго запрещенія отъ 1747 года посвящать ставленниковъ въ священники раньше 30 лѣтъ, а въ дьяконы раньше 25-ти, „не вѣдали, какъ впредь быть и что дѣлать... Руководѣиємъ кормиться? Но того не обучались. Въ монахи постриженія

пѣть...; во дьячки или пономари—стыдно и весьма обидно“. . . Очевидно, они терялись найти себѣ мѣсто внѣ духовнаго званія.

Однако, сословное народораздѣленіе Россіи, разбивъ ея прежнюю общинную земскую жизнь на нѣсколько сословныхъ узловъ, и завязавъ въ каждомъ изъ нихъ особую жизнь подъ государственною опекою, не должно было перегораживать сословія настолько, чтобы не оставалось никакой возможности для добровольнаго перехода лицъ одного сословія въ другое. И духовенство не закрыто было имъ окончательно отъ другихъ классовъ общества, какъ и эти послѣдніе—отъ духовенства. Отъ того, насколько хорошо сложился его бытъ въ сравненіи съ бытомъ общества, насколько благопріятны были условія вступленія въ него и выхода изъ него, зависѣла связь его съ обществомъ.

Къ сожалѣнію, бытъ русскаго духовенства XVIII вѣка сложился настолько жалко, что только способствовалъ развитію его сословной обособленности. Наслѣдственность духовнаго служенія и сословное народораздѣленіе охладили добрыя чувства расположенія прихожанъ къ церковнымъ причтамъ и тѣмъ подорвали приходское доброходство—главный источникъ содержанія причтовъ; а сословная формировка, кромѣ того, отвела духовенству низкое мѣсто среди государственныхъ сословій, отодвинувъ на задній планъ правительственную почительность о благосостояніи его и вызвавъ непочтеніе и даже отчужденіе къ нему со стороны общества. Какъ все это происходило, мы сейчасъ увидимъ.

Въ теченіе всего XVIII вѣка русское духовенство пользовалось однимъ источникомъ содержанія—доброхотнымъ подаяніемъ за требоисправленіе деньгами и натурою. Были у него и другія доходныя статьи, но только по временамъ, за исключеніемъ т. н. писцевыхъ земель, отведенныхъ многимъ церквамъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка, да еще развѣ вотчинъ, которыми причты очень немногихъ церквей пользовались постоянно. Руга, которою обезпечивали приходское

духовенство храмоздатели и ихъ наслѣдники, вотчинники, прихожане—благочестивцы, или вся, наконецъ, приходская община,—не была постояннымъ средствомъ его содержанія. Руга первыхъ трехъ источниковъ не имѣла постоянства потому, что зависѣла отъ dobroхотства частныхъ лицъ, которому они оставались вѣрны, доколѣ церковныя мѣста въ ихъ приходахъ занимали избранники ихъ. Этому dobroхотству особенно часто измѣняли вотчинники; по своевольному принципу „моя церковь—мой попъ“, они отбирали у причтовъ и земли и дома и выгнали ихъ на другое мѣсто для поселенія¹⁾. Наболѣе прочная приходская руга иногда только числилась за причтомъ, потому-что и крестьяне прихожане вправѣ считали себя отбирать прицерковныя земли, какъ свою собственность, только на время подаренную причтамъ, особенно если послѣдніе были неугодны имъ, а таковыми, большею частью, и оказывались, конечно, наслѣдники церковныхъ мѣствъ, занявшіе ихъ не столько по выбору прихожанъ, сколько по собственному домогательству и архіерейскому утверженію²⁾. Не завиднѣе было матеріальное положеніе духовенства, владѣвшаго вотчинами и писцовыми землями. Вотчины были, большею частью, очень незначительны, а размѣры земель были такъ ничтожны³⁾, что доходъ съ нихъ не могъ покрыть и самый скромный домашній обиходъ. Такимъ образомъ, приходское духовенство XVIII вѣка часто оставалось при одномъ источникѣ содержанія—подаяннн за требы. Этотъ источникъ, незначительный и самъ по себѣ, все болѣе и болѣе уменьшался, съ наденіемъ выборнаго значенія членовъ церковнаго клира, которые, какъ люди пришлые для прихода, не возбуждали расположенія къ себѣ прихожанъ. „Кто тебя прислалъ,

¹⁾ Цит. соч. Знаменскаго, Прав. Соб., 1872 г., кн. II, стр. 118—122, 228—229.

²⁾ Тамъ же, стр. 231, 283—298, 301.

³⁾ 20—10 четей пашни въ полѣ и сѣнокосныхъ луговъ мѣрой по коинѣ на 10 четей. Тамъ же, Прав. Соб., 1872 г., кн. III, стр. 303.

тотъ пусть тебѣ и платить; а нѣтъ—довольствуйся тѣмъ, кто что дастъ въ ласки своей“—вотъ какъ встрѣчали и провожали парохіане священника, назначеннаго къ нимъ архіереемъ.

Правда, съ начала и особенно съ половины XVIII вѣка правительство—и свѣтское и духовное—предпринимаетъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія матеріальнаго обезпеченія духовенства. Оно, напр., распредѣляетъ приходы по новому—увеличенному числу приходскихъ душъ, вводитъ новыя сокращенныя штаты церковныхъ причтовъ,—разрѣшаетъ постройку церквей только подъ условіемъ ихъ обезпеченія, оберегаетъ неприкосновенность церковныхъ земель¹⁾, снабжаетъ церковныя причты ругою и слѣдитъ за правильностью въ выдачѣ ея. Во второй половинѣ XVIII вѣка правительство вводитъ (въ 1765 году) небольшую обязательную таксу за требы, упорядочиваетъ распредѣленіе руги по приходамъ, замѣняя ее очень скромнымъ жалованьемъ²⁾, дважды предпринимаетъ въ слѣдъ за Елизаветой Петровной, пріостановившееся при ней и во второй разъ также незаконченное, общее межеваніе земель по всей Имперіи и надѣляетъ ими церкви въ нѣсколько большихъ, сравнительно съ прежними, размѣрахъ³⁾; разрѣшаетъ причтамъ въѣздъ въ помѣщичьи и приходскіе лѣса, кромѣ заповѣдныхъ,—порушаетъ обработку причтовой земли прихожанамъ, пріобрѣтаетъ, наконецъ, способы, хотя и малоудовлетворительныя, для обезпеченія духовныхъ вдовъ и сиротъ.

Но всѣ эти благодѣянія правительства были каплею въ морѣ нуждъ духовенства и въ массѣ нуждающихся. Правительство видѣло этихъ бѣдняковъ и ихъ нужды⁴⁾ и въ то же время какъ бы систематически удерживалось отъ большихъ

¹⁾ Окончательное закрѣпленіе ихъ произошло въ царствованіе имп. Елизаветы Петровны.

²⁾ Которое осталось скромнымъ и послѣ увеличенія его имп. Павломъ.

³⁾ 30—33 десятины на пашню, 3—на сѣнные покосы. См. у Знаменскаго въ цитуемомъ соч., Прав. Соб., 1872 г., кн. III, стр. 327—334.

⁴⁾ Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ проекты относительно обезпеченія духовенства, принадлежащіе Волинскому, Татищеву, Сиверсу.

подачекъ обездоленному духовенству. Наибольше щедрая къ нему милостями импер. Екатерина II-я, по философскимъ соображеніямъ, не лишнимъ считаетъ, однако, держать его въ черномъ тѣлѣ. Потому то и послѣ нея встрѣчаемъ такіе факты, что св. Синодъ проситъ Сенатъ распорядиться, чтобы причтамъ, не имѣющимъ земельныхъ надѣловъ, положена была по крайней мѣрѣ руга, иначе они лишены будутъ всякихъ средствъ къ содержанію. Но, не говоря уже о томъ, что многія изъ административныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ обезпеченію духовенства, не осуществлялись на дѣлѣ не по винѣ правительства, а по винѣ его исполнительныхъ органовъ, часто зависѣвшей отъ недостатка средствъ въ ихъ распоряженіи (для выдачи руги), или по винѣ прихожанъ и помѣщиковъ, ничѣмъ не хотѣвшихъ поступиться въ пользу причтовъ (ни землею, ни таксовой платой за требы, ни въѣздомъ въ лѣса, ни рабочими руками), не смотря ни на какія угрозы и указы власти,—само правительство одною рукою раздавало духовенству милости, а другою отнимало ихъ.

Теряясь въ изобрѣтеніи средствъ для удовлетворенія возрастающихъ, съ проведеніемъ реформъ, нуждъ, свѣтское правительство первой половины XVIII вѣка сокращаетъ свои расходы на ружниковъ, иногда же и совсѣмъ прекращаетъ выдачу руги, но главное—отягощаетъ духовенство поборами и повинностями, которые болѣе или менѣе извѣстны.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны русское духовенство освободилось отъ унижительныхъ тяглыхъ отношеній къ государству, оставаясь по прежнему устраненнымъ отъ крѣпостного владѣнія и промысловыхъ занятій. Но на немъ осталось церковное тягло, отъ котораго оно освободилось, впрочемъ, въ царствованіе Екатерины II-й, но только отчасти, потому что неокладное, т. е. случайное, неопредѣленное въ количествѣ, тягло тяготѣло надъ нимъ въ теченіе всего XVIII вѣка. Побо́ры епархіальной власти съ духовенства начинались при самомъ посвященіи его въ іерархическія степени. Какъ неизбѣжны были ставленическія пошліны и какихъ онѣ

были размѣровъ, видно изъ того, что при заключеніи духовныхъ браковъ, даже въ самыхъ бѣдныхъ росписяхъ приданого обыкновенно вносилась статья о деньгахъ „на производство“ жениха. Въ Великороссіи производство это стоило по росписямъ отъ 50—100 рублей ¹⁾, а въ Малороссіи по показаніямъ ставлениковъ, отъ 200—300 рублей ²⁾. Потомъ, какъ только ставленикъ уходилъ на приходъ, на него рушилась масса сборовъ окладныхъ (постоянныхъ, опредѣленныхъ въ количествѣ) и неокладныхъ. Архіереи произвольно увеличивали иногда эти пошлины, доходя даже до злоупотребленій. Но еще безцеремоннѣе духовенство побиралось разными втростепенными и третьестепенными начальствами, начиналась протопопскихъ правленій и кончая разсылнымъ, путешествующимъ изъ прихода въ приходъ съ какою нибудь порученіемъ отъ епархіальнаго начальства.

А. Волжинъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ См. у Знаменскаго въ цит. соч., Прав. Соб., 1872 г., кн. II, стр. 336.

²⁾ Тамъ же, стр. 339. Важно отмѣтить, что, вслѣдствіе высокихъ ставленическихъ пошлинъ, многіе южно-русскіе ставленики уклонялись отъ посвященія у своихъ епархіальныхъ архіереевъ и обращались за посвященіемъ къ архіереямъ заграничнымъ (молдавскимъ и ближайшимъ къ Украинѣ въ турецкихъ областяхъ), у которыхъ оно стоило дешевле.

³⁾ См. № 25 за 1902 г.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти ³⁾.

Вліяніе христіанской любви выходитъ за семейные предѣлы и сказывается благотворно и на общественной жизни.

Величайшимъ изъ золъ языческаго міра было, какъ извѣстно, рабство. Апостоль Павелъ считаетъ рабство несовмѣстимымъ съ истиннымъ достоинствомъ христіанина. „Рабомъ-ли ты призванъ, не смущайся; но если и можешь сдѣлаться свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся. Ибо рабъ, призванный

¹⁾ См. у Знаменскаго въ цит. соч., Прав. Соб., 1872 г., кн. II, стр. 336.

²⁾ Тамъ же, стр. 339. Важно отмѣтить, что, вслѣдствіе высокихъ ставленическихъ пошлинъ, многіе южно-русскіе ставленики уклонялись отъ посвященія у своихъ епархіальныхъ архіереевъ и обращались за посвященіемъ къ архіереямъ заграничнымъ (молдавскимъ и ближайшимъ къ Украинѣ въ турецкихъ областяхъ), у которыхъ оно стоило дешевле.

³⁾ См. № 25 за 1902 г.

въ Господѣ, есть свободный Господа; равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ. Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами чловѣковъ“ (1 Кор. VII, 21—23). Но зло это было слишкомъ сильно, пустило слишкомъ глубокіе корни въ жизнь, чтобы его можно было излечить вдругъ. „Ученіе Церкви, говоритъ Валлонъ, должно было само привести къ уничтоженію рабства. Апостолы не требовали этого уничтоженія, и Отцы Церкви, даже послѣ преслѣдованія, стояли къ нему въ такомъ-же отношеніи; ибо общество древнее, какъ до Константина, такъ и во времена христіанскихъ императоровъ, всѣми своими привычками было связано съ институтомъ рабства. Нужно было болѣе, чѣмъ одинъ законъ, чтобы измѣнить такое положеніе вещей“ (Wallon, Histoire de l'esclavage, t. III, s. 318). Измѣнила его христіанская любовь. Въ высшей степени замѣчательно одно мѣсто изъ твореній Златоуста, гдѣ этотъ Отецъ Церкви требуетъ отъ господъ, чтобы они учили своихъ рабовъ ремесламъ, *дабы мочь потомъ освободить ихъ* (Злат. поуч. 40 на 1 Кор. гл. V). Ясно, что рабство могло быть уничтожено только съ самою строгою постепенностію. Въ христіанскомъ законодательствѣ сохранилось весьма много законовъ, направленныхъ къ смягченію участи рабовъ и уничтоженію рабства. Наболѣе замѣчательны по своему характеру одинъ изъ самыхъ первыхъ законовъ Константина В., устанавливающій манумиссію (отпущеніе на волю) въ Церкви, въ присутствіи народа и при участіи епископовъ, которые подписывали актъ освобожденія. Освобожденіе раба было, говоритъ Троклонъ, въ глазахъ Константина слѣдствіемъ религіознаго чувства (любви) (De l'influence du christianisme, s. 154). Клеръ получилъ отъ Константина В. спеціальную привиллегію давать полную свободу своимъ рабамъ чрезъ одно словесное объявленіе, безъ всякаго акта публичнаго. Эта привиллегія была тѣмъ болѣе дѣйствительна, что служители Церкви, проникнутые духомъ христіанской любви, смотрѣли на освобожденіе рабовъ, какъ на выраженіе духа христіанскаго братства (Ibid.).

Христіанство—это религія милосердія и участія къ бѣдности, болѣзни и несчастію. Широкая и плодотворная благотворительность въ исторіи Церкви—то благороднѣйшее явленіе, на которомъ съ отрадою останавливается взоръ обозрѣвателя древне-христіанской жизни. Гуманизирующее вліяніе христіанской любви на общественныя и международныя отношенія въ исторической жизни человѣчества не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ религіозномъ чувствѣ христіанской любви политическій деспотизмъ царей и владыкъ земныхъ нацель себѣ не устрашаемаго и, быть можетъ, самага могущественнаго противника. Мы уже не говоримъ о томъ, что проникнутый христіанскою любовію повелитель извѣстнаго народа по необходимости долженъ сдерживать въ себѣ порывы эгоистическаго абсолютизма, такъ какъ порывы эти не мирятся съ христіанскою любовію. Исторія христіанства полна примѣрами мужественнаго, хотя къ несчастію и не всегда достигавшаго цѣли, протеста служителей религіи противъ различныхъ злоупотребленій и жестокостей власти, полна примѣрами заступничества пастырей Церкви за угнетенныхъ и опальныхъ.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ фактовъ въ этомъ отношеніи служить заступничество архіепископа Флавіана за антiохійцевъ, подвергшихся грозной опалѣ императора Θεодосія. Народъ антiохійскій, раздраженный чрезмѣрными податями, ниспровергнулъ статуи императора и императрицы. За вспышкою народной ярости послѣдовала всеобщая паника. Говорили, что Θεодосій хочетъ сжечь городъ вмѣстѣ съ его жителями и сравнять съ землею. Въ Антiохіи много было язычниковъ, были языческіе философы; но ни одинъ изъ нихъ не возвысилъ своего голоса въ защиту опальнаго города. „Всѣ эти люди, говоритъ св. Златоустъ, посящiе мантию, длинную бороду и посохъ, бѣжали изъ города и скрылись въ пещерахъ. Христіанскіе иноки помѣнялись съ ними ролями“. Жители пустынь и уединеній явились въ городъ для того, чтобы выступить съ защитою виновныхъ.

Одинъ изъ иноковъ, Македоній, встрѣтившись съ комиссарами Θεодосія, которые были присланы для наказанія виновныхъ, мужественно остановилъ ихъ и смѣло сказалъ: „идите и скажите императору, что онъ человѣкъ, и что его подданные также люди, созданные по образу Божию. Онъ раздраженъ за бронзовыя изображенія. Не много ли дороже изображеніе одушевленное и разумное? Не трудно замѣнить статуи; но когда императоръ умертвитъ людей, воскресить-ли онъ ихъ?“ Наконецъ, престарѣлый архіепископъ Антіохіи Флавіанъ рѣшается самъ лично отправиться къ императору, чтобы преклонить его на милость. „Вспомни, государь, говоритъ онъ Θεодосію, тотъ день, когда мы дадимъ отчетъ въ своихъ поступкахъ и подумай, что если ты совершилъ преступленія, то можешь изгладить ихъ прощеніемъ, безъ борьбы, безъ усилій. Я приближаюсь къ тебѣ съ книгою нашего святого закона въ рукахъ: я представляю ее тебѣ вмѣсто всѣхъ даровъ, и заклинаю тебя подражать твоему Церковному Владыкѣ, Который, не смотря на наши каждодневныя прегрѣшенія не перестаетъ расточать намъ свои благодѣянія“. Просьба и слова Флавіана подѣйствовали на Θεодосія. Онъ простилъ мятежниковъ, и престарѣлый архипастырь возвѣстилъ имъ въ праздникъ Пасхи вмѣстѣ съ пасхальнымъ привѣтствіемъ радостную вѣсть помилованія.

Всѣмъ извѣстно мужественное сопротивление Златоуста императрицѣ Евдоксіи, когда та желала присвоить себѣ виноградникъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ вдовъ, и грозная анаеема Амвросія Медиоланскаго, которую этотъ архипастырь изрекъ надъ Θεодосіемъ послѣ безчеловѣчнаго избіенія ѳессалоникійцевъ. Этою анаеемою, говоритъ Шатель, св. Амвросій отомстилъ за поправныя права человѣчества и вызвалъ эдиктъ, предохранявшій вспылчиваго императора въ будущемъ отъ безчеловѣчныхъ и безумныхъ распоряженій въ порывѣ гнѣва (Chastel, *Etudes historiques sur l'influence de la charité*, p. 171—172).

Изъ нашей отечественной исторіи всѣмъ извѣстны столкновенія съ Грознымъ митрополита Филиппа, требовавшего отъ деспотическаго царя уничтоженія опричнины. Правда, эти столкновенія окончились мученическою кончиною святителя и не увѣявались желаннымъ успѣхомъ, но твердый голосъ христіанской любви въ лицѣ святителя Филиппа произнесъ свой осуждающій приговоръ противъ насилія.

Какъ на высшее выраженіе духа любви христіанской, можно указать на христіанскія миссіи—внутреннюю и внѣшнюю. Если, допустимъ, миссіи и заслуживаютъ нареканій, которыя такъ часто раздаются противъ нихъ въ настоящее время, то вовсе не по своей высокой цѣли, а по тѣмъ изрѣдка быть можетъ нецѣлесообразнымъ средствамъ, какія употребляются ими. Во всякомъ дѣлѣ могутъ быть ошибки,—и эти ошибки могутъ быть и въ миссіонерствѣ,—но что миссіи суть самый величественный плодъ чувства христіанской любви, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Миссіонеры проникаются этою идеею, отдаются осуществленію ея, самоотверженно стараясь практически провести ее въ жизнь людей. На пути встрѣчается вопросъ о свободѣ совѣсти. Что-же? Должны-ли миссіонеры, вслѣдствіе этого, отказаться отъ своего святаго дѣла, или должны дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ свое время св. отцы? Конечно, они должны слѣдовать примѣру св. отцовъ. Современность требуетъ свободы во всемъ, требуетъ той-же свободы и въ религіи. Она требуетъ, чтобы личности вѣрующаго предоставлена была полная свобода желать спасенія вѣчнаго или гибели вѣчной, предоставлено было право вѣровать во что угодно и какъ угодно. Такое требованіе противорѣчитъ задачѣ Церкви, данной ей ея Основателемъ, задачѣ—научить всѣхъ и крестить всѣхъ, чтобы спасти всѣхъ. Миссіонеры должны, поэтому, не взирая ни на что, дѣйствовать въ интересахъ вѣчнаго спасенія людей, т. е. въ интересахъ Церкви,—слабыхъ изъ вѣрующихъ они должны утвердить въ вѣрѣ, отпадшихъ отъ

Церкви привести къ ней, заблуждающихся наставить и т. п. Дѣйствуя такъ, они освобождаютъ челоуѣка изъ сѣти заблужденій,—просвѣщая его истиною, дѣлаютъ его истинно свободнымъ, ибо дѣлаюсь свободнымъ внутренно, духовно, челоуѣкъ освобождается и отъ внѣшнихъ оковъ.

Если въ нашей жизни христіанская любовь и всѣ вытекающія изъ нея идеи проникнуть въ наши интересы, если послѣдніе и по духу и на дѣлѣ станутъ христіанскими, тогда вопросъ о свободѣ совѣсти—этотъ самый трудный вопросъ жизни—разрѣшится самъ собою. Челоуѣкъ, родившійся въ нѣдрахъ Церкви святой, будетъ любить ее, какъ мать свою, и совѣсть его никогда не будутъ смущать тѣ заботы, которыя его нѣжно любящая мать имѣетъ о немъ. Только любви надо, побольше любви, ибо безъ нея нынѣшняя жизнь съ этимъ, всосавшимся въ нее эгоизмомъ, будетъ не возвышаться, а падать, какъ бы краснорѣчиво ни говорили объ улучшеніи ея. Мы видимъ, что теперь и социализмъ, и даже анархизмъ обосновываются на любви и, сознавая всю силу ея, во имя ея пытаются въ интересахъ будущаго разрушить настоящее. Но любовь не знаетъ разрушенія. Она не уничтожаетъ, а исправляетъ дурное, созидаетъ и укрѣпляетъ доброе. Она своего не ищетъ и поэтому чужда всего эгоистическаго, поэтому не знаетъ она и раздѣленій. Св. Златоустъ въ объясненіи словъ Апостола: „во Христѣ Иисусѣ имѣетъ силу только „вѣра любовью поснѣшествуема“ (Гал. V, 6), говоритъ: „апостоль показываетъ, что уклоненіе отъ истины происходитъ отъ неутвержденія въ любви ко Христу; ибо здѣсь не вѣра только требуется, но и пребываніе въ любви совершаетъ поразительно-благодѣтельный переворотъ въ жизни челоуѣка личной и общественной. О, если бы въ жизни нашей было поменьше словъ о вѣрѣ и побольше дѣлъ любви, но первыхъ будетъ меньше тогда, когда будетъ больше послѣднихъ. Вѣра намъ указана, любовь намъ предложена. Остается только показывать христіанину свою вѣру въ дѣлахъ любви, чтобы совѣсть его была спокойна относительно вѣры. Тогда, при такомъ от-

ношеніи къ требованіямъ вѣры, люди, которые какъ бы стараются не понимать другъ друга въ вопросахъ вѣры, безъ словъ сговорились бы о томъ, что есть „единое на потребу“, о томъ, что надо не называться только христіаниномъ, а жить по христіански; не интересоваться религіозными вопросами настолько, чтобы сдѣлать изъ нихъ злобу дня, а потомъ и забыть, а воплотить ихъ въ своей жизни, осуществить въ своихъ интересахъ. Трудное это дѣло. Человѣку приходится при этомъ отречься отъ того, съ чѣмъ онъ сжился, приходится отречься отъ той свободы, въ сферѣ которой онъ привыкъ жить и вѣсторонне развиваться, приходится потерять эту свободу, чтобы стать свободнымъ..., но не тою свободою, которую желалъ бы для него г. Стаховичъ.

Свобода христіанина есть свобода отреченія, самоограниченія, а это и есть тяжесть христіанской любви. Тяжесть эта могла бы оказаться выше силъ человѣка, если бы та же любовь не указывала ему на блаженную вѣчность.

Въ сущности только съ точки вѣчности и должно рѣшать и можно рѣшить вопросъ о свободѣ совѣсти. Я вѣрю въ вѣчность, потому что вѣрю во Христа—Бога и въ Его божественную къ намъ любовь, которая никогда не отпадаетъ,— я вѣрю въ Него и молю Его, любящаго меня, люблю и ближнихъ моихъ, которыхъ Онъ любитъ. Я, поэтому, свободенъ. Любовь—это свѣтильникъ, который неугасаемо горитъ въ Церкви Христовой, освѣщая путь въ вѣчную блаженную жизнь, стѣтильникъ, пламя котораго не задуетъ никакое человѣческое мудрованіе,—свѣтильникъ, при свѣтѣ котораго истинный христіанинъ свободно совершаетъ свой путь въ горнее отечество.

Епископъ Платонъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 21 іюня 1902 г
Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВѢКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюля 15-го.

Содержаніе: Символическая живопись въ христіанскомъ искусствѣ, ея происхожденіе и значеніе.—Предметъ, задача и цѣль проповѣди, по ученію Отцовъ и Учителей Церкви (продолженіе).—Сословное обособленіе Русскаго духовенства (продолженіе).

Символическая живопись въ христіанскомъ искусствѣ, ея происхожденіе и значеніе.

Символизмъ есть обыкновенный языкъ всего мистическаго, и съ особенной силой развивался онъ постоянно на религіозной почвѣ, будучи самымъ лучшимъ способомъ выраженія мистическихъ идей... Труднѣе изъяснить какую либо отвлеченную идею словами, чѣмъ опредѣлить ее тѣмъ предметомъ, который имѣетъ съ нею нѣкоторое сродство, всего ближе подходитъ къ ней особенными чертами своего характера въ самомъ дѣлѣ или только въ воображеніи человѣка. Это уже символизмъ, и изображеніе подобнаго предмета, сдѣланное съ цѣлію напомнить человѣку или передать другимъ извѣстную мысль, становится символической фигурой¹⁾. Символическія

¹⁾ Фонъ-Фриккенъ. „Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства“. Ч. II. М. 1877 г., стр. 45, 47.

изображенія, слѣдовательно, преслѣдуютъ ту цѣль, чтобы, посредствомъ изображенія какого либо художественнаго знака, предмета или цѣлой сцены, напомнить человѣку извѣстную догму или идею, или—говоря иначе—дать лишь намекъ на эту послѣднюю. Отсюда названіе символической живописи въ точномъ смыслѣ этого слова приложимо къ такимъ живописнымъ изображеніямъ, которыя имѣютъ цѣлю чрезъ ви́шній чувственный образъ сдѣлать болѣе или менѣе прикровенный намекъ на какую либо истину, направить на эту истину мысль и чувство человѣка,—вообще имѣютъ цѣлю провести въ душу зрителя какую либо иную и болѣе возвышенную идею, чѣмъ та, какую самъ по себѣ содержитъ изображенный сюжетъ. Вотъ смыслъ символическихъ изображеній вообще.

Въ такомъ именно смыслѣ символическими изображеніями издавна пользовалось и отчасти доселѣ пользуется и христіанское религіозное искусство, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ его исторія. Съ самаго начала своего появленія въ первобытномъ христіанскомъ обществѣ, религіозное искусство христіанъ постаралось воплотить, въ видахъ живого напоминанія и религіознаго возбужденія вѣрующихъ, ученіе новой религіи съ ея идеальными и возвышенными понятіями въ цѣломъ рядѣ прикровенныхъ и часто весьма таинственныхъ символовъ. Въ христіанскомъ искусствѣ періода катакомбъ, когда христіанская живопись по преимуществу носила характеръ символическій, мы встрѣчаемъ множество символическихъ изображеній, въ которыхъ христіане видѣли прикровенное представленіе своихъ религіозныхъ вѣрованій, стремленій и надеждъ,—видѣли, такъ сказать, чувственно-осязательный намекъ на дорогія для ихъ сердца понятія и идеи исповѣдуемой ими религіи. Изображенія этого рода много говорили высоконастроенной христіанской душѣ, но они могли быть и дѣйствительно были непонятны для непосвященныхъ въ тайны христіанскаго ученія, и если глубоко вѣрующій христіанинъ открывалъ въ этихъ изображеніяхъ возвышенный духовный смыслъ, въ основѣ ихъ видѣлъ возвышенную идею, то непо-

священный ничего не могъ усматривать въ нихъ, кромѣ одной виѣшней формы. Въ глазахъ христіанъ каждое символическое изображеніе скрывало за собою цѣлый рядъ религіозно-нравственныхъ представленій; для христіанъ это былъ священный прикровенный языкъ, въ которомъ они воплотили христіанскую религію съ ея догматами и нравственнымъ ученіемъ. Лица и событія изъ ветхо-завѣтной исторіи, заключающія въ себѣ болѣе или менѣе ясный намекъ на новозавѣтныя истины, различные сцены изъ жизни пастуховъ и рыболововъ, изображенія разнаго рода животныхъ и птицъ (напр. агнца, оленя, рыбы, голубя и др.),—далѣе, изображенія разныхъ предметовъ изъ окружающей неодушевленной природы (пальмы, виноградной лозы съ ягодами и листьями, горы, четырехъ ручьевъ, вытекающихъ изъ-подъ ногъ Спасителя и пр.),—наконецъ, даже образы, заимствованные изъ греческой мифологіи (образъ древне-Ѡракійскаго пѣвца и основателя религіи, который своей плѣнительной игрою на лирѣ укрощалъ дикихъ звѣрей и птицъ и даже деревья и скалы приводилъ въ движеніе)¹⁾ и др.,—всѣ эти изображенія служили условнымъ выраженіемъ истинъ новой религіи, прикровенно указывали на вѣрованія и чаянія, одушевлявшія ея послѣдователей. Должно при этомъ отмѣтить, что символическія изображенія въ христіанскомъ искусствѣ указаннаго періода встрѣчаются болѣею частію группами, въ различныхъ между собою сочетаніяхъ, отъ чего, конечно, выдоизмѣнялось и ихъ значеніе.

Господство символическаго или условнаго направленія въ исторіи христіанскаго искусства не было продолжительно. По мѣрѣ того, какъ христіанская живопись принимала направленіе чисто историческое, многія изъ символическихъ изображеній утрачивали свой смыслъ и становились малопонятными для христіанъ; поэтому время отъ времени изображенія сим-

¹⁾ Игра орфея, увлекавшая неразумныя существа, служила символомъ неотразимой привлекательности ученія Христова, которое смягчило дикіе нравы народовъ.

волическаго характера стали выходить изъ употребленія. Трульскій соборъ, запретивъ употреблять одни символическіе знаки, съ достаточною ясностію указалъ вообще предпочитать изображенія историческія ¹⁾. Съ этого времени христіанское искусство становится на строго историческую почву, изображая лица и событія по возможности въ томъ видѣ и съ тѣмъ значеніемъ, въ какихъ они представляются въ исторической дѣйствительности. Впрочемъ, нельзя сказать, что символическій элементъ съ тѣхъ поръ совершенно исчезъ въ искусствѣ христіанъ; элементъ этотъ удерживался въ христіанской живописи и потому, удерживается въ нашей Церкви и въ настоящее время, или являясь средствомъ для изображенія такихъ лицъ и предметовъ, которые не могутъ быть представлены иначе, какъ символически (напр. изображеніе Св. Духа. Св. Троицы), или служа въ извѣстныхъ отношеніяхъ дополненіемъ къ прямому изображенію (напр. въ изображеніяхъ Св. Евангелистовъ), но въ томъ и другомъ случаѣ положительно и опредѣленно выражая идеи, лежація въ его основѣ.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, смыслъ и цѣль религіозной символической живописи вообще и въ христіанскомъ искусствѣ въ частности, обратимся къ вопросу о ея происхожденіи въ этомъ послѣднемъ. Итакъ, откуда же произошелъ символическій элементъ въ священныхъ изображеніяхъ христіанъ, гдѣ его источникъ, гдѣ причины, вызвавшія его появленіе?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ было бы недостаточно ограничиться указаніемъ на одно только желаніе христіанъ скрывать, по побужденіямъ осторожности въ виду опасностей со стороны враговъ, сущность новаго ученія,—ограничиться указаніемъ на это, какъ на единственную причину происхожденія даннаго явленія. Правда, потребность, такъ сказать, секрета и мистерій, обусловливавшаяся преслѣдованіями, направленными противъ послѣдователей Христа со стороны языч-

¹⁾ См. прав. 82.

никовъ, побуждала христіанъ прибѣгать къ такого рода священнымъ изображеніямъ, истинный смыслъ которыхъ былъ извѣстенъ имъ однимъ, побуждала ихъ скрывать свою вѣру и культъ подъ покровомъ символа. Но стѣснительное положеніе христіанской общины, часто преслѣдуемой врагами и не хотѣвшей безъ нужды выдавать себя правительству, не было единственной причиной, вызвавшей появленіе символизма въ христіанской живописи, и нельзя сказать, что одно лишь это исключительное положеніе христіанъ дало религіознымъ изображеніямъ катакомбъ тотъ неизмѣнный символическій характеръ, который въ нихъ постоянно преобладаетъ. Въ гоненіяхъ, безъ сомнѣнія, лежалъ одинъ изъ сильныхъ мотивовъ, побуждавшихъ послѣдователей новой религіи скрывать свои вѣрованія подъ покровомъ условныхъ, понятныхъ только для христіанъ, знаковъ и символовъ; но все же это былъ, если можно такъ выразиться, мотивъ вторичный, а не первичный, потому что христіане, какъ это можно видѣть по памятникамъ искусства и изъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей, прибѣгали къ символическимъ изображеніямъ еще ранѣе эпохи гоненій, когда они сдѣлались въ глазахъ римскаго правительства послѣдователями суетвѣрія пагубнаго и безбожнаго и потому достойнаго всякой казни¹⁾. Но гдѣ же искать первичныхъ мотивовъ, обуславливавшихъ возможность и дѣйствительность появленія въ искусствѣ христіанъ символической живописи? Чтобы указать эти мотивы, мы должны взглянуть на условія историческаго происхожденія самой христіанской религіи, а также на самые богооткровенные источники ея вѣроученія и правоученія. И что же мы находимъ тутъ для нашей цѣли?

Религія христіанская явилась на востокѣ, явилась тамъ, гдѣ образы и символы шли неразлучно съ самымъ процессомъ мысленія. Особенно развито было употребленіе символовъ или искусство выражать отвлеченныя понятія въ мисти-

¹⁾ Указанн. сочин. Фовъ-Фрикена, стр. 53.

ческихъ образахъ и условныхъ знакахъ у народа Египетскаго, и не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе чѣмъ двухвѣковое пребываніе евреевъ въ странѣ этого народа дало имъ возможность проникнуть въ таинства символическаго языка, находившаго здѣсь столь широкое примѣненіе. По крайней мѣрѣ, у одного изъ учителей церкви (Климента Александрійскаго) мы находимъ свидѣтельство, что Моусей, наученный всей мудрости Египетской, а въ частности, конечно, и знанію іероглифическаго письма, при помощи именно іероглифическаго метода, т. е. подъ мистическими символами животныхъ, объяснялъ заповѣди нравственнаго закона. Да и вообще языкъ ветхаго завѣта, гдѣ все представляется, какъ образъ и сѣнь грядущихъ благъ новозавѣтныхъ, особенно же языкъ пророковъ, наполненъ мистическими образами, притчами, аллегоріями, метафорами. Отсюда не представляется ли естественнымъ, что, явившись на востокъ и при томъ въ самыхъ, такъ сказать, нѣдрахъ іудейства, которое, какъ сейчасъ мы отмѣтили, обыкновенное знаніе символическихъ знаковъ само непосредственно заимствовало изъ восточной цивилизаціи, христіанская вѣра также выражалась на языкѣ символическомъ?

Самъ Божественный Основатель новой религіи, примѣняясь къ обычному складу восточнаго мышленія, цѣдя умственную слабость своихъ слушателей, еще не развившихъ въ себѣ способности понимать прямое и непосредственное изложеніе истинъ вѣры, облакалъ свое возвышеннѣйшее ученіе въ форму притчей, часто представлялъ истину подъ покровомъ аллегоріи. Первые проповѣдники вѣры Христовой—св. апостолы въ своихъ наставленіяхъ воплотили тотъ же духъ прикровенной образности, приточности и вообще мудрой приспособленности къ сознанію вѣрующаго, какимъ запечатлѣно все ученіе ихъ Божественнаго Наставника. Такимъ образомъ, само богооткровенное новозавѣтное ученіе, весьма часто поучающее аллегорическимъ словомъ, часто облакающее возвышенныя религіозныя истины въ форму иносказательныхъ образовъ, притчъ и подобій, могло служить и дѣй-

ствительно служило для христіанской живописи богатымъ источникомъ символическихъ сюжетовъ и вызывало употребленіе этого таинственнаго языка. Изображенія Христа подь видомъ Добраго Пастыря, до самоотверженія некущагося о своихъ овцахъ, которыхъ Ему пужно привести во дворъ овчій,—подь видомъ виноградной лозы съ многочисленными рождіями—вѣрующими,—подь видомъ таинственнаго агнца, принесеннаго въ жертву за грѣхи всего міра и мн. др.,—всѣ такія живописныя изображенія символическаго характера, служившія въ первыя времена христіанства главнымъ украшеніемъ общественныхъ мѣстъ богослужебныхъ собраній вѣрующихъ, находили для себя достаточный источникъ и прочное основаніе въ ученіи Христа и Апостоловъ¹⁾.

Замѣтимъ, наконецъ, и то, что въ эпоху первоначальнаго распространенія христіанства символическія изображенія находили для себя широкое примѣненіе въ Греко-Римскомъ искусствѣ. Обстоятельство это, конечно, не могло не повліять на направленіе искусства христіанскаго. И дѣйствительно, первые христіане въ Римѣ еще до начала систематическихъ преслѣдованій ихъ со стороны Греко-Римскаго правительства употребляли уже символическіе знаки и фигуры.

Итакъ, современная появленію христіанства и его первоначальному распространенію общепринятость символической формы выраженія религіозной идеи, воздѣйствіе текста богооткровеннаго новозавѣтнаго ученія и, затѣмъ, стѣснительное положеніе древне-христіанской Церкви, гонимой и преслѣдуемой со стороны язычества—вотъ тѣ причины, которыми обусловливалось появленіе символическихъ, облеченныхъ въ форму таинственности, изображеній въ христіанской живописи и подь вліяніемъ которыхъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ образовалась огромная и строго организованная система символизма,—система, въ которой первоначальная Церковь воплю-

¹⁾ См. Іоани. 10, 11 — 17; 15, 5; 1 Петр. 1, 19 — 20; Апокал. гл. 21, 22 и др...

тила всю христіанскую религію съ ея догматами и нравственнымъ ученіемъ, съ ея надеждами и обѣтованіями.

Явившись, такимъ образомъ, не какъ нибудь случайно въ христіанской живописи, находя для себя источникъ и основаніе, между прочимъ, и въ самомъ новозавѣтномъ божественномъ откровеніи, символическія живописныя изображенія не чужды своей доли значенія въ исторіи религіознаго искусства христіанъ. Въ чемъ же это значеніе?

Чтобы дать отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ, припомнимъ ту общую внутреннюю цѣль, какую преслѣдуетъ религіозная символическая живопись вообще. Цѣль эта, какъ мы въ своемъ мѣстѣ отмѣтили, заключается въ томъ, чтобы чрезъ чувственно-осязательные образы, имѣющіе извѣстное, большею частію только условное отношеніе къ даннымъ религіознымъ или нравственнымъ истинамъ, напомнить человѣку объ этихъ послѣднихъ, пробудить ихъ въ его сознаніи и тѣмъ, конечно, способствовать ихъ вліянію на его умъ и сердце. Составляя довольно легкой способъ выраженія во внѣ религіозныхъ идей, символическія изображенія, уже въ силу самой условности своей сильно отбѣняютъ различіе между матеріальной формой изображенія и между тѣмъ духовнымъ началомъ или точнѣе, той идеей, внѣшнимъ условнымъ знакомъ которой это видимое изображеніе является. Символическое изображеніе служитъ, главнымъ образомъ идеѣ, въ немъ для сознанія на первомъ планѣ выступаетъ именно напоминаемая внѣшнимъ условнымъ знакомъ идея. Если же такъ, если въ символическихъ изображеніяхъ, по самой внутренней цѣли ихъ, болѣе имѣется въ виду идея, чѣмъ сама матеріальная форма, на нее намекающая, то выходя изъ этой общей мысли съ одной стороны, а съ другой, имѣя въ виду, что символическая живопись въ христіанскомъ искусствѣ явилась и создана въ самомъ началѣ развитія этого послѣдняго и представляетъ, такъ сказать, его первые шаги,—мы можемъ кратко выразить значеніе символической живописи въ исторіи религіознаго искусства христіанъ такъ: символическая живопись предуказала христіан-

скому искусству на будущее время то общее и главное направление, котораго оно должно всегда держаться, именно предуказала, что искусство это должно служить болѣе христіанской идеѣ, чѣмъ матеріальной формѣ (хотя, конечно, не въ ущербъ этой послѣдней) и такимъ образомъ всегда заключать въ себѣ глубокій религіозно-нравственный воспитательный элементъ.

В. С—кій.

Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви ¹⁾.

2. Св. Григорій Богословъ.

По ученію Григорія Богослова, проповѣданіе или, какъ онъ называетъ, „раздаваніе“ Слова Божія, дѣло весьма не легкое. Вотъ какъ онъ говоритъ о томъ, что пастырь Церкви долженъ учить своихъ пасомыхъ, то есть проповѣдывать имъ: „Что касается раздаванія слова (скажу на послѣдокъ о томъ, что составляетъ первую нашу обязанность: и разумѣю слово Божественное и высокое, о которомъ нынѣ всѣ любомудрствуютъ), то ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я удивлюсь многоумію (чтобы не сказать малоумію) такого человѣка“ ²⁾.

Опредѣляя въ частности предметъ проповѣди, Григорій Богословъ такъ раскрываетъ свою мысль: „Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ—каждому *дать во время житомъріе* [Лук. 12, 42] слова и съ раз-

¹⁾ См. № 27 за 1902 г.

²⁾ Творенія св. Григорія Богослова, 1-й т., 3-е слово, стр. 37.

сужденіемъ вести домостроительство истины нашихъ догматовъ, то есть, нашего любомудраго ученія о мірахъ или мірѣ, о веществѣ, о душѣ, объ умѣ и умныхъ существахъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, о Промыслѣ, всесвязующемъ и распорядяющемъ всѣми событіями, какъ согласными съ разумомъ, такъ, повидимому, и противорѣчащими дальнему—человѣческому уму; также о первоначальномъ нашемъ устроеніи и о послѣднемъ возсозданіи, о прообразованіяхъ и истинѣ, ими прообразуемой, о завѣтахъ, о первомъ и второмъ Христовомъ пришествіи, о воплощеніи, страданіяхъ и смерти Христовой, о воскресеніи, о кончинѣ міра, о судѣ и воздаяніи—и грозномъ и славномъ; а что главное, о томъ, чему должно вѣровать—о начальной, царственной и блаженной Троицѣ¹⁾. Изъ такого опредѣленія предмета проповѣди ясно, что Св. Григорій главное вниманіе проповѣдника обращаетъ на догматическія истины православнаго ученія, хотя пастырь Церкви, по нему, не долженъ упускать изъ вида и такихъ вопросовъ, какъ о происхожденіи и назначеніи міровъ или міра, о веществѣ, о душѣ, объ умѣ и проч.

Чтобы проповѣдническая дѣятельность пастыря Церкви имѣла дѣйствительный, плодотворный успѣхъ, „для сего, по Григорію Богослову, потребенъ Духъ, при одномъ содѣйствіи котораго и можно только о Богѣ и мыслить, и говорить, и слушать“²⁾. Отъ самого же пастыря Григорій Богословъ требуетъ, чтобы онъ зналъ догматы вѣры. Знаніе догматовъ вѣры есть первое условіе, которому должны удовлетворять каждый членъ православной Церкви. Если же знаніе истинъ вѣры требуется отъ каждаго члена Церкви, то тѣмъ болѣе необходимо оно для пастыря, обязаннаго учить другихъ истинамъ вѣры. „Можетъ быть, говорить св. отецъ, извинили бы мы простолюдиновъ [въ незнаніи истинъ вѣры], если бы съ ними случилось это; ихъ часто спасаетъ невнимательность: но какъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 37.

²⁾ Тамъ же, стр. 39.

простить это учителю, который, если только не лжеименный, долженъ помогать въ невѣдѣніи другимъ? Не странно ли было бы, когда бы тайноводствующие ко спасенію не знали началъ спасенія“?

Относительно задачи проповѣди Св. Григорій Богословъ даетъ такое наставленіе: „Благочестивому краснописцу два будутъ дѣла—изгладить прежнія изображенія и на мѣста ихъ—написать лучшія и достойныя сохраненія“¹⁾. Это выраженіе Григорія Богослова указываетъ на то, что нѣкоторые современники его были „готовы слушать всякое ученіе и всякаго учителя... А потомъ, переходя и возвращаясь отъ одной вѣроятности къ другой, нагруженные и подавленные ученіями всякаго рода, перемѣнивъ многихъ учителей и многія писанія разбросавъ легкомысленно, какъ пылъ на вѣтеръ, когда утомится и слухъ и умъ, начинаютъ оказывать одинаковое отращеніе ко всякому ученію и напечатлѣваютъ въ себѣ гибельное правило—осмѣивать и презирать вѣру нашу“²⁾. Значить, задача христіанской проповѣди и должна состоять въ томъ, чтобы, съ одной стороны, укрѣплять вѣрующихъ, а съ другой—опровергать ложное ученіе еретиковъ. „Посему то, продолжаетъ свою рѣчь Св. Григорій, легче вновь напечатлѣвать истину въ душѣ, которая подобна еще неисчисленному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ каковомъ случаѣ оно сливается и смѣшивается съ первыми“³⁾.

Григорій Богословъ указываетъ и еще задачу, которую христіанскій проповѣдникъ долженъ выполнить непременно. „Предстоятелю, рассуждаетъ онъ, совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ относительно къ правотѣ во всемъ, такъ, сколько можно болѣе, многостороннимъ и разнообраз-

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова, 1-й т., 3-е слово, 42 стр.

²⁾ Тамъ же, стр. 41

³⁾ Тамъ же, стр. 42.

нымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ“¹⁾, потому что всякому слѣдуетъ давать свойственную ему пищу. Григорій Богословъ строго порицаетъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ не надлежащимъ образомъ; такихъ людей онъ прямо называетъ корчемниками: „Мы же не намѣрены корчемствовать словомъ истины и мѣшать вино съ водою, то есть, ученіе, веселящее сердце человѣческое, съ ученіемъ пошлымъ, дешевымъ, влачимымъ по землѣ, пропадающимъ и текущимъ понапрасну, какъ дѣлаютъ многіе“²⁾. „Я разсудилъ, замѣчаетъ онъ дальше, что не знающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, лучше учиться, нежели, не зная, учить“³⁾. Въ этихъ словахъ Григорія Богослова заключается требованіе научнаго образованія отъ пастыря Церкви. Кромѣ того, и главнымъ образомъ, ему необходимо знаніе и близкое знакомство съ Священнымъ Писаніемъ. „Ибо, полагаю, говоритъ Григорій Богословъ, что заключающееся въ Писаніи не безъ цѣли написано и не одна куча словъ и предметовъ, собранная для развлеченія слушающихъ, не какая-нибудь приманка для слуха, служащая только къ забавѣ“⁴⁾... „Напротивъ того, и самыя малозначительныя дѣянія были подробно описаны и до сего времени сохранены для того, чтобы служить памятниками и уроками, какъ судить въ подобныхъ, если встрѣтятся, обстоятельствахъ, чтобы мы, слѣдуя сямъ примѣрамъ, какъ нѣкоторымъ правиламъ и предначертаннымъ образцамъ, могли одного избѣгать, а другое избирать“⁵⁾.

Цѣль проповѣди, по ученію Григорія Богослова, въ томъ, чтобы „приносить пользу душъ, еще юной по благочестію“⁶⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 76.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 77.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 45.

и „способствовать ей къ достиженію небеснаго царства“¹⁾. „Цѣль духовнаго врачеванія, скажемъ его словами,—состоитъ въ томъ, чтобы открыть душу, исхитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если цѣль, поддержать, если въ опасности, обновить, если поврежденъ, *вселить въ сердца Христа* [Ефес. 3, 17] Духомъ²⁾. А чтобы цѣль проповѣднической дѣятельности пастыря Церкви осуществлялась скорѣе и вѣрнѣе, Григорій Богословъ совѣтуетъ поучать пасомыхъ и добродѣтельною жизнію: ибо „однихъ назидаетъ слово, другіе же исправляются примѣромъ“³⁾. „Кто по худой жизни или по невѣжеству уклоняется въ ту и другую сторону, для того очень опасно, что и самъ онъ впадетъ въ грѣхъ и вовлечетъ въ него управляемыхъ“⁴⁾. Итакъ, пастырь Церкви долженъ подавать своимъ пасомымъ примѣръ добродѣтельной жизни, которому пасомые могли бы подражать въ своей жизни и дѣятельности: тогда и цѣль проповѣди будетъ достигнута.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 60.

²⁾ Тамъ же, стр. 31.

³⁾ Тамъ же, стр. 34; еще стр. 30

⁴⁾ Тамъ же, стр. 36.

⁵⁾ См. № 27 за 1902 г.

Сословное обособленіе Русскаго духовенства.

(историческій очеркъ⁵⁾).

Не будь историческихъ свидѣтельствъ, трудно было бы и вообразить, насколько тяжелы были для духовенства всякіе поборы съ него. Когда сборщиками церковнаго и государственнаго тягла были сначала одни свѣтскіе, а потомъ одни духовные служители, то они беспощадны были въ отношеніи къ духовенству и вымогали съ него тягло посредствомъ обычныхъ правей, потому что обязаны были строгой отвѣтствен-

¹⁾ Тамъ же, стр. 60.

²⁾ Тамъ же, стр. 31.

³⁾ Тамъ же, стр. 34; еще стр. 30

⁴⁾ Тамъ же, стр. 36.

⁵⁾ См. № 27 за 1902 г.

постью предъ двумя вѣдомствами. Послѣ передачи сборовъ того и другого тягла изъ свѣтскаго вѣдомства въ духовное¹, не смягчилась процедура ихъ: теперь духовенству приходилось иногда платить одни и тѣ же сборы по два раза, изъ-за того что помимо духовныхъ сборщиковъ наѣзжали въ приходъ и свѣтскіе по старой привычкѣ и страсти къ наживѣ. Отъ всѣхъ этихъ сборовъ и поборовъ духовенство приходило въ ужасно жалкое положеніе—„во всеконечное разореніе“, такъ что нерѣдко „и дневныя пищи себѣ не имѣло“. Платить подати оно зачастую не имѣло средствъ, а не платить боялось, потому что это значило увеличить тѣ же подати штрафными и недоимочными и поцать, кромѣ того, на правѣхъ или въ отвратительную консисторскую или другую какую тюрьму. Неудивительно, если духовенство тряслось отъ страха, слышавъ приближеніе „бѣды—большой или малой, конной или пѣшей, смотря по тому, ѣхала ли эта бѣда на обывательскихъ тройкахъ съ конвоемъ или одиноко брела въ изношенномъ мундирѣ пѣшкомъ, держа подъ мышкой портфель съ бумагами“²); неудивительно, если „молва о бѣдѣ, особенно конной, самой наглой и ханущей, неслась за 40 и болѣе верстъ впередъ, заставляя церковно-служителя бросать домъ, и прятаться по оврагамъ и лѣсамъ, какъ въ старое время отъ нашествія татарской орды“³), или, спасая себя и семью отъ заключенія въ колодничей, рѣшаться на крайнія средства защиты, запереть, напр., ворота на глазахъ сборщиковъ и сказать имъ: „вы де напрасно приѣхали, хотябъ де и цѣлая рота драгунъ прислана была, я бѣ де и тѣхъ велѣлъ побить до смерти“⁴)...

Можно послѣ этого ожидать, какъ грязно и жалко жила пастьеръ XVIII вѣка, какъ унижался онъ предъ прихожанами изъ-за куска насущнаго хлѣба! Памятники и писатели того времени рисуютъ матеріальное положеніе духовенства самыми

¹) Съ переходомъ монастырскаго приказа изъ перваго вѣдомства въ послѣднее.

², ³ и ⁴) Знаменскій, Правосл. Соб. 1872 г., кн. II, стр. 380—381.

мрачными красками. Духовный Регламентъ внушаетъ духовенству носить, хотя убогое, но только бы чистое одѣяніе¹⁾, потому что священники ходили въ грязныхъ и разорванныхъ сермяжныхъ рясахъ, сдѣланныхъ изъ сѣраго и бѣлаго некрашеннаго сукна; а на ногахъ, по словамъ Посошкова, „носили лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обваленные, и кафтанъ нижній весь гнусенъ“²⁾. „Сельскій пресвитеръ ничѣмъ не отмѣненъ отъ мужиковъ, говоритъ тотъ же Посошковъ; мужикъ за соху, и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу... Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаванія нѣтъ же, и чѣмъ ему питаться, Богъ вѣсть... Аще наши не пахать, то голодну быть“³⁾... Не улучшилось положеніе духовенства и постѣ Посошкова. Вотъ какъ рисуеъ его извѣстнѣйшій архіерей Арсеній Мацѣвичъ: „приходскіе священники по большей части въ крайней бѣдности находятся, податями государевыми не меньше мужиковъ обложенные, дѣлая землю къ своему пропитанію. У насъ нынѣшняго вѣка мнози изволятъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ“⁴⁾. Крайняя нужда заставляетъ священнослужителя брать для обработки участка земли изъ общинныхъ тяглыхъ земель и тянуть съ нихъ тягло на ряду съ крестьянами⁵⁾; кланяться предъ мужикомъ и рядиться съ нимъ за требы, лишь бы выклянчить у него лишній пятакъ, лишь бы зазвать его къ себѣ на „помочи“! Но не всегда онъ добываетъ себѣ кусокъ хлѣба даже и такимъ унижительнымъ способомъ выпрашиванія его и тогда онъ бродитъ нищимъ по

¹⁾ „Законодательство Петра В. относительно православнаго духовенства“, см. Прав. Соб. 1863 г., кн. III, стр. 49.

²⁾ „Состояніе русскаго духовенства въ XVIII в.“, см. Правосл. Соб. 1862 г., кн. II, стр. 189.

³⁾ См. у Знаменскаго въ цитир. соч., Правосл. Соб. 1872 г., кн. III, стр. 236.

⁴⁾ См. у Знаменскаго въ цит. соч., Прав. Соб. 1872 г., кн. II, стр. 238.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 230.

міру, оставивъ приходъ ¹⁾! Нужда дѣлаетъ его торгашемъ, промысловымъ человѣкомъ—до запрещенія начальства, ссорить его съ сослуживцами изъ-за такихъ мелочей, о которыхъ могутъ дать намъ понятіе развѣ только извѣстные всѣмъ дѣлажи милостыни между нищими ²⁾. И эта же опять нужда дѣлаетъ его чуть не презрѣннымъ членомъ въ обществѣ и общимъ посмѣшищемъ. Вѣдь и тогда сознавали, что „папша сану священниковъ совсѣмъ не прилична, что чрезъ это они надлежащее почтеніе теряютъ“ ³⁾! Но надлежащее почтеніе они теряли и податнымъ своимъ состояніемъ, и своимъ невольнымъ вымогательствомъ за требы, на которое жалуются прихожане, противъ котораго напрасно возстаютъ архіереи. Потому и выходило, что надъ ихъ жадностью издѣвалась народная молва, создавая всѣмъ знакомыя сказки и прибаутки о попахъ, издѣвалось и образованное общество и новорожденная литература.

Спросимъ теперь, могло ли духовное сословіе въ XVIII вѣкѣ привлекать къ себѣ постороннихъ людей? Отвѣтъ находимъ въ одномъ Синодскомъ вѣдѣніи Сенату (отъ 1721 года), въ которомъ Св. Синодъ заявляетъ, что „въ священно-служительскіе чины, кромѣ церковныхъ причетниковъ и изъ дѣтей, едва иной кто изъ разночинцевъ вступаетъ и мало кто изъ вѣдущихъ недовольства и неудобѣ носимая священства тягости полученія того званія желаетъ“... Само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не хотѣлъ добровольно обречь себя на всеобщій посмѣхъ, нареканія отъ сослуживцевъ и прихожанъ въ притѣсненіяхъ и невольномъ вымогательствѣ, на нищенскую трудовую жизнь,—а это все именно и ожидало почти всякаго, вступающаго въ духовное званіе. Отъ такого матеріальнаго и нравственнаго униженія избавлялись, какъ

¹⁾ „Состояніе русскаго духовенства въ XVIII в.“, см. Правосл. Соб. 1862 г., кн. II, стр. 189.

²⁾ См. у Знаменскаго въ цит. сочин., Правосл. Соб. 1872 г., кн. III, стр. 221—226.

³⁾ Тамъ же, Правосл. Соб. 1872 г., кн. II, стр. 237.

нужно предполагать, обезпеченные кандидаты священства, каковыхъ было, конечно, меньшинство въ духовномъ званіи. Но за то всѣхъ безъ исключенія, вступающихъ въ бѣлое духовенство, ожидало униженіе, которое соединялось съ самымъ положеніемъ его—очень низкимъ—въ государствѣ, духовномъ чинѣ и обществѣ; оно требовало отъ нихъ подавленія всякой гордости—такого самопожертвованія, на которое способны очень рѣдкіе и немногіе люди.

Благодаря своему наличному составу, представлявшему классъ людей простыхъ, не просвѣщенныхъ, зачастую даже неграмотныхъ, а также, благодаря слабому сознанію въ обществѣ значенія пастыря, возведшему его въ достоинство немногимъ высшее требоисправителя, духовенство первой половины XVIII вѣка приравнено было въ законодательствѣ къ тяглому и, слѣдовательно, подлому народу. Въ царствованіе имп. Екатерины II-ой, именно въ 1767 году, оно было выдѣлено въ привилегированное сословіе комиссіею о составленіи уложенія, по настоянію депутата ея отъ Св. Синода, архіепископа Гавріила (впослѣдствіи митрополита Нижегородскаго). Но этотъ новый гуманный взглядъ закона на духовенство не сопровождался существенными улучшеніями въ его дѣйствительномъ положеніи. Въ теченіе всего XVIII вѣка духовенство лишалось дворянской привилегіи—крѣпостного владѣнія и строго каралось за нарушеніе этого запрещенія¹⁾; затѣмъ, обложено было, какъ видѣли, вплоть до времени царствованія Елизаветы Петровны тяглою и другими низкими, несовмѣстимыми съ его служеніемъ и званіемъ, повинностями, въ родѣ, напр., повинности полицейской и постоянной²⁾; не пользовалось, по

¹⁾ См. у Знаменскаго въ цитир. сочин., Правосл. Соб. 1872 г., кн. I, стр. 400 - 401.

²⁾ Первая повинность состояла въ обязательствѣ священнослужителей ходить на караулъ къ рогаткамъ, являться на пожары, дежурить на сѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ, гдѣ ими пользовались для посылокъ къ колодникамъ и для работъ; вторая—въ обязательствѣ отдавать свои квартиры подъ постой войскамъ.

выходѣ изъ своего званія, свободою въ избраніи себѣ рода жизни и занятій,—въ теченіе всего вѣка подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ за свои вины. Правда, этими наказаніями возмущалось уже чувство имп. Екатерины II-ой; чрезъ тѣлесныя наказанія, говорила Императрица, священно-служители „теряли должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подавался немалый соблазнъ и причина къ презрѣнію“. Тѣмъ не менѣе имп. Екатерина II-я освободила духовенство отъ тѣлесныхъ наказаній только по суду духовному и оставила ихъ для него въ свѣтскомъ судѣ.

Не говоря о среднемъ и низшемъ духовенствѣ, сама духовная власть унижена была въ молодомъ государствѣ противъ параллельной ей власти гражданской. Она, большею частью, устраняется отъ производства ревизій по духовному вѣдомству, отъ ревизій и слѣдствій по епархіямъ, отъ участія въ законодательныхъ комиссіяхъ. Св. Синодъ робко и смиренно ходатайствуетъ предъ Сенатомъ о смягченіи жестокихъ взысканій, какимъ подвергалось духовенство за ненамѣренное несоблюденіе имъ присяги Аннѣ Юанновнѣ, и противъ строгости разборовъ духовенства ея времени и времени Елизаветы Петровны,—не разъ безуспѣшно хлопочетъ объ освобожденіи духовенства отъ низкихъ повинностей (напр., въ 1726 и 1736 гг.) и объ увеличеніи приходскихъ штатовъ; откровенно жалуется Сенату на безсиліе своей судебной власти предъ Преображенскимъ приказомъ, который „зѣло дерзостно“ беретъ подъ арестъ духовныхъ людей по такимъ дѣламъ, которыя „не такъ преображенской канцеляріи, какъ синодальному разсужденію подлежатъ“; и поступаетъ такъ не только безъ предварительнаго сношенія съ нимъ—Синодомъ, но и не отдавая ему никакого отчета послѣ. „Чрезъ это, добавляетъ Синодъ, чинится св. Правительствующему Синоду уничтоженіе, а духовнымъ людямъ наносятся немалые убытки и озлобленія“. Сенатъ подтверждаетъ судебныя права Синода и издаетъ указы *не обижать* духовныхъ людей. Но проходитъ немного времени, и снова появляются синодскіе протесты про-

тивъ новыхъ вмѣшательствъ свѣтскихъ властей въ церковное вѣдомство, а за ними слѣдуютъ опять тѣ же сенатскіе указы... „Церковное вѣдомство среди губерніи по своимъ правамъ было, какъ бѣльмо на глазу, для губернатора и воеводъ, было какой то олицетворенной претензіей на независимость, вѣчной помѣхой поперекъ дороги, по которой разгуливалъ ихъ произволь, и этимъ самымъ постоянно подмывало ихъ показать свою хозяйственную власть“ (Знаменскій). Пользуясь слабостью духовной власти—особенно на окраинахъ Россіи, губернаторы, воеводы, атаманы и т. п. начальственные лица, дѣйствительно, хозяйничали въ церковныхъ дѣлахъ, требуя себѣ послушанія отъ духовенства, „не взирая и не отговариваясь св. прав. Синодомъ“ ¹⁾. Свой произволь они показывали не только на священникахъ, но и на архіереяхъ. Нерѣдко бывали случаи, что они забирали священниковъ въ свѣтскія команды—иногда прямо изъ храма или изъ церковной процессіи и всегда безъ всякаго сношенія съ духовной властью, распоряжались ими по своей волѣ, держали подъ арестомъ, сбѣкли и били, хотя бы они защищались дароносицей, отбирали у нихъ церковныя земли, церковныя и кружечныя доходы, не отдавая, разумѣется, никому отчета; сами управляли окружнымъ духовенствомъ, отрѣшая членовъ причта отъ церковныхъ должностей. Безчинства и презрѣніе ихъ въ отношеніи къ духовенству доходили до такой степени, что они ничто же сумняся входили въ церкви на кафедру и произносили съ нея поученія буточникамъ, а духовныхъ людей поколачивали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ—и въ ихъ приходахъ и при встрѣчахъ съ ними на проѣзжей дорогѣ. Малѣйшій протестъ архіереевъ противъ безчинствъ надъ духовными людьми свѣтскіе начальники встрѣчали бурей негодованія, раздували его въ ссоры, которыя вели съ какимъ то какъ бы наслажденіемъ,—не стыдились при этомъ оскорбить архіерея „прескаредными

¹⁾ См. у Знаменскаго въ лит. соч., Правосл. Собесѣдникъ 1872 г., кв. I, стр. 451.

словами“ (въ родѣ—бездѣльника, чорта, какъ называлъ полковникъ Лизогубъ архіепископа Иродіона Жураковскаго) и даже публичными побоями и, что особенно печально, рѣдко-рѣдко не торжествовали своей побѣды надъ ними въ ихъ гибели. Выведенные изъ терпѣнія такими обидами со стороны свѣтской власти, священники жаловались на нее Синоду, а Синодъ—Сенату, но удовлетворенія не получали. Нужно при этомъ замѣтить, что и немного среди духовенства находилось такихъ священниковъ, которые набирались храбрости обжаловать обиды своихъ притѣснителей. Большинство же не рѣшалось на такой шагъ, частію за неимѣніемъ средствъ къ веденію длиннаго судебного процесса, частію потому, что не только не надѣялось получить удовлетвореніе своей жалобы, но еще боялось, какъ бы не попасть за нее подъ плети своихъ же обидчиковъ, или не быть забытымъ въ большую колодку и, вообще, не потерпѣть еще бѣльшихъ притѣсненій отъ нихъ. Вотъ почему челобитчики иногда сами шли на мировую со своими обидчиками.

Обиды и притѣсненія, какія постоянно терпѣло духовенство со стороны недостойныхъ носителей и представителей свѣтской власти, безсиліе духовной власти защитить его отъ этихъ обидъ—давали полный просторъ для всякихъ издѣвательствъ надъ причтами со стороны помѣщиковъ—этихъ вѣзаконныхъ людей въ приходахъ! Если въ царствованіе Екатерины II-ой, когда правительство замѣтно старалось подавить произволъ помѣщиковъ въ ихъ отношеніи къ духовенству, встрѣчались случаи самаго грубаго обхожденія ихъ даже съ архіереями, если, напр., святитель Тихонъ Задонскій получаетъ оскорбленіе дѣйствіемъ (пощечину) отъ помѣщика, котораго онъ рѣшился обличить за увлеченіе либеральными идеями, то что сказать объ отношеніи къ духовенству помѣщиковъ ранняго времени—періода временниковъ въ государствѣ? Всѣ они трактовали церковные причты своихъ сель наравнѣ съ своими мужиками и поступали съ ними, какъ хотѣли. Совсѣмъ не рѣдкостью, а чуть ли не обычнымъ явле-

ніемъ было, что они самочинно распоряжались дѣлами по церкви, бранили священно-служителей даже во время совершенія ими литургіи, сѣкли—били ихъ до полусмерти, хотя бы они имѣли при себѣ св. дары; бывали случаи, что устраивали скандалы въ семьяхъ духовныхъ людей и пр. Духовенство не смѣло въ присутствіи помѣщиковъ „быть съ покровенною головою“. Не смотря на строгость наказаній, какимъ подвергались обидчики людей духовнаго чина при благочестивой имп. Елизаветѣ Петровнѣ, самыя обиды въ это и послѣдующее время повторялись едва ли не чаще прежняго, потому что многіе дворяне, получивъ служебную отставку, а потомъ вольность, дарованную дворянству, возвратились въ свои помѣстья и зажили въ нихъ, можно сказать, безвыѣздно. Естественно, что теперь, при постоянномъ пребываніи помѣщиковъ въ своихъ приходсахъ, умножились и случаи столкновенія ихъ съ приходскими церковными причтами. Въ 1769 году св. Синодъ доносилъ Сенату, что „нѣкоторые помѣщики священно и церковно-служителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляютъ, на противу-же того обиженные—иные отъ свѣтскихъ командъ по просьбамъ своимъ удовольствія не получаютъ, а другіе, по причинѣ своего неимущества, отъ суднаго по формѣ процессъ отрицаются“. Но они отрицались отъ жалобъ еще изъ боязни быть высѣченными на барской конюшнѣ, по волѣ расходившагося во гнѣвѣ помѣщика. Безсильный вопль на невыносимыя страданія отъ разныхъ властей и помѣщиковъ духовенство отчасти изливало участіемъ въ народныхъ волненіяхъ.

Участіе въ народныхъ волненіяхъ дорого стоило духовенству; всякій разъ оно накликало на него придиричивыя преслѣдованія со стороны всякихъ властей и въ конецъ ухудшало его жалкое положеніе. Нужно имѣть въ виду, что съ самаго начала XVIII вѣка духовенство встрѣчало къ себѣ явное недовѣріе и нерасположеніе правительства. Открытые и глухіе протесты народа противъ реформъ и несимпатичныхъ ему курляндскихъ правителей всегда приписывались инициативѣ ду-

ховенства (хотя бы ея и не было на самомъ дѣлѣ), которое, при старинномъ религіозномъ строѣ русской жизни, стояло во главѣ общества, а теперь, когда старину стали ломать и когда явились на престолѣ несимпатичные обществу правители, естественно стало и во главѣ протестовъ. Нѣкоторое участіе духовныхъ людей въ дѣлѣ царевича Алексія и царицы Евдокии неслуженіе или несвоевременное служеніе (по забвенію, немощи) царскихъ молебновъ и панихидъ по табели 1734 года, несоблюденіе вѣрноподданнической присяги царицѣ Аннѣ, Иоанновнѣ, участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ и пр. поддерживали нерасположеніе и недоувѣріе правительства къ духовенству и поставили его подъ самый придирчивый надзоръ свѣтскихъ властей. Если ужъ въ гуманное, сравнительно, время Екатерины II-й все духовенство объявлено было политически неблагонадежнымъ за участіе нѣкоторыхъ его членовъ въ Пугачевщинѣ и запугано было не только угрозою, что всякій священнослужитель лишенъ будетъ священства и подвергнется гражданскому суду „въ самый тотъ часъ“, когда пристанетъ къ бунтовщикамъ, но и безпощаднымъ исполненіемъ этой угрозы ¹⁾, то что сказать о политическихъ розыскахъ ранняго и болѣе грубаго времени въ духовенствѣ? Ревность о благѣ государства, болшею частью служившая только прикрытіемъ страсти къ доносамъ („слово и дѣло“) и желанія выслужиться предъ начальствомъ, порождала иногда такіе придирчивые политическіе процессы, что „извѣстія о нихъ можно было бы счесть басней, если бы они дошли до насъ не въ официальныхъ документахъ“. Теперь только стоило священнослужителю, напр., споткнуться при произнесеніи эктени о царской фамиліи, или опустить прошеніе, которое только самая изобрѣтательная голова могла истолковать въ отношеніи къ государственнымъ порядкамъ („о плавающихъ“ о флотѣ), или какъ нибудь по неосторожности разорвать неисправный синодикъ, въ которомъ среди другихъ именъ

¹⁾ Знаменскій, цит. соч., Правосл. Соб. 1872 г. кн. II, стр. 172.

были и имена царскихъ особъ,—довольно было какъ нибудь невзначай выразить непочтеніе къ сановитой особѣ или даже къ его только портрету, употребить о себѣ въ формальной бумагѣ выраженія—„мы, наше“, которыя имѣють право употреблять, будто бы, только царственныя особы.—какъ онъ уже становился политическимъ преступникомъ въ глазахъ всюду сновавшихъ и подглядывавшихъ за нимъ ревнителей государственнаго блага и привлекался къ суду—въ началѣ XVIII вѣка страшному и волокитному суду Преображенскаго приказа, а послѣ—епархіальному суду, который наказывала преступника тѣми-же плетями, что и Преображенскій приказъ. Впрочемъ, епархіальная власть, напуганная подозрительностью правительства, зачастую не рѣшалась разбирать политическую преступность оговоренныхъ въ ней духовныхъ лицъ и продолжала сдавать ихъ то въ св. Синодъ, то въ тайную канцелярію,—вслѣдствіе чего виновные подвергались по одному и тому же оговору наказаніямъ въ двухъ вѣдомствахъ. Какъ страшны и томительны были иногда политическіе розыски, можно видѣть изъ того, что во время безконечныхъ и придирчивыхъ допросовъ одинъ, напр., архимандритъ (Ивановскаго монастыря Іоаннъ) пришелъ въ полное отчаяніе и повѣсился. Вообще, духовенство много страдало въ XVIII вѣкѣ по политическимъ оговорамъ и винамъ, страдало, часто не зная за собою никакихъ винъ, и въ этихъ неповинныхъ страданіяхъ видѣло уже гоненія на св. православную вѣру и Церковь. Оно такъ привыкло видѣть униженіе и недовѣріе къ себѣ со стороны правительства, что много дивилось и недоумѣвало по поводу учрежденія для него царскихъ наградъ при имп. Екатеринѣ II-й.

Приниженное и опальное положеніе духовенства въ государствѣ совершенно оторвало духовенство отъ общества. Реформированное общество смотрѣло на него очень низко и трактовало его на ряду со всѣми приверженцами старины, которыхъ отъ души презирало. Въ вѣкѣ Екатерины, вѣкѣ пышнаго аристократизма, французскаго образованія, услов-

наго дворянскаго этикета, вѣкъ порабощенія низшихъ классовъ высшему, духовное лицо до того унизилось, до того сдѣлалось „подлымъ“, что его презирало, надъ нимъ издѣвалось образованное общество, въ которомъ ругнуть попа считалось даже признакомъ хорошаго тона и свободнаго отъ суевѣрій образованія (Знаменскій). Ни одинъ порядочный дворянинъ самъ не могъ поступить въ духовное званіе изъ одного шляхетскаго гонора; ему претило стать рядомъ съ униженнымъ, безправнымъ, поклончивымъ и забитымъ пастыремъ. Указъ 1744 года, говоря объ опредѣленіи во священство кадетовъ, почелъ нужнымъ замѣтить, чтобы этого никто не ставилъ имъ и ихъ фамиліямъ въ безчестіе. Но едва-ли много было примѣровъ, чтобы кто-нибудь изъ дворянъ воспользовался этимъ закономъ для перехода въ духовное званіе. Предположеніе наше подтверждается фактомъ обратнаго свойства: дворяне бѣгутъ изъ духовнаго званія и при томъ въ позднѣйшее время, когда общественное положеніе духовенства улучшилось. Въ 1803 году одинъ студентъ Петербургской духовной академіи Андруцкій, дойдя до философіи, неожиданно узналъ, что онъ — дворянинъ Кіевской губерніи. Тогда онъ, нисколько не медля, оставилъ и философію и школу, чтобы „избрать новый родъ жизни, соотвѣтствующій его склонностямъ, равно и правамъ, предоставленнымъ благородному дворянству“¹⁾. Если и вступали въ духовное званіе дворяне, то это были натуры исключительныя, стоявшія выше толпы во взглядахъ, принимавшія священство по какимъ либо особеннымъ побужденіямъ, напр. душевному влеченію къ церковному служенію. Такихъ людей было, конечно, немного, такъ что аббатъ Шапигъ не далекъ отъ истины, когда говоритъ, что „дворяне въ Россіи никогда не вступаютъ въ духовное званіе“²⁾.

Но и изъ простецовъ едва ли находилось много охотниковъ принять священный санъ. Никто не врагъ себѣ. А ме

¹⁾ Знаменскій, цит. соч., Правосл. Соб. 1872 г., кн. II, стр. 177.

²⁾ С. Трегубовъ. Религіозный бытъ русскихъ и состояніе духовенства въ XVIII вѣкѣ. См. Тр. К. Д. А. 1884 г., т. III, стр. 47.

жду тѣмъ такимъ врагомъ легко было сдѣлаться, вступивъ въ духовное званіе, которое часто безъ причины все презираютъ, людей котораго быють и сѣкутъ и свѣтскія и духовныя власти и особенно помѣщики; которое ненавидятъ крестьяне за „дозоръ“ и доносы, вмѣненные пастырямъ въ обязанность. Мы поймемъ весь вредъ, какой потерѣло духовенство отъ приказнаго значенія, усвоеннаго ему правительствомъ, если примемъ во вниманіе широту той оппозиціи, которая возникла въ русскомъ народѣ изъ за преобразованій Петра и жестокостей крѣпостного права и охватила собою всю народную массу. Служитель церкви становился теперь въ глазахъ народа не приверженцемъ религіи и его защитникомъ, а еретикомъ и его противникомъ. Такимъ образомъ, духовенство осталось совершенно одинокимъ, безъ всякаго сочувствія и поддержки со стороны, и должно было замкнуться въ узкомъ кружкѣ своего сословія.

Презрѣніе общества къ духовенству стѣсняло, въ свою очередь, и добровольный выходъ духовныхъ людей въ свѣтское званіе. Ихъ всегда узнавали, какъ бы ни старались они скрыть прочную печать своей приниженой, забитой „породы“, въ которой высшее общество не предполагало уже ничего хорошаго, благороднаго, цивилизованнаго. Писатели XVIII вѣка¹⁾, рассказывая о разныхъ лицахъ, происходившихъ изъ духовнаго званія и отличавшихся благородными качествами, каждый разъ считаютъ нужнымъ прибавить къ своей похвалѣ выразительное: „не взирая на его породу“. Духовный человекъ, задумавшій о выходѣ изъ духовнаго званія, долженъ былъ очерствѣть сердцемъ; чтобы оно могло выдержать все то недоброжелательство и пренебреженіе, которое ожидало его на свѣтской дорогѣ. На такой мужественный шагъ способны были, конечно, не многіе духовные люди. Но они шли въ свѣтское званіе, когда само правительство предлагало имъ

¹⁾ Напр., Болотовъ, Знаменскій въ цитир. сочин., см. Правосл. Соб. 1872 г., кн. I, стр. 81.

болѣе или менѣе сносное положеніе въ немъ, что, напр., было при имп. Екатеринѣ II-й.

Итакъ, въ самой жизни русскаго духовенства и общества XVIII вѣка дѣйствовали, какъ видимъ, сильныя факторы сословнаго обособленія духовенства: наследственность духовнаго служенія и сословная формировка, а также и печально сложившійся, въ зависимости отъ той и другой, общественный и экономическій бытъ духовенства. Какъ встрѣтила эти факторы и какъ отнеслась къ нимъ администрація?

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ, Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 іюня 1902 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Борчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюля 20-го.

Содержаніе: Ильинъ день—20 іюля.—Сословное обособленіе Русскаго ду-
ховенства (продолженіе).—Предметъ, задача и цѣль проповѣди по
ученію Отцевъ и Учителей Церкви.

Ильинъ день—20 іюля.

Пламенный ревнитель по Господѣ Богъ Вседержителѣ во дни нечестиваго царя Израильскаго Ахава, еще при жизни удостоившійся чудеснаго переселенія на небо, св. пророкъ Ілія пользуется глубокимъ уваженіемъ у нашего народа. Его имя извѣстно было, какъ имя покровителя христіанъ, еще въ до-христіанскую эпоху нашей исторіи. Еще за нѣсколько де-сятковъ лѣтъ до крещенія Руси въ Кіевѣ существовалъ уже храмъ, посвященный имени св. пророка Іліи. Этотъ храмъ упоминается въ извѣстномъ договорѣ князя Игоря 944 г. и названъ у лѣтописца Нестора „сборнымъ“—въ томъ, вѣ-роятно, смыслѣ, что это была церковь общественная, приход-ская въ противоположность церквамъ домовымъ ¹⁾).

¹⁾ См. Церк. Ист. проф. Голубинскаго, т. I, стр. 61.

Къ имени и дню св. Іліи пророка приурочено не мало народныхъ вѣрованій и обычаевъ. Въ пророкъ Іліи русскій народъ изстари видитъ для себя могучаго и грознаго распорядителя самыхъ страшныхъ и благодѣтельныхъ силъ природы. Онъ посылаетъ на землю молнію, гремитъ по небу, разбѣжая въ своей колесницѣ, караетъ темныя силы ада, низводитъ на поля дождь и даетъ имъ плодородіе. Эти народныя вѣрованія относительно прор. Іліи выработались отчасти подъ вліяніемъ церковно-библейскихъ сказаній объ этомъ угодникѣ, а частію подъ вліяніемъ древне-русскихъ языческихъ представленій о грозномъ божествѣ—перунѣ.

По сказаніямъ III и IV кн. Царствъ, пророкъ Ілія былъ взятъ живымъ на небо въ огненной колесницѣ на огненныхъ коняхъ, и во время его жизни Богъ, по молитвамъ пророка, чудеснымъ образомъ низводилъ съ неба всепожирающій огонь, творилъ засуху и проливалъ дожди, подавая землѣ плодородіе. Въ апостольскомъ чтеніи, положенномъ на Ильинъ день, говорится: „Ілія былъ человекъ подобный намъ, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть мѣсяцевъ. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плодъ свой“... Въ молитвѣ, читаемой по случаю бездождія, испрашивается Божественная помощь, по ходатайству св. пророка Іліи, въ такихъ словахъ: „Ілія словомъ дождь держитъ на земли и наки словомъ съ небесе низводитъ, тѣмъ же молимъ Тя (Боже): молитвами его, щедре, пошли дожди водные земли съ небесе“... Въ церковно-богослужбныхъ канонахъ въ честь нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ встрѣчаются выраженія: „Яко на огненной колесницѣ чистою востече въ небесныя жилища... Освятитину Іліи поревновавъ, якоже сей огненною колесницею къ небеси востекъ“ и т. п. (5 пѣснь въ канонѣ препод. Макарію Желтов.)...

Подъ вліяніемъ подобныхъ указаній, въ умѣ простаго человека легко могло возникнуть и утвердиться представленіе о пророкѣ Іліи, какъ о грозномъ и могучемъ производителѣ молніи и грома, виновникѣ урожаявъ или неурожаявъ,—и это

тѣмъ болѣе, что въ народной памяти оставалось хотя неясное воспоминаніе о древнемъ языческомъ божествѣ—перунѣ, котораго предки наши представляли главнымъ распорядителемъ тѣхъ же самыхъ явленій природы, которыя связываются и съ именемъ библейскаго пророка. По мифологическимъ воззрѣніямъ древне-русскаго народа, перунъ являлся грознымъ существомъ, развѣзжавшимъ по небесному кругу въ огненной колесницѣ на огненныхъ коняхъ и постоянно метавшимъ свои стрѣлы и кремни въ темныя земныя силы. Естественно поэтому, что на основаніи такой аналогіи наши иконописцы стараго времени изображали св. пророка Ілію съ общимъ характеромъ и со всѣми почти частными атрибутами древняго перуна.

То правда, что въ настоящее время простолюдины наши совершенно не знаютъ древняго перуна, но остатокъ самыхъ вѣрованій въ это мифическое существо все же и доселѣ живетъ въ памяти народной. И доселѣ нашъ простой народъ твердо вѣритъ, что Ільинъ день никогда не проходитъ даромъ, и всегда ждетъ на это время бури или грома,—и доселѣ вѣритъ, что Ілія пророкъ не только развѣзжаетъ по небу на огненной колесницѣ и тѣмъ производитъ громъ, но и бьетъ стрѣлами огненнаго змѣя, и эти стрѣлы будто весьма полезны въ болѣзняхъ и нужны въ наговорахъ. „Молюся тебѣ, св. пророче Божій Ілія, —говорится въ одномъ наговорѣ отъ сибирской язвы,—пошли тридцать ангеловъ въ златокланномъ платьѣ съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ раба (такого то) уроки и призоры, притки и щипоты, ломоты и вѣтроносное язво“... Среди простонародья существуетъ также вѣрованіе, что въ Ільинъ день весьма грѣшно и опасно производить работы, особенно въ полѣ; вѣрованіе это находитъ для себя оправданіе въ нерѣдкихъ несчастныхъ случаяхъ молніи и грома, отъ которыхъ обыкновенно уничтожаются жилища людей, сборы хлѣбовъ и т. п. ¹⁾).

¹⁾ См. Церк.-народн. календ. Калининскаго, стр. 162.

Видя въ св. пророкъ Иліи производителя урожаяевъ, рускій простой людъ во многихъ мѣстахъ празднуетъ Ильинъ день, какъ веселый и богатый новиною праздникъ, и говоритъ о св. Иліи пророкъ, что „онъ зажинаетъ жито“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день крестьяне ставятъ на воротахъ чашку съ зернами ржи и овса, и обращаются къ священнику съ просьбою—„провеличатъ Илію на плодородіе хлѣба“.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что народный обычай чтить день св. пророка Иліи, какъ великій праздникъ, нашель для себя нѣкоторое отраженіе и на церковно-богослужебныхъ книгахъ. Въ Анологіонѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1755 и въ 1803 г. относительно службы Ильина дня сказано: „Вѣстно буди, яко въ греческихъ минеяхъ печатныхъ и уставахъ рукописныхъ, также и въ словенскихъ рукописныхъ и печатныхъ уставѣхъ положена служба Иліи пророка шестеричнаго съ Октоихомъ. Въ нѣкихъ же уставѣхъ обрѣтаются и чтенія три на вечерни и славословіе на утрени“. Нашъ „Типиконъ“ также указываетъ на двоякаго рода службу св. пророку Иліи. Одна изъ этихъ службъ имѣетъ знакъ малаго праздника (святаго, поемаго на шесть), а другая—со знакомъ праздника средняго (святаго, имущаго поліелей). И при этомъ замѣчено: „аще храмъ святаго пророка Иліи, или изволить настоятель, творимъ бдѣніе“.

Во многихъ городахъ Россіи (С.-Петербургъ, Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Тулѣ и др.) совершаются 20 іюля или наканунѣ торжественные крестные ходы ¹⁾. Въ 1864 г. принопамятный святитель Московскій Филаретъ, послѣ торжественнаго богослуженія въ Ильинъ день, спросилъ сослужившаго съ нимъ Амидскаго (въ Месопотаміи) митрополита Макарія: „празднуется ли на востокѣ съ такою торжественностію память св. пророка Иліи“? Макарій отвѣтилъ, что „на востокѣ вездѣ память св. Иліи пророка всегда праздновалась и празднуется съ преимущественною торжественностію“. Отсюда

¹⁾ Подробнѣе объ этихъ крестныхъ ходахъ см. въ „Мѣсяцесловѣ русскихъ святыхъ“ еп. Димитрія, кн. 2, стр. 326—330.¹

можно заключать, что благоговѣнное уваженіе къ памяти св. пророка Іліи древніе русскіе православные унаслѣдовали отъ восточныхъ христіанъ и что, слѣдовательно, особенности торжественнаго церковнаго празднованія Ильина дня у насъ на Руси не есть созданіе русскаго предрасудка, остатокъ суевѣрнаго почитанія перуна, какъ полагають нѣкоторые предвзятые толкователи церковныхъ обрядовъ ¹⁾.

В. С—ю.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 327.

²⁾ См. № 28 за 1902 г.

Сословное обособленіе Русскаго духовенства²⁾.

III.

Положивъ начало распредѣленію Россіи по родамъ государственной службы, администрація должна была опредѣлить границы каждаго сословія и выработать условія для перехода изъ одного сословія въ другое. При опредѣленіи границъ духовнаго служенія и условій для вступленія въ него и выхода изъ него, она сообразовалась болѣе или менѣе съ двумя главными изъ вышеуказанныхъ факторовъ сословнаго обособленія духовенства: принципомъ наслѣдственности духовнаго служенія и государственнымъ принципомъ привлеченія всѣхъ по возможности на службу государству, который легъ въ основу сословной реформы Петра. При этомъ администрація должна была ослабить значеніе приходскихъ выборовъ, насколько они мѣшали развитію наслѣдственности духовнаго служенія и, слѣдовательно, опредѣленію границъ духовнаго сословія. Въ томъ же направленіи, хотя и по другимъ соображеніямъ, дѣйствовала и духовная администрація, т. е. и она ограничивала приходскіе выборы священнослужителей, развивая наслѣдственность духовнаго служенія и тѣмъ довершая выдѣленіе духовенства въ особое сословіе.

Приходскіе выборы священниковъ, какъ проявленіе народнаго самоуправленія въ церковно-приходскихъ дѣлахъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 327.

²⁾ См. № 28 за 1902 г.

ближе всего задѣвали ревность іерарховъ къ своей іерархической власти, страдавшей при выборахъ отъ произвола крестьянъ. Тѣ же выборы, насколько они открывали доступъ къ священству людямъ неграмотнымъ и недостойнымъ этого званія въ умственномъ или нравственномъ отношеніи, задѣвали ревность іерарховъ о благѣ церкви. Нечего и говорить, что, при такихъ обстоятельствахъ, епархіальная власть имѣла весьма сильныя побужденія назначать на церковныя должности, по своему усмотрѣнію, своихъ собственныхъ кандидатовъ, болѣе испытанныхъ и надежныхъ, чѣмъ какими являлись часто приходскіе избранники. Потому-то она даже настаиваетъ, чтобы правительство вовсе запретило опредѣлять казаковъ въ духовное званіе и узаконило опредѣлять въ него дѣтей только однихъ священнослужителей. Чрезъ введеніе въ казацкихъ поселеніяхъ обычной наслѣдственности духовнаго служенія, епархіальная власть рассчитывала, между прочимъ, укрѣпить и расширить собственную власть надъ безконтрольнымъ казацкимъ духовенствомъ¹⁾. Но дѣти священнослужителей являлись наиболѣе желательными кандидатами для епархіальной власти при замѣщеніи ею церковныхъ должностей несомнѣнно потому, что они значительно превосходили большую часть приходскихъ избранниковъ изъ среды иногда темнаго народа, въ отношеніи подготовленности и способности къ церковному служенію. По крайней мѣрѣ, они были, въ большинствѣ случаевъ, люди грамотные, они, затѣмъ, съ дѣтства принимали участіе въ церковномъ богослуженіи вмѣстѣ съ своими отцами и очень рано навывкали всѣмъ церковнымъ порядкамъ.

Не только въ глазахъ іерархіи, но и въ интересахъ правительства, кандидаты на церковныя мѣста изъ наслѣдниковъ были болѣе желательными замѣстителями этихъ мѣстъ, нежели народныя избранники. Правительству нужны были относительно образованные священники, чуждые суевѣрія, съ которыми не уживалась реформа. Поэтому Петръ Великій предъ-

¹⁾ Знаменскій въ цитуем. соч., см. Правосл. Соб., 1871 г., кн. III, стр. 227.

явилъ къ архіереямъ требованіе, чтобы они, при испытаніи ставленниковъ, были „опасными и жестокими, и аще явится неумѣніе и коснотченіе дьячковъ, такимъ весьма отказывали“¹⁾. Ослушнымъ архіереямъ грозилъ гнѣвъ государя и лишеніе каедръ.

Теперь вмѣсто приходского избранія на первомъ планѣ въ ставленническомъ производствѣ становилось „разсужденіе епископле“, которое, по мѣрѣ унадка общественнаго значенія приходовъ, пріобрѣтало все большія и большія права распро- страненія и господства. Тамъ, гдѣ не было на лицо ученыхъ кандидатовъ священства, „разсужденіе епископле“ свободно склонялось на сторону неученыхъ наслѣдниковъ, не только не рискуя разойтись съ интересами правительства и вызвать его противодѣйствіе себѣ, но еще и получая отъ него санкции на такого рода дѣйствія въ особыхъ указахъ (напр., указы 1722. 1737 и 1739 гг.). Опираясь на содѣйствіе правительства, епархіальная власть назначаетъ наслѣдниковъ на церковныя должности, не взирая на протесты приходскихъ общинъ, а Стефанъ Яворскій привлекался уже къ отвѣтственности за рукоположеніе въ иконы и дьяконы тяглыхъ и неграмотныхъ лицъ изъ крестьянъ и даже бѣглыхъ людей²⁾.

Однако, правительственное требованіе образованія отъ кандидатовъ священства скоро-ли, долго-ли должно было, по-видимому, поколебать наслѣдственность и, слѣдовательно, со- словность духовнаго служенія, открывая доступъ къ нему вся- кому, получившему образованіе. Хотя, дѣйствительно, въ ука- захъ начала XVIII вѣка повелѣвалось учить въ школахъ дѣ- тей не только духовенства, но и людей другихъ сословій, кто пожелаетъ опредѣлить своихъ дѣтей въ духовное званіе; но нельзя не замѣтить, что правительственное требованіе образо- ванія „въ надежду священства“ имѣло въ виду, главнымъ об- разомъ, дѣтей духовенства. Иначе и не могло быть: распре-

¹⁾ „Законодательство Петра Великаго относительно православнаго духовенства“, см. Правосл. Соб., 1863 г., кн. II, стр. 381.

²⁾ Знаменскій, Правосл. Соб., 1872 г., кн. II, стр. 364.

дѣляя народонаселеніе Россіи по родамъ государственной служ-
бы и общественной дѣятельности, правительство должно было пре-
доставить духовное званіе однимъ духовнымъ людямъ, а дру-
гихъ отвлекать отъ него, „чтобы отъ уклоненія лишнихъ лю-
дей въ духовенство въ государевѣ службѣ не было умале-
нія“ ¹⁾. Поэтому, въ самомъ требованіи образованія отъ буду-
щихъ пастырей церкви правительство стремится замкнуть ду-
ховенство въ особое сословіе. Одно только условіе освобож-
дало дѣтей духовенства отъ поступленія въ духовное званіе—
„если они не похотятъ учиться въ духовныхъ школахъ“ ²⁾.—
но это обстоятельство за то и обрекало ихъ на солдатскую
службу. Эта мѣра, какъ очевидно, направлена была не къ
прекращенію наследственности духовнаго служенія и ослаб-
ленію или расторженію замкнутости духовнаго сословія,—а,
напротивъ, къ понужденію дѣтей духовенства готовиться имен-
но къ духовной службѣ. Съ этой цѣлю Петръ Великій не-
однократными указами повелѣвалъ набирать чрезъ военный
приказъ поповыхъ, дьяковыхъ и причетническихъ дѣтей въ
греческія и латинскія школы—учиться „въ надежду священ-
ства на отцехъ и другія мѣста“ ³⁾. Когда съ 1714 года от-
крылись цифирныя школы при архіерейскихъ домахъ и знат-
нѣйшихъ монастыряхъ, то онѣ наполнялись почти исклю-
чительно дѣтьми духовенства, которыя теперь, очевидно, уже не
бѣгутъ отъ образованія, напугавшись безъ него остаться безъ
мѣста или попасть въ солдаты ⁴⁾. Съ 1722 года эти школы
закрывались, большею частью соединяясь съ архіерейскими,
которыя открыты были для образованія дѣтей духовенства. по
требованію Духовнаго Регламента. Въ первой половинѣ XVIII в.
явились, наконецъ, духовныя училища и семинаріи съ специ-
альнойю, исключительной цѣлю приготовленія духовнаго юно-

¹⁾ „Состояніи русскаго духовенства въ XVIII в.“, см. Правосл. Соб., 1862 г., ч. II, стр. 14.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ „Законодательство Петра Великаго относительно православнаго духовенства“, см. Правосл. Соб., 1863 г., ч. II, стр. 388.

шества въ надежду священства. Эти училища довершили замкнутость духовенства, которое теперь отдѣлялось отъ другихъ сословій въ самомъ образованіи. Правда, въ половинѣ XVIII вѣка, пока не было еще ни Московскаго университета, ни народныхъ училищъ и гимназій, не запрещалось и свѣтскимъ лицамъ отдавать своихъ дѣтей въ духовныя школы ¹⁾. Петръ Великій разрѣшалъ и приказывалъ, „чтобы и градскіе лучшіе приказные люди и дворяне отдавали своихъ дѣтей въ Московскую академію“. Въ 1756 году въ академію поступило, по опредѣленію Сената, за одинъ разъ 158 человекъ дворянскихъ дѣтей, а также подъяческихъ, канцелярскихъ, дяческихъ, солдатскихъ и конюховыхъ ²⁾. Равнымъ образомъ, и воспитанники духовныхъ семинарій и Московской академіи въ половинѣ XVIII вѣка иногда поступали, а иногда даже и вызывались для поступленія, въ свѣтскія, напр. медицинскія, школы, за отсутствіемъ сколько-нибудь грамотныхъ людей въ другихъ сословіяхъ. Въ числѣ первыхъ профессоровъ Московскаго университета видимъ воспитанниковъ Московской академіи, напр. Поповскаго, Барсова и др. ³⁾. Въ народныхъ училищахъ, которыя начали устраиваться въ царствованіе имп. Екатерина II, много было учителей изъ семинаристовъ. Но все это были неизбѣжныя на первый разъ исключенія изъ общаго правила и стремленія правительства XVIII вѣка, господствующей идеей котораго (правительства) тогда было отдѣлать духовное сословіе отъ свѣтскихъ. Законодательство первой половины XVIII вѣка, въ эту переходную эпоху, вообще, часто отличалось противорѣчіемъ, непостоянствомъ, колебаніемъ, на что жаловались въ 1767 году и депутаты, засѣдавшіе въ коммисіи для составленія новаго уложенія ⁴⁾. Не удивительно поэтому, если и въ распоряженіяхъ правительства относительно духовенства того времени замѣчаются шаткость и противорѣ-

¹⁾ „Состояніе рускаго духовенства въ XVIII в.“, См. Правосл. Соб., 1862 г., ч. II, стр. 24

²⁾ Тамъ же, стр. 24.

³⁾ Тамъ же, стр. 25.

⁴⁾ Тамъ же.

чіе. Даже въ то самое время, когда правительство, за отсутствіемъ свѣтскихъ училищъ, иногда еще позволяло принимать въ духовныя школы дѣтей разночинцевъ, а духовныхъ дѣтей— въ свѣтскую службу, уже въ это время оно издавало указы, рѣшительно запрещавшіе принимать дѣтей свѣтскихъ лицъ въ духовныя школы, а духовное юношество въ гражданскую службу¹⁾, допуская, впрочемъ, послѣднее на канцелярскую службу духовнаго вѣдомства. Духовенство и съ этой стороны, такимъ образомъ, замыкалось въ особый міръ, гдѣ всѣ должности замѣщались почти исключительно своими людьми²⁾. Само начальство духовно-учебныхъ заведеній уже въ половинѣ XVIII вѣка дѣлало ограниченія при принятіи въ свои училища лицъ свѣтскаго званія, желавшихъ поступить въ нихъ³⁾. Оно не увольняло и своихъ учениковъ, желавшихъ учиться въ свѣтскихъ училищахъ и исключиться изъ духовнаго званія⁴⁾. Съ возрастаніемъ Московскаго университета, съ умноженіемъ народныхъ училищъ и гимназій, съ успѣхами и развившимся въ обществѣ предпочтеніемъ свѣтскаго образованія предъ духовнымъ, всѣ духовно-учебныя заведенія, за исключеніемъ южно-русскихъ, приняли во второй половинѣ XVIII вѣка исключительное значеніе спеціально-духовныхъ школъ по своему составу, и замкнулись отъ общества. И выходъ дѣтей духовнаго званія въ другой родъ жизни сталъ съ этого времени весьма затрудненъ и не возможенъ безъ увольненія Св. Синодомъ, а иногда и безъ Высочайшаго соизволенія и требованія⁵⁾. Указомъ 1784 года было подтверждено, „чтобы во священники и дьяконы отнюдь никого не производить, кромѣ семинаристовъ“. Семинаристамъ же, пока они еще учились, назначались уже священно и церковно-служительскія мѣста, съ

¹⁾ Напр. указы 1731 и 1732 гг. См. въ цитуемомъ соч. проф. Знаменскаго, Правосл. Соб. 1872 г., кн. II, стр. 198, а также примѣч. 141.

²⁾ Тамъ же, Правосл. Соб. 1872 г., кн. I, стр. 199.

³⁾ Тамъ же, стр. 102—104, 199—203, 276—279, 280.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 280, примѣч. 144.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 202—204

которыхъ они получали доходы „для содержанія своего и поощренія къ высшимъ наукамъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, симпатіи іерарховъ къ наслѣдникамъ духовнаго служенія свободно находили для себя выраженіе при замѣщеніи церковныхъ должностей. Іерархія твердо борется теперь съ злоупотребленіями приходскихъ общинъ при выборахъ членовъ клира, имѣя своихъ ученыхъ кандидатовъ, апробованныхъ правительствомъ. Приходскимъ общинамъ часто уже не подъ силу становится эта борьба, и онѣ невольнo уступаютъ епархіальной власти²⁾, отказываясь отъ своихъ избранниковъ въ пользу священниковъ, назначенныхъ архіереемъ. По немногу и парохіане уступаютъ епархіальной власти свое право выбора священнослужителей для своихъ приходовъ. Епархіальные архіереи свободно стали теперь предоставлять церковныя мѣста духовнымъ сиротамъ и вообще дѣтямъ священнослужителей—даже такихъ, которые лишены были священнаго сана за свои вины. Самъ Св. Синодъ указомъ 1767 года узаконялъ наслѣдственный порядокъ замѣщенія церковныхъ должностей. Сильное развитіе наслѣдственнаго начала въ замѣщеніи церковныхъ должностей повело за собою, какъ мы видѣли, многія злоупотребленія со стороны наслѣдниковъ. Частнымъ указомъ 1718 года Св. Синодъ запрещалъ продажу церковныхъ мѣстъ, а указомъ 1768 года прямо и рѣзко даже осуждалъ современный ему порядокъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ приходскимъ церквамъ. Но мѣръ противъ него, кромѣ надзора епархіальной власти за наслѣдственной передачей церковныхъ мѣстъ, указать не могъ: въ предоставленіи церковныхъ должностей наслѣдникамъ онъ видѣлъ, очевидно, единственно—возможное тогда средство милосердія къ духовнымъ сиротамъ и вдовицамъ, которое не хотѣлъ упразднить.

¹⁾ Тамъ же, Правосл. Соб. 1871 г., кн. III, стр. 457.

²⁾ Знаменскій въ цит. сочиненіи. См. Правосл. Соб., 1871 кн. III, стр. 181.

Утвердивъ на такихъ основаніяхъ принципъ наслѣдственности духовнаго служенія, церковная администрація энергично отстаивала его противъ искателей священства изъ постороннихъ людей и дѣятельно, такимъ образомъ, создала сословное обособленіе духовенства. Если она и отступала иногда отъ этого принципа, то по необходимости, не имѣя кандидатовъ на церковныя должности изъ духовнаго юношества.

Остановимся на этомъ странномъ явленіи и сдѣлаемъ попытку уяснить себѣ, какъ это происходило, что не хватало въ духовномъ сословіи кандидатовъ на церковныя должности, не смотря на его переполненіе?

Въ цѣляхъ сокращенія духовенства и прикрѣпленія его къ приходскимъ церквамъ, правительство XVIII вѣка производило особыя росписи или ревизскія сказки о людяхъ, принадлежащихъ къ духовному званію. Въ основѣ этихъ росписей до 1784 года лежала принадлежность духовныхъ людей къ числу дѣйствительно служащихъ въ церкви, включая въ это число двоихъ священническихъ сыновей; а съ 1784 года въ основу этихъ росписей была положена не столько эта принадлежность, сколько степень образованія членовъ духовныхъ семей. Неясность этого принципа для опредѣленія границъ духовнаго сословія давала широкій произволъ ревизскимъ чиновникамъ при зачисленіи тѣхъ или другихъ лицъ духовнаго происхожденія въ дѣйствительный составъ духовнаго сословія и повлекла за собою ужасное опустошеніе его, послѣ котораго въ духовномъ сословіи оставались иногда только одни священнослужители; всѣ же остальные духовные люди и дѣти ихъ зачастую оказывались отчисленными или въ военную службу, или въ подушный окладъ, смотря по возрасту и состоянію ихъ здоровья. Вслѣдствіе такой строгости разборовъ духовенства, въ разныхъ епархіяхъ оказывался недостатокъ священнослужителей, и многія церкви оставались безъ приходскихъ священниковъ. Епархіальная власть замѣщала эти праздныя церковныя мѣста или безмѣстными священнослужи-

телями, оставшимися безъ мѣста за сокращеніемъ приходскихъ штатовъ, или достойными кандидатами изъ другихъ епархій, гдѣ оказывался въ нихъ излишекъ, или—и это въ крайнемъ случаѣ—людьми изъ другихъ сословій. Правительство очень охотно разрѣшало епархіальной власти замѣщеніе церковныхъ должностей перваго рода людьми, даже побуждало ее къ этому, потому что тяготилось ими, не имѣя возможности привлечь ихъ ни къ какому другому роду службы,—съ другой же стороны и потому, что изъ-за нихъ теряло служилыхъ людей, вмѣсто нихъ назначаемыхъ на церковныя должности,—что, разумѣется, было не выгодно для него ¹⁾; не препятствовало и вторыхъ переводить изъ одной епархіи въ другую—для замѣщенія ими праздныхъ церковныхъ мѣстъ послѣдней ²⁾. Что же касается постороннихъ людей, то правительство крайне неохотно отпускало ихъ въ духовное званіе—даже тогда, когда недостатокъ кандидатовъ священства сказывался въ духовенствѣ въ теченіе долгаго времени и когда подобное запрещеніе сопровождалось явнымъ вредомъ для церкви. Такъ, Сенатъ уважилъ просьбу Св. Синода о дозволеніи посвятить свѣтскихъ людей на церковныя должности въ Тобольской, Астраханской и Иркутской епархіяхъ только „ради крайней во священствѣ нужды и неимущества у многихъ церквей священно и церковно-служителей“ ³⁾—и то подъ условіемъ, если прихожане сами обяжутся вносить за посвященныхъ подушный окладъ и нести рекрутскую повинность. Впрочемъ, тоже правительство указомъ 1714 года разрѣшало даже кадетамъ, т. е. младшимъ братьямъ дворянскихъ фамилій, вступать въ бѣлое духовенство, а указомъ 1724 года позволяло избирать священниковъ и дьяконовъ изъ пашенныхъ крестьянъ, если не будетъ годныхъ на эти должности изъ церковниковъ. Но это были исключенія изъ общаго правила, по которому до-

¹⁾ Правосл. Соб., 1871 г., кн. III, стр. 256, 258 и др.

²⁾ „О поступленіи въ Россію на церковныя должности“, См. Правосл. Соб., 1866 г., ч. II.

³⁾ Знаменскій въ цит. соч., Правосл. Соб. 1871 г., кн. III, стр. 223—224.

ступъ свѣтскихъ людей къ духовному званію ограничивался въ XVIII вѣкѣ разными стѣснительными условіями—испрошеніемъ на то разрѣшенія у Св. Синода и Сената, представленіемъ увольнительныхъ видовъ—служилыми людьми отъ ихъ начальствъ, а крестьянами отъ ихъ господъ и обществъ; при этомъ крестьяне обязывались представлять еще удостовѣреніе отъ своихъ обществъ о согласіи ихъ платить за нихъ подушный окладъ до самой ихъ смерти. При такихъ условіяхъ, конечно, очень немногіе изъ свѣтскихъ людей получали возможность поступать въ духовное званіе.

(Продолженіе будетъ)

Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви ¹⁾.

3. Св. Іоаннъ Златоустъ.

Святый Іоаннъ Златоустъ въ своемъ трактатѣ „О священствѣ“ указываетъ на высокое значеніе проповѣди въ жизни христіанина. Онъ говоритъ, что „учитель долженъ сѣять каждодневно, чтобы слово ученія, по крайней мѣрѣ по самой непрерывности, могло удерживаться въ слушателяхъ“ ²⁾. „Для души послѣ дѣль, по его словамъ, остается одно средство, одинъ способъ лѣченія—ученіе словомъ. Вотъ орудіе, вотъ пища, вотъ благораствореніе воздуха! Это вмѣсто лѣкарства, это вмѣсто огня и желѣза. Настоишь-ли надобность прижигать или отсѣкать—необходимо должно прибѣгать къ слову. Если оно нисколько не подѣйствуетъ, все прочее остается недѣйствительнымъ. Имъ мы возставаемъ падшую, укрощаемъ волнующуюся душу, отсѣкаемъ излишки, восполняемъ недостатки и совершаемъ все другое, что служитъ къ здравію души нашей. Жизнь другихъ можетъ возбудить въ душѣ ревность къ

¹⁾ См. № 28 за 1902 г.

²⁾ Слова Іоанна Златоуста „О священствѣ“, перев. Колоколова, изд. 2 е, 1874 г., стр. 121.

обращенію на лучшій путь жизни; но когда душа страдаетъ болѣзнію неправыхъ догматовъ, въ этомъ случаѣ ничто столько не полезно, какъ слово, не только для безопасности своихъ, но и для войны съ противниками“¹⁾.

О чемъ же долженъ говорить проповѣдникъ? Предметъ проповѣди, по ученію Іоанна Златоуста, должно составлять раскрытіе истинъ христіанскаго вѣроученія, потому что общая цѣль священства состоитъ въ попеченіи о спасеніи людей. Такъ понималъ цѣль священства самъ св. Златоустъ и такой взглядъ свой проводилъ во всей своей пастырской дѣятельности. Онъ выказалъ много усердія въ распространеніи христіанской вѣры. Напримѣръ, извѣстны его заботы о церкви готской, объ уничтоженіи язычества въ Палестинѣ и, особенно, заботы его о распространеніи евангелія въ Финикіи. Находясь даже въ заточеніи, онъ не переставалъ заботиться о финикійской проповѣди, часто писалъ письма къ трудившимся тамъ проповѣдникамъ, увѣщевая ихъ трудиться тѣмъ съ большею ревностію, чѣмъ больше предстояло трудностей и опасностей²⁾.

Соотвѣтственно общей цѣли пастырства Іоаннъ Златоустъ требовалъ, чтобы пастырь Церкви непременно имѣлъ ясныя и опредѣленные свѣдѣнія относительно догматовъ вѣры. „Тотъ, говоритъ онъ, кто принялъ на себя обязанность учить другихъ, долженъ быть болѣе всѣхъ опытенъ въ спорахъ. Положимъ, что самъ онъ останется въ безопасности и не потерпитъ никакого вреда отъ противниковъ: но это множество простого народа, находящагося подъ его властію, когда увидитъ, что вождь ихъ побѣжденъ и не можетъ ничего болѣе говорить противорѣчащимъ, будетъ винить въ этомъ пораженіи не его слабость, а нетвердость самаго ученія... Кратко сказать: пораженіе наставника поднимаетъ такую бурю въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 90.

²⁾ „Письма Св. Іоанна Златоуста къ разнымъ лицамъ“, къ Николаю—53, Геронтію пресвитеру—54, къ финикійскимъ пресвитерамъ—123.

душахъ ихъ, что бѣдствіе оканчивается кораблекрушеніемъ“¹⁾. Итакъ, пастырь церкви долженъ быть твердо наученъ въ истинахъ вѣры. Въ противномъ случаѣ для него трудно будетъ бороться съ еретиками и лжеучителями, которые нападаютъ на христіанское ученіе и стараются опровергнуть его²⁾. А между тѣмъ задача проповѣди и состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть истинное христіанское ученіе и доказать ложность взглядовъ еретиковъ на это ученіе. Вотъ слова Іоанна Златоуста о томъ, въ чемъ должна состоять задача христіанской проповѣди. „Всѣми силами должно стараться о томъ, пишетъ Златоустъ, чтобы слово Христово вселилось въ насъ обильно (Колос. 3, 16). Мы готовимся не къ одному роду сраженія. Война у насъ разнообразна. Ее воздвигаютъ различные враги. Притомъ не всѣ они дѣйствуютъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ и нападаютъ на насъ не одинаковымъ образомъ. Слѣдовательно, кто намѣревается вести войну со всѣми, тому должны быть извѣстны всѣ искусственные роды сраженій“³⁾. Такимъ образомъ, даръ слова необходимъ для пастыря церкви, какъ въ борьбѣ съ еретиками и лжеучителями, такъ и въ убѣжденіи присныхъ въ вѣрѣ.

Относительно внѣшней отдѣлки проповѣди Іоаннъ Златоустъ замѣчаетъ: „Люди, по большей части, привыкли слушать не для пользы, а для удовольствія, и какъ бы представляютъ изъ себя судей“... А потому „искусство слова становится здѣсь гораздо болѣе необходимымъ, нежели у софистовъ, когда они спорятъ другъ съ другомъ“⁴⁾. Но, съ другой стороны, не хорошо и то, если проповѣдникъ „прельщается славою и рукоплесканіями“; въ этомъ случаѣ онъ „подвергаетъ и себя и народъ одинаковому вреду: гоняясь за похвалами, старается говорить болѣе для удовольствія, нежели для пользы слушающихъ“⁵⁾. „Принявшій на себя подвигъ учитель-

¹⁾ Слова „О священствѣ“, стр. 103.

²⁾ Тамъ же, стр. 94—95.

³⁾ Тамъ же, стр. 91.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 106.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 107.

ства, поучаетъ св. Златоустъ въ другомъ мѣстѣ, не долженъ смотрѣть на похвалы другихъ и ослабѣвать духомъ, когда онъ не слышитъ ихъ. Если трудящійся въ словѣ въ угодность Богу (вотъ что должно служить ему единственнымъ правиломъ и единственною цѣлю ревностнаго труда, а не рукоплесканія и похвалы) одобряется людьми, пусть не отвергаетъ одобреній; если же не получаетъ ихъ отъ слушателей, пусть не ищетъ, не печалится. А кто будетъ водиться при страстиемъ къ безразсуднымъ похваламъ, тотъ не получитъ никакой пользы ни отъ великихъ трудовъ своихъ, ни отъ силы своего слова, тѣмъ болѣе, что душа, не умѣющая переносить бессмысленныхъ обвиненій народа, слабѣетъ и теряетъ охоту трудиться въ словѣ“¹⁾.

„Главнѣйшая цѣль проповѣди, по руководству Іоанна Златоуста, та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ“²⁾. „Спасеніе наше пастырь не иначе можетъ содѣвать, или не иначе можетъ возрождать насъ въ жизнь вѣчную, по выраженію Іоанна Златоуста, какъ только соединя молитву съ ученіемъ“³⁾. Этимъ путемъ „священники рождаютъ дѣтей для жизни небесной“⁴⁾. Но одной проповѣди не достаточно для достиженія означенной цѣли. Необходимо, чтобы пастырь церкви поучалъ своихъ пасомыхъ и примѣромъ своей собственной жизни, потому что примѣръ всегда дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ слово. „Жизнь можетъ возбудить въ душѣ ревность къ обращенію на лучшій путь“⁵⁾. Въ виду этого „душа священника, по мысли Іоанна Златоуста, должна сіять подобно свѣту, освѣщающему всѣ концы вселенной“⁶⁾. Только при соблюденіи этого условія проповѣдническая дѣятельность пастыря церкви и будетъ вполнѣ цѣлесообразною и успѣшною.

¹⁾ Тамъ же, стр. 113.

²⁾ Тамъ же, стр. 102.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 44.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 90.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 123.

4. *Блаженный Августинъ.*

„Въ исторіи древняго христіанскаго краснорѣчія не можетъ не обращать на себя вниманія различіе путей, коими шло и развивалось проповѣдничество въ двухъ главныхъ половинахъ христіанскаго міра,—восточной и западной. На востокъ, въ Греціи, мы видимъ много ораторскихъ талантовъ, находимъ безсчетное число замѣчательныхъ образцовъ краснорѣчія, встрѣчаемъ духовное ораторство на такой высокой степени процвѣтанія, что ему могутъ позавидовать всѣ другіе вѣка и литературы. Между тѣмъ, при избыткѣ производительности и производительности образцовой, тамъ вовсе теоретическимъ образомъ не обсуждаютъ духовнаго краснорѣчія и не думаютъ составлять кодексъ правилъ, которыми можно бы было способствовать лучшему и болѣе правильному развитію церковнаго краснорѣчія. Церковно-проповѣдническая практика поглощала собою всѣ силы и таланты, не оставляя времени и досуга для теоретическихъ разсужденій о проповѣди“¹⁾.

„На западѣ, напротивъ, мы встрѣчаемъ обратный порядокъ. Латинская проповѣдническая литература первыхъ вѣковъ такъ бѣдна въ сравненіи съ греческою, что между ними не возможна никакая параллель. Долгое время здѣсь не видно ни талантовъ, ни ораторскихъ произведеній, Но лишь только въ четвертомъ вѣкѣ явилось тамъ церковное краснорѣчіе, вмѣстѣ съ нимъ явилась и христіанская реторика, предлагавшая руководство и пособіе для пастырско-проповѣднической практики. Въ этомъ отношеніи западъ, всегда уступавшій востоку въ литературномъ богатствѣ и рѣшительно не имѣвшій склонности къ теоріи, упредилъ востокъ, или Грецію, и гомилетика, теоретически трактующая о проповѣди, имѣетъ первую свою родоначальницу въ „Христіанской наукѣ“ блаженнаго Августина“²⁾.

¹⁾ „Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила“, проф. В. Пѣвницкаго, стр. 296.

²⁾ Тамъ же, стр. 297.

Въ первыхъ трехъ частяхъ своего сочиненія „Христіанская наука“ (De doctrina christiana) блаженный Августинъ говорить о способахъ толкованія Священнаго Писанія и только въ четвертой части разсуждаетъ о томъ, какъ найденный въ Писаніи смыслъ излагать народу. Въ этой части своего сочиненія блаженный Августинъ прежде всего вкратцѣ указываетъ предметъ христіанской проповѣди. Относительно этого онъ выражается такъ: „Христіанскій учитель и истолкователь Священнаго Писанія, защитникъ правой вѣры и гонитель заблужденій, обязанъ, съ одной стороны, учить добру, съ другой — отучать отъ худого; обязанъ въ своихъ поученіяхъ примирять противныхъ, возбуждать слабыхъ, внушать невѣждамъ, что они должны дѣлать и чего надѣяться“¹⁾. Итакъ, изъясненіе Священнаго Писанія — вотъ главный предметъ христіанской проповѣди, по ученію блаженнаго Августина. Кромѣ изъясненія Священнаго Писанія, пастырь Церкви долженъ учить своихъ пасомыхъ добру и отвлекать ихъ отъ худого. Подъ это краткое опредѣленіе предмета проповѣди можно подвести всѣ частные случаи проповѣднической дѣятельности пастыря Церкви, когда ему приходится говорить о предметахъ, касающихся религіи и частной жизни.

Въ приведенныхъ выше словахъ блаженнаго Августина видна и задача, которую онъ указываетъ проповѣди, именно: задача проповѣди состоитъ въ томъ, чтобы „защищать правую вѣру и преслѣдовать заблужденія“. Это — практическія задачи проповѣди. Гораздо обширнѣе у блаженнаго Августина изложеніе теоретическихъ задачъ и требованій, которымъ должна удовлетворить христіанская проповѣдь. А излагая эти задачи и требованія, онъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на тѣ обязанности, которыя лежатъ на готовящемся къ пастырско-проповѣднической дѣятельности. Какія же это обязанности? „Кто желаетъ, говорить блаженный Августинъ, и самъ научиться и другихъ учить, тотъ пусть изучаетъ предметы наставленія,

¹⁾ „Христіанская наука“, блаженнаго Августина, изд. 1835 г., стр. 246.

пусть пріобрѣтаетъ способность говорить, какъ прилично церковному лицу“¹⁾. „Къ званію проповѣдническому, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, скорѣе способенъ тотъ, кто можетъ разсуждать и говорить мудро, хотя бы и не могъ говорить краснорѣчиво: ибо таковой можетъ быть истинно-полезнымъ для слушающихъ, хотя и не столько, сколько пользовалъ бы ихъ, если бы обладалъ вмѣстѣ и даромъ краснорѣчія“²⁾. Слѣдовательно, хотя краснорѣчіе и мудрость нужны проповѣднику, но онъ можетъ принести пользу и въ томъ случаѣ, если будетъ обладать одною только мудростію. „Ибо Писаніе не говоритъ: множество краснорѣчивыхъ, но—*множество мудрыхъ спасеніе міру* (Прем. 6, 26). Ораторовъ краснорѣчивыхъ слушать *пріятно* только, а *мудрыхъ спасительно*“³⁾. А мудро говорить человѣкъ тѣмъ болѣе или менѣе,—развиваетъ свою мысль Августинъ,—тѣмъ болѣе или менѣе оказалъ онъ истинныхъ успѣховъ въ познаніи Священнаго Писанія, то есть, не въ одномъ только чтеніи и затверживаніи онаго на память, но вмѣстѣ въ добромъ разумѣніи и въ тщательномъ изысканіи смысла его“⁴⁾... „А лучше и достопочтеннѣе тотъ, кто въ одно и то же время и говоритъ на память мѣста Писанія слово въ слово, когда ему заблагоразсудится, и понимаетъ оныя, какъ слѣдуетъ“⁵⁾. „Но заимствуя, наставляетъ блаженный Августинъ далѣе, образцы священнаго витійства изъ такихъ мѣстъ Писанія, кои безъ всякаго труда можно понимать, я рѣшительно не совѣтую подражать Богодухновеннымъ мужамъ тамъ, гдѣ они выражались съ полезною и спасительною темнотою“⁶⁾. Стало быть, кто не можетъ говорить краснорѣчиво, а между тѣмъ долженъ, сообразно съ званіемъ своимъ, говорить мудро, тотъ необходимо долженъ заучивать на память

¹⁾ Тамъ же, стр. 290.

²⁾ Тамъ же, стр. 248.

³⁾ Тамъ же, стр. 251.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 249.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 250.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 272.

самыя слова и выраженія Священнаго Писанія. Впрочемъ, занятіе Священнымъ Писаніемъ необходимо даже и въ томъ случаѣ, когда проповѣдникъ въ одно время и мудръ и краснорѣчивъ. Кроме того, для пріобрѣтенія краснорѣчія блаженный Августинъ совѣтуетъ также „читать, слушать и подражать ораторамъ“ ¹⁾. •

Излагая теоретическія задачи христіанской проповѣди, блаженный Августинъ рассуждаетъ такимъ образомъ: „Одинъ краснорѣчивый писатель сказалъ,—и сказалъ правду,—что ораторъ обязанъ говорить такъ, чтобы научать, нравиться и убѣждать. Первое изъ этихъ требованій относится къ сущности предметовъ, послѣднія два—къ способу выраженія ихъ“ ²⁾. „Если слушателей надо учить, читаемъ мы у него въ другомъ мѣстѣ, то въ такомъ случаѣ всего пригоднѣе родъ рѣчи повѣствовательный или изъяснительный. Если же слушателей нужно болѣе трогать, нежели научать, въ такомъ случаѣ потребно какъ можно болѣе силы и убѣдительности въ рѣчи. И здѣсь-то особенно необходимы христіанскому наставнику умоленія, обличенія, побужденія, запрещенія и всѣ прочія средства, какія только могутъ способствовать къ возбужденію души“ ³⁾. „Если народъ еще не свѣдущъ въ истинахъ вѣры, добавляетъ блаженный Августинъ, то его надобно прежде учить, и потомъ уже убѣждать“ ⁴⁾. „Потребность учить есть дѣло необходимости. Потребность убѣждать не есть дѣло необходимости, по скольку она не всегда нужна, коль скоро слушатель въ извѣстномъ предметѣ совершенно согласенъ съ проповѣдникомъ“ ⁵⁾.

Самое главное требованіе, которому должна удовлетворять христіанская проповѣдь, это—ясность. „Для христіанскаго наставника, по словамъ блаженнаго Августина, первый

¹⁾ Тамъ же, стр. 251.

²⁾ Тамъ же, стр. 281.

³⁾ Тамъ же, стр. 247.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 282.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 283.

и главный долгъ есть—во всѣхъ своихъ поученіяхъ быть, сколько можно, вразумительнымъ и говорить съ такою ясностію, что развѣ самый непонятный человѣкъ былъ бы не въ состояніи понимать насъ; или же причина неудобовразумительности въ рѣчахъ происходила бы не отъ нашихъ словъ, а отъ чрезвычайной трудности и утонченности предметовъ, кои мы желаемъ изъяснить и открыть другимъ“ 1)... „Ибо есть предметы, кои по самой сущности своей непонятны, или кои едва—едва постигаешь, да и то весьма поверхностно, хотя бы наставникъ выражалъ ихъ самыми ясными словами. Такихъ предметовъ или вовсе никогда не должно предлагать народу для слушанія, или предлагать весьма рѣдко—въ случаѣ какой-нибудь необходимости“ 2). „Хорошіе учителя, поучаетъ блаженный отецъ, въ своемъ ученіи болѣе всего стараются и должны стараться о ясности“ 3). И еще: „Истинная черта краснорѣчія въ способѣ научать не та, чтобы жесткое и неприятное сдѣлать пріятнымъ, скучное—занимательнымъ, но та, чтобы неясное представить яснымъ“ 4).

Кромѣ ясности, проповѣдникъ долженъ еще говорить пріятно, чтобы нравиться слушателямъ, и убѣдительно, чтобы достигнуть цѣли проповѣди. „Нравиться должно слушателю, говорить блаженный Августинъ, для того, чтобы удержать его при слушаніи; убѣждать для того, чтобы подвигнуть къ дѣйствованію“ 5). „Если проповѣдникъ хочетъ нравиться или убѣдить слушателя, въ такомъ случаѣ нельзя ему дѣйствовать на удачу и говорить какъ-нибудь; напротивъ онъ долженъ тщательно обдумать способъ, какъ именно что сказать“ 6). „Когда же церковный ораторъ разсуждаетъ о предметахъ дѣятельности, то онъ не только долженъ учить, чтобы быть назидательнымъ, не только нравиться, чтобы быть заниматель-

1) Тамъ же, стр. 273.

2) Тамъ же, стр. 274.

3) Тамъ же, стр. 275.

4) Тамъ же, стр. 280.

5) Тамъ же, стр. 282.

6) Тамъ же, стр. 281.

нымъ, но и убѣждать, чтобы быть побѣдоноснымъ“ 1). Итакъ, ясность, пріятность и убѣдительность,—вотъ тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять христіанская проповѣдь, по ученію блаженнаго Августина.

Относительно языка проповѣди мы находимъ у блаженнаго Августина такого рода наставленія и указанія: „Церковный наставникъ, обязанный быть проповѣдникомъ истинъ великихъ и важныхъ, не всегда обязанъ выражать ихъ языкомъ возвышеннымъ. Напротивъ, онъ долженъ употреблять простой слогъ тамъ, гдѣ чему-нибудь въ важномъ предметѣ учить, умѣренный или средній тамъ, гдѣ что-либо хвалить или порицаетъ; а гдѣ нужно побуждать къ дѣйствованію и гдѣ мы бесѣдуемъ съ такими людьми, кои должны дѣйствовать, но не хотятъ, тамъ предметы важные необходимо требуютъ слога высокаго, соразмѣрно потребности—убѣдить упорные умы. Отсюда иногда одинъ и тотъ же предметъ важный излагается просто, когда ему учать;—умѣреннымъ или среднимъ слогомъ, когда описываютъ его качества; выражается возвышенно, когда стараются привлечь къ сему предмету уклонившееся отъ него чувство слушателя“ 2).

Такимъ образомъ, изъ краткаго обзорѣнія гомилетическихъ правилъ блаженнаго Августина видно, что всѣ они преимущественно относятся къ теоретической сторонѣ проповѣднической дѣятельности пастыря церкви. Что касается цѣли проповѣди, то блаженный Августинъ говоритъ, что „христіанскіе наставники должны имѣть въ виду возбужденіе въ слушателяхъ любви къ благодѣванію и отвращенія отъ худой нравственности. Съ одной стороны надо исправить людей не совсѣмъ чуждыхъ жизни безнравственной, а съ другой—людей добрыхъ болѣе утвердить въ добродѣтели и сильнѣе поощрить къ дальнѣйшему совершенству христіанскому“ 3). Чтобы цѣль проповѣди достигалась вѣрнѣе, пастырь церкви долженъ учить

1) Тамъ же, стр. 285.

2) Тамъ же, стр. 300—301.

3) Тамъ же, стр. 339.

пасомыхъ и примѣромъ своей добродѣтельной жизни. „Какъ бы ни была возвышена проповѣдь наша, но въ дѣйствительной побѣдѣ надъ слушателями всегда болѣе имѣть вѣсу и силы жизнь проповѣдника, нежели слова его“¹⁾. „Ибо мало ли есть такихъ слушателей, говорить блаженный Августинъ далѣе, кои защиты своей порочной жизни ищутъ въ поведеніи самихъ настоятелей и учителей своихъ, помышляя въ душѣ своей, или—въ недоброй часъ—даже въ глаза говоря проповѣднику: „для чего ты самъ того не дѣлаешь, что мнѣ заповѣдуешь“? Вотъ откуда происходитъ, что люди не внимаютъ съ покорностію тому, кто самъ не внимаетъ себѣ, и вмѣстѣ съ проповѣдникомъ пренебрегаютъ слово Божіе, которое проповѣдуется имъ. И апостоль Павелъ пишетъ къ Тимоѳею: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тимѳ. 4, 12)²⁾. Значить, и по убѣжденію блаженнаго Августина, пастырь церкви долженъ сообразовать свою жизнь съ тѣмъ, чему онъ учитъ пасомыхъ: иначе проповѣдь его не будетъ плодотворной.

¹⁾ Тамъ же, стр. 344.

²⁾ Тамъ же, стр. 346.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 2 іюля 1902 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, іюля 27-го.

Содержаніе: Сословное обособленіе Русскаго духовенства (окончаніе).—
Нѣсколько словъ о предписаніяхъ Церковнаго Устава.—Къ тихому
приставищу (Разсказъ).

Сословное обособленіе Русскаго духовенства¹⁾.

IV.

Всѣ вышеозначенныя административныя мѣропріятія касательно сословнаго обособленія Русскаго духовенства имѣли то значеніе, что придали ему рѣзкія формы, но отъ нихъ не зависѣло быть или не быть этого явленія. Оно возникало и развивалось параллельно возникновенію и развитію отчужденія духовенства отъ народа и обратно—народа отъ духовенства, каковое отчужденіе явилось и развивалось подъ вліяніемъ наслѣдственнаго порядка въ замѣщеніи церковныхъ должностей, жалкаго общественнаго и экономическаго положенія духовенства и сословнаго народораздѣленія Россіи. Послуживъ удобнымъ условіемъ для развитія сословнаго обособленія духо-

¹⁾ См. № 29 за 1902 г.

венства, взаимное отчужденіе между обществомъ и духовенствомъ само усиливалось на его счетъ и можетъ быть отнесено вмѣстѣ и къ числу его печальныхъ послѣдствій. Въ ряду этихъ послѣдствій не послѣднее мѣсто занялъ упадокъ въ духовенствѣ духа жизни, или одушевленнаго пастырскимъ призваніемъ животворнаго отношенія его къ своему служенію, а вмѣстѣ съ этимъ и упадокъ нравственнаго вліянія его на общество, что, въ свою очередь, сказалось упадкомъ религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ самомъ обществѣ, развитіемъ равнодушія въ отношеніи его къ церкви и церковнымъ учрежденіямъ, разстройствомъ и паденіемъ церковно-общественной жизни. Мало по малу общество почти совсѣмъ отстранилось отъ участія въ дѣлахъ церковно-приходскаго управленія, благотворительности и просвѣщенія, предоставивъ вершеніе всѣхъ этихъ дѣлъ однимъ церковнымъ причтамъ или, въ ихъ цѣломъ, Церковному Вѣдомству. Равнодушнымъ оно сдѣлалось и въ отношеніи къ самому духовенству, ни важности служенія котораго оно не сознавало надлежащимъ образомъ, ни нужды и потребностей его—духовныхъ и вещественныхъ—ясно не видѣло. Равнодушіе общества къ духовенству отразилось болѣе замѣтнымъ образомъ на сокращеніи добротныхъ подаваній въ его пользу и развитіи въ обществѣ какой-то особо повышенной чувствительности даже къ неизбѣжнымъ и скромнымъ затратамъ на содержаніе духовенства, которыя кажутся теперь обществу незаконными въ самомъ принципѣ, чувствуются тяжелымъ бременемъ и возбуждаютъ нареканія на духовенство въ поборахъ. Когда всѣ эти печальныя послѣдствія сословнаго обособленія русскаго духовенства — ближнія и дальнія—сознаны были лучшими представителями нашего общества и лицами духовной и свѣтской администраціи—а они сознаны были довольно рано, еще въ половинѣ прошлаго столѣтія ¹⁾, то правитель-

¹⁾ См. изслѣд. А. Папкова „Церковно-общественный вопросъ въ эпоху Царя-Освободителя“ (1855—1870). СПб. 1902 г.

ство предприняло рядъ мѣръ для улучшенія церковно-общественныхъ дѣлъ вообще и, въ частности, для ослабленія и расторженія сословной замкнутости нашего духовенства. Выше мы уже имѣли случай ознакомиться съ этими мѣропріятіями. Подъ дѣйствіемъ этихъ мѣропріятій общественное и экономическое положеніе духовенства значительно улучшилось; современные намъ пастыри столько образованы, такъ прилично одѣты и настолько обезпечены, какъ и не мечтали о томъ предки ихъ—наши прадѣды... Благія начинанія правительства по улучшенію быта русскаго духовенства притомъ не доведены еще до конца... Словомъ, исторія бытового положенія Русскаго духовенства представляетъ теперь такія страницы, на которыхъ читатель ея можетъ остановиться съ облегченнымъ сердцемъ и чувствомъ нѣкоторой отрады послѣ того тяжелаго впечатлѣнія, какое неизбѣжно онъ вынесъ изъ знакомства съ его прошлымъ, полнымъ самыхъ мрачныхъ картинъ, залитыхъ по мѣстамъ слезами, потомъ и даже кровію духовныхъ людей!.. Но уничтожилась ли хотя отчасти подъ дѣйствіемъ этихъ мѣропріятій сословная замкнутость нашего духовенства, ослабло-ли болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ отчужденіе отъ него общества?

Наблюденіе и факты не позволяютъ дать утвердительный отвѣтъ на эти вопросы. Сословная отчужденность духовенства съ ея печальными слѣдствіями и теперь составляетъ предметъ печалованія мыслящей части нашего духовнаго и свѣтскаго общества. „Пробовали, говорятъ, у насъ кликнуть кличъ по всей землѣ русской: нѣтъ ли охотниковъ идти въ село въ попы, въ дьяконы, въ дьячки? Давайте своихъ дѣтей въ духовныя училища и семинаріи. Не отозвалась земля русская на этотъ кличъ, хотя и много въ ней народа“¹⁾... Что же отвлекаетъ свѣтскихъ людей отъ поступленія въ духовное званіе въ настоящее время? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что ихъ отвлекаетъ отчасти бытовое положеніе духовенства, все еще

¹⁾ Проф. П. И. Горскій-Платоновъ „Антука“, стр. 49.

продолжающее быть незавиднымъ,—особенно унижительный способъ собиранія духовными людьми подаеній на свое содержаніе, доселѣ вызывающій столько нареканій на духовенство въ жадности и поборахъ,—а, главнымъ образомъ, то нерасположеніе и даже больше—пренебреженіе общества къ духовному сословію, которое воспиталось въ немъ вѣками и переходитъ изъ рода въ родъ, тѣ разнорѣчивыя и превратныя понятія о духовенствѣ, которыя издавна сложились о немъ въ обществѣ и еще долго будутъ держаться въ немъ. Для многихъ свѣтскихъ людей „священникъ сплошь и рядомъ является синонимомъ чловѣка пахнущаго елеемъ и лампаднымъ масломъ“¹⁾. Посмѣяться надъ попомъ и ругнуть его пожалуй и теперь, какъ прежде въ вѣкъ Екатерины, считается признакомъ хорошаго тона и свободнаго отъ суевѣрій образованія. Не часто встрѣчаются въ свѣтскомъ обществѣ люди, которые бы, говоря о священникѣ, называли его за глаза батюшкой или священникомъ; попъ, попы—вотъ обычная, издавна утвердившаяся въ народномъ языкѣ, непочтительная кличка служителя алтаря! Издавна сложившіяся и всѣмъ знакомыя сказки, прибаутки и даже скабрзные анекдоты о попахъ составляютъ и теперь любимую тему игривыхъ разговоровъ, въ которыхъ на долю попа достается гораздо больше злости и ѣдкости, чѣмъ на долю мужика, купца, чиновника, словомъ—не духовнаго чловѣка, который вмѣстѣ съ попомъ поднять на смѣхъ. Выходитъ, что посмѣяться надъ духовными людьми у насъ и любятъ больше, чѣмъ надъ свѣтскими, и съ большей злостью смѣются надъ ними, чѣмъ надъ послѣдними. Общему увлеченію легкомысленнымъ отношеніемъ къ духовенству немалую дань отдала и наша свѣтская литература не только лубочная, но и классическая. Излишне было бы называть здѣсь тѣ произведенія, въ которыхъ незаслуженно высмѣивается наше духовенство. Можно бы безъ труда перечестъ тѣ сочиненія или повѣсти, гдѣ оно обрисовывается съ привлекательныхъ, поло-

¹⁾ См. замѣтку свящ. Д. Подольскаго „По душѣ“. СПб. Вѣд. за текущій годъ, январь № 18.

жительныхъ сторонъ. Здѣсь невольно припоминается намъ одинъ изъ подобнаго рода разсказовъ—„Ранній батюшка“ Мамина-Сибиряка ¹⁾. Выведенный здѣсь, весьма симпатичный деревенскій батюшка — добродушный, скромный, любящій о. Иванъ ждетъ не дождется, когда возвратится съ Кавказа въ Москву его единственный сынъ Сережа—теперь „знаменитый московскій дѣлецъ“ Сергѣй Ивановичъ Августовъ. Двадцать уже лѣтъ не видѣлъ о. Иванъ своего сына. Съ тѣхъ поръ много утекло воды въ жизни и о. Ивана и его сына Сережи. О. Иванъ овдовѣлъ, состарился и оставилъ родной приходъ, служить въ которомъ ему стало не по силамъ, и пріѣхалъ изъ Рязанской губерніи въ Москву, гдѣ и поступилъ къ одной церкви наемнымъ, „раннимъ“ батюшкой. Сережа между тѣмъ богато женился, имѣлъ отличный домъ „со всеми прихотями богатаго московскаго барства“, и былъ теперь уже не Сережей, а извѣстнымъ всей Москвѣ Сергѣемъ Ивановичемъ, пятидесятилѣтнимъ мужчиной, „съ двумя учеными значками на правомъ борту сюртука“, какъ онъ снялся на послѣдней фотографіи. Взглянуть на своего сынка вотъ и шелъ теперь о. Иванъ, какъ только узналъ о возвращеніи его въ Москву. Онъ шелъ, одѣтый въ новый люстриновый подрясникъ и новую люстриновую ряску, „которые о. Иванъ надѣвалъ только въ первый день Пасхи“,—„шелъ мелкой стариковской походкой, не оглядываясь“. „Поровнявшись съ „Сережинымъ домомъ“, о. Иванъ остановился въ нерѣшимости передъ подъѣздомъ и... зашагалъ дальше“. Малодушіе овладѣвало о. Ивановъ. „Ему казалось, что все прохожіе наблюдаютъ за нимъ, а швейцаръ изъ сосѣдняго подъѣзда смотритъ на него, какъ будто насмѣшливо. Дойдя до угла улицы, о. Иванъ остановился, подумалъ и рѣшительнымъ шагомъ вернулся назадъ. Онъ смѣло миновалъ швейцара и смѣло позвонилъ у завѣтнаго подъѣзда. У него захолонуло въ душѣ, когда послышались шаги, и дверь пріотворилась“.

¹⁾ Напечатанъ въ январской книжкѣ „Журнала для всехъ“ за текущій 1902 годъ.

Поборая смущеніе и малодушіе, о. Иванъ попросилъ лакея доложить о себѣ и, оставшись въ пріемной одинъ, не смѣлъ даже присѣсть и стоялъ посреди пріемной, повертывая въ рукахъ свою разношенную поповскую шляпу. Его вниманіе было приковано къ открытой двери, въ которую вышелъ лакей, и въ которую можно было рассмотреть другой кабинетъ, устроенный съ еще большей роскошью“.

„Гдѣ-то слышались шаги и чей-то шопоть. Пустившій о. Ивана лакей пробѣжалъ по второму кабинету съ встревоженнымъ лицомъ, потомъ въ дверяхъ показалось сморщенное старушечье лицо, потомъ послышались опять шаги и шопоть. Очевидно, появленіе о. Ивана всполошило весь домъ, и старикъ пожалѣлъ, что не предупредилъ сына о своемъ приходѣ письмомъ.“

„Суматоха въ домѣ продолжалась, а о. Иванъ все стоялъ посреди комнаты со своей шляпой и ждалъ. Прошло всего нѣсколько минутъ, но онѣ показались ему часами. Наконецъ, въ дверяхъ показалась пожилыхъ лѣтъ дама, полная и брюзгая въ роскошномъ утреннемъ капотѣ изъ термаламы и безъ церемоніи начала разсматривать о. Ивана въ лорнетъ на черепаховой ручкѣ. Старикъ узналъ въ ней жену Сережи, какъ она была снята на фотографіи, и почтительно поклонился. Но таинственная дама даже не отвѣтила на поклонъ, повернулась и ушла.“

— Должно быть, я ошибся, сообразилъ о. Иванъ, смущенный невѣжливостью таинственной дамы.

Лакей появился неожиданно изъ другой двери, такъ что о. Иванъ вздрогнулъ.

— „Извините, батюшка... да... я ошибся, Сергѣя Иванныча сейчасъ нѣтъ дома. Я уходилъ изъ дому, когда они вышли“ ...

О. Иванъ, выйдя на улицу, обернулся на домъ, въ который нѣсколько минутъ тому назадъ влекла его сила отцовской любви, „и увидѣлъ стоявшаго у окна сына, который сейчасъ же спрятался за косякъ“.

Мы позволили себѣ остановиться на этомъ характерномъ разсказѣ Мамина-Сибиряка съ нѣкоторою подробностью, потому что онъ прекрасно иллюстрируетъ раскрываемую нами мысль о презрительномъ отношеніи свѣтскихъ людей къ духовенству, которое они трактуютъ, какъ низшую, сравнительно съ ними, породу людей и стыдятся имѣть общеніе съ нимъ. Часто можно слышать такія рѣчи, что въ отчужденіи общества отъ духовенства виновато само духовенство или вѣрнѣе отдѣльные его члены, недостойнымъ поведеніемъ и вообще неумѣнемъ вѣжливо и прилично держать себя отталкивающіе отъ себя общество. Не рѣшаемся оспаривать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ это соображеніе можетъ имѣть основанія за собою. Но общее пренебреженіе свѣтскаго общества къ людямъ духовнаго чина можно объяснить только изстари усвоеннымъ низкимъ взглядомъ его на духовенство, въ которомъ оно неохотно усматриваетъ примѣры истиннаго образованія, благородства и нравственной власти. Въ лицѣ о. Ивана мы имѣемъ священника — правда простого, но добраго, глубоко любящаго, замѣчательно скромнаго и вѣжливаго. Однако и этому доброму батюшкѣ отказано было въ приемѣ. И къъ же? Его собственнымъ сыномъ, въ которомъ двадцатилѣтняя жизнь въ свѣтскомъ обществѣ успѣла вытравить родственныя чувства къ отцу-священнику и привить, въ замѣнъ ихъ, холодную презрительность къ нему, какъ духовному лицу, — ту презрительность, которою заражена была въ отношеніи къ духовенству окружавшая сына о. Ивана среда и особенно его избѣженная жена — аристократка, надменно и презрительно разсматривавшая несчастнаго батюшку — отца своего мужа — въ лорнетъ!.. Есть и другого рода факты, свидѣтельствующіе о равнодушно-пренебрежительномъ отношеніи свѣтскаго общества къ духовенству. Намъ не разъ приходилось слышать отъ свѣтскихъ людей самыя превратныя понятія о семинаріяхъ и академіяхъ, какъ институтахъ, гдѣ воспитываются будущіе пастыри церкви. „Наша читающая часть общества, какъ справедливо замѣчаетъ о. Подольскій, очень мало, а то и совсѣмъ

незнакома съ жизнью, бытомъ и положеніемъ кандидатовъ священства“ 1). Но насъ удивляло не столько это незнакомство свѣтскихъ людей съ характеромъ духовно-учебныхъ заведеній, сколько недовѣрчивое и удивленное отношеніе ихъ къ увѣренію, что духовно-учебныя заведенія вправду-же не таковы, какими доселѣ представляли ихъ себѣ свѣтскіе люди. Перемены въ жизни духовно-учебныхъ заведеній прошли для общества безслѣдно. Можетъ быть, отъ этого превратнаго взгляда свѣтскаго общества на духовную школу отчасти зависитъ то обстоятельство, что оно несочувственно относится къ вступленію ея питомцевъ въ свою среду и скорѣе готово сокращать для нихъ доступъ въ нее, чѣмъ расширять и облегчать. Двери университетовъ открываются для семинаристовъ только за недостаткомъ слушателей изъ гимназистовъ, что наблюдается въ окраинныхъ университетахъ. Наши семинаріи въ отношеніи къ университетамъ имѣютъ значеніе своего рода запаснаго депо умственныхъ силъ, за которыми университеты обращаются въ семинаріи только въ случаѣ крайней нужды въ нихъ. За послѣднее время, затѣмъ, чуть ли не съ каждымъ годомъ прибавляются новыя стѣснительныя условія для поступленія кандидатовъ духовныхъ академій на свѣтскую службу разныхъ вѣдомствъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что въ основѣ этихъ ограничительныхъ условій лежитъ не столько недовѣріе къ лицамъ духовнаго происхожденія, сколько избытокъ въ свѣтскомъ обществѣ своихъ кандидатовъ на служебныя должности. Но не говоря уже о свѣтской сферѣ, чисто духовная сфера общественной дѣятельности нашего духовенства не отличается широтою и подвергается стѣсненіямъ „Въ какую сферу жизни народной вы ни взгляните, говорить о. Подольскій, всюду для васъ будетъ ясно близко участіе къ ней священника—этого евангельскаго культуртрегера; при этомъ всюду поразить васъ та страшная сила, которою могъ-бы пользоваться (но не пользуется) нашъ пастырь. Но наше общество quasi-интеллигент-

1) См. процитов. замѣтку его въ СПб. Вѣдомостяхъ.

ное, замѣчаетъ священникъ Подольскій, и знать этого не хочетъ“. Да, привыкшее за долгій періодъ общественнаго бездѣйствія нашего духовенства видѣть его только въ роли требоисправителей, оно и теперь признаетъ его только въ этой роли. Широко захвативъ своимъ вліяніемъ общественную жизнь, оно непривѣтливо встрѣчаетъ въ ней появленіе священника и участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія не прочь даже считать вмѣшательствомъ въ несродную ему сферу дѣятельности, каковой взглядъ является уже абсурдомъ и съ евангельской и съ исторической точекъ зрѣнія. Неудивительно, что вслѣдствіе столь незавиднаго положенія духовенства въ обществѣ, а также вслѣдствіе недостаточной обеспеченности его, многія лица духовнаго происхожденія, особенно изъ получившихъ высшее богословское образованіе, уклоняются отъ принятія священнаго сана и ищутъ себѣ дѣла въ свѣтскомъ вѣдомствѣ, терпѣливо проходя всѣ мытарства на пути къ полученію мало-мало обезпечивающей должности.

Разумѣется, мы далеки отъ мысли усматривать причину современной замкнутости нашего духовенства только въ одномъ, сложившемся вѣвкахъ, ненормальномъ отношеніи къ нему общества. Не говоря объ отдѣльныхъ отрицательныхъ типахъ среди духовенства, отталкивающихъ отъ себя общество, оно вообще не отличалось въ прошломъ широтою и богатствомъ проявленій пастырскаго вліянія на общественную жизнь, и страдаетъ часто и теперь косностью. По словамъ такого авторитетнаго лица, какъ недавно умершій С. А. Рачинскій, духовенство наше, „долго замкнутое въ строгую касту, постоянно выдѣляло и выдѣляетъ изъ себя всѣ живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ“. Забытое и забываемое, при всѣхъ реформахъ отодвигаемое на задній планъ, оно вылилось въ форму отчужденности, заботности, отсталости, соединенныхъ иногда съ утаеннымъ самонравіемъ. Священники наши не пользуются тою страшною,

какъ замѣчено нами выше, силою своего вліянія на общество, которая присуща имъ, какъ именно *пастырямъ* и не пользуются, въ значительной степени въ силу недостатка въ себѣ инициативы, пастырской предприимчивости, словомъ—въ силу своей косности. Въ способахъ своего воздѣйствія на паству, во всей своей жизни и дѣятельности, духовенство наше, говоря вообще, крѣпко еще держится унаслѣдованныхъ отъ предковъ шаблонныхъ пріемовъ, взглядовъ и привычекъ и страшится, какъ въ словѣ, такъ и въ дѣлѣ, разнообразія и всего, что выходитъ за предѣлы принятаго и одобреннаго обычая, замѣтно робѣетъ еще живого слова и дѣла, которыя не укладываются въ стереотипныя рамки и формы усвоенной имъ жизнедѣятельности. Наслѣдственная передача церковныхъ должностей до сихъ поръ еще не исчезла въ немъ, и трудно сказать, держится-ли она больше бѣдностью духовныхъ семей, для которыхъ унаслѣдованіе церковнаго мѣста является иногда единственно-возможною поддержкою, или наслѣдственною привычкою къ духовному служенію, съ которою не соединяется необходимо истинное призваніе къ нему. Священникъ, воспитывающій своихъ дѣтей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, нерѣдко трактуется, какъ нарушитель уставовъ сѣдой старины и человѣкъ не совсѣмъ даже благонамѣренный своими же собратьями, для которыхъ, очевидно, не представляется значительнымъ то соображеніе, что ряды духовенства должны пополняться людьми истиннаго призванія, а не служителями по неволѣ, которые пусть ужъ лучше ищутъ себѣ занятій въ свѣтскомъ вѣдомствѣ... Но не отдѣльныя только личности, а и все вообще духовное вѣдомство отчасти волею, а больше—неволею, сторонится отъ свѣтскаго. Отчужденіе духовенства отъ общества сопровождается въ отдѣльныхъ личностяхъ духовнаго званія какою-то робостью и добровольнымъ или, лучше, сказать, невольнымъ самоуниженіемъ ихъ при сношеніяхъ съ свѣтскими людьми. Намъ припоминается изъ дневника Никитина одна подробность въ разсказѣ его про своего дядю—сельскаго священника. Будучи человѣкомъ очень неглупымъ и

развитымъ, этотъ сельскій батюшка, очутившись въ городѣ, ступевался и до такой степени чувствовалъ себя ничтожнымъ, что уступалъ дорогу всякому мало-мало прилично одѣтому встрѣчному, къ немалому огорченію племянника. Подобныхъ примѣровъ самоуниженія духовныхъ людей предъ свѣтскими, не совмѣстимыхъ съ ихъ пастырскимъ достоинствомъ, которое они всегда должны сознавать и наблюдать, можно было бы представить не мало, если бы эти примѣры не были такъ знакомы всѣмъ.

Но мы не намѣрены дальше раскрывать раны духовнаго сословія, которыми пораженъ его организмъ такъ давно и которыя не зарубцевались еще на немъ и доселѣ. Печально то, что этими ранами онъ пораженъ не столько по винѣ самого духовенства, сколько потому, что слишкомъ долго держали его въ черномъ тѣлѣ и спертomъ воздухѣ, плохо кормили и мало ухаживали, и что, поэтому, излѣченіе этихъ ранъ зависитъ отъ духовенства только отчасти. Не во власти духовенства существеннымъ образомъ улучшить свое матеріальное положеніе; не въ его власти устранить разъединеніе между его дѣтьми и дѣтьми свѣтскаго происхожденія въ ихъ образованіи; большинство духовныхъ людей не имѣетъ и средствъ для помѣщенія своихъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія, еслибъ даже и желало дать имъ свѣтское образованіе; не во власти духовенства такъ реформировать строй церковно-общественной жизни, чтобы оно получило право на широкое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и, въ частности, въ крестьянскомъ общественномъ управленіи и чтобы прихожане, въ свою очередь, привлечены были къ участію въ церковно-приходскомъ управленіи,—а всѣ эти реформы и мѣропріятія и признаются нашей прессой необходимыми для объединенія общества и духовенства и расторженія сословной замкнутости послѣдняго. ¹⁾ Но во власти духовенства поднять на надле-

¹⁾ См. развитіе этихъ мыслей въ цитованномъ изслѣдованіи г. Пашкова.

жащую высоту свой пастырскій авторитетъ и заставить общество уважать себя, чего уже и достигли лучшіе представители духовнаго сословія, которыхъ насчитывается въ настоящее время не такъ мало. Духовенство можетъ достигнуть этого проникновеніемъ въ высокія задачи и обязанности своего служенія, развитіемъ въ себѣ духа пастырской предприимчивости и животворнаго отношенія къ обязанностямъ своего великаго и отвѣтственнаго дѣла, воспитаніемъ въ себѣ полной преданности ему и чистой—непритворной любви, сознаніемъ тѣхъ запросовъ народной души, которые особенно громко заявляютъ о себѣ въ наше время. Намъ—духовнымъ людямъ—крѣпко надобно помнить, что всякое пятно въ насъ и скорѣе замѣчается въ насъ обществомъ, чѣмъ въ другихъ людяхъ, и строже вмѣняется имъ намъ, чѣмъ другимъ, потому что общественному сознанію предносится, хотя и не отчѣтливо, идеаль пастырскаго и духовнаго служенія, и насъ судятъ по степени приближенія къ этому идеалу... Побольше серьезной вдумчивости въ свое высокое и отвѣтственное положеніе и запросы народной души, побольше сердечной любви къ своему дѣлу—это одно изъ существенныхъ условій для возвышенія пастыря во мнѣніи общества для расширенія нравственнаго вліянія его на послѣднее и уничтоженія розни между тѣмъ и другимъ. Съ призывомъ нашего духовенства къ широкому участію въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія настала пора для проявленія имъ своихъ духовно-пастырскихъ силъ, а борьба его съ расколомъ и сектантствомъ—другое удобное для этого проявленія поприще... Съ преуспѣяніемъ духовенства въ этомъ направленіи, болѣе или менѣе ослабнетъ отчужденіе отъ него общества, оно сблизится съ нимъ, оцѣнитъ его добрыя качества и заслуги и, можетъ быть, станетъ внушать младшимъ поколѣніямъ то же, что вѣкогда (въ XVIII вѣкѣ) начерталъ въ своемъ завѣщаніи къ сыну Татищевъ: „имѣй съ пастыремъ частое свиданіе“...

А. Волгинъ.

Нѣсколько словъ о предписаніяхъ церковнаго устава.

Удивительное явленіе замѣчается въ религіозной жизни нашего общества: люди интеллигентные высказываютъ убѣжденіе ни болѣе ни менѣе какъ въ устарѣлости требованій церковнаго устава для современныхъ православныхъ христіанъ! Говорятъ обыкновенно, что современное человѣчество въ своемъ развитіи неизмѣримо далеко ушло въ сравненіи съ духовнымъ состояніемъ человѣческихъ христіанскихъ общинъ того времени, когда составлялись церковные уставы, такъ что требованія церковнаго устава, можетъ быть вполнѣ пригодныя для христіанъ предшествующихъ вѣковъ, совершенно не отвѣчаютъ духу современнаго общества.

Значеніе церковнаго устава, какъ дисциплины, опредѣляющей жизнь православнаго христіанина, въ высшей степени важно, и потому остановимся вниманіемъ на требованіяхъ устава, чтобы яснѣе видѣть—дѣйствительно ли устарѣли требованія церковнаго устава для современныхъ православныхъ христіанъ, и заключается ли въ этихъ требованіяхъ нѣчто такое, что бы дѣлало проявленіе религіозной жизни человѣка механическими и приводило бы его, наконецъ, къ индифферентизму въ религіи?

Церковный уставъ, съ одной стороны, опредѣляетъ мѣсто и время и весь ходъ Богослуженій, а также отчасти—и поведеніе вѣрующихъ за Богослуженіями, а съ другой стороны,—руководитъ ихъ въ приобрѣтеніи благочестивыхъ навыковъ, указывая этимъ, что жизнь православнаго христіанина—вся до мельчайшихъ подробностей должна протекать въ прославленіи Бога *въ тѣлесахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ, яже суть Божія*. Требования церковнаго устава, во 1-хъ, прямо отвѣчаютъ религіознымъ запросамъ человѣческой души, которая за Богослуженіями имѣетъ возможность полнѣе и совершеннѣе излить предъ Богомъ и славословіе, и благодареніе, и прошеніе, чѣмъ это возможно въ частной молитвѣ, и

потому требованія церковнаго устава никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть для православнаго христіанина устарѣлыми. Св. православная церковь такъ полно и плодотворно выработала и опредѣлила чинъ Богочитанія на основаніи ученія и жизни самого Законоположника Господа Іисуса Христа, что православное христіанское Богослуженіе было, есть и будетъ довлѣющимъ на всѣ времена до скончанія вѣка. Въ христіанскомъ православномъ Богослуженіи душа православнаго христіанина находитъ готовую и въ то же время все вмѣщающую форму, въ которой она (душа) совершенно свободна и выражаетъ внѣшнимъ образомъ въ молитвословіяхъ и благоговѣйныхъ дѣйствіяхъ (молитвенныхъ знакахъ) свои безконечно-разнообразныя и нерѣдко довольно неопредѣленныя религіозныя чувствованія. Кромѣ того, Богослуженіе какъ содержаніемъ своимъ, такъ и внѣшнею своею формою возбуждаетъ въ душѣ молящихся многообразныя по содержанію и различныя по силѣ религіозныя чувствованія и такимъ образомъ естественно служитъ возбудителемъ къ прославленію человеколюбца Бога.

Во 2-хъ, при ясномъ сознаніи стремленія человѣческаго духа къ прославленію Творца, для человѣка необходимымъ является руководство со стороны, чтобы пріобрѣсть извѣстныя навыки—болѣе или менѣе полно и совершенно прославлять Бога въ то или другое опредѣленное время своей жизни. Жизнь православнаго христіанина должна итти такъ, чтобы въ немъ постоянно, но все совершеннѣе и совершеннѣе раскрывался и прояснялся образъ Божій, или, по выраженію св. апостола Павла, *воображался Христосъ*. А для этого требуются, съ одной стороны, постоянныя ограниченія влеченій плоти и своеволія духа, а съ другой, прямыя указанія для упражненій тѣлесныхъ и духовныхъ къ пріобрѣтенію благочестивыхъ навыковъ для прославленія Бога въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ. Церковный уставъ и даетъ средства какъ къ ограниченію плоти и своеволія духа, такъ и для благочестивыхъ упражненій. Таковы напр. посты и различные молитвен-

ные подвиги. Такимъ образомъ требованія церковнаго устава ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть для православнаго христіанина устарѣвшими, а напротивъ, опять служатъ въ пріобрѣтеніи благочестивыхъ навыковъ. Ибо что лучше ведетъ къ подавленію плотскихъ влеченій, какъ не воздержаніе? Чѣмъ побѣждать воюющую плоть, какъ не постомъ? И чѣмъ побѣдить самолюбіе и гордость, какъ не обращеніемъ вниманія на свое ничтожество?

Люди, желающіе установить въ служеніи Богу принципъ своеволія, а не христіанской свободы, которая не испытываетъ для себя никакихъ ограниченій въ предписаніяхъ церковнаго устава, указываютъ на частности устава, будто бы не только весьма неудобноносимыя для современнаго человѣка, но и совершенно въ его религіозной жизни не нужны. Къ чему напр., говорятъ, въ Богослуженіи рядъ каѳизмъ, содержанія которыхъ къ тому же и не разберешь за спѣшностію и неотчетливостію ихъ чтенія? Для чего читать непременно шесть псалмовъ (шестопсалміе), Господи помилуй—40 разъ и т. п.? Все это, говорятъ, рутина, вносящая мертвость въ служеніе свободно-разумнаго существа—человѣка Богу живому! Прямо высказываются мысли, что въ церковномъ уставѣ многое нужно сократить, а иное—совершенно оставить какъ не соответственное далеко впередъ ушедшему въ своемъ развитіи современному человѣку, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда церковный уставъ составлялся. Въ первые вѣка христіанской Церкви естественно, говорятъ, и дисциплина должна была быть суровѣе, чтобы урегулировать христіанскую жизнь, но въ настоящее время вся суровость, вся тягота будто бы уже не только не умѣстна, но даже способна произвести въ душѣ христіанина недовольство, т. е. прямо таки вызвать состояніе грѣховное.

Съ другой стороны, современному человѣку представляется неумѣстнымъ вторженіе предписаній церковнаго устава и въ обыденную человѣческую жизнь. Къ чему, говорятъ, налагать на эту жизнь рамки такъ называемой церковности? По-

чему напр. человѣку нужно молиться непременно въ извѣстное время (утромъ, вечеромъ, предъ принятіемъ пищи и послѣ...), почему ему нуженъ постъ да еще извѣстной определенной продолжительности и проч. и проч.? Вѣдь, говорятъ, самъ Богъ сказалъ, что *истинные поклонники будутъ служить Богу духомъ и истиною!*... Главная мысль всѣхъ подобныхъ разсужденій та, что предписанія церковнаго устава стѣсняють свободу человѣка какъ въ служеніи Богу, такъ и въ жизни, вслѣдствіе чего и является у современнаго образованнаго человѣка желаніе упростить (или сократить) какъ Богослуженіе православной Церкви, такъ и жизнь христіанъ православныхъ сдѣлать по отношенію къ требованіямъ устава болѣе или менѣе свободною, какъ будто въ этомъ то заключается истинное служеніе Богу *духомъ*.

Удивительное стремленіе человѣческаго духа къ свободѣ! Все упростить, все сократить, все устроить такъ, какъ самому человѣческому духу угодно!?...—Да въ этомъ ли состоитъ истинная свобода человѣка христіанина?

Научись христіанинъ подчиняться Высшему Разуму и Высшей Волѣ—тогда и твой разумъ и воля будутъ свободно *непреклонны на горшее* (канонъ Арханг., пѣснь 6, троп. 3)!—Съ этой только точки зрѣнія, а не иной какой, слѣдуетъ смотрѣть православному христіанину и на предписанія церковнаго устава, съ этой точки зрѣнія и мы выскажемъ свое мнѣніе касательно тѣхъ пунктовъ церковнаго устава, сокращеніе или уничтоженіе которыхъ желательно бы современному человѣческому духу.

Основная часть православнаго христіанскаго Богослуженія, изложенная въ часословѣ (девять суточныхъ службъ) и служебникѣ (три изъ указанныхъ—для священно-служащихъ) не можетъ подлежать измѣненію и сокращенію, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы собственно составлять новый типъ какой либо службы (вечерни, утрени, полунощницы и проч.), что не вызывается рѣшительно никакими потребностями. И св. православная Церковь, по требованію обстоятельствъ до-

пуская отступленія отъ требованій устава въ дополнительныхъ частяхъ Богослуженія (все, что берется изъ Октоиха, Минеи и Трїоди), никогда не допускала никакихъ сокращеній и измѣненій въ основныхъ частяхъ Богослуженія. Такимъ образомъ, вопросъ о сокращеніи Богослуженія можетъ касаться только дополнительныхъ его частей и то *по требованію обстоятельствъ*, т. е. по нуждѣ, когда почему либо совершеніе Богослуженія требуется ускорить (можно напр. уменьшить число стихиръ на Господи возвахъ, на Стиховнѣ, число тропарей на канонѣ и т. п.). Но, спрашивается, какую же нужду находить въ сокращеніи Богослуженія современный культурный человѣкъ, когда усматриваетъ для себя въ требованіяхъ церковнаго устава устарѣлость, стало быть нѣкое несоотвѣтствіе своимъ собственнымъ запросамъ?

Вовсе не думаемъ впасть въ ошибку, если скажемъ, что современный человѣческій духъ, находя въ требованіяхъ церковнаго устава несоотвѣтствіе своимъ запросамъ, очень краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о своей некультурности, ибо обнаруживаетъ бѣдность со стороны религіозныхъ стремленій и чувствованій. Что такое православное христіанское Богослуженіе?—Это и есть служеніе человѣка Богу духомъ и истиною,—предстояніе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ наряду съ Ангелами, предстояніе дерзновенное,—по и смиренное, ибо человѣкъ приносить Богу хвалу и благодареніе и прошеніе чрезъ особо облагодатствованныхъ служителей алтаря. Какое счастье для христіанской души быть предъ Господомъ и едиными устами съ ангелами и со всею небесною и землею Церковію славословить Его—и чѣмъ дольше, тѣмъ вожделѣннѣе! А современный культурный человѣческій духъ находитъ несовременнымъ долгое предстояніе предъ Господомъ и ищетъ сокращенія Богослуженія!—Православное христіанское Богослуженіе всѣми своими составными частями возбуждаетъ въ душѣ религіозныя чувствованія и проясняетъ безотчетныя стремленія къ Творцу и Промыслителю и какъ бы возрождаетъ все то, что собственно и составляетъ въ душѣ человѣка об-

разъ Божій, помогаетъ просіять въ человѣческомъ духѣ всему Богоподобному. . . (Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей Х. *Бѣлковъ*.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

О. Николай Иконниковъ, священникъ села Зайцева, худой, нервный, съ виду лѣтъ *пятидесяти*, безостановочно ходилъ взадъ и впередъ по небольшому зальцу своего дома, пощипывая рѣдкую бородку,—обычный жестъ, когда онъ впадалъ въ невеселыя размышленія. Причиной его тревожныхъ думъ было письмо, которое недавно принесъ сторожъ съ земской почты, и которое тутъ же лежало на кругломъ преддиванномъ столѣ, очевидно, прочитанное. Письмо пришло отъ сына, оканчивающаго курсъ семинаріи.

„Дорогіе мои, батюшка и матушка!—писалъ сынъ:—на-вѣрно, эти строки не мало удивятъ и встревожатъ васъ, но я рѣшаюсь высказаться, надѣясь на доброту вашу. Дѣло въ томъ, что много-много черезъ мѣсяць придется окончить курсъ, и пора мнѣ подумать о будущемъ. Между тѣмъ, у меня съ вами о томъ и разговора не было до сихъ поръ,—словно это дѣло рѣшенное. И вотъ, теперь думаю и, пожалуй, рѣшилъ, какъ поступить, куда качнуться. Большинство изъ насъ пойдетъ, конечно, въ духовные, нѣсколько человѣкъ въ академію; но трое изъ насъ,—и въ томъ числѣ я,—придумали для себя иной выходъ—добиваться во что бы то ни стало университета. Что дѣлать, дорогіе родители! Мнѣ такъ кажется лучше. Сколько ни думалъ, ни провѣрялъ себя,—нѣтъ призванія къ духовному званію, нѣтъ желанія поступить и въ академію, хотя бы и легко это сдѣлать: я окончу, вѣрно, студентомъ. Хотя и съ бѣльшимъ трудомъ и даже съ тревогой для васъ, не лучше ли итти туда, куда влечетъ сердце, и гдѣ, можетъ быть, откроется для меня дѣятельность

по душѣ?... Всего въ письмѣ не высказать, но, думаю, когда подробно переговоримъ, не будете вы удерживать меня отъ намѣченнаго пути. Теперь усиленно занимаюсь и надѣюсь окончить курсъ успѣшно. Еще прошу—не гнѣвайтесь на меня“!

Взглядывая по временамъ на письмо, о. Николай продолжалъ ходить по комнатѣ и произносилъ отрывочно, въ полголоса: „утѣшилъ сыночек!... Ай да Толя!.. Тихоня-то нашъ! Кто бы подумать могъ...“

— Отецъ! о чемъ это ты самъ съ собой разговариваешь? Видѣла я,—сторожъ съ почты прошелъ: нѣтъ ли чего отъ нашего Толи?—прервалъ размышленія о. Николая голосъ Анны Васильевны, матушки, стоявшей въ дверяхъ комнаты. Она только что пришла съ огорода—полюбопытствовать, не принесъ ли сторожъ письма отъ любимца—сына; на рукахъ и на фартукѣ были слѣды покинутыхъ занятій—приставшія частички черной огородной земли.

— На-ка, матушка, полюбуйся, почитай, что сыночекъ-то нашъ пишетъ!—указалъ головой на лежащее на столѣ письмо все еще встревоженный, не успѣвшій успокоиться о. Николай:—слыхала ли новость—въ университетъ собирается?...“

Анна Васильевна отерла руки о фартукъ и взяла осторожно письмо, чтобы не испачкать его; но пробѣжавъ первыя строчки, положила опять письмо на столъ.

— Ну, слава Богу, здоровъ! А я уже нивѣсть что подумала... Только то и всего?... и это тебя растревожило?—промолвила она успокоительно:—обсудимъ послѣ, за чаемъ, а теперь некогда!

Съ этими словами матушка опять ушла въ огородъ продолжать тамъ прерванное и, очевидно, безотлагательное дѣло, за которымъ все-таки разсудительная мысль ея часто возвращалась къ любимому сыну и останавливалась на его неожиданномъ рѣшеніи.

Вечеромъ, на досугѣ, у стариковъ возобновилась бесѣда о сынѣ. Первоначальное возбужденіе отъ полученнаго письма

успѣло уলেখся; обсуждали возникшій вопросъ теперь съ возможнымъ спокойствіемъ. Этому не мало помогала крайняя уступчивость о. Николая, умѣвшему всему найти извиненіе или оправданіе. Насиловать волю другого человѣка, упорствовать и стоять на своемъ было не въ его характерѣ; Анна Васильевна, изъ уваженія къ мужу, также рѣдко отваживалась на открытый протестъ. Дѣтей своихъ воспитывали эти добрыя души любовно, безъ излишней строгости и жили только ими и для нихъ, тѣмъ болѣе, что и всего-то ихъ было двое: кромѣ Анатолія, была еще дочь Лиза, „епархіалка“, служившая, по собственной охотѣ, учительницей въ земской школѣ сосѣдняго села уже второй годъ. Ожидать рѣзкаго сопротивленія рѣшенію сына отъ такихъ родителей было трудно.

— Такъ-то, матушка: задумалъ, видно, не въ шутку покинуть насъ стариковъ Анатолій. Впрочемъ, что-жь? Не нынче только и не онъ первый выдумалъ это: и раньше и теперь многіе, вѣдь, идуть отъ насъ и въ университетъ и на свѣтскую службу. Одно только,—раньше не знали, оттого и встревожились...—Такъ уже безъ тѣни волненія развивалъ свои мысли о. Николай, сидя въ садикѣ со своей матушкой за вечернимъ чаемъ. Та сразу поняла, куда онъ клонить рѣчь, и заговорила ему въ тонъ.

— Ужь не рѣшилъ ли, отецъ, совѣмъ согласиться съ желаніемъ Толи? не думаешь попытаться разговорить его—бросить затѣю, остаться съ нами?

— Рѣшить—не рѣшилъ окончательно; только какъ и удержишь насильно: хуже бы не было. Придется не по душѣ и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, ему наша духовная служба,—вѣкъ будетъ на насъ жаловаться... И то сказать, сами, вѣдь, знаемъ: не красна наша жизнь. Сколько у насъ всякихъ униженій, дрызгъ, подчасъ и бѣдности! Кто и чего только не требуетъ съ насъ! Да, не легка,—сама знаешь,—наша доля! Наконецъ, не всѣмъ же дѣтямъ нашимъ у престола Божія служить—пожалуй, и тѣсно будетъ. Любилъ бы только правду, и тамъ тому же Богу послужить...

— Вѣрны слова твои, правду все ты сказалъ; а все же, какъ подумаешь, жаль съ сыномъ разстаться, пустить его по новой дорожкѣ. Жаль, да и страшно: много ужъ очень тамъ зря погибаетъ этихъ студентовъ. Подумай, отецъ, одни вѣдь мы почти останемся, старики. Ну, со мной близко Лиза,—она славная, добрая—стариковъ не покинетъ; а тебѣ придется ли уже жить съ Толей, одинъ Богъ вѣдаетъ!...

— Дѣтей своихъ кому не жаль? Только вѣдь помнить надо, мать моя, что не они для насъ, а мы—для нихъ. Грѣхъ будетъ удерживать Анатоля ради себя... И опасностей чего ужъ особенно-то бояться? Не всѣ же гибнуть и тамъ? Будетъ благоразумень,—найдетъ выходъ къ свѣту и правдѣ...

— Твоя воля, отецъ, и я не противлюсь; ты соглашаешься, согласна и я. Сдѣлаемъ такъ,—резюмировала Анна Васильевна общій разговоръ:—напишемъ Толѣ завтра же, чтобы еще обдумалъ крѣпче, основательнѣе свое намѣреніе, а мы насильно не будемъ удерживать. Когда кончитъ курсъ и пріѣдетъ домой, тогда будетъ время сговориться.

Поговорили еще мирно, повздыхали вмѣстѣ о сынѣ добрые старики и разошлись на покой. Искренняя, усердная была молитва ихъ въ этотъ вечеръ, предъ отходомъ ко сну, о дорогомъ, миломъ Толѣ, чтобы Самъ Господь просвѣтилъ его, умудрилъ и наставилъ на путь правый.

II.

Счастливымъ, жизнерадостнымъ прибылъ изъ семинаріи на лѣто молодой Иконниковъ въ родное Зайцево. Съ распростертыми объятіями встрѣтили его отецъ, мать и сестра Лиза; всѣ поздравляли съ успѣшнымъ окончаніемъ курса молодого студента. Теперь ждала его пока спокойная сельская жизнь, отдыхъ отъ семинарскихъ занятій; а впереди предстояла новая, неизвѣстная, заманчивая перспектива. Отвѣтное письмо изъ дома и эта ласковая встрѣча съ родными окончательно убѣждали Анатоля, что препятствій къ осуществленію завѣтной мечты со стороны ихъ не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни при встрѣчѣ, ни на другой день родители ни

словомъ не обмолвились о принятомъ имъ рѣшеніи:—ясно, —соображалъ Анатолій,—согласны они, какъ и писали, по до поры до времени не желаютъ тревожить себя и его разговоромъ,—все же вѣдь жаль и больно имъ разстаться съ единственнымъ сыномъ.

Только на третій или на четвертый день по пріѣздѣ домой Анатолія начать былъ разговоръ о рѣшеніи его отправиться въ К. для поступленія въ университетъ. Рѣчь зашла какъ-то сама собою и завершилась мирно, спокойно, къ полному удовольствію юнаго идеалиста. Мягко, внимательно выспрашивалъ о. Николай своего сына о его завѣтныхъ планахъ, выставлялъ и обсуждалъ предъ нимъ свѣтлыя и темныя стороны задуманнаго дѣла,—и что дальше, то больше убѣждался изъ отвѣтовъ Анатолія въ серьезности и безповоротности его рѣшенія. Хорошая, любящая матушка пыталась было вмѣстѣ съ Лизой воздѣйствовать съ сердечной стороны, представляя всю горестъ разлуки, одиночество на чужой сторонѣ, вдали отъ любящихъ родныхъ людей, выражала свои страхи и опасенія. Но и это не привело ни къ чему: Толя, любимый, уступчивый, сговорчивый раньше, продолжалъ стоять на своемъ...

— Что же, милая, упорствовать намъ съ тобой? Силой не удержимъ. Видимо созрѣло, твердо твое намѣреніе, дорогой нашъ сынъ, и намѣреніе—доброе. Съ Богомъ, въ такомъ случаѣ, и въ добрый часъ: ты будешь счастливъ, и мы будемъ радоваться. Иди твоимъ новымъ путемъ, только не сбивайся въ сторону—старайся вездѣ служить Богу и правдѣ!..

Такими словами заключилъ мягкосердечный, чадолюбивый о. Николай состоявшійся домашній совѣтъ. И съ той поры отъѣздъ Анатолія въ К. для дальнѣйшаго образованія считался въ семьѣ дѣломъ рѣшеннымъ. Правда, много разъ еще за лѣто заходила рѣчь объ этомъ важномъ дѣлѣ въ домашнихъ интимныхъ бесѣдахъ, но только для того, чтобы выяснитъ, обсудитъ нѣкоторыя стороны новой жизни, предстоявшей любимцу семьи. Оказывалось, что нынѣ же, осенью, Ана-

толий не могъ еще зачислиться въ студенты, а только въ вольнослушатели, необходимо было еще предварительно сдать экзаменъ зрѣлости будущей весной; но это не отнимало у него энергии и рѣшимости: зимой онъ подготовится отлично къ экзамену и въ то же время будетъ слушать лекціи въ университетѣ. Обсужденъ былъ и матеріальный вопросъ; отецъ съ готовностью обѣщаль давать сыну средства на скромное студенческое существованіе... Такимъ образомъ, всѣ обстоятельства слагались къ полному удовольствію Анатолія Николаевича, семья, видимо, свыклась съ мыслию о разлукѣ съ нимъ, примирилась съ безповоротнымъ рѣшеніемъ его, и время каникулъ протекало не замѣтно день за днемъ. Правда и то—задумывался о. Николай порою о судьбѣ своего любимаго сына и вздыхалъ наединѣ; плакала иногда и Анна Васильевна о любимца Толѣ. Но развѣ совершается что-нибудь доброе, хорошее безъ нѣкотораго самопожертвованія?..

Минули, наконецъ, лѣтніе дни, проходилъ уже августъ, и наступалъ неизбежный часъ разлуки—горькій, печальный для родныхъ Анатолія, грустный и все же исполненный заглаженной радости для него самаго: вѣдь, съ этого момента начинали въявь осуществляться его юныя мечты! Напутствуемый безчисленными благословеніями отца и матери, благопожеланіями сестры, покинулъ онъ родительскій кровъ... Сколько юношескихъ, свѣтлыхъ и честныхъ думъ и мечтаній роилось въ головѣ молодого человѣка, когда онъ нетерпѣливо спѣшилъ на пароходѣ въ К., гдѣ его ждала новая, неизвѣданная жизнь!... И эта жизнь обернулась къ нашему герою сначала только своей свѣтлой, хорошей стороной. Онъ записался вольнослушателемъ, посѣщаль неустойчиво лекціи по медицинскому факультету, остальное свободное время посвящаль подготовкѣ къ экзамену зрѣлости; всякому дѣлу отдавался Анатолій съ ревностію прозелита, замѣчаль успѣшность своихъ усилій и чувствовалъ полное душевное удовлетвореніе.

Время, наполненное усиленными, серьезными занятіями, проводимое въ оживленныхъ бесѣдахъ и спорахъ съ новыми

товарищами—студентами, не шло, а летѣло для Анатолія Николаевича. Онъ сначала находился словно въ какомъ-то ошьянѣннѣи и, оставаясь на единѣ съ собою, съ своими мыслями, думаль восторженно: „Вотъ она—настоящая, осмысленная жизнь! Это—не наше семинарское полумертвое прозябаніе! Боже мой, и что только слышали, что видѣли и чѣмъ жили мы тамъ? Да, счастливъ тотъ день и часъ, когда рѣшилъ я вырваться навсегда изъ той постылой, мертвой трясины“!... Такъ онъ думаль въ это счастливое время и смѣло, безповоротно ставиль крестъ надъ всѣмъ своимъ прошлымъ; и въ этомъ виновата была одна его пылкая юность, способная отождествлять увлекательныя мечты, жгучія рѣчи съ жизнью, съ самою дѣйствительностію. Притомъ же, и видимый, осязаемый такъ сказать, успѣхъ способствовалъ подъему духа Анатолія Николаевича.

Весною безъ особенныхъ затрудненій выдержалъ онъ экзамень зрѣлости при одной изъ К—ихъ гимназій и теперь триумфаторомъ, съ аттестатомъ въ рукахъ, отворявшимъ предъ нимъ двери университета, спѣшилъ домой обрадовать родныхъ и отдохнуть на свободѣ... И дѣйствительно, несказанно рады были и о. Николай и Анна Васильевна первому успѣху, первому триумфу своего любимца-сына. Видя его бодрымъ, жизнерадостнымъ, полнымъ свѣтлыхъ надеждъ, не раскаявались они болѣе въ своемъ согласіи, данномъ сыну годъ тому назадъ не безъ нѣкотораго колебанія и туги сердечной.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. А. Веселюкій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 10 іюля 1902 г.

Цензоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

ХІІІ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, августа 4-го.

Содержаніе: Свѣтлый лучъ въ жизни русскаго духовенства.—Нѣсколько словъ о предписаніяхъ Церковнаго Устава (окончаніе).—Къ тихому пристанищу. (Разсказъ) (окончаніе).—Объ алкоголизмѣ.—Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви (продолженіе).

Свѣтлый лучъ въ жизни русскаго духовенства.

Привѣтствуемъ православно-русское духовенство съ радостнымъ для него событіемъ. Услышанъ вопль обездоленныхъ сиротъ и вдовъ духовенства, осуществилось одно изъ завѣтныхъ желаній его: давно разнесшаяся среди общества и духовенства отрадная вѣсть о назначеніи духовенству пенсіи стала дѣйствительностью,—менѣе страшна теперь для служителей алтаря хилая старость, менѣе беззащитны теперь ихъ сироты и вдовы.

Сообщаемъ краткія свѣдѣнія изъ „устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священно-служителямъ и псаломщикамъ епархіального вѣдомства“. Соответственно 2%-ному вычету на пенсію изъ жалованія лицъ, получающихъ казенное содержаніе, устанавливается особый сборъ въ пользу казны съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія, въ ко-

личествѣ 6 руб. въ годъ со священниковъ, 3 руб.—съ діаконовъ и 2 руб.—съ псаломщиковъ. Пенсія же назначается въ такомъ размѣрѣ: кафедральнымъ протоіереямъ—500 руб. въ годъ, ключарямъ кафедральныхъ соборовъ и штатнымъ протоіереямъ—400 р.; нештатнымъ протоіереямъ, священникамъ городскихъ и сельскихъ церквей и протодіаконамъ кафедральныхъ соборовъ 300 р.; штатнымъ діаконамъ городскихъ и сельскихъ церквей и иподіаконамъ кафедральныхъ соборовъ—200 р.; діаконамъ на псаломщицкихъ вакансіяхъ и штатнымъ псаломщикамъ городскихъ и сельскихъ церквей—100 р. Право на полученіе пенсіи и единовременныхъ пособій предоставляется при увольненіи отъ службы штатнымъ священнослужителямъ и псаломщикамъ, а послѣ ихъ смерти ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Правомъ на пенсію и единовременныя пособия не пользуются дѣти, достигшія 21 года; сыновья, вступившіе на службу или поступившіе въ общественное заведеніе на казенное содержаніе, дочери замужнія или принятія въ общественныя заведенія на казенное содержаніе. Священнослужители и псаломщики, прослужившіе отъ 20 до 30 лѣтъ, по увольненіи отъ службы получаютъ третью часть оклада пенсіи; прослужившіе отъ 30 до 35 лѣтъ получаютъ двѣ трети оклада пенсіи, а прослужившіе 35 и больше лѣтъ—полный окладъ. Выходящіе за штатъ по совершенно растроенному на службѣ здоровью или по неизлѣчимой болѣзни получаютъ пенсію: прослужившіе отъ 10 до 20 лѣтъ— третью часть оклада пенсіи, отъ 20 до 30 лѣтъ—двѣ трети полной пенсіи и прослужившіе 30 и болѣе лѣтъ—полный окладъ пенсіи. Единовременныя же пособія назначаются священнослужителямъ и псаломщикамъ, оставляющимъ службу по тяжкимъ и неизлѣчимымъ болѣзнямъ, по выслугѣ отъ 1 до 5 лѣтъ, а также оставляющимъ службу по совершенно растроенному на службѣ здоровью по выслугѣ отъ 5 до 10 лѣтъ и, наконецъ, семействамъ—вдовамъ и дѣтямъ священнослужителей и псаломщиковъ, умершихъ на службѣ до выслуги установленныхъ для пенсіи сроковъ. Причемъ священнослужители и псаломщики,

имѣющіе право на пособіе при выходѣ за штатъ, получаютъ единовременный годовой окладъ полной пенсіи; семействамъ же этихъ лицъ единовременныя пособія выдаются соразмѣрно съ числомъ лѣтъ службы тѣхъ лицъ: семействамъ лицъ, прослужившихъ до 10 лѣтъ,—полугодовой окладъ пенсіи, а лицъ, прослужившихъ свыше 10 лѣтъ—годовой окладъ полной пенсіи.

Въ этомъ „уставѣ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ“ особое вниманіе заслуживаетъ то обстоятельство, что пенсія священниковъ городскихъ и сельскихъ церквей уравнивается. Это вполне справедливо. Сельскіе священники не менѣе, чѣмъ городскіе, работаютъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія русскаго народа; за то сельскимъ священникамъ приходится воздѣлывать менѣе обработанную почву, получать болѣе скудное вознагражденіе за свои труды сравнительно съ городскими священниками и переносить многія неудобства жизни, какихъ не испытываютъ священнослужители и псаломщики городскіе ¹⁾). Кромѣ того, нельзя безъ особеннаго чувства радости не отмѣтить еще и того положенія въ „уставѣ о пенсіяхъ“, что лица, прослужившія всего 20 лѣтъ, а въ случаѣ особенно разстроеннаго здоровья даже 10 лѣтъ, не лишаются пенсіи; единовременное жѣ пособіе могутъ получить священнослужители и псаломщики, прослужившіе отъ 1 года до 5 лѣтъ. Глубоко-отрадное явленіе, свидѣтельствующее о той заботливости, съ какою лица, составившія положеніе о пенсіи, отнеслись къ духовенству.

Высоко служеніе духовенства, многоразличны и тяжелы его обязанности; наше время призываетъ служителей алтари къ особенно энергичной и самоотверженной дѣятельности; взоры лучшихъ людей всей православной Руси съ надеждой и добрыми ожиданіями обращены на православно-русское духовенство. Мы глубоко убѣждены, что назначеніе пенсіи ду-

¹⁾ Мысль о желательности уравниенія пенсіи сельскаго и городского духовенства была своевременно горячо высказана на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“ г. П. Кудр—ымъ. Слава Богу эта благая и справедливая мысль теперь осуществилась!

ховенству значительно подниметь его энергію, укрѣпить его неслабыя силы. И сильный духомъ человѣкъ—все же человѣкъ. Безъ надежды хоть на сносное обезпеченіе твоей грядущей немощной старости или послѣ твоей смерти милыхъ и дорогихъ твоему сердцу—жены и дѣтей трудно всецѣло и беззавѣтно отдаться служенію на благо и спасеніе ближнихъ, трудно не удѣлять хоть части своихъ думъ и заботъ на сбереженіе себѣ „запаса“ на случай болѣзни и старости, семьѣ—на случай смерти. И вотъ неволью двоятся душа труженика: хотѣлось бы всецѣло предаться заботамъ лишь о благѣ и спасеніи порученныхъ его пастырскому водительству, а мысль, что послѣ него семья останется безъ куска хлѣба, или что самъ онъ на закатѣ дней своихъ станетъ тяжелымъ бременемъ для другихъ,—эта мысль страшнымъ призракомъ возстаетъ предъ нимъ, не даетъ ему покоя; а тамъ сначала борьба, а потомъ... забота о конейкѣ на черный день все болѣе и болѣе завладѣваетъ душою и охлаждаетъ высокія порыванія, выѣдаетъ изъ души лучшее, святѣйшее. А кто чаще священно и церковно-служителей стоитъ предъ лицомъ мрачной смерти, кто чаще видитъ тяжелыя послѣдствія необезпеченности семьи, кто, слѣдовательно, чаще наталкивается на мысль о своей старости, своей смерти, необезпеченности своей семьи?

Напутствуя въ загробную жизнь каждаго умирающаго,—какою бы болѣзнію этотъ ни болѣлъ,—пастырь церкви самъ всегда подвергается опасности заразиться, умереть. Не пристало соратнику Христа бояться своей смерти, но человеческая немощъ заставляетъ его бояться своей смерти ради близкихъ и дорогихъ его сердцу. Скучно обезпеченіе нашего духовенства, неподходящъ самый способъ его матеріальнаго обезпеченія, но соратникъ Христовъ, пока силы есть, пока работаютъ руки, сумѣетъ какъ-либо справиться съ невзгодами своей жизни,—онъ долженъ помнить, что и Пастыреначальникъ Христовъ не имѣлъ гдѣ главу подклонить,—пріучить онъ и семью свою мириться съ невзгодами жизни, надѣяться

на Бога; а когда онъ самъ умретъ, — онъ теперь будетъ знать, — семья его не умретъ съ голода, хоть скудное существованіе ей обезпечено его скромной пенсіей. Смѣлѣй возьмется онъ за свое рало, рѣже будетъ онъ оглядываться вспять, менѣе онъ будетъ занятъ мыслию о копейкѣ на черный день, безза-вѣтнѣй онъ предастся своему святому долгу. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду истинныхъ пастырей на нивѣ Христовой, преданныхъ святымъ идеаламъ служенія истинѣ Христовой; а ~~за~~ковыхъ истинныхъ соработниковъ Христу много, много на Руси Святой.

Многая, многая лѣта нашему Благочестивѣйшему Госу-дарю, неустанно заботящемуся о благѣ царства своего; великое спасибо и всѣмъ, потрудившимся въ дѣлѣ обезпеченія ду-ховенства пенсіей! Долгъ каждаго пастыря — вознести о нихъ горячія молитвы къ Богу.

А. Тр.

Нѣсколько словъ о предписаніяхъ церковнаго устава¹⁾.

Что бы ни выпустить изъ православнаго Богослуженія при его сокращеніи,—все оказалось бы лишениемъ для православнаго христіанина. Каѳизмы, напр., говорятъ, удлинняютъ Богослуженіе,—но въ нихъ сколько отрады, сколько успокоенія, сколько поученія—именно въ Богоподобной жизни!.. „Господь посетъ мя и ничтоже мя лишитъ! На мѣстѣ злачнѣ тамо всели мя... Аще бо и пойду посередѣ сѣни смертныя—не убоюся зла, яко Ты со мною еси“... „Кто взыдетъ на гору Господню, или кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ Его?—Неповиненъ руками и чистъ сердцемъ... Сей приметъ благословеніе отъ Господа и милость отъ Бога Спаса своего“...

Говорятъ, что чтеніе тропарей на канонѣ удлинняетъ Богослуженіе. А опустите тропари или сократите ихъ—сколь-

¹⁾ См. № 30 за 1902 г.

кихъ похвалъ въ честь Господа, пречистой Божіей Матери и святыхъ Его лишится человѣческой слухъ. Лишится похвалъ святымъ—душу возвышающихъ, похвалъ беззавѣтныхъ, свидѣтельствующихъ о забвеніи всего земного и устремленіи къ небесному! Если оставимъ тропари, то и не услышимъ радостнаго „Слава Господи святому воскресенію Твоему“, или „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ!“ Не услышимъ дерзновеннаго—„Пресвятая Богородице, спаси насъ!“ или „Святителю отче, преподобне отче... моли Бога о насъ!“—Словомъ, сокращать Богослуженіе въ чемъ бы то ни было, по нашему мнѣнію, значитъ отнимать у христіанъ православныхъ лишнія минуты священной радости и восторга.—Да наконецъ, если ты культурный человѣкъ, движимый дѣйствительно религіозною потребностію, явился въ храмъ Божій присутствовать при Богослуженіи, то по какому праву ты желаешь, чтобы здѣсь происходило все по твоему? Вѣдь если ты истинный христіанинъ православный, то долженъ вѣровать и въ святую Церковь Богомъ учрежденную и во всѣ ея установленія! Не одинъ ты въ храмъ—другіе, можетъ быть, желаютъ, чтобы Богослуженіе было еще продолжительнѣе, но и сихъ православная Церковь указаніями Устава заботливо и мудро ограничиваетъ. Итакъ самая мысль о сокращеніи православнаго Богослуженія, даже въ частнѣйшихъ, дополнительныхъ его частяхъ,—съ теоретической точки зрѣнія не выдерживаетъ критики.

Теперь обратимъ вниманіе на предписанія Церковнаго Устава относительно обыденной жизни православныхъ христіанъ,—не устарѣли ли въ самомъ дѣлѣ эти требованія для современнаго человѣчества и не нужно ли тутъ какого либо измѣненія, сообразно съ современными условіями жизни?—Камнемъ претыканія для современнаго человѣка въ этомъ отношеніи служатъ, главнымъ образомъ, посты, установленныя православною Церковію, поклоны и иныя предписанія, имѣющія въ виду приучить православнаго христіанина жить такъ, чтобы и обыденная его жизнь была проникнута духомъ

церковности, чтобы, такъ сказать, на всемъ въ жизни какъ бы отпечатлѣвался духъ Христовъ, чтобы по всему было видно, что—это жизнь православнаго христіанина.—Не надо много распространяться, чтобы понять—въ чемъ выражается въ жизни духъ церковности.—Вотъ простой человѣкъ, ложась спать, благоговѣнно осѣняетъ ложе крестнымъ знаменіемъ; начиная рѣзать цѣлый хлѣбъ, онъ прежде дѣлаетъ на немъ знакъ креста ножемъ; въ рѣчи добраго христіанина слышится полная преданность волѣ Божіей („если Богъ благословитъ, то...“) и безконечное множество другихъ мелочей,—совокупность которыхъ и составляетъ духъ церковности въ жизни христіанина. И это вовсе не ханжество, ибо простому не культурному человѣку лицемѣрить и времени свободнаго нѣтъ, да и не передъ кѣмъ, а въ основѣ ханжества несомнѣнно лежитъ лицемѣріе.

Посты православной Церкви культурный человѣкъ находитъ ужъ вовсе несовременными, ибо, говорить, спасеніе состоитъ не въ грибахъ или капустѣ, или нищѣ безъ масла—даже постнаго, а въ чемъ то другомъ. Множество поклоновъ, говорить, тоже не пользуетъ, ибо это дѣйствіе чисто механическое и кромѣ усталости ничего не производитъ... „Постящися, братіе, тѣлеснѣ—постимся и духовно“ приглашаетъ св. Церковь, но она же и объясняетъ, въ чемъ долженъ состоять истинный постъ для христіанина. „Истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе,—оглаголанія, лжи и клятвопреступленія, сихъ оскуднѣніе, постъ истинный есть и благопріятный“ (Понед. 1-я седм. стих. на Стиховиѣ).—Такимъ образомъ истинный постъ есть воздержаніе отъ всего грѣховнаго, а это воздержаніе обуславливается несомнѣнно постомъ тѣлеснымъ, смиряющимъ плоть и духъ. Воздержаніе служитъ одинаково существенною принадлежностію какъ духовнаго, такъ и тѣлеснаго поста, а то и другое воздержаніе ведетъ къ ограниченію человѣческаго самолюбія и къ прямому повиновенію высшему руководству—именно руководству св. Церкви, водимой Духомъ Святымъ.

Правда, важность поста заключается не въ родѣ пищи, а въ заповѣди, въ повелѣніи не употреблять скоромной пищи. Установленіе постовъ для православнаго христіанина—все равно что заповѣдь, данная въ раю первымъ людямъ,—а значеніе всякой заповѣди заключается въ томъ, что она ведетъ человѣческую волю къ упражненію въ добрѣ. Какъ въ раю заповѣдь была вѣрнымъ воспитательнымъ средствомъ, такъ посты въ настоящее время упражняютъ человѣческую волю въ повиновеніи св. Церкви, а отсюда и—Богу какъ ея главѣ. Если наше умствование находитъ посты обременительными, для благоугожденія Богу ненужными, а, слѣдовательно, и для спасенія излишними, то оно (умствование) прямо ведетъ насъ ко грѣху, содѣланному первыми людьми въ раю, ибо какъ тамъ обнаружилось своеволие, возбужденное гордымъ самолюбіемъ, такъ и здѣсь—та же гордость, становящая свое сужденіе выше указаній св. Церкви.

То же и о поклонахъ. И въ нихъ выражается повиновеніе православнаго христіанина св. Церкви и служеніе Богу, ибо въ сознательномъ поклоненіи изливается благоговѣніе предъ Богомъ. Св. Церковь во всѣхъ предписаніяхъ Устава даетъ христіанину готовыя указанія относительно того, какъ именно онъ полнѣе и разнообразнѣе можетъ внѣшнимъ образомъ выразить свое служеніе Богу. Что же касается опредѣленнаго времени и продолжительности постовъ и количества поклоновъ по указаніямъ Церковнаго Устава, то они (опредѣленность и время) такъ же необходимы въ жизни христіанина, какъ извѣстная ясность и опредѣленность всякой вообще дисциплины. Во всякой дисциплинѣ ясность и опредѣленность требованій имѣетъ для всѣхъ одинаковую важность и всякое требованіе—одинаковую обязательность, такъ что только полное и безусловное подчиненіе дисциплинѣ обуславливаетъ успѣхъ, а напротивъ всякое нарушеніе дисциплины прямо препятствуетъ образованію добрыхъ привычекъ. Все безъ исключенія въ православной Церкви имѣетъ воспитательное и руководственное ко спасенію значеніе—и православная

Церковь въ своихъ уставахъ указываетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ—безъ всякаго изъятія—только необходимое. Для тѣхъ же христіанъ, которые бы пожелали выразить свое служеніе Богу сверхъ указаній Устава еще въ какихъ либо формахъ,—она указываетъ благочестивые подвиги въ родѣ напр. такого: „Аще обрящещи возглавницу мягку,—остави ю, а камень подложи (подъ голову) Христа ради“...

Напрасно современный культурный человѣческой духъ мятется передъ требованіями церковнаго Устава, будто бы для него устарѣвшими, ибо въ этихъ же самыхъ требованіяхъ и этотъ же самый культурный духъ человѣческой, если отбросить въ сторону свою гордость и самолюбіе,—найдетъ для себя прямой путь къ такимъ душевнымъ состояніямъ, относительно которыхъ желательно, чтобы они не прекращались. Подите вы, культурные люди въ храмъ Божій въ страстную субботу и послушайте на вечернѣ внимательно и безъ предубѣжденія тѣ самыя 15 паремій, продолжительнымъ чтеніемъ которыхъ вы рѣшительно возмущаетесь... Вы почувствуете себя, не скажу зрителями тамъ описываемаго, а—прямо дѣйствующими лицами,—и въ концѣ перваго отдѣла паремій вы отъ всей души—вмѣстѣ съ Моисеемъ и сынами израильскими радостно воспоете пѣснь сію: „поимъ Господеви—славно бо прославися!..“ Въ концѣ втораго отдѣла паремій такой же восторгъ обнимаетъ душу, и христіане, вмѣстѣ съ тремя отроками, едиными устами отъ полноты чувства славятъ и благословляютъ Бога: „Господа пойте и благословите во вся вѣки!..“

Если же современный культурный человѣкъ не можетъ безъ предубѣжденія слушать указанный рядъ паремій, на который мы намѣренно здѣсь указываемъ, то ему можно посоветовать ограничиться только малой мытаревой молитвой, т. е. ставъ у порога церковнаго и сознавъ себя передъ Богомъ недостойнѣйшимъ всѣхъ людей,—съ тугою сердечною внутренно взывать: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!“—Если человѣкъ способенъ на такое смиреніе, то всякаго вѣроятія достойно, что онъ самъ согласится, что требованія

церковнаго Устава и нынѣ да и всегда и для всякаго христіанина—отъ простеца до стоящаго на высокихъ ступеняхъ развитія—не могутъ быть отжившими, ибо въ нихъ то—этихъ требованіяхъ устава—и запечатлѣно служеніе Богу духомъ и истиною.—Надо помнить, что служеніе и сыновнее повиновеніе установленіямъ Церкви ведетъ къ духовнымъ радостямъ, а не киченіе духа и посягательство его на сокращеніе или измѣненіе этихъ установленій по своему.—Да и кто знаетъ—можетъ быть соблюдаемые посты и поклоны или нѣчто отъ таковыхъ окажутся единственными нашими дѣянiями, на которыя Господь милостивымъ окомъ воззрѣть въ день судный?

Протоіерей Х. *Бѣлковъ*.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ ¹⁾.

РАЗСКАЗЪ.

III.

Къ началу новаго учебнаго года молодой Иконниковъ явился въ К. уже не робкимъ новичкомъ; съ понятнымъ чувствомъ самодовольства вступалъ онъ въ храмъ науки полноправнымъ студентомъ-медикомъ. Это радовало его въ тайникъ души, придавало самоувѣренности, и онъ давалъ себѣ обѣщаніе, не щадя силъ, честно довести удачно начатое дѣло до конца. Но, какъ говорится, не всегда удачное начало приводитъ къ счастливому концу; иногда жизнь способна неожиданно-негаданно шутить злымъ шутки надъ человѣческими планами, безжалостно разбивая самыя завѣтныя мечты. Не удалось и Анатолю осуществить своихъ благихъ намѣреній.

Беззавѣтная, неопытная молодость, горячія головы, отзывчивыя души—на что не способны онѣ въ порывѣ увлеченія, особенно безъ должнаго разумнаго руководства? И дорого платится порою молодость за свои вольные и не-

¹⁾ См. № 30 за 1902 г.

вольные грѣхи—иногда цѣною счастія всей жизни! Съ нашимъ героемъ случился въ ту же зиму подобный неожиданный пассажъ. Въ К. разыгралась довольно бурная студенческая исторія въ видѣ протеста противъ семейнаго деспотизма, жертвой котораго оказалась дѣвушка-невѣста изъ купеческой семьи. Противозаконныя манифестаціи молодежи повели къ увольненію десятка студентовъ—зачинщиковъ протеста; въ числѣ ихъ оказался и простоватый Анатолій уволеннымъ на одинъ годъ. Какъ тутъ быть?.. Обезкураженный сначала, онъ все-таки не палъ духомъ, но рѣшилъ стойко вынести на молодыхъ плечахъ такъ неожиданно выпавшее испытаніе и потомъ опять продолжать намѣченный путь. Честно, по-юношески, не хотѣлъ онъ скрывать случившагося отъ родной семьи. И нужно ли говорить, какъ жестоко отозвалось его извѣщеніе о своемъ первомъ житейскомъ крушеніи на отцѣ и матери? Было пролито не мало слезъ, и послано сыну не одно письмо съ горячимъ призывомъ—возвратиться домой и бросить мечты. Отецъ прибѣгъ даже къ послѣдному средству: не общалъ высылать ему болѣе денегъ на содержаніе. Ничто не помогало. Анатолій Николаичъ выдерживалъ терпѣливо искусь, на письма отвѣчалъ уклончиво и продолжалъ жить въ К., при чемъ не поѣхалъ домой и на лѣто.

Средства пропитаться нашлись: Иконниковъ вспомнилъ о своемъ хорошемъ голосѣ и приобрѣтенномъ въ духовной школѣ искусствѣ пѣнія и поступилъ въ архіерейскій хоръ. Не особенно радовала теперь жизнь юнаго мечтателя, не по душѣ приходился скудный заработокъ пѣвчаго, разочаровывался онъ въ искренней дружбѣ кружковыхъ пріятелей-студентовъ, изъ которыхъ многіе словно отшатнулись отъ него. Но Анатолій, не придавая ничему этому большого значенія, терпѣливо выжидалъ срока окончанія кары. Прошло лѣто, проходила зима, приближался ужъ желанный срокъ. И вотъ тутъ-то вновь надъ головой бѣднаго неудачника стряслись новыя бѣды, которымъ суждено было поколебать его самоувѣренность и перевернуть всю жизнь.

Въ описываемое время въ родной семьѣ Иконникова происходили тоже важныя перемѣны. „Оказалось, что неудача сына не прошла безслѣдно для отца: о. Николай, слабый здоровьемъ, началъ чувствовать себя хуже и хуже; видимо, близилась роковая семейная развязка. Анатолій получилъ отъ него послѣднее письмо. „Милый сынъ!.. Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ,—писалъ отецъ дрожащей рукой,—и благословляю тебя. Скоро ужъ другой кто-нибудь извѣститъ тебя о моей смерти. Послушай отцовскаго совѣта—возвратись; не все пропало, не все потеряно. Кто знаетъ, не Самъ ли Богъ зоветъ тебя къ Себѣ на службу посланнымъ испытаніемъ? Успокойшь, утѣшишь мать, помянешь и Меня“.

Предчувствіе не обмануло о. Николая. Скоро узналъ сынъ о его смерти и о томъ, что на его мѣсто поступаетъ товарищъ Анатолія—Зобнинъ и беретъ за себя Лизу.

Перемѣна домашнихъ обстоятельствъ наводила юнаго борца съ превратностями жизни на невеселыя размышленія. Теперь нечего ожидать ему изъ дома матеріальной помощи, а при новомъ поступленіи въ число студентовъ пѣніе приходилось оставить; уроки, переписка и проч.—все это представлялось ненадежнымъ средствомъ. Въ душевномъ настроеніи Анатолій не чувствовалъ прежней бодрости, розовыя мечты начали покрываться жизненнымъ мрачнымъ налетомъ. Какъ не пытался онъ отгонять отъ себя мысль о возвращеніи домой, о томъ, чтобы бросить все и идти въ отвергнутое имъ когда-то духовное званіе, мысль эта назойливо, неотступно возвращалась къ нему. Вспоминалось послѣднее письмо отца, предсмертный призывъ его идти на служеніе Богу... Служеніе Богу, чудное, высокое служеніе—оно-то въ особенности и смущало душу юноши: чуждымъ, далекимъ отъ Бога чувствовалъ онъ себя. Давно религіозныя думы не занимали ума Анатолія, давно не испытывалъ онъ молитвеннаго теплаго чувства вѣры въ себѣ: оно за послѣдніе годы совсѣмъ какъ будто вымерло, заглохло въ его груди. И не то, чтобы онъ сталъ невѣрующимъ по убѣжденію, полнымъ отрицателемъ, какъ нѣ-

которые изъ его университетскихъ товарищей, — нѣтъ, этого не было. Просто, погоня ли за успѣхомъ, жизнь ли, наполненная другими интересами, юношеское ли легкомысліе сдѣлали то, что онъ незамѣтно для себя утратилъ набожность, допустилъ заглухнуть въ себѣ святому чувству вѣры. И вотъ теперь сталъ онъ замѣчать въ себѣ странную переменѣ: нѣтъ-нѣтъ, это заглухшее святое чувство робко начинало шевелиться въ остывшей груди, подобно глухому укору совѣсти, и стыдно и не ловко и въ то же время отрадно—тепло становилось послѣ такихъ минутъ наболѣвшей, сиротливой душѣ.

Разъ подобное настроеніе посѣтило Анатолія за архіерейскимъ богослуженіемъ; чуть не въ первый разъ испыталъ, почувствовалъ онъ въ себѣ потребность молиться и плакать. Задумчивымъ, сосредоточеннымъ пришелъ онъ изъ собора въ свою квартирку и въ какой-то тревогѣ провелъ весь остатокъ дня... Представлялся ему, какъ живой, умирающій гдѣ-то тамъ далеко, въ родномъ знакомомъ домикѣ, его добрый, славный, вѣрующій отецъ, всю жизнь служившій Богу, и припомнились опять слова его послѣдняго письма: „возвратись, служи Богу, молись за меня“...

Не пора ли и въ самомъ дѣлѣ, —размышлялъ Иконниковъ, —покончить счеты и бросить борьбу, которая, можетъ быть, и не приведетъ ни къ чему? Не возвратиться ли и впрямь туда, въ тѣ родныя мѣста и среду, гдѣ люди живутъ еще вѣрой? Не правъ ли былъ отецъ со своимъ призывомъ, —вѣдь онъ же писалъ: „не все еще погибло, не все потеряно“... Что же, и тамъ найду дѣло по душѣ, —было бы желаніе, была бы охота.

Думы неотступно преслѣдовали мысль неудачника, рѣшеніе зрѣло, —не то прежнее, смѣлое рѣшеніе, которое увлекло его въ водоворотъ, а кроткое и смиренное—возвратиться къ тому, отъ чего отрекался... И вотъ, Анатолій Николаичъ въ началѣ лѣта явился въ родные края.

IV.

Дома бывший студентъ засталъ все въ измѣненномъ до неузнаваемости видѣ, начиная съ близкихъ лицъ и кончая обстановкой. Встрѣтила его состарившаяся, осунувшаяся отъ пережитаго горя мать, съ слезами радости обнявъ вернувшася въ ея объятія любимца.

— Здравствуй, мой соколикъ, дай поглядѣть-то на тебя,—вѣдь давно не видѣла тебя, родной!—всхлипывая говорила мать.—Натерпѣлся горя, чай, измучился на чужой сторонѣ?.. Не привелъ Господь проститься и съ отцомъ: ужь какъ-то убивался о тебѣ покойный, все звалъ тебя предъ смертью...

Сердечно, радушно, какъ родного и любимаго члена семьи, приняла Анатолія Лиза, теперь уже молодая матушка, и ея мужъ—о. Петръ Зобнинъ. И сестру и товарища едва узнавалъ онъ въ ихъ новомъ положеніи и званіи, да и самъ, навѣрное, производилъ на всѣхъ подобное же впечатлѣніе. Кромѣ домашнихъ родныхъ, привелся тутъ же еще гость, родной дяди, братъ о. Николай, тоже священникъ—о. Павелъ, человѣкъ практическаго склада ума, не любитель никакихъ увлеченій.

— А, возвращающійся Аргонавтъ! Милости просимъ пожаловать, надумалъ-таки къ намъ!—не безъ злой ироніи встрѣтилъ онъ племянника—И прекрасно сдѣлалъ! Слышалъ о твоихъ дѣлахъ—не важны они, но что подѣлаешь: съ кѣмъ не случается! Ну, попробовалъ,—не несчастливилосьъ, иди опять къ намъ, ближе къ Христу. Онъ приметъ, Онъ грядущаго не изгоняетъ; мѣста будетъ и тебѣ—у него обители многи!.. Конечно, теперь уже не сразу: принеси покаяніе, загладь прежніе грѣхи. Вотъ мой совѣтъ: ступай, братъ, въ псаломщики или учителя, зарекомендуй себя предъ начальствомъ—и всего прежняго какъ не бывало, проберешься и въ священники... Такъ-то, другъ мой! Отъ души и на добро говорю,—по родственному чувству...

Съ пристыженнымъ и виноватымъ видомъ выслушивалъ племянникъ добрые, но рѣзкіе совѣты дяди; возражать не приходилось, да и нечего было сказать на прямыя рѣчи о Павла. Это сознавалъ болѣзненно въ глубинѣ души и самъ Анатолій Николаичъ. Конечно, раньше не вынесъ бы онъ подобныхъ колкостей и сумѣлъ бы „осадить“ расходившагося дядю; но жизненные неудачи сдѣлали свое дѣло—смирили гордый, протестующій духъ бывшаго студента... Сквозь наружную грубоватость и иронію въ словахъ о Павла чувствовались и родственное участіе и искренняя благожелательность, а это ему теперь было всего дороже и дѣйствовало ободряюще на измученную душу неудачника...

Чѣмъ больше задумывался онъ надъ словами дяди, тѣмъ больше соглашался съ жизненной правдой его совѣта и, наконецъ, рѣшилъ послѣдовать ему. Иного разумнаго выхода изъ безпощаднаго, неопредѣленнаго положенія не представлялось его разочарованному воображенію.

Съ осени Анатолій Николаичъ сдѣлался скромнымъ учителемъ деревенской церковной школы—и этой должности достигъ не безъ труда: только по ходатайству того же дяди о Павла и за его ручательствомъ въ благонадежности племянника, осмотнительное училищное начальство опредѣлило штрафованнаго студента въ свою школу подъ бдительный надзоръ завѣдующаго священника. И не легки были его первые шаги на поприщѣ учительства, не сразу здѣсь почувствовалъ себя онъ на своемъ мѣстѣ. Недавнее прошлое давало себя чувствовать. Начальствующія лица зорко слѣдили за каждымъ словомъ и поступкомъ новаго учителя. Страдалъ не мало Анатолій Николаевичъ и отъ насмѣшливаго отношенія къ нему, какъ неудачнику, со стороны знакомаго духовенства, особенно товарищей, не забыто при этомъ было и ѣдкое прозвище „аргонавта“, пущенное въ ходъ его же роднымъ дядей. Одни праздные вопросы о его студенчествѣ и неудачахъ, съ которыми лѣзли неотступно знакомые и незнакомые люди, доводили его до страшныхъ внутреннихъ терзаній.

Но велика сила всеисцѣляющаго, всестлаживающаго времени. Прошли два года, и за это время усиѣль Анатолій Николаичъ воспрянуть упавшимъ духомъ, примириться съ жизнью и окружающею средой. Честный, славный трудъ учителя заставлялъ забывать горечь жизни, скромная крестьянская среда научала и его умѣрять необузданную широту взглядовъ и видѣть цѣль и смыслъ существованія не въ туманной дали, а вблизи себя—въ посильной работѣ на благо ближняго. Теперь онъ снова былъ опять своимъ среди своихъ, прежней недовѣрчивости и натянутости во взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и окружающими лицами не оставалось и слѣда. Чѣмъ жили и во что вѣрили эти простые люди,—народъ и духовенство,—то же полюбилъ и недавній ренегатъ. Неудачная вылазка его въ иную жизнь, далекую и чуждую этимъ людямъ, не вспоминалась болѣе, не ставилась бѣдному учителю въ вину. И—удивительное дѣло!—то, чему не научила въ должной степени духовная школа нашего героя, тому научила его суровая школа жизни, именно—смиренно вѣрить и молиться. Да, теперь только, смиривши гордыя мечты, онъ понялъ смыслъ и силу вѣры простого человѣка, понялъ и оцѣнилъ незамѣтный міру, но высокій и несказанно плодотворный жизненный подвигъ своего хроткаго, смиреннаго отца, насаждавшаго и поддерживавшаго спасительную вѣру въ сердцахъ простыхъ людей. Итти по его стопамъ, продолжать его святой подвигъ служенія Христу среди народа—вотъ что стало отнынѣ завѣтнымъ стремленіемъ и цѣлью жизни молодого Иконникова...

Еще чрезъ годъ его искреннее, сердечное желаніе исполнилось. Женившись на простой и милой дѣвушкѣ—„епархіалкѣ“, подругѣ сестры Лизы по училищу, Анатолій Николаичъ опредѣлился священникомъ въ село, сосѣднее съ Зайцевымъ, съ намѣреніемъ отдать всѣ силы, всю жизнь на пастырское служеніе народу. Далекими и чуждыми представлялись ему теперь юношескія увлеченія, и воспоминанія о цер-

выхъ неудачныхъ шагахъ въ жизни не тревожили и не смущали его болѣе...

— Ну, не правда-ли моя, дорогой племянникъ? Нѣтъ лучше и святѣе нашего служенія,—радуясь на мирное, тихое счастье молодого священника о. Анатолія, говорилъ о. Павель въ одно изъ частыхъ посѣщеній.—Хорошо, что принялъ совѣтъ дяди и не обидѣлся тогда, что назвалъ въ шутку „аргонавтомъ“... Именно, къ тихому пристанищу притекъ ты, и молись Богу, что житейское море тебя въ конецъ не погубило!...

Свящ. *Аѳанасій Веселуцкій.*

ОБЪ АЛКОГОЛИЗМЪ.

Въ газ. „Нов. Вр.“ помѣщена статья М. Меньшикова, посвященная самому странному недугу въ жизни человѣческой—алкоголизму съ его гибельными послѣдствіями.

Описывая, сколь широко и губительно вліяніе алкоголя, авторъ говоритъ, „что ему поддаются не только простые смертные, но и представители высшаго авторитета. И по странной, необъяснимой причинѣ безобразіе этого порока не кажется безобразнымъ, ужасъ не ужасаетъ. Голосъ науки, во всѣхъ другихъ областяхъ уважаемый, здѣсь едва лишь выслушивается; слѣдовать ему никто не хочетъ. Напрасно наука утверждаетъ, что пьянство сродни безумію, что до 42% сумасшествій, до 38% самоубійствъ, до 80% преступленій, до 40% всѣхъ случайныхъ смертей вызываются пьянствомъ. Напрасно статистика свидѣтельствуетъ, что почти половина всѣхъ катастрофъ вызывается опьянѣніемъ, оно все еще кажется допустимымъ, почти желательнымъ, подчасъ—похвальнымъ. Въ деревнѣ, если молодой батюшка не пьетъ, крестьяне на него начинаютъ смотрѣть косо. Имъ кажется, что онъ нарушаетъ святость праздника и общую радость. Въ военномъ быту полковые праздники оканчиваются кутежами, и офицеръ, отказывающійся отъ этого обычая, считается плохимъ товарищемъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовые праздни-

ки сопровождаются пьянствомъ, иногда самымъ безобразнымъ. Свирѣшествуетъ этотъ порокъ и между литераторами, художниками, актерами. Сколько на нашей памяти погибло отъ водки талантливыхъ русскихъ писателей и иногда какъ трагически! Если наши великіе люди не поддавались ни сумашествію, ни пьянству, зато сколько было задавлено алкоголемъ людей высоко-даровитыхъ: Помяловскій, Курочкинъ, Мей, Куцевскій, Омуревскій, Аполлонъ Григорьевъ, оба брата Успенскіе, Писемскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Терпигоревъ и многіе другіе. Не будемъ говорить о живыхъ, на нашихъ глазахъ неудержимо гибнущихъ отъ пьянства. Казалось бы, какъ не убѣдиться, что это хуже чѣмъ порокъ, что это непрерывный источникъ порочности, горькій потокъ зла, распадающійся брызгами насилій, преступленій, помѣшательствъ, самоубійствъ. Казалось бы, какъ не вступать съ этимъ дьявольскимъ культомъ въ ожесточенную борьбу. На самомъ же дѣлѣ никакой борьбы нѣтъ, и на всѣ увѣщанія науки общество отвѣчаетъ затверженной равнодушной фразой: „Злоупотребленіе спиртомъ дѣйствительно вредно, но умѣренное употребленіе его полезно“.

Но полезно ли, однако, говорить авторъ, это „умѣренное употребленіе?“

Докторъ Крецмеръ въ послѣдней книжкѣ „Ежемесячн. Сочиненій“ даетъ новѣйшія данныя науки по этому важному вопросу. Если прежде нѣкоторые ученые думали, что „немножко алкоголя—полезно“, то теперь этотъ взглядъ приходится оставить. Тщательныя изслѣдованія профессоромъ Ноордена и Кассовица окончательно установили, что *алкоголь ядъ и только ядъ*. Прежде думали, что спиртъ хоть и ядъ, но въ то же время питательное вещество. Это оказалось грубымъ заблужденіемъ. Спиртъ *только* ядъ. Какъ и всѣ остальные яды, онъ въ большихъ дозахъ дѣйствуетъ смертельно, въ меньшихъ же сообразно степени отравленія—раздражаетъ ткани. Доктора Трибуле и Матье въ послѣднемъ специальномъ сочиненіи по этому вопросу признаютъ

спиртъ во всѣхъ случаяхъ ядомъ, не имѣющимъ никакихъ укрѣпляющихъ, питательныхъ и вообще полезныхъ свойствъ. Спиртъ увеличиваетъ жиръ въ крови, разлагаетъ красныя кровяныя тѣльца и образуетъ кровяные шлаки, ядовитое дѣйствіе которыхъ производитъ похмелье. У пьяницъ нѣтъ неповрежденнаго органа: желудокъ, печень, почки, сердце—самыя важныя и самыя тонкіе приборы изнурены этой отравой. Уже $\frac{1}{4}$ чарки спирта заставляеть сердце работать какъ бы лишній часъ въ сутки, $\frac{1}{4}$ чарки заставляеть его работать какъ бы четыре лишнихъ часа. Этотъ бичъ сердца служить частою причиною гипертрофіи и ожирѣнія его. Еще пагубнѣе вліяніе спирта на нервы. Проф. Крепелинъ, д-ръ Ашаффенбергъ и Смитъ дѣлали опыты надъ людьми, занимающимися умственной работой. Уже $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ чарки спирта (бутылка мозельвейна, $2\frac{1}{2}$ бут. пива) тотчасъ понижаютъ умственныя способности. Читаніе вслухъ, умственный счетъ, выучиваніе наизусть, рѣшеніе задачъ—все это сразу дѣлается труднымъ, но стоишь прекратить дачу вина,—тѣ же лица становились какъ будто даровитѣе. Пробовали давать наборщикамъ по $\frac{1}{4}$ чарки спирта въ день, и они производили на 10--19% меньше, чѣмъ обыкновенно, „хотя имъ и казалось, будто они хорошо и легко работаютъ“. Спиртъ тѣмъ опасенъ, что онъ обманываетъ сознаніе. Пьянящему человѣку кажется, что онъ дѣлается свѣжѣе, что усталость исчезаетъ, что силы растутъ, между тѣмъ, въ дѣйствительности все идетъ наоборотъ, силы падаютъ и падаютъ до окончательнаго одурѣнія. Трудно представить себѣ, до какой степени дорого въ данномъ случаѣ обходится физическая иллюзія.

Всѣ сильныя яды—честныя, откровенныя по дѣйствию, явно губительныя, ядъ же алкоголизма даетъ иллюзію возрожденія, приподнимаетъ самочувствіе, дѣйствуетъ коварно, завораживающе, прежде чѣмъ убить. Чуть не до момента гибели организмъ остается обманутымъ; онъ чувствуетъ упадокъ жизни но, готовъ приписать его чему угодно, только не вину. Напротивъ, отъ него онъ ждетъ воскресенія силъ, и каждый

разъ ему кажется, что онъ ощущаетъ его. Но не только въ личной судьбѣ множества милліоновъ людей, но и въ ихъ потомствѣ спиртъ производитъ самыя опустошительныя катастрофы. Кромѣ алкоголиковъ, медленно погибающихъ, за ними тянется потомство, состоящее изъ идіотовъ, эпилептиковъ, психопатовъ, самоубійць и еще болѣе обширное и неопредѣлимое потомство людей какъ-будто совсѣмъ здоровыхъ, но съ пониженною жизнеспособностью, которые хирѣютъ Богъ-вѣсть отъ какой причины при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, точно на нихъ лежитъ какое-то тайное проклятіе, но поразспросите хорошенько, и окажется, въ большинствѣ случаевъ, что это потомство пьяницъ. „Я не пью водки,—говорилъ мнѣ одинъ писатель—не пью потому, что алкоголь мнѣ противенъ. Но я чувствую, что я отравленъ имъ еще въ утробѣ матери. Я не пью но желудокъ у меня такой, какъ будто я пилъ,—катаральный, слабый. Я не пью, а мое сердце, почки, печень, нервная система построены по складу пьяницъ, и эти органическія, наслѣдственныя разстройства едва ли излѣчими. Я не пью, но трезвый иногда чувствую опьянѣніе, какъ будто бы пилъ. Будучи трезвымъ, я прихожу иногда въ бѣшенство изъ-за пустяковъ, я способенъ на жестокость, на буйство, совершенно какъ пьяный. Я не пью, но часто переживаю угнетенное состояніе безконечной тоски, упадка духа, бездѣятельности, злобы на весь міръ.

— Что же это такое?—спрашиваю я.

— Да просто похмелье. Наслѣдственное похмелье отъ того пьянства, которому предавались мои дѣды и прадѣды въ прошлые вѣка. Они умерли, а разстройство и души и тѣла осталось въ насъ—потомкахъ. Поистинѣ, въ чужомъ пиру похмелье! Меня считаютъ даровитымъ, я—извѣстность, мнѣ хорошо платятъ. Но взгляните внимательнѣе и вы увидите, что я глубоко несчастный человѣкъ, что жизнь моя сложилась ужасно бездарно. И вся наша порода такъ. Сколько я понимаю, наша семья могла бы дать рядъ блестящихъ дѣятелей государству и не дала ни одного. И прадѣдъ, и

дѣдъ, и отецъ и дядя заражались пьянствомъ еще въ молодости, многіе не доучивались, не дослуживались, не дорабатывали никакого дѣла до конца, выходили въ отставку и погружались въ глушь деревни. Въ деревнѣ рай, но они тянули горькую, отравляли жизнь своимъ женамъ и дѣтямъ и рано умирали.

— Такъ что вы противъ даже умѣреннаго употребленія водки?

— Ахъ, Боже мой, слушать тошно. Эта заученная фраза объ „умѣренномъ употребленіи“ жестока. Вы понимаете, я вовсе не пью водки и все-таки погибаю отъ нея. Я потерялъ отца и родного брата отъ пьянства, теперь на моихъ глазахъ другой братъ спивается. Я окруженъ пожаромъ, гдѣ тлѣетъ все дерево моей породы и я самъ, а вы говорите какъ будто это законъ природы. Да и не обо мнѣ рѣчь. Загляните же въ народную жизнь, поглядите Христа ради на это море слезъ, пучину нестерпимаго страданія, вносимаго въ жизнь водкой. Посчитайте же миллионы разоренныхъ избъ и квартиръ, десятки миллионъ раздѣтыхъ женъ и дѣтей, примите въ расчетъ кромѣшныя мученія самихъ пьяницъ, прямо сгорающихъ какъ бы въ адовомъ огнѣ. Тутъ вопросъ о самой расѣ русской, ея физическомъ бытіи¹⁾.

Думать, что будущее народа нашего завить отъ Портъ-Артура или Багдадской дороги, просто ребячество, а вотъ если „загноился народъ отъ пьянства“, какъ увѣрялъ знатокъ на-

¹⁾ Иллюстрируя примѣромъ, насколько гибельно вліяніе алкоголя, какъ народнаго бѣдствія, авторъ указываетъ, что американскій министръ Эвретъ высчиталъ, во что обходится для Сѣверной Америки потребленіе спирта. За одно десятилѣтіе (1860—1870 г.) оно обошлось въ три миллиарда 600 миллионъ долларовъ. За десять лѣтъ, по вычисленію министра, погибло вслѣдствіе пьянства до 300.000 человекъ, было послано въ дѣтскіе пріюты до 100.000 дѣтей и до 150.000 человекъ отравлены въ тюрьмы. Прибавьте сюда 2.000 самоубійць, прибавьте горькую участь до миллиона сиротъ, оставленныхъ пьяницами,—вотъ приблизительный подсчетъ человѣческихъ жертвъ тому темному духу, который кроется въ спиртѣ. Это въ Америкѣ, гдѣ свободное общество вооружено съ головы до ногъ для нравственной и политической борьбы со всѣми социальными недугами.

родной жизни Достоевскій, если засмердѣлъ онъ виннымъ тлѣніемъ до того, что иностранцевъ, вродѣ Волюэ, просто тошнить отъ картинъ Горькаго, картинъ очень правдивыхъ, хоть и безнадежныхъ, то это вопросъ трагической глубины. Передъ нами огромный крайне обѣднѣвшій народъ, худо кормленный, болѣзненный, беспомощный,—изъ силъ выбивающійся на работѣ. Подумайте, чѣмъ все это можетъ кончиться.

Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви ¹⁾.

5. Блаженный Иеронимъ.

Въ письмѣ блаженнаго Иеронима къ Непоціану „Объ обязанностяхъ клириковъ“ есть нѣкоторыя указанія относительно того, каковы должны быть предметъ, задача и цѣль проповѣди. Равнымъ образомъ здѣсь есть указанія и на обязанности проповѣдника. Такъ, напримѣръ, блаженный Иеронимъ упоминаетъ о томъ, что пастырь церкви долженъ заниматься изученіемъ Священнаго Писанія. „Тѣмъ, пишетъ онъ, которые юность свою обогатили полезными знаніями, и въ законъ Господни поучались день и ночь (Псал. 1, 2), старость доставляетъ то преимущество, что они бывають по самому возрасту образованнѣе, отъ навыка опытнѣе, съ теченіемъ времени глубокомысленнѣе и пожинають самые зрѣлыя плоды давнихъ занятій своихъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ того же письма онъ замѣчаетъ: „Читай какъ можно чаще Божественное Писаніе, или лучше, не выпускай изъ рукъ Божественныхъ книгъ. Чему ты долженъ научать, тому самъ научись“ ³⁾. Слѣдовательно, предметъ христіанской проповѣди, по мнѣнію блаженнаго Иеронима, составляетъ изъясненіе Священнаго Писанія, изученіемъ котораго пастырь церкви и долженъ зани-

¹⁾ См. № 29 за 1902 г.

²⁾ „Письмо блаженнаго Иеронима къ Непоціану“. „Христ. Чтеніе“ за 1836 г., т. 2-й, стр. 254.

³⁾ Тамъ же, стр. 264.

маться. Въ томъ же письмѣ къ Непоціану блаженный Иеронимъ напоминаетъ пастырю: „Держись истиннаго слова, согласно съ ученіемъ, дабы ты могъ наставлять здоровымъ ученіемъ и противящихся обличать (Тит. 1, 9)“¹⁾. Въ этихъ словахъ блаженнаго Иеронима заключается указаніе и на задачу проповѣди. Она состоитъ въ томъ, чтобы укрѣплять вѣрующихъ въ здоровомъ ученіи и обличать противящихся этому ученію, то есть, язычниковъ и еретиковъ. Есть у блаженнаго Иеронима и еще отрывочныя указанія на задачу проповѣди. Такъ, онъ говоритъ: „Пусть христіане находятъ насъ утѣшителями въ своихъ горестяхъ“²⁾. Въ концѣ своего письма Иеронимъ прибавляетъ: „Я не думалъ обличать живущихъ во грѣхѣхъ, а давалъ совѣты не грѣшнить“³⁾. То есть, по нему, „утѣшеніе въ горестяхъ“ и „подаваніе совѣтовъ“ также должно составлять задачу проповѣднической дѣятельности пастыря церкви.

Въ чемъ же состоитъ цѣль проповѣди? Цѣль пастырской проповѣди блаженный Иеронимъ выясняетъ и опредѣляетъ такъ: „Когда ты учишь въ церкви, старайся не о томъ, чтобы тебя хвалили, но чтобы изъ глубины сердца воздыхали. Похвалою тебѣ должны быть слезы слушателей. Между прочимъ, слово пресвитера должно быть украшено словами Писанія. Я не желаю, чтобы ты витійствовалъ на показъ, не давая въ томъ и себѣ отчета; я хочу видѣть въ тебѣ тайновѣдца, изучающаго сокровенныя совѣты Бога своего. Бросать словами и удивлять многорѣчіемъ несмысленную чернь предоставь неученымъ. Есть люди, которые, съ безстыдствомъ на челѣ, часто толкуютъ, чего вовсе не знаютъ, и если имъ удастся склонить къ чему-нибудь другихъ, то они начинаютъ уже мечтать о великости собственнаго ума“⁴⁾... „Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ блаженный Иеронимъ, нѣтъ ничего легче,

¹⁾ Тамъ же, стр. 261.

²⁾ Тамъ же, стр. 281.

³⁾ Тамъ же, стр. 283.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 267.

какъ забросать словами простой народъ и толпу необразованныхъ; они чѣмъ менѣе что-нибудь понимаютъ, тѣмъ болѣе тому удивляются“¹⁾. Итакъ, истинная цѣль проповѣди состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы „забросать простой народъ и толпу словами“. Цѣль ея глубже и возвышеннѣе: блаженный Иеронимъ даетъ наставленіе пастырю „пріобрѣсти для себя и пасомыхъ благоразуміе, справедливость, воздержаніе и мужество. Въ этихъ четырехъ добродѣтеляхъ, какъ четырехъ странахъ свѣта, долженъ заключаться весь міръ его дѣятельности. Эта четверокопная колесница должна вести его къ цѣли, какъ возницу Христова“²⁾. Слѣдовательно, истинная цѣль проповѣди должна полагаться въ томъ, чтобы возбудить въ слушателяхъ стремленіе „пріобрѣсти добродѣтели и вслѣдствіе этого—наслѣдовать имъ жизнь вѣчную.

Наконецъ, и у блаженнаго Иеронима есть требованіе того, чтобы слова пастыря церкви не противорѣчили его дѣламъ. „Берегись, шипеть онъ Непоціану, чтобы поступки твои не опровергали твоихъ словъ; чтобы въ то время, когда ты проповѣдуешь въ церкви, кто-нибудь не сказалъ про себя о тебѣ: „для чего же ты самъ не дѣлаешь такъ, какъ учишь?“ Въ самомъ дѣлѣ, это былъ бы прекрасный учитель, который, послѣ сытнаго обѣда, сталъ бы разсуждать о постѣ! И разбойникъ способенъ вопить противъ корыстолюбія. Но у священника Христова и уста, и мысли, и руки должны быть въ согласіи между собою³⁾. Только при такихъ условіяхъ, разумѣется, и будетъ достигнута цѣль проповѣднической дѣятельности пастыря церкви. (Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 268.

²⁾ Тамъ же, стр. 278.

³⁾ Тамъ же, стр. 263.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 іюля 1902 г.

За цензора, священникъ *К. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, августа 11-го.

Содержаніе: О современной молодежи и современномъ воспитаніи.—Тре-
бованія къ духовенству со стороны новѣйшей социологіи („оміръ-
щеніе клира“).—Православный священникъ въ приходѣ, заражен-
номъ расколомъ.—Краткія указанія, что, по чѣмъ и какъ церковно-
служителямъ чести подобаетъ.

О современной молодежи и современномъ воспи- таніи ¹⁾).

II.

И заинтересованные и незаинтересованные люди рускіе не могутъ и не должны равнодушно созерцать то, что происходитъ въ средѣ „современной молодежи“. Нравственный долгъ предъ Церковію, отечествомъ, предъ самую молодежь призываетъ всѣхъ, у кого есть сердце, кто среди житейской суеты и погони за благами жизни не забылъ еще высокихъ интересовъ, къ самому усердному противодѣйствию злу, охватившему нашу молодежь. Что дѣлается среди этой молодежи? Куда она идетъ? Что она въ жизнь внесетъ? Исто-

¹⁾ См. № 13 за 1902 г.

рія человѣческой жизни, конечно, не мало представляет примѣровъ паденія человѣческихъ обществъ, обнищанія ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, крайняго пониженія въ нихъ умствепныхъ, духовныхъ интересовъ; но, кажется, не было еще примѣра, чтобы юношество,—это „новое поколѣніе“, идущее на смѣну „старого“, было ниже, много ниже этого послѣдняго, чтобы оно такъ энергично, и попросту—грубо и дико чуждалось всего высокаго, душу человѣческую укрѣпляющаго, дающаго ей силы для борьбы съ дѣйствительнымъ зломъ. Не такъ давно еще у насъ сѣтовали, что высшее образованіе мало доступно,—что у насъ нѣтъ хорошо подготовленныхъ людей для государственной и общественной дѣятельности. А теперь что мы видимъ? Сознательно люди отказываются отъ науки, возстаютъ не только на науку, но и на всѣхъ, кто имѣетъ хоть еще какое-нибудь стремленіе къ этой наукѣ. Было бы несправедливостию и несоотвѣтствіемъ дѣйствительности, если бы мы только-что приведенныя укоризны направляли противъ университетской молодежи. Нѣтъ, къ сожалѣнію, дѣйствительность наша представляетъ несравненно болѣе печальное зрѣлище. Среднія, даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ высшія учебныя заведенія всѣхъ типовъ и наименованій—всею своею жизнію свидѣтельствуютъ, что зло нашей жизни захватило страшно широкій кругъ. Кто хоть сколько-нибудь присматривался къ жизни и дѣятельности современныхъ учебныхъ заведеній, тотъ не могъ не замѣтить, что современная молодежь не только не та, что была въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но и далеко она уступаетъ молодежи и всѣхъ прежнихъ временъ. Гдѣ интересъ къ знанію? гдѣ интересъ, хотя бы и выражающійся иногда нѣсколько уродливо, къ прекрасному, чистому, истинно высокому? Было время,—и оно такъ недавно еще было,—когда къ стѣнамъ высшаго учебнаго заведенія молодые люди подходили съ какимъ-то особеннымъ, неизъяснимымъ уваженіемъ, когда чувство глубокой любви, полной преданности къ этому учебному заведенію создавало въ душѣ вступившаго въ него нѣчто не-

измѣримо высшее, чѣмъ пресловутое современное чувство чести, не менѣе знаменитая и уже достаточно опозоренная честь мундира, когда слово, идущее съ кафедры, было словомъ дорогимъ, а иное и настолько цѣннымъ, что никакими благами міра сего невозможно было оцѣнить. Было время, когда во время ученія душа волновалась вопросами „не отъ міра сего“, когда вырабатывались въ ней идеалы жизни и грядущей дѣятельности... Да, это время было. А теперь что? Спросите современную молодежь, и она вамъ дастъ такой отвѣтъ, какой заставить васъ съ ужасомъ или недоумѣніемъ отшатнуться... Безвѣстные труженики завѣщали намъ плоды, добытые ихъ упорными усиліями, и мы теперь, со слезами на глазахъ, видимъ, какъ эти плоды извращаются, гибнутъ и губятся вмѣстѣ съ собою и губителей своихъ.

Да, горе современной нашей жизни велико. Но гдѣ причины его, гдѣ и средства противъ него? Намъ говорить на эти вопросы: „Какое содержаніе, какіе жизненные устои даемъ мы той молодежи, которая такъ возмутительно ведетъ себя? Есть у насъ семейная жизнь, есть у насъ жизнь общественная, которую мы можемъ поставить въ образецъ нашей молодежи? Ставимъ мы въ примѣръ кого-нибудь нашимъ дѣтями? Во всѣхъ почти семьяхъ родители или бранятъ другъ друга при дѣтяхъ, или бранятъ своихъ знакомыхъ. Ребенокъ растеть въ увѣренности, что онъ одинъ только хорошъ, а всѣ, кто его окружаетъ, дрянъ. Съ такими жизненными принципами дорога не въ положительную сторону, а въ отрицательную.

И для излѣченія нашей тяжелой болѣзни рекомендуется такое средство: „намъ приходится думать о разоруженіи городовъ и о дарованіи деревнѣ такихъ правъ и преимуществъ, которыя бы сдѣлали жизнь въ деревнѣ болѣе выгодной, чѣмъ жизнь въ городѣ. Въ деревнѣ должны быть всѣ школы,—отъ начальной до высшей, при чемъ всѣ высшія школы должны быть мало по малу вынесены изъ городовъ. Во всѣхъ школахъ земледѣліе, ремесла, искусства должны быть препода-

ваемы. Школа должна быть въ постоянной связи съ дѣйствительной жизнью страны, эта жизнь не должна быть тайной для юношества, потому что наша жизнь произведена нами самими, а не создана кѣмъ-то постороннимъ. Консервативная ложь такъ же вредна, какъ и ложь либеральная. Огромный историческій фактъ Россіи ни въ какой лжи не нуждается... Если среди отцовъ нѣтъ идеализма, нѣтъ его и среди дѣтей. Съ увеличеніемъ городского населенія, съ увеличеніемъ числа людей, рожденныхъ въ городѣ, будетъ увеличиваться обезпеченность русской молодежи, потому что русскій городъ вы можете сдѣлать совершенно такимъ же, каковъ городъ французскій или нѣмецкій, только русскую деревню нельзя передѣлать ни во французскую, ни въ нѣмецкую. Кромѣ того, развитіе молодежи все ускоряется и ускоряется,—а потому и годы ученія должны сокращаться. Современный юноша въ двадцать лѣтъ долженъ быть занятъ какимъ-нибудь дѣломъ, а онъ учится до двадцати пяти. Наша учебная система до сихъ поръ осталась помѣщичьей. А она должна быть рабочей, практической, дѣловой. Изъ болвана никакими гуманитарными науками не сдѣлаешь Канта, и государственная система не можетъ быть рассчитана на Кантовъ, а на средняго человѣка. Дѣло не въ естественныхъ наукахъ, ибо и языкознаніе тоже естественная наука.—вѣдь не люди же выдумали языкъ, а природа,—дѣло въ томъ, чтобы преподаваніе было жизненно, а не разсудочно, живо, а не мертво“.

Авторъ приведенной тирады (г. В. Розановъ), очевидно, старался все въ данной области затронуть, всему дать освѣщеніе и на все дать отвѣтъ и указаніе.

Если ко всему сказанному авторомъ отнестись поверхностно, то можно, пожалуй, признать справедливость его рѣчей. Въ самомъ дѣлѣ, кому не извѣстны неурядицы въ нашей семьѣ, кто не знаетъ, что городская жизнь развращаетъ болѣе, чѣмъ деревенская? Всѣмъ извѣстно, что въ наше время какъ-то даже и неловко говорить съ молодежью по вопросамъ метафизики и высшей христіанской морали. Въ постоянномъ

исканіи лучшихъ типовъ школы мы только и занимаемся ломкой стараго, опытами въ новомъ и возвращеніями къ прежнему, и совершенно забываемъ не только Кантовъ, но и болвановъ, все сводя въ школѣ къ одному знаменателю, все покрывая учебнымъ формализмомъ, а если иногда и вводимъ въ жизнь школы живую струю, то этою струею чаще всего бываетъ то одна, то другая *тенденція*,—попросту говоря—вводимъ въ школьную жизнь или игру въ политику или погоню за послѣдними словами науки, или, наконецъ, борьбу съ ненавистнымъ *ретроградствомъ*, съ отжившими (?) началами, съ Церковію и клерикализмомъ. Не мало нами пролито слезъ и по поводу переутомленія учащихся, и по поводу продолжительности учебныхъ курсовъ. Въ своемъ стремленіи къ полезности, къ дѣловитости и практичности мы, кажется, дошли уже до послѣднихъ границъ, такъ какъ у насъ уже совершенно исчезло понятіе о томъ, что такое образованіе, просвѣщеніе само по себѣ безъ отношенія къ дипломамъ и грядущимъ за ними житейскимъ благамъ. Все это правда и притомъ правда—еще не во всей своей неприкровенности: многое мы и отъ себя и отъ другихъ скрываемъ, не хотимъ прямо взглянуть врагу въ глаза. Вотъ эта-то недоговоренная правда и заставляетъ г. Розанова кружиться въ бѣличьемъ колесѣ и искать выхода изъ душной, тяжелой атмосферы нашей вездѣ, кромѣ тѣхъ дверей, которыя однѣ только и могутъ привести насъ къ истинѣ.

„Нужно, говоритъ авторъ, городъ разоружить и въ деревню всѣ учебныя заведенія перевести“, и тогда всѣ бѣды нашей жизни исчезнутъ и молодежь перестанетъ вести себя „возмутительно“. Какъ это просто! Но намъ почему-то вспоминается басня о волкѣ, который отправлялся въ такія прекрасныя страны, гдѣ нѣтъ ни вражды, ни другихъ пороковъ, но въ то же время оставлялъ у себя и прежній нравъ и прежніе зубы! Неужели однимъ только перемѣщеніемъ учебныхъ заведеній изъ города въ деревню мы измѣнимъ всю систему воспитанія и обученія и спасемъ нашу молодежь? Вѣдь предъ

той грозой, предвѣстники которой уже предъ нами и которая, видимо для всѣхъ, надвигается на насъ быстро, можно не останавливаться предъ затратами, хотя бы и огромными, которыя потребовались бы перенесеніемъ учебныхъ заведеній! Но суть-то дѣла не въ перемѣщеніи учебныхъ заведеній съ одного мѣста на другое, не въ этихъ *внѣшнихъ* мѣропріятіяхъ, въ которыхъ, къ слову сказать, мы уже давно привыкли видѣть всю силу, а въ чемъ-то другомъ. Припомнимъ такіе безспорные, засвидѣтельствованные офиціально факты: наша начальная школа, какъ извѣстно, живетъ въ деревнѣ и деревню,—а не были-ли здѣсь, среди крестьянскихъ мальчугановъ и самыхъ „необразованныхъ слоевъ общества“ распространяемы *идеи* тѣхъ же забастовщиковъ, которые такъ отличаются въ университетскихъ городахъ? А вотъ, хотя и не столь рѣзкое, но не менѣе убѣдительное свидѣтельство противъ всеспасительности деревни: спросите стариковъ этой деревни о томъ, какое вліяніе и значеніе имѣетъ у нихъ школа извѣстнаго типа, и вы услышите, къ сожалѣнію, такія горькія сѣтованія, какъ то, что учившіяся въ школѣ дѣти относятся съ полнымъ неуваженіемъ къ отцамъ и дѣдамъ, что мирный строй семейной жизни въ селѣ разстраивается, что изъ такихъ дѣтей выходяхъ кляузники только, бунтари на сходахъ. Отчего это? Надъ этимъ вопросомъ слѣдовало бы задуматься тому, кто хотя одними своими словами принялся за спасеніе молодежи. Не безынтересенъ въ разсматриваемомъ отношеніи и тотъ фактъ, что наши нѣкоторые учительскія семинаріи, живущія въ деревнѣ или близко къ ней, не всегда давали „надлежащій“ контингентъ учителей, что нѣкоторые сельско-хозяйственныя, высшія учебныя заведенія, тоже раскинувшіяся среди полей, не всегда были „спокойны“. Нужно, очевидно, другое искать средство противъ „*возмутительно*“ ведущей себя молодежи, а не перенесеніе учебныхъ заведеній въ деревню. Къ тому же это „разоруженіе“ городовъ и вооруженіе деревень представляется ужъ очень наивнымъ и потому одному, что, вѣдь, города-то стали городами

изъ деревень, что многое множество деревень и теперь, вслѣдствіе экономическихъ и иныхъ причинъ превращается въ мѣстечки, посады, города прямо таки со всѣми прелестями нравственной разнузданности,—такими прелестями, какихъ городъ иной не знаетъ. Намъ, напр., извѣстно одно село на р. Сурѣ,—такъ предъ нимъ губернской городъ—сущій агнецъ невинный! Остается одно, если только слѣдовать рецепту нашего автора, отдалить учебныя заведенія наши въ дебри лѣсныя, куда, быть можетъ, не скоро проложатся желѣзныя дороги, куда не доберутся, пожалуй, и современные идеи, гдѣ свидѣтелями „возмутительныхъ“ дѣяній нашей молодежи будутъ только медвѣди да волки, и потому удивляющихся этому поведенію молодежи и негодующихъ на нее не будетъ уже. Но какъ-же тогда поступить съ тѣмъ, чтобы „школа была въ постоянной связи съ дѣйствительной жизнію страны“, чтобы „эта жизнь не была тайной для юношества, потому только, что наша жизнь произведена нами самими, а не создана кѣмъ-то постороннимъ“?

Особенность всѣхъ нашихъ реформаторскихъ порывовъ, каковою особенностію едва-ли намъ удобно гордиться,—заключается именно въ томъ, что мы или однимъ измѣненіемъ внѣшней формы думаемъ осчастливить Русь или только ходимъ все вокругъ да около, а потому и являемся крайне непостѣдовательными и людьми минуты. Нашъ авторъ горюетъ, что наша молодежь не та, что была въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и нельзя требовать, чтобы она была такою, какъ тогда. Если среди отцовъ нѣтъ никакого идеализма, нѣтъ его и среди дѣтей. Послѣ этого невольно спросишь, какое же можетъ имѣть значеніе такъ энергично желаемая авторомъ связь школы съ дѣйствительною жизнію? Еще—какимъ же образомъ молодежь восьмидесятыхъ годовъ,—которая, очевидно, была лучше современной, которая, должно быть, была причастна и идеализму, какимъ образомъ она, превратившись въ отцовъ, стала вдругъ дурнымъ примѣромъ для современной молодежи? Не въ заколдованномъ-ли мы кругу и ищемъ

другъ друга съ завязанными глазами? А главное—занятые въ теченіе полстолѣтія вопросами объ отношеніяхъ „отцовъ и дѣтей“, мы никакъ не можемъ итти въ разрѣшеніи этого вопроса дальше видимыхъ отношеній, не можемъ посмотрѣть въ корень вещей и отыскать тѣ внутреннія и самыя могучія причины, которыя или связываютъ или разъединяютъ отцовъ и дѣтей или одновременно связываютъ и разъединяютъ. Мы бы, будучи свидѣтелями многолѣтней борьбы между отцами и дѣтьми, да не только свидѣтелями, но и страдальцами то въ качествѣ дѣтей, то въ качествѣ отцовъ, могли въ объясненіи этой борьбы пойти нѣсколько дальше излюбленной нами причины—несходства въ идеяхъ, неизбежности вслѣдствіе „прогресса“ и „эволюціи“, мы бы могли нашей „базаровщинѣ“ дать болѣе сильное и болѣе дѣйствительное объясненіе, чѣмъ это давалось до сего времени. Разсуждая объ этихъ злосчастныхъ отношеніяхъ отцовъ и дѣтей, мы какъ-то легко и, должно быть, презрительно смотримъ на нѣкоторыя, якобы, мелочи нашей жизни. Среди печальныхъ фактовъ нашей современной жизни мы, вѣдь, встрѣчаемъ и такія отрадныя явленія, что дѣти, глубоко образованныя, нисколько не чуждыя и современнымъ идеямъ, съ неподдѣльною любовію, съ самымъ глубокимъ уваженіемъ относятся къ своимъ бѣднымъ, „темнымъ“ родителямъ, что знаменитые іерархи нашей Церкви съ любовію и „безъ стѣсненій“ снѣшаютъ навстрѣчу къ своимъ родителямъ—діаконамъ и пономарямъ, и это дѣлается не для „назиданія“, а по влеченію сердца! Гдѣ же причина? Во всякомъ случаѣ не въ „идеяхъ“, не въ образованіи, не въ наукѣ, а *въ томъ, какъ воспринята эта наука, во что обратились эти идеи.* Мы призваны къ совершенствованію, и грѣхъ великій приняли бы на себя, если бы для спасенія своихъ добрыхъ, немучительныхъ отношеній къ дѣтямъ, принимали бы мѣры, чтобы эти дѣти были не лучше, не выше насъ. Но что же такое эти идеи, для чего намъ эта наука, въ чемъ наше совершенствованіе, вотъ вопросы, надъ которыми всѣмъ плачущимъ о благѣ молодежи и отечества давно

бы пора остановиться. Нашъ авторъ, очевидно, не подозрѣвая, сказалъ истину, которой бы лучше, чѣмъ простымъ указаніемъ на то, что въ родителяхъ нѣтъ идеализма, потому нѣтъ его и въ дѣтяхъ, объяснить причину „возмутительнаго“ поведенія нашей молодежи. „Развитіе молодежи все ускоряется и ускоряется“, говоритъ онъ и говоритъ, конечно, о развитіи только мыслительныхъ способностей. Совершенно вѣрно—развитіе нашей молодежи идетъ ускореннымъ темпомъ, но въ то же время не только односторонне, но и съ нѣкоторымъ и какъ бы нарочитымъ и излишнимъ превознесеніемъ этого развитія и его плодовъ. „Развитой“ человѣкъ, „начитанный“ человѣкъ или молодой человѣкъ у насъ совершенно скрываетъ просто человѣка; „умъ“, „сильная логика“ затушевываютъ сердце и волю, и „современный юноша“, налету схватившій или лучше проглотившій творенія Маркса, безумную философію Ницше, тѣмъ же порядкомъ ознакомившійся съ „рабочимъ вопросомъ“, социальными условіями труда и такими же отношеніями различныхъ классовъ даннаго народа,—это уже гордый всезнайка, которому не по плечу уже ни вѣра, ни Церковь, ни исторія, ни тѣмъ болѣе родители и самыя учебныя заведенія съ ихъ профессорами, читающими „какую-то дребедень“; все это отстало, все это ретроградно, склонно къ „эксплоатаціи“. Такому всезнайкѣ никакого труда не стоитъ уже додуматься, что онъ-то и есть рѣшитель судебъ царствъ и народовъ, въ особенности же судебъ „рабской“ Россіи,—ему все это не трудно, ибо онъ убѣжденъ, что въ Россіи люди „прогрессивны“ только до двадцатишестилѣтняго возраста, а послѣ этого они дѣлаются „инертными и склонными мириться со всякими несправедливостями“; вотъ почему и кличъ къ молодежи,—умной, развитой, современной,—„иди и спасай“. Она идетъ, возмутительно ведетъ себя, губить себя и будущность отечества. Да, быстро, быстро идетъ „развитіе“ нашей молодежи, быстро растетъ ничѣмъ неоправдываемая ея гордость, быстро самообольщеніе охватываетъ все большія и большія массы этой молодежи, и не-

вольно окрашиваетъ себя, „какое содержаніе, какіе жизненные устои“ даетъ этой молодежи наша школа, наше просвѣщеніе? И опять неотвязный, тяжелый вопросъ, гдѣ же дѣйствительная причина всего этого, гдѣ и цѣлительный источникъ, воды котораго могли бы исцѣлить язвы нашего государственнаго тѣла, оздоровить молодежь, подать радость отцамъ и сохранить надежды нашего народа?

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Гн.

Требованія къ духовенству со стороны новѣйшей соціологін („омірщеніе клира“).

Соціальныя теоріи новаго времени, стремясь пересоздать жизнь человѣчества по новому, необходимо сталкиваются съ вопросомъ о религіи, потому что въ жизни человѣчества послѣдняя составляетъ самый главный жизненный нервъ. Сознавая это и видя, какую громадную силу представляетъ изъ себя религія, новѣйшіе соціологи всѣми мѣрами стремятся привлечь религію на служеніе своимъ интересамъ, стремятся „соціализировать религію и клиръ“. Въ этомъ отношеніи особенно интересно является книга проф. Штейна *„соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“*. Здѣсь съ особенною ясностію выступаетъ только что указанная тенденція современныхъ соціологовъ.

Въ 39-й лекціи своего курса проф. Штейнъ разсматриваетъ значеніе, какое имѣла религія въ исторической жизни человѣчества и какимъ она должна пользоваться при современномъ строѣ жизни.

Первоначальными мотивами общественной жизни были мотивы именно религіозные. Затѣмъ „вѣкъ міровой торговли и міровыхъ промышленныхъ отношеній создалъ новый, чисто научный, соціальный мотивъ—солидарность человѣческаго рода. Чѣмъ ограниченнѣе географическій и національный горизонтъ

народа, тѣмъ менѣе развито у него это чувство солидарности. Но этотъ принципъ, о которомъ люди предчувствовали и въ древности, прежде чѣмъ сдѣлаться научнымъ, прожилъ длинную исторію и предварительно, такъ сказать, получилъ религіозную санкцію. „Заповѣдь любви къ ближнимъ есть смыслъ всѣхъ прогрессивныхъ религій, поэтому то, если современные социаль-демократы хотятъ построить свое социальное государство на братствѣ, т. е. на полной солидарности, то они не должны забывать, что именно монотеистическія религіи привили это чувство солидарности. Религія—и только она одна—укротила, привязала къ землѣ и одомашнила человѣка—звѣря“¹⁾. Такимъ образомъ, солидарность, въ формѣ братства, сначала проповѣдалась религіей. Потомъ экономическое и социальное развитіе человѣчества создало новую фазу солидарности. „Современная солидарность, вытекающая изъ сознанія общности интересовъ человѣческаго рода, не есть уже предсказаніе вдохновенныхъ пророковъ... не требованіе религіозныхъ убѣжденій, а неопровержимый, доказанный статистическими данными научный фактъ“²⁾.

Но если религія играла важную роль въ прошломъ человѣчества, то она должна эту роль играть и въ будущемъ. Только для этого предварительно она должна социализироваться. „Будущее социальнаго государства не въ состояніи обойтись безъ религіи“³⁾. Но что это будетъ за религія? Религіи „прошлаго“ носили характеръ супранатурализма; теперь же должно быть не то. Мысли о будущей жизни утратили теперь свою прежнюю магическую власть надъ людьми, и человѣкъ долженъ теперь строить свои религіозныя представленія на здоровой идеѣ здѣшней жизни. Впрочемъ, кто только при помощи супранатуральной религіи, можетъ обуздывать своего человѣка-звѣря, тотъ и въ будущемъ можетъ пользоваться

¹⁾ Штейнъ, стр. 609.

²⁾ Тамъ же, стр. 612.

³⁾ Тамъ же, стр. 613.

своими религіозными вѣрованіями для приближенія къ современному идеалу человѣческой солидарности. „Истинная же религія замѣнитъ любовь къ Богу любовію къ человѣку и вмѣсто вѣры въ Бога поставитъ вѣру человѣка въ себя и свои силы; вѣру, что судьба человѣка зависитъ не отъ существа, находящагося внѣ и выше его, а отъ него самого, что единственный діаволь человѣка есть человѣкъ грубый, суевѣрный, эгоистическій и что единственный Богъ человѣка есть самъ человѣкъ. Идеаль будущей жизни, по всей вѣроятности, будетъ все болѣе блѣднѣть, люди будутъ все болѣе объединяться новымъ идеаломъ этой здѣшней жизни, который мы можемъ выразить формулой: воспитаніе высшаго типа человѣка“ ¹⁾).

Что касается религіи, то она и должна посредствомъ своихъ органовъ демонстрировать вѣрующимъ эти земные идеалы, эту солидарность человѣчества, вытекающую изъ общности экономическихъ и культурныхъ интересовъ. „Новая солидарность можетъ не только проповѣдываться, какъ мессіаниззмъ, но можетъ быть демонстрируема при помощи статистическихъ данныхъ“ ²⁾). Вотъ тутъ то для исповѣданій и является новая задача. Онѣ должны принципиально и со всею страстностію религіознаго краснорѣчія бороться со всѣмъ тѣмъ, что раздѣляетъ въ экономикѣ и жизни на профессіи и сословія. „Въ сферѣ экономики на религіи лежитъ обязанность перекинуть мостъ чрезъ пропасть, раздѣляющую работодателей и рабочихъ“ ³⁾).

Когда клиръ пойметъ, что идеаль будущей жизни слабеетъ, то онъ долженъ будетъ приспособляться къ измѣнившемуся фронту въ религіозномъ сознаніи человѣчества, а иначе онъ погибнетъ, потому что потеряетъ всякое соприкосновеніе съ современными соціальными силами, а слѣдовательно,

¹⁾ Штейнъ, стр. 618.

²⁾ Тамъ же, стр. 622.

³⁾ Тамъ же, стр. 623.

и всякое вліяніе на народныя массы. Дѣятельность клира должна заключаться въ томъ, чтобы нравственный идеаль свести съ неба на землю и наглядно показать его человѣку. Вмѣсто усовершенствованія человѣческой души въ будущей жизни должно энергически настаивать на усовершенствованіи человѣка въ этой жизни. Омірщенный клиръ можетъ достичь этой цѣли только въ томъ случаѣ „если онъ будетъ обладать достаточными свѣдѣніями въ политической экономіи, статистикѣ и общественной философіи, чтобы указать слушателямъ на необходимость постояннаго и сознательнаго роста человѣческой солидарности, на необходимость выработки высшаго человѣческаго типа не потому, что таково велѣніе небесныхъ силъ, а потому, что это есть необходимый постулатъ общественной науки. При этомъ омірщенный клиръ“ „обладаетъ способностію соединять желѣзную логику, обращенную не исключительно только къ темному царству чувствованій, но къ солнечному свѣту сознанія, интеллекта-съ необходимою реторическою страстностію апостольскихъ натуръ“¹⁾. Но для этого клиръ долженъ въ будущемъ „столь же основательно заняться общественными науками, какъ до сихъ поръ онъ занимался догматикой и символикѣю“²⁾. Ради почтенія къ прошлому онъ можетъ черпать свои силы изъ откровенія или преданія, но и при этомъ его общественно-философское образованіе должно стоять на высотѣ современныхъ научныхъ требованій, такъ какъ онъ обязанъ не только на минуту господствовать надъ человѣческими чувствованіями силою своей реторики, но прежде всего подчинить себѣ человѣческой разумъ силою своей логики. „Омірщенный клиръ, обладающій знаніями естественныхъ явленій и, въ особенности, знаніемъ о главнѣйшихъ фактахъ общественной жизни, не только сохранить, но и увеличить достояніе религіи. Если же, наоборотъ, клиръ будетъ держаться за прошлое съ его сверхчувственными мотивами общественной жизни, онъ неизбежно уляжется въ ту же

¹⁾ Тамъ же, стр. 625;

²⁾ Тамъ же,

могилу, въ которой на вѣки похоронены прежнія экономическія и общественныя теоріи“¹⁾. По наблюденію проф. Штейна, даже теперь уже начинаютъ появляться молодые теологи, которые инстинктивно сознають глубокіе соціальныя мотивы формирующейся на нашихъ глазахъ жизни и которые столь же жадно проглатываютъ теперь „основы политической экономіи“ Вагнера, „капиталь“ Маркса, „жизнь и строеніе“ Шеффеле, какъ раньше проглатывали „о подражаніи Христу“ Өомы Кемпійскаго.

Такимъ образомъ, въ будущемъ историческія религіи и ихъ омірщенный клиръ могутъ оказать громадную услугу дѣлу ускоренія процесса социализированія человѣчества. „Имъ, говоритъ проф. Штейнъ, открыты такія уши, до которыхъ пока не доходятъ наши голоса, въ паѳосѣ ихъ есть такіе мягкіе, ласкающіе звуки, которые встрѣчаются на полдорогѣ съ настроеніемъ слушателей и которые намъ были бы совсѣмъ не къ лицу и даже вполне неумѣстны въ научныхъ дедукціяхъ. Если наша логика соединится съ ихъ паѳосомъ, то появится такая психическая сила, такая власть внушенія надъ массами, о какой мы даже и представленія себѣ составить не можемъ при теперешнемъ раздѣленіи этихъ двухъ факторовъ“²⁾.

Другимъ свойствомъ современнаго духовенства, должна быть, по мысли проф. Штейна, полная религіозная терпимость. Какъ отецъ не долженъ сѣять раздора между своими дѣтьми, а стараться поддерживать согласіе, такъ и религіозная терпимость есть не только преимущество, но прямо таки необходимое условіе существованія духовенства, „омірщенный клиръ долженъ позаботиться о томъ, чтобы зазвучали могучіе аккорды той возвышенной пѣсни о терпимости, смыслъ которой выраженъ въ незабвенныхъ словахъ Софокловой Антигоны: — „я здѣсь не затѣмъ, чтобы участвовать въ ненависти, а затѣмъ, чтобы участвовать въ любви“³⁾.

¹⁾ Штейнъ, стр. 626.

²⁾ Тамъ же, стр. 627.

³⁾ Тамъ же, стр. 631.

Итакъ, съ одной стороны, (положительной), духовенство должно поддерживать альтруистическія склонности человѣческой природы посредствомъ научныхъ указаній на экономическую и нравственную солидарность человѣчества; а съ другой (отрицательной) стороны, оно должно искоренять всѣ животныя остатки человѣческой природы, каковы суть: классовая ненависть, сословные предрасудки, расовое презрѣніе, религіозныя преслѣдованія, національная надменность, — однимъ словомъ, всѣ раздѣляющіе моменты въ человѣческомъ обществѣ всѣ анти-соціальныя инстинкты.

Что сказать намъ о подобныхъ соціальныхъ утопіяхъ? Къ каждой кучѣ мусора можно найти цѣнную вещь, и въ каждой теоріи можно встрѣтить дѣльную мысль. Находимъ одну такую мысль мы и въ изложенной теоріи — это мысль о необходимости для духовенства не быть по крайней мѣрѣ, профанами въ вопросахъ современнаго естественно-научнаго знанія. Учительство есть важнѣйшая обязанность пастыря и „дать отвѣтъ всякому вопрошающему“ (Тит. I, 9.) есть его священный долгъ. „Проповѣдывать и благовѣствовать, говорить св. I. Златоустъ, — это для меня священство, это жертва мною приносимая“ ¹⁾. А для этого пастырь долженъ обладать самыми разнообразными познаніями, не пренебрегать знакомствомъ и съ современными научными и общественными вопросами. „Тотъ проповѣдникъ христіанства, который пожелалъ бы уничтожить средостѣніе между вѣрой и современной ученой и общественной литературой, долженъ обратиться именно къ ознакомленію съ представителями современной мысли. Его задачей будетъ показать, насколько неясны, разрозненны, сухи и бессильны ихъ попытки облагородить нравы безъ живой вѣры въ Бога и Христа, безъ содѣйствія спасительной благодати, внѣ того живительнаго единенія съ прежними борцами добра и истины, которые вмѣстѣ образуютъ одно стадо, или церковь, не разъединяемаго ни смертію, ни вѣками“ ²⁾. Но

¹⁾ Толк. на посл. къ Римл., стр. 658.

²⁾ Еп. Антовій. Полн. собр. сочин., т II, стр. 259—260.

горе духовенству, если оно увлечется льстивыми призывами современного социализма и возвысит свой властный голос не за истины Христовы, а... по вопросам общественной гигиены. Кто будет тогда слушать его? Духовенство сильно, и слово его авторитетно, но эти сила и авторитет зависят от той истины, которую оно проповѣдуетъ. Оно сильно вѣрой въ Христа Бога и въ божественное ученіе своего учителя любви. Безъ этой вѣры и безъ этой любви проповѣдникъ, хотя бы даже самый краснорѣчивый, будетъ только мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ...

Пускай же не грозятъ социалисты проповѣдникамъ истинной религіи преждевременною могилой. Опасность еще не такъ велика, и христіанское духовенство еще постоитъ и поборется за истину Христову противъ надвигающихся тучъ социалистическихъ заблужденій.

В. Родниковъ.

Православный священникъ въ приходѣ, зараженномъ расколомъ.

Вопросъ объ отношеніи православнаго пастыря къ раскольникамъ, о мѣрахъ и средствахъ борьбы съ ихъ заблужденіями разсматривался на страницахъ богословскихъ журналовъ не однажды; въ этомъ отношеніи сдѣлано очень много: вопросъ рѣшался какъ съ принципіальной, такъ и съ практической точекъ зрѣнія и каждый желающій пастырь можетъ найти теперь для себя множество драгоценныхъ правилъ и указаній, какъ быть ему и дѣйствовать среди раскольниковъ. Если въ настоящій разъ мы и рѣшаемся коснуться этого вопроса, то только въ виду той важности, какую имѣетъ онъ для православнаго духовенства. Съ недавняго, сравнительно, времени для епархій, зараженныхъ сектантствомъ и расколомъ, созданъ институтъ епархіальныхъ и уѣздныхъ миссіонеровъ, призванныхъ на дѣло борьбы съ заблужденіями

сектантовъ и раскольниковъ; многіе склонны думать, что единственно на нихъ, т. е. на миссіонерахъ, и лежитъ обязанность борьбы съ расколомъ, что успѣхъ или неудача миссіонерскаго дѣла только отъ нихъ и зависитъ, что же касается приходскаго духовенства, то его дѣло—непосредственное учительство и руководство православныхъ пасомыхъ, дѣло миссіи—не ихъ дѣло. Можетъ-ли быть что-нибудь вреднѣе такого взгляда? Въ вопросѣ о борьбѣ съ расколомъ преувеличиваютъ значеніе миссіонеровъ, ихъ силу и вліяніе. Тѣ или другія религіозныя убѣжденія суть только плодъ головного рефлекса; они результатъ цѣлой жизни, жизни нѣсколькихъ поколѣній, они коренятся не въ умѣ только, но и въ сердцѣ; не ясно ли, что и борьба съ ними въ высшей степени трудна! Одно, два, десять посѣщеній миссіонера, человѣка для прихода поваго, незнакомаго, едва-ли способны уничтожить сразу заблужденіе; то, что росло и крѣпло годами жизни, и искоренено можетъ быть только долгими годами; отсюда становится яснымъ, что каждый приходскій священникъ, близко стоящій къ приходу, есть первый миссіонеръ въ своемъ приходѣ, что приходское духовенство, при энергіи и желаніи сдѣлаетъ на миссіонерскомъ поприщѣ несравненно больше, чѣмъ можетъ сдѣлать миссіонеръ.

Расколъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны православнаго духовенства по многимъ существенно важнымъ причинамъ. Расколъ переживаетъ теперь довольно трудное для него время, время внутренняго разложенія; дробленіе его на мелкіе толки все продолжается и можно думать, что оно никогда не остановится. Чѣмъ участливѣе, внимательнѣе и дѣятельнѣе отнесется къ нему православное духовенство, тѣмъ больше надежды на то, что сердце раскольниковъ приклонится къ ихъ слову, такъ какъ въ самомъ себѣ расколъ не находитъ удовлетворенія. Самъ въ себѣ, если не съ внутренней стороны, то со стороны количественной, расколъ представляетъ довольно внушительную силу. По послѣдней народной переписи 1897 года раскольниковъ и

уклоняющихся числится свыше 2 милліоновъ; ясно, что это сила, заслуживающая всесторонняго вниманія, сила съ которой не считается нельзя. Раскольники должны быть близки каждому православному человѣку, ближе наиримѣрь, чѣмъ раціоналисты сектанты потому, что они плоть и кровь наша, что ихъ заблужденія продуктъ нашей чисто русской исторически сложившейся жизни; наконецъ, и въ ихъ жизни можно найти много точекъ соприкосновенія, много симпатичныхъ чертъ, намъ близкихъ и родныхъ. Уже прошло то время, когда въ пылу горячихъ споровъ изъ-за раскола, одни склонны были видѣть въ немъ однѣ только мрачныя стороны, другіе—считали раскольниковъ лучшею частію русскаго народа. Трезвый взглядъ на расколъ показалъ, что рядомъ съ мрачными сторонами въ жизни нѣкоторыхъ раскольниковъ есть много симпатичныхъ сторонъ, отрицать ихъ было-бы большою несправедливостью. Изъ такихъ чертъ можно указать на привязанность ихъ къ обычаямъ предковъ, любовь къ богослуженію, взаимную поддержку другъ къ другу.

Если служеніе пастыря и въ православномъ приходѣ есть дѣло въ высшей степени трудное, требующее отъ него самой дѣятельной и всесторонней подготовки, то нечего и говорить о томъ, что эта подготовка вдвойнѣ необходима для пастыря въ зараженномъ расколомъ приходѣ. Враждебное отношеніе со стороны раскольниковъ, часто нравственное одиночество, самое скудное содержаніе—вотъ что ожидаетъ священника въ приходѣ, зараженномъ расколомъ. Прежде чѣмъ итти на такой приходъ, священникъ долженъ строго обдумать, хватить ли у него силъ и энергіи долго продержаться на немъ. Нѣкоторые, вступая на такой приходъ, склонны смотрѣть на него какъ на переходную ступень къ болѣе покойной и обезпеченной жизни; пройдетъ годъ—два его службы и священникъ по тѣмъ или другимъ причинамъ перепрашивается на другой, болѣе удобный приходъ; ничего для дѣла миссіи, кромѣ вреда, такіе священники не принесутъ. Прежде чѣмъ итти въ раскольничій приходъ, пусть священникъ ис-

пытаетъ свое сердце и волю, свою готовность подъять на себя трудъ апостольства; это будетъ нравственная его подготовка; ея одной, впрочемъ, не достаточно. Необходима еще какъ теоретическая, такъ и практическая подготовка, т. е., ему необходимо еще изучить заблужденія раскольниковъ, практически научиться опровергать ихъ. Многое дѣлаетъ въ этомъ отношеніи семинарія, но далеко не все, что необходимо; семинарія имѣетъ своею цѣлію подготовить вообще пастыря; тѣхъ знаній, какія даетъ она по расколу, еще не достаточно, чтобы быть удовлетворительнымъ миссіонеромъ; знанія эти въ послѣдствіи должны быть расширяемы путемъ самостоятельной работы. Въ семинаріи въ изученіи раскола преобладаетъ теоретическая сторона и часто совершенно отсутствуетъ сторона практическая. Нужно ли говорить о томъ, что одно другого замѣнить не можетъ? Семинаристы хорошо знаютъ учебникъ Плотникова и Ивановскаго, знаютъ массу выдержекъ изъ древле-письменныхъ и старопечатныхъ книгъ, но съ раскольниками говорить рѣдкій изъ нихъ сможетъ; для этого нужна практика, а она-то и отсутствуетъ въ большинствѣ нашихъ семинарій. Въ семинаріи за шестилѣтній періодъ семинаристы имѣли возможность только одинъ разъ быть на собесѣдованіи съ раскольниками, да и то потому, что пріѣхалъ извѣстный миссіонеръ; какъ работаетъ и ведетъ дѣло епархіальный миссіонеръ мы не имѣли возможности видѣть ни разу, а между тѣмъ епархія по числу раскольниковъ занимаетъ значительное мѣсто. Молодой энергичный преподаватель раскола въ мѣстной семинаріи, искренне желавшій быть намъ полезнымъ, завелъ было примѣрныя собесѣдованія самихъ семинаристовъ между собою, при чемъ одни защищали расколъ, другіе—православіе; семинаристамъ эти собесѣдованія понравились, къ бесѣдамъ всѣ относились добросовѣстно, старались изучить назначенный къ собесѣдованію вопросъ. Но теперь, вспоминая какъ велись эти собесѣдованія, за ними только и можно признать одну пользу—они оживляли нашу семинарскую жизнь и только: какъ то всегда случалось

такъ, что съ частныхъ вопросовъ переходили мы на общіе, къ расколу мало имѣющіе отношенія, и преподавателю большого труда стоило направить спорщиковъ на настоящую дорогу. Едва-ли, затѣмъ, можно признать желательнымъ въ педагогическомъ смыслѣ, что тотъ или иной семинаристъ долженъ былъ брать на себя защиту раскольническихъ заблужденій, что было противно его душѣ, несогласно съ его убѣжденіями. Словомъ, это была только игра, мало умѣстная въ столь важномъ дѣлѣ.

Даже если допустить, что семинарія дала молодому священнику достаточную, хотя теоретическую подготовку къ борьбѣ съ расколомъ, и тогда ему не слѣдуетъ оставлять занятій въ этой области. Знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ, не будучи прилагаемы въ жизни, скоро забываются; затѣмъ, иное дѣло—теоретически разсуждать о расколѣ, другое совсѣмъ дѣло имѣть съ нимъ самому дѣло, вести съ нимъ борьбу. Подготовка пастыря къ борьбѣ съ расколомъ должна состоять въ томъ, что онъ еще до принятія священства можетъ знакомиться съ расколомъ, изучать приемы борьбы съ нимъ на примѣрѣ людей опытныхъ, кто имѣетъ возможность видѣть такіе примѣры. Вступая въ званіе пастыря въ приходъ, зараженный расколомъ, священникъ всего лучше сдѣлаетъ, если постарается основательно изучить ту отрасль раскола, съ какою ему придется имѣть дѣло. Если сравнить положеніе, въ этомъ случаѣ, священника лѣтъ 40—50 тому назадъ, то ясно будетъ, что положеніе современнаго священника куда лучше, чѣмъ было тогда: теперь не мало уже написано руководящихъ статей по расколу, изученіе и выясненіе раскола сдѣлало большіе шаги впередъ, особенно благодаря трудамъ профессоровъ академій; священнику можетъ далѣе оказать большую пользу епархіальный миссіонеръ, противораскольничьи бібліотеки.

Изученіе самого раскола, приводимыхъ имъ въ свою пользу основаній слѣдуетъ вести по первоисточникамъ, по тѣмъ книгамъ, на которыя такъ любятъ ссылаться расколь-

ники: это лучшее средство изученія раскола и самое полезное, такъ какъ этимъ путемъ священникъ выучивается говорить съ раскольниками ихъ же собственнымъ языкомъ. На раскольниковъ внимательное изученіе священникомъ почитаемыхъ ими книгъ произведетъ самое благопріятное впечатлѣніе. Слыша бесѣду священника на основаніи любимыхъ ими книгъ, раскольники охотнѣе стануть прислушиваться къ его наставленіямъ, сами будутъ искать случая въ говорить съ нимъ о вѣрѣ. Словомъ, только вооруженный всѣми необходимыми познаніями, священникъ можетъ надѣяться, что его миссія среди раскольниковъ будетъ успѣшна. Впрочемъ, напередъ онъ пусть знаетъ, что борьба съ расколомъ есть дѣло въ высшей степени трудное, что здѣсь, на на нивѣ сердець, какъ и на нивѣ сельной, только упорный трудъ принесетъ плодъ, что терпѣніе, здѣсь какъ нигдѣ болѣе, необходимо.

(Продолженіе будетъ).

В. Б.

Краткія указанія, что, по чемъ и какъ церковно-служителямъ чести подобаетъ.

1. Краткія молитвословія всенощнаго (воскреснаго) бдѣнія подыскиваются чтецомъ, его-же есть чреда, заблаговременно по часослову, или слѣдованной Псалтири. Между эктезіями сугубой и просительной глаголется „Сподоби Господи“, а послѣ стихирь на стиховнѣ—„нигѣ отпущаеши“, печатаемая на вечернѣ на ряду. Сряду затѣмъ „трисвятое по Отче нашъ“ слѣдуетъ полностью предварительно найти въ тѣхъ всеневныхъ чинопослѣдованіяхъ, коими начинается богослужебная третица, т. е. на полунощницѣ, третьемъ или девятомъ часѣ. Положенные за пѣніемъ „Буди имя Господне“ одиннадцать стиховъ 33-го псалма, кончая словами „не лишатся всякаго блага“, обрѣтаются въ чинѣ изобразительныхъ и конечно въ Псалтири. Послѣ благословенія священническаго тотчасъ (абіе) установлено въ недѣлю чтеніе посланій апостольскихъ (Уст. 2 гл.), а въ праздникъ, напр., 26 сентября, приличнаго случаю поучительнаго слова.

воскресенію“, три Богородичныхъ читаются съ воззваніями: „Пресвятая Богородице спаси насъ“ (все это по гласу Октоиха) и, наконецъ, тропари съ прошеніями празднуемому святому, примѣрно, „Святителю отче Митрофане моли Бога о насъ“ (по Минеѣ). Въ недѣли великаго поста на канонѣ припѣвъ церковнымъ обычаемъ видоизмѣненъ предъ тропарями Тріоди такъ: „Помилуй мя Боже, помилуй мя“.—Славникъ глаголется Спасу или Троицѣ и „нынѣ“ Богородиченъ, затѣмъ уже поется ирмосъ катавасіи. Слѣдующія пѣсни канона и прочій порядокъ послѣдованія идетъ подобнымъ же образомъ. По исполненіи третьей пѣсни говорится еще эктенія малая, поется кондакъ, икосъ и сѣдаленъ святаго, потомъ „слава и нынѣ“ Богородиченъ (по Минеѣ) и полагается тотчасъ проповѣдь—чтеніе изъ Пролога. Равнымъ образомъ и по шестой пѣсни поется кондакъ воскресенья съ икосомъ (по Октоиху) и за симъ читается (съ голоса) уставное поученіе. На тропаряхъ восьмой пѣсни вмѣсто „слава“ чтеть глаголетъ „Благословимъ Отца и Сына и Св. Духа Господа“, а ликъ отвѣчаетъ „Хвалимъ благословимъ“... За пѣніемъ „Святъ Господь Богъ нашъ“ читаются свѣтильни (экзапостидарии) по обычаю и стихиры на хвалитѣхъ съ припѣвами изъ 150, 9 и 140 псалмовъ, исполняемыя на шесть, почему при началѣ и слышится чаще: „Сотворите въ нихъ судъ написанъ“. На „слава“ вычитывается воскресная стихира гласовая, утренняя—евангельская (индѣ поется), потомъ на „и нынѣ“ всегда Богородиченъ 2 гласа „Преблагословенна еси“...

Иеромонахъ *Митрофанъ*.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 29 іюля 1902 г.

За цензора, священникъ *К. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, августа 18-го.

Содержаніе: Православный священникъ въ приходѣ, зараженномъ расколомъ (окончаніе).—О современной молодежи и современномъ воспитаніи (продолженіе).—Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви (окончаніе).—Примѣрная программа испытанія лицъ, ищущихъ должности псаломщика.

Православный священникъ въ приходѣ, зараженномъ расколомъ ¹⁾.

Каковы должны быть отношенія священника къ раскольникамъ? Отъ общаго духа и тона этихъ отношеній будетъ зависѣть и вся дѣятельность его; ими будутъ опредѣляться частнѣйшія правила его дѣятельности въ приходѣ среди раскольниковъ. Раскольники по отношенію къ православному, а особенно къ пастырямъ, настроены часто весьма враждебно; въ священникѣ они большею частію видятъ только врага. Ясно отсюда, что только любовью можетъ священникъ склонить къ себѣ предубѣжденныхъ противъ него раскольниковъ; любовь растопитъ какъ воскъ всякую вражду, если не

¹⁾ См. № 32 за 1902 г.

во всѣхъ, то хотя въ тѣхъ, кто не окончательно ослѣпленъ. „Только тотъ учитель можетъ наполнить души учениковъ своими мыслями и чувствами, кто всякаго изъ нихъ принимаетъ какъ своего родного сына, знаетъ, жалѣетъ и любитъ всякаго ученика... Мирянинъ, не твердый въ вѣрѣ, только тогда повлечется къ ней всей душой, когда пойметъ и почувствуетъ, что представитель вѣры его жалѣетъ, безкорыстно любитъ и печется о его душѣ. А убѣдить въ этомъ людей, особенно простыхъ ¹⁾, не трудно тому, кому свойственны подобныя чувства“. Въ комъ нѣтъ этихъ чувствъ, нѣтъ желанія послужить благу и спасенію заблуждающихся ближнихъ до готовности принести имъ всякую жертву, тотъ пусть лучше не приступаетъ къ трудному дѣлу миссіонерства. Сама жизнь и доброе сердце укажутъ священнику, гдѣ онъ долженъ проявить любовь къ заблуждающимся. Отъ раскольника, теперь уже православнаго, добраго послушнаго сына Православной Церкви, пришлось слышать трогательный разсказъ о томъ, какъ онъ обратился въ лоно Церкви.

Дѣло было на Волгѣ, въ одномъ изъ большихъ прирѣчныхъ селеній. Заболѣлъ у разсказчика отецъ и просилъ найти ему духовника. Какъ ни упрашивалъ сынъ раскольникьяго попа, тотъ отказался отправиться на другую сторону рѣки, — дѣло было ранней весной, ожидали ледохода. Растерявшійся и совсѣмъ убитый горемъ раскольникъ обращается къ православному священнику, и тотъ далъ свое полное согласіе. „Представь, милый человѣкъ, говорилъ разсказчикъ, — батюшка то совсѣмъ молодой, веселый такой, и хоть бы слово сказалъ о томъ, что мы раскольники; попадья за рясу ухватилась, не пускаетъ, и плачетъ, что у нея 3 дѣтей. Перебрались мы на ту сторону, а вечеромъ ледъ тронулся. Покойный отецъ сначала и слышать не хотѣлъ о попѣ никоніанскомъ, а потомъ, все таки сдался; на другой день ему стало легче и онъ заявилъ, что хочетъ присоединиться къ церкви“.

¹⁾ Автоній Уфимскій. „О значеніи собесѣдованія“ къ пастырямъ.

Прежде чѣмъ выступить на открытую борьбу съ расколомъ священнику необходимо присмотрѣться къ своему приходу, изучить его, а дѣло сближенія съ раскольниками начинать съ обычныхъ житейскихъ отношеній. Чѣмъ больше будетъ у него связей въ этой сферѣ, чѣмъ тѣснѣе будетъ его жизнь сливаться съ жизнью окружающихъ его простыхъ людей, тѣмъ вѣрнѣе будетъ успѣхъ его миссіонерства.

Не такъ давно въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“ было сдѣлано сообщеніе объ одномъ раскольничьемъ приходѣ—деревнѣ Замежной, расположенной на далекомъ сѣверѣ, возлѣ рѣки Печоры. Назначенный туда священникъ о. Николай Новиковъ, „встрѣченный весьма недружелюбно, не сбѣжалъ отъ такой жизни, не перепросился въ болѣе спокойный приходъ, перенесъ до конца все обиды, вполнѣ понимая, что „это происходитъ отъ непониманія и неразвитости“. Зная, что при такихъ условіяхъ было-бы бесполезно сразу заниматься обращеніемъ раскольниковъ, онъ все свое вниманіе обратилъ на обыкновенное житейское сближеніе. Его оцѣнили, стали обращаться за справками и совѣтами; народъ теперь питаетъ къ нему довѣріе, охотно посылаетъ дѣтей въ школу, открытую о. Николаемъ¹⁾. Примѣръ этотъ показываетъ, что миссіонерское дѣло можетъ принести плоды только тамъ, гдѣ расчищена почва сердець, гдѣ разсѣяна вражда и недовѣріе раскольниковъ къ православному пастырю, гдѣ растопленъ ледъ ихъ сердца. Расколъ явленіе давнее, приверженцы его успѣли сжиться и крѣпко привязаться къ нему; ясно, что невозможно вдругъ произвести переворотъ въ ихъ душахъ; ихъ нужно переродить, перевоспитать.

Говоря о необходимости со стороны священника теплаго участливаго отношенія къ заблуждающимся, заботы о нихъ и ихъ нуждахъ, мы не хотѣли сказать этимъ, будто наше духовенство относится къ расколу враждебно; фактъ, исторіей признанный, что православное русское духовенство никогда

¹⁾ С.-Петерб. Вѣд. № 3. Съ Печоры.

не отличалось враждой или фанатизмомъ по отношенію къ иномыслящимъ, но тутъ возможенъ индифферентизмъ, отчасти понятный: пастырь можетъ заботиться о своихъ, православныхъ, оставляя въ сторонѣ раскольниковъ.

Только основательно изучивши расколъ, сблизившись съ его представителями, можетъ священникъ начинать открытую полемику съ расколомъ путемъ собесѣдованій. Всего удобнѣе начинать дѣло съ частныхъ домашнихъ бесѣдъ; публичныя собесѣдованія неудобны тѣмъ, что ихъ труднѣе вести, что здѣсь скорѣе можетъ выступать у раскольниковъ личное самолюбіе; многіе изъ нихъ часто спорятъ со священникомъ долго и упорно не потому, чтобы не были убѣждены его доводами, а просто потому, что стыдятся признать себя пораженными предъ своими единомышленниками. Собесѣдованія только тогда могутъ быть полезны, и раскольники только тогда охотно будутъ посѣщать ихъ, когда увидятъ, что съ ними обращаются кротко, любовно, безъ высокомерія, будутъ давать имъ полную возможность высказаться. Излишняя ревность, рѣзкое обращеніе миссіонера только оттолкнетъ отъ него раскольниковъ; слово пастыря должно быть властнымъ только тамъ, гдѣ онъ увидитъ оскорбленіе православной вѣры, грубость.

Какіе предметы всего удобнѣе выбирать для собесѣдованій. Часто бываетъ такъ, что миссіонеръ самъ назначаетъ предметъ для бесѣды; удобнѣе было-бы, если-бы выборъ предмета предоставлялся самимъ раскольникамъ; это привлекало бы ихъ къ собесѣдованіямъ, такъ какъ несомнѣнно предметы они избирали-бы тѣ, какіе больше занимаютъ ихъ вниманіе, волнуютъ. Бесѣда должна быть искусною и основательною; первое свойство пріобрѣсти можно только опытомъ долгимъ; второе пріобрѣтается путемъ основательнаго изученія какъ самого раскола, такъ и его опроверженіе на основаніи лучшихъ полемическихъ сочиненій. Пусть раскольники увидятъ въ священникѣ знатока своей вѣры, тогда и говорить съ нимъ они будутъ охотнѣе. Знаніе раскольническихъ заблужденій

можно приобрести изъ ихъ сочиненій, но этого мало; нужно изучать расколъ на мѣстѣ, расколъ живой. Расколъ, говорятъ, находится въ застоѣ, не развивается—это справедливо, но только отчасти; тѣ или инья мѣстныя условія, индивидуальныя черты отдѣльныхъ представителей раскола необходимо полагають на него свой отпечатокъ, мѣстный колоритъ; въ этомъ находится отчасти причина дробленія раскола на мелкіе толки, поэтому не считается съ мѣстными особенностями раскола невозможно.

Такъ какъ раскольники, въ большинствѣ, люди простые, необразованные, то и бесѣда съ ними должна быть простою. Долгіе школьные годы налагають на языкъ семинариста свой книжный отпечатокъ; со многими учеными терминами, иностранными словами, мы привыкаемъ обращаться какъ съ простыми, всѣмъ понятными выраженіями; все, что отзывается школьными приемами, не умѣстно въ бесѣдѣ съ людьми простыми, для того, чтобы говорить съ раскольниками, какъ и съ дѣтьми—для этого нуженъ навыкъ.

Семинарія, развивая семинаристовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ въ нихъ привычку къ общимъ разсужденіямъ: по наблюденіямъ одного умнаго преподавателя, семинаристы никакого слова такъ не любятъ какъ слово „вообще“. Всего менѣе умѣстны общія разсужденія въ бесѣдѣ съ раскольниками: для нихъ они и мало понятны и мало убѣдительны, необходимо, чтобы священникъ, выбирая тѣ или другіе предметы для бесѣды съ раскольниками, твердо держался разсуждаемаго предмета, не уклонялся-бы въ философію, въ общія сужденія. Пусть, наконецъ, не смущаетъ священника и видимый неуспѣхъ его собесѣдованій: капля точитъ камень, и собесѣдованія его, согрѣтыя любовью, несомнѣнно будутъ имѣть успѣхъ хотя среди отдѣльныхъ представителей раскола, а разъ священникъ замѣтилъ, что его собесѣдованія производятъ впечатлѣніе на то или иное лицо, на него онъ пусть обратитъ свое особенное вниманіе.

Миссіонерство и проповѣдь отъ жизни и поведенія имѣеть не менѣе важное значеніе, чѣмъ проповѣдь словомъ. На жизнь православныхъ, вообще, въ частности, на жизнь священниковъ, раскольники смотрять отрицательно, и дѣлають по адресу ея много всякихъ упрековъ, иногда не безосновательныхъ, къ нимъ необходимо прислушаться. Если гдѣ, то въ приходѣ, зараженномъ расколомъ, недобрая жизнь священника можетъ имѣть самое пагубное вліяніе какъ на раскольниковъ, такъ и на православныхъ. Простой человекъ, живущій конкретными образами, всего болѣе склоненъ заключать отъ частныхъ случаевъ къ общему: отъ частной жизни священника къ нравственному состоянію всѣхъ православныхъ людей: необходимо не только доказать расколу несостоятельность его теоретическихъ заблужденій, но и опровергнуть его предубѣжденіе противъ православнаго священника, противъ нѣкоторыхъ сторонъ практической жизни, ибо эти предубѣжденія являются немаловажной причиной ихъ розни съ нами. Безспорно, что во многихъ мелочахъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, раскольники ригористичны; но почему же не сдѣлать имъ здѣсь уступки, по слову апостола: *не имамъ мяса ясти во вѣки да не соблазню брата моего*¹⁾. О насъ православныхъ раскольники думаютъ, что мы потеряли истинную древне-отеческую вѣру и въ самой жизни перестали быть истинными христіанами; пусть же пастырь и въ самой жизни своей подаетъ какъ можно меньше поводовъ къ упрекамъ. Куреніе табака, весьма распространенное среди всѣхъ классовъ, можетъ весьма смущать раскольниковъ, ибо, по ихъ мнѣнію, „кто табакъ курить, тотъ Св. Духа дурить, а кто нюхаетъ табаки, тотъ хуже собаки“; у нихъ табакъ—трава сатаны; цѣлые рассказы ходять у нихъ по рукамъ „о хранительномъ бытіи, мерзкомъ зеліи, еже есть травѣ табацѣ“. Почему не отказаться отъ этой слабости, отъ этой привычки, и этимъ принести большую пользу своему

¹⁾ 1 Кор. 8. 13.

здоровью а, самое главное, немощной совѣсти брата? Въ домѣ священника свято должны быть соблюдаемы завѣты матери Церкви о постахъ и молитвахъ, ибо, по мнѣнію раскольниковъ „россіяне нынѣ постовъ тако, яко же отъ святыхъ уставлено не соблюдаютъ..., а духовніи о семъ не запрещаютъ, зане и сами не единоводы во вся дни и съ рыбою всегда ядятъ. И сіе воистину нѣсть постъ, но преступленіе и насилваніе поста ¹⁾).

Пастырю необходимо, далѣе, обратить все свое вниманіе на богослуженіе, на правильное, истовое его совершеніе, такъ какъ и противъ нашего богослуженія раскольники дѣлають много возраженій, съ коими иногда нельзя не согласиться. Поспѣшность въ совершеніи богослуженія, произвольныя сокращенія—все это бываетъ и все это соблазняетъ раскольниковъ. Говоря объ этомъ въ своемъ опредѣленіи, Святѣйшій Синодъ вмѣняетъ въ обязанность пастырямъ „постоянно внимательное и непремѣнно истовое совершеніе крестнаго знаменія на себѣ и при подачіи другимъ благословенія, всегда благоговѣйное и согласное съ уставомъ Церкви совершеніе общаго богослуженія, а также частныхъ церковныхъ службъ и домашнихъ требъ съ вразумительнымъ и внятнымъ чтеніемъ и пѣніемъ церковныхъ молитвословій и съ приглашеніемъ къ участию въ таковыхъ пѣснопѣніяхъ самихъ молящихся“ ²⁾. Пѣніе у насъ часто поставлено не такъ, какъ слѣдуетъ; въ деревняхъ заводять пѣніе партесное, непривычное для народа, соблазнительное для раскольниковъ; не лучше ли будетъ если вмѣсто него заведутъ пѣніе простое, но стройное, приближающееся къ древнимъ церковнымъ напѣвамъ, согласное; оно и для народа понятнѣе и для хора не такъ утомительно.

Относительно живописи церковной еще Аввакумъ говорилъ, что у насъ живопись устроится „по вряжскому, сирѣчь

¹⁾ Отвѣты на вопросы. л. 80, ibid. л. 91.

²⁾ Опредѣленіе Св. Синода отъ 25 мая 1888 г.

по нѣмецкому, а все по тому что святыхъ умыслили писать бытто живыхъ“; авторъ отвѣтовъ упрекаетъ православныхъ въ томъ, что въ нашихъ храмахъ „ангеловъ дѣлають изъ алебастра, на подобіе эллинскихъ купидоновъ, живописуемыхъ на латинскихъ картинахъ“! Всѣ эти возраженія въ сущности не важныя, заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія къ себѣ, разъ указываемые въ нихъ недостатки подають поводъ къ соблазну. Забота о храмѣ, какъ мѣстѣ святомъ, мѣстѣ молитвы, есть настоятельная обязанность священника.

Незамѣнимую услугу священнику въ борьбѣ съ расколомъ могутъ оказать брата. Расколъ силенъ своей внутренней организаціей, своей сплоченностію. Раскольники, гдѣ нужно, умѣють поддержать своего, оказать ему существенную матеріальную пользу; съ цѣлію соблазна колеблющагося православнаго они дадутъ ему возможность стать на ноги послѣ несчастія, поддержать при неурожаѣ, дадутъ работу при безработицѣ, уплотятъ за него недоимки, для всего этого они изыщутъ средства. Что можетъ сдѣлать въ такомъ положеніи священникъ, когда онъ самъ едва кормится? Въ этомъ случаѣ братство можетъ оказать существенную помощь пострадавшему.

Братство можетъ создать хотя небольшой приходскій капиталъ, которымъ возможно будетъ пользоваться для распространенія книгъ, полезныхъ въ борьбѣ съ расколомъ, для украшенія храма. Братство оживитъ церковную жизнь прихода, сблизитъ прихожанъ между собою и со священникомъ, установитъ между ними близкую связь, связь общаго дѣла. Среди православныхъ много есть лицъ, которые горять ревностію по вѣрѣ, готовы вести борьбу съ расколомъ и требуютъ только того, чтобы ихъ кто нибудь наставилъ и направилъ. Изъ такихъ лицъ священникъ можетъ выбрать болѣе способныхъ, грамотныхъ, снабжать ихъ нужными книгами, руководить ихъ собесѣдованіями съ раскольниками. Такіе миссіонеры, несомнѣнно, будутъ имѣть успѣхъ, ибо здѣсь съ расколомъ будутъ бороться лица изъ народа, знающія рас-

коль, близко стоящія къ нему, входящія съ нимъ въ частныя сношенія. Миссіонеры изъ начетчиковъ имѣютъ успѣхъ потому, что они свои для народа, умѣютъ говорить его языкомъ—качество, которое нами пріобрѣтается съ большимъ трудомъ.

Какое значеніе можетъ имѣть школа въ борьбѣ съ расколомъ? Вопросъ этотъ обсуждался давно въ печати, но относительно его мнѣнія разошлись: одни придавали ей большое значеніе, другіе отрицали за ней всякое право вмѣшиваться въ дѣла вѣры: сторонники послѣдняго мнѣнія говорили, что школа, затрогивающая тѣ или иныя мнѣнія раскольниковъ, только оттолкнетъ послѣднихъ отъ школы. Думаемъ, что истина въ серединѣ этихъ двухъ мнѣній. Требовать полного сознательнаго отношенія дѣтей къ вѣрѣ, критическаго отношенія къ тѣмъ или другимъ мнѣніямъ отъ дѣтей школьнаго возраста, невозможно, слѣдовательно, невозможно требовать отъ школы, чтобы она искореняла расколъ въ его теоріи; раскольниками дѣти становятся только со временемъ, когда придутъ въ возрастъ. Школа можетъ оказать вліяніе въ другомъ отношеніи—парализуя въ дѣтяхъ предубѣжденіе противъ православныхъ, недовѣріе, вражду, которыя съ раннихъ уже лѣтъ замѣчаются въ дѣтяхъ раскольниковъ. Простое, довѣрчивое дѣтское сердце всегда почувствуетъ любовь къ нему взрослыхъ, заботливость школы о его нуждахъ, и за любовь заплатитъ любовью. Чѣмъ дѣтскія шаги были обвѣяны любовью наставниковъ, согрѣты ласкою, тотъ никогда не забудетъ о нихъ. Сближеніе раскольниковъ съ православными еще въ дѣтствѣ—это первая польза, какую можетъ оказать школа въ борьбѣ съ расколомъ. Расколъ есть порожденіе нашего вѣковаго невѣжества, а школа и имѣетъ своею цѣлію бороться съ тьмою и невѣжествомъ. Школа должна пріучить дѣтей къ толковому чтенію и разумному усвоенію прочитаннаго, чтобы тѣмъ дать возможность учащимся по выходѣ изъ школы правильно пользоваться книгою. Такъ какъ у раскольниковъ книги древне-письменныя, старо-печатныя, пользуются особенною любовью, то на изуче-

ніе ц.-славянскаго языка въ школь должно быть обращено особенное вниманіе.

Наконецъ, на урокахъ закона Божія слѣдуетъ обращать вниманіе и на отступленія раскольниковъ, предупреждать православныхъ дѣтей отъ увлеченія въ расколъ, но тутъ требуется особенная осторожность, чтобы не возбудить въ дѣтяхъ мыслей и вопросовъ, которые окажутся имъ не по силамъ, будутъ для нихъ преждевременными. Вообще же, народная школа своею главнѣйшею цѣлію должна имѣть въ виду постоянное развитіе положительныхъ религіозныхъ мыслей и чувствъ, сообщеніе дѣтямъ точнаго и оснзвательнаго знанія главнѣйшихъ истинъ вѣры Христовой.

Руководство людей свѣдущихъ и опытныхъ въ борьбѣ съ расколомъ не менѣе важно для священника, чѣмъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Пастырю, впервые имѣющему дѣло съ расколомъ, можетъ представиться масса такихъ случаевъ, гдѣ онъ совершенно потеряется, не будетъ знать, какъ ему поступить. Въ такихъ случаяхъ необходимо для него указаніе и руководство людей свѣдущихъ. Епархіальный миссіонеръ есть первый руководитель священника, какъ болѣе его опытный и знающій дѣло; отъ него можетъ священникъ получать не только руководственные указанія, но и необходимыя книги.

Желательно, далѣе, чтобы священникъ велъ хотя коротенькія записки о своей дѣятельности въ приходѣ, зараженномъ расколомъ: такихъ записокъ печаталось уже достаточно и многимъ они сослужили большую службу. Записки эти, написанныя правдиво—тотъ же опытъ жизни; въ такихъ запискахъ будетъ говорить не общее разсужденіе, но сама жизнь.

Когда говорятъ о миссіонерской дѣятельности духовенства, то обычно упрекаютъ его въ бездѣятельности, въ полномъ отсутствіи успѣха,—и совершенно не справедливо; каждый годъ, благодаря его трудамъ, къ православію обращается не одна сотня упорствующихъ. Но кто можетъ сказать или вычислить, сколько душъ колеблющихся поддержали наши пастыри? Враги Церкви не дремлютъ, дѣятельность ихъ порою

бываетъ очень энергична; къ соблазну употребляются средства часто не совсѣмъ чистыя. И если бы не противодѣйствіе духовенства, несомнѣнно успѣхъ ихъ былъ-бы значительнѣе; эту предохранительную дѣятельность совершенно упускаютъ изъ виду, когда говорятъ о миссіонерской дѣятельности духовенства. Отсутствіе внѣшняго успѣха, не должно смущать православнаго пастыря, по заповѣди данной Богомъ Его пророку: „аще ты проповѣси нечестивому путь его, еже обратится отъ него, и не обратится съ пути своего, той въ нечестіи своемъ умретъ, а ты душу твою избавилъ еси“ (Иезек. 33, 9).

В. II.

О современной молодежи и современномъ воспитаніи ¹⁾.

Оставляя пока въ сторонѣ современную семью и существующіе порядки въ ней, остановимся на томъ лѣчебномъ для больной нашей молодежи средствѣ, о которомъ какъ бы вскользь упоминаетъ г. В. Розановъ. Указавши на свои попытки сблизить молодежь съ старыми писателями, онъ спрашиваетъ: „а съ кѣмъ теперь сталъ бы я сблизать молодежь? Гдѣ они, устойчивые и прочные свѣточы русскаго оптимизма“? Не въ этихъ-ли, однако, *сблжженіяхъ* заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ современной духовной нищеты нашей молодежи? Намъ не трудно вспомнить въ этомъ отношеніи бывшее, не трудно понять и настоящее. Какіе писатели были „любимыми“ писателями молодежи 60-хъ и послѣдующихъ десятилѣтій вплоть до нашихъ временъ? Хоть теперь-то мы не будемъ себя обманывать и не будемъ говорить предъ своею совѣстію, что такими писателями были Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ; если иной разъ и показывалось увлеченіе ими, то именно только *показывалось* и притомъ по побужде-

¹⁾ См. № 32 за 1902 г.

віямъ, имѣвшимъ самое отдаленное соприкосновеніе съ идеями, трудами, направленіемъ этихъ писателей. Захватывали тогда всю душу молодежи—Писаревъ, Чернышевскій, Шелгуновъ, Добролюбовъ; увлекались Бѣлинскимъ, но не тѣмъ его страстнымъ стремленіемъ къ совершенствованію, отъ котораго сгорѣлъ знаменитый критикъ, а преимущественно приемами его критики, самою критикою, какъ извѣстнымъ способомъ выраженія негодованія, недовольства существующимъ, какъ орудіемъ борьбы противъ рабства мысли, чувства, общественнаго быта. Мало любимый вначалѣ графъ Л. Толстой, сталъ постепенно идоломъ молодежи и именно со времени своего перерожденія и отреченія отъ всего святаго, отъ всего, что такъ необходимо для души молодой, для жизни разумной. Мы удивляемся безумствованію современной молодежи, играющей въ забастовки, но развѣ великій писатель земли русской не приучалъ и не приучаетъ эту молодежь къ пренебреженію наукою, развѣ онъ своими писаніями, заграничными и русскими, не вывѣтривалъ изъ этой молодежи стремленія къ знанію, къ спокойному совершенствованію, къ тѣмъ идеаламъ высшей правды, истины и свѣта, которые одни только способны подвигнуть людей на борьбу со зломъ, съ неправдою жизни людской? Еще немного пройдетъ времени, и мы, быть можетъ, будемъ свидѣтелями, какъ само же наше общество выступитъ жестокимъ, но справедливымъ судіею увлеченія нашей интеллигенціи толстовскими колоніями. Стоитъ только вникнуть хоть немного въ сущность этого печальнаго явленія, чтобы понять, во что обошлось и обходится сближеніе нашей молодежи, всей нашей интеллигенціи съ великимъ писателемъ? Одна проповѣдь непротивленія злу, способная всегда въ натурахъ не крѣпкихъ, не умудренныхъ знаніемъ и опытомъ жизни разбудить всѣ инстинкты звѣря въ человѣкѣ, способная привести къ проявленію самыхъ необузданныхъ страстей; одна эта проповѣдь чего стоитъ для нашей общественной жизни, особенно въ ея молодой части! Вѣдь это въ сущности проповѣдь лѣни, проповѣдь невѣжества, распущенности и без-

различнаго отношенія къ личному и общественному совершенствованію! А эти блестящія картины въ такихъ произведеніяхъ, какъ Крейцерава соната, воскресеніе и т. п.,—развѣ онѣ не загрязняли и не загрязняютъ души читающаго, особенно же увлекающагося великимъ писателемъ, которому Европа и Америка поютъ диффирамбы? Наконецъ, какое опустошеніе въ душу молодую, какое, ничѣмъ не поправимое поврежденіе корней ея должна внести критика Толстымъ всего въ нашей жизни темнаго, порочнаго,—критика безъ указаній истиннаго исхода изъ окружающей насъ тьмы?

Если мы отъ гр. Толстого обратимся ко всей плеядѣ нашихъ современныхъ писателей—реалистовъ, декандистовъ, послѣдователей Золя, Маркса, смѣлыхъ рисовальщиковъ быта отверженцевъ, отбросовъ общества, не почувствуемъ-ли, какая грязь окружаетъ съ самыхъ первыхъ минутъ только что приступающаго къ чтенію, къ развитію себя чтеніемъ! Установившійся у насъ взглядъ, что реальная правда чуть-ли не выше всего, что реализмъ въ беллетристикѣ и въ живописи составляетъ особенно высокое достоинство произведеній, привелъ и ведетъ насъ только къ одному, чтобы копаться на задворкахъ жизни нашей, преподноситъ всѣмъ гніющій мусоръ этой жизни,—и все это безъ всякаго почти прикрытія какою-либо целеною, не говоримъ чего-либо идеальнаго, а просто стыдливости. Выставляя иногда, впрочемъ, на видъ, что мы ищемъ челоѵка и въ босякахъ, въ дѣйствительности же какъ бы нарочито вводимъ читателей въ міръ невѣдомыхъ страстей, неслыханныхъ паденій челоѵческаго достоинства... Кто скажетъ, что эти картины не соблазняютъ? Кто скажетъ, что онѣ не примирятъ съ грязью жизни нашей? Писанія М. Горькаго и ему подобныхъ приведутъ въ концѣ концовъ, къ извѣстному ученію—*челоѵкъ—мтра всему*,—да не только къ ученію, но и къ осуществленію его въ жизни, что мы уже и наблюдаемъ въ дѣйствительности. Когда и кто изъ разумныхъ и правильно воспитанныхъ людей утверждалъ, что съ нищетою и порокомъ теряется на всегда и челоѵкъ, и искра Бо-

жій? Бѣдность не порокъ, твердили намъ, и мы это усвоили всею душою своею, несчастненькіе, по мнѣнію народа и всѣхъ лучшихъ сыновъ его, шли и идутъ „по владиміркѣ“. Но вѣдь это не то, далеко не то, что говорится въ твореніяхъ Горькаго. Состраданіе, а не восхищеніе слышится въ произведеніяхъ народной мудрости, призывъ къ состраданію людямъ и къ отвращенію отъ зла, сдѣлавшаго людей несчастными, а не восхищеніе и преклоненіе предъ страдающими отъ общественнаго темперамента. Не оправданіе зла и сотворившаго его слышится въ любвеобильной, христіански настроенной душѣ народной, когда она, возмущенная порокомъ, стремится понять наблюдаемые печальные факты жизни... Мы учимся, говорятъ намъ, недостатками и пороками другихъ, мы въ правильномъ пониманіи зла и дѣйствительныхъ источниковъ его почерпаемъ, говорятъ, всѣ необходимыя данныя для разрѣшенія важнѣйшихъ „соціальныхъ и этическихъ проблемъ“. Но зачѣмъ-же „живописать“ порокъ и недостатки такъ, какъ никогда не живописуется добродѣтель (разумѣемъ тѣхъ-же писателей), зачѣмъ скрашивать порокъ разнаго рода симпатіями?

Не въ этомъ-ли сближеніи молодежи съ современными писателями и нужно искать ближайшихъ причинъ крайняго паденія нравовъ этой молодежи? Вѣдь эти писатели по истинѣ могутъ быть названы самыми устойчивыми оптимистами,—такой оптимизмъ и все примиреніе въ сущности рѣдко кто и проповѣдывалъ. И что особенно печально, такъ это—быстрое проникновеніе писаній этихъ оптимистовъ въ массы народныя! Вотъ теперь и сопоставьте съ живописаніями этихъ писателей призывъ къ тому, чтобы школа была въ постоянной связи съ *дѣйствительной* жизнью страны, и эта жизнь не должна быть тайной для юношества, потому только, что наша жизнь произведена нами самими, а не создана кѣмъ-либо постороннимъ. „И такое сопоставленіе и происходитъ постоянно, при чемъ жизнь провѣряется и оправдывается, даже болѣе идеализируется по рецептамъ реальной беллетристики и типамъ тѣхъ задворковъ жизни, куда людей, правда, загоняють горе, ни-

щета, порокъ, несправедливость и т. п., но которые, во всякомъ случаѣ, не должны бы считаться не только „нормами“ жизни, но и критеріями для нея. И выходитъ—жизнь то сама по себѣ переполнена разнаго рода уродливостями и потому плоха; „реальная“ литература вносить въ нее еще больше этихъ уродливостей, да не простыхъ, но въ извѣстной мѣрѣ оправданныхъ и даже идеализированныхъ. Въ какой-же послѣ этого атмосферѣ будетъ воспитываться умъ и сердце нашей молодежи? Что-же послѣ этого удивительнаго въ „возмутительномъ“ поведеніи ея?

Да, безъ всякаго сгущенія красокъ, безъ всякаго желанія свалить вину на литературу мы, если хотимъ быть только правдивыми, должны сказать, что современная литература много-много зла вносить въ жизнь нашу. Она, все болѣе и болѣе удаляясь отъ всего идеально-возвышеннаго, рабски копируя жизнь, разрушая грубо и дерзко вѣрованія и вмѣсто нихъ оставляя одну только пустоту,—постепенно подкапывается подъ основанія духовной жизни народа и ведетъ прямъмъ путемъ не только къ возмутительному поведенію молодежи, но и къ болѣе серьезной катастрофѣ нашей общественной, политической, умственной и религіозно-нравственной жизни. Заполненіе разныхъ печатныхъ органовъ бойкими и ни во что не вѣрующими писателями, лавры свои покупающими дешевымъ либерализмомъ, явно ведетъ литературу къ разрушительной только дѣятельности, а не созидательной, развращающей все, что попадаетъ подъ ея водительство, а не воспитывающей умъ, сердце и волю людскія. Между тѣмъ, объ оздоровленіи литературы у насъ меньше всего рѣчи. Напротивъ, только и слышно о свободѣ слова, мнѣній, исповѣданій и т. д. Но вѣдь, скажутъ,—и скажутъ справедливо, литература плоть отъ плоти нашей,—она частица нашей жизни, выразительница послѣдней. Значить, нападая на литературу, въ ней указывая ближайшую причину тяжелыхъ явленій нашей жизни, мы въ сущности не объясняемъ основной причины зла?

Совершенно вѣрно. Если бы мы всѣ причины, производящія смуту нашу, свели, какъ къ фокусу, къ одной только литературѣ и тѣмъ болѣе—если бы въ ней видѣли главнѣйшую причину этой смуты, то мы были бы не только несправедливы, но и попали бы въ то бѣличье колесо, изъ котораго желаемъ выбиться, но никакъ не можемъ,—не можемъ именно потому, что отъ явленій жизни не хотимъ перейти къ дѣйствительнымъ причинамъ, создающимъ эти явленія, не хотимъ вдуматься въ сущность нашей жизни и здѣсь поискать настоящую причину одолевшаго насъ зла.—Гдѣ-же, однако, эта причина?

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Ги.

Предметъ, задача и цѣль проповѣди по ученію Отцовъ и Учителей Церкви ¹⁾).

6. Св. Григорій Двоесловъ.

„Въ исторіи христіанской гомилетики, какъ теоріи или науки, имя святаго Григорія Двоеслова слѣдуетъ тотчасъ же за именемъ блаженнаго Августина, и его „Правило пастырское“ должно стоять рядомъ съ „Христіанскою наукою“ блаженнаго Августина“ ²⁾. „Правило пастырское“ святаго Григорія Великаго не посвящено исключительно проповѣдничеству, какъ не посвящена этому предмету исключительно и „Христіанская наука“ блаженнаго Августина. „Правило пастырское“ говоритъ о пастырскомъ служеніи вообще. Въ первой части этой книги опредѣляется, какія свойства долженъ имѣть тотъ, кто хочетъ посвятить себя пастырскому служенію. Во второй части показывается, каково должно быть поведеніе принявшаго на себя пастырское званіе, и только

¹⁾ См. № 31 за 1902 г.

²⁾ „Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила“, стр. 299.

третья часть посвящена исключительно разсужденію о томъ, какъ долженъ учить другихъ пастырь церкви. Въ заключеніе помещена четвертая часть, которая внушаетъ пастырю постоянную бдительность надъ собою, чтобы не увлечся гордостію и самообольщеніемъ. Третья часть „Правила пастырскаго“ Григорія Двоеслова, самая большая, научаетъ пастыря, что ему нужно предлагать своимъ пасомымъ для назиданія. Общая мысль, проводимая здѣсь, направлена къ тому, чтобы слово проповѣдника сдѣлать словомъ практическимъ, жизненнымъ, прямо достигающимъ своей цѣли. „Въ основаніи книги, написанной Григоріемъ Двоесловомъ о пастырствѣ и для руководства пастырей, лежитъ живое сознаніе необходимости для пастырей церкви общественнаго учительства или проповѣдничества. Проповѣдничество онъ считалъ самою существенною частию пастырскаго служенія и убѣжденіе въ необходимости проповѣдничества настоятельно выражалъ предъ тѣми людьми, съ которыми входилъ въ сношенія при разныхъ случаяхъ“¹⁾. Григорій Двоесловъ назначаетъ очень широкія границы проповѣдническому слову и не думаетъ стѣснять свободы его выбора въ ряду многосложныхъ истинъ нашей вѣры и нашего сознанія, лишь бы только это были дѣйствительныя истины, не противныя православію. Пастырю онъ предписываетъ быть „сострадательнымъ ко всѣмъ“²⁾ и больше всѣхъ заниматься созерцаніемъ³⁾. „Это состраданіе ко всѣмъ и эта высота созерцанія, которою долженъ отличаться пастырь,—два термина, которыми обозначается кругъ предметовъ пастырскаго наставленія. Высота созерцанія открываетъ проповѣднику тайны горняго міра, а состраданіе ко всѣмъ заставляеть его съ участіемъ относиться ко всѣмъ мелочамъ людскимъ, къ немощамъ и заботамъ плотскаго человѣка“⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 303.

²⁾ „Правило пастырское“ св. Григорія Двоеслова, перев. Д. Подгурскаго, изд. 3-е, 1874 г., стр. 47.

³⁾ Тамъ же, стр. 47.

⁴⁾ „Григорій Двоесловъ“, его проповѣди и гомилетическія правила“, стр. 221—222. „Правило пастырское“ стр. 47—52.

Такъ какъ пастырь церкви долженъ удовлетворять своимъ словомъ потребностямъ разнообразныхъ слушателей, нуждающихся въ пастырскомъ наученіи (они могутъ различаться между собою по поламъ, по возрастамъ, по характеру, по ви́шнему положенію, по внутреннему совершенству, по способностямъ и т. под.), то св. Григорій Двоесловъ въ 36 увѣщаніяхъ и даетъ ему подробныя наставленія о томъ, какъ нужно учить мужчинъ и женщинъ, юношей и старцевъ, богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и рабовъ, веселыхъ и печальныхъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ Григорій Двоесловъ даетъ совѣты и относительно того, какъ поучать благодѣтельныхъ, малодушныхъ, терпѣливыхъ, завистливыхъ, хитрыхъ и лукавыхъ и проч. Слѣдовательно, по взгляду Григорія Двоеслова, проповѣдническая дѣятельность пастыря церкви весьма обширна: онъ долженъ отзываться на всѣ нужды своей паствы. А потому Григорій Двоесловъ и преподаетъ пастырю наставленія, какъ онъ долженъ поучать въ разныхъ обстоятельствахъ своей проповѣднической дѣятельности.

Для осуществленія же всѣхъ этихъ наставленій на практикѣ Григорій Двоесловъ требуетъ, чтобы пастырь церкви, если онъ желаетъ достойно проходить свое служеніе, имѣлъ близкое знакомство съ Священнымъ Писаніемъ. „Пастырь, говоритъ онъ, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, да вѣдаетъ, что всѣмъ требованіямъ онъ можетъ исполнѣ удовлетворить тогда только, когда одушевляемый страхомъ Божиимъ и Божественною любовію ежедневно и нелиценно будетъ заниматься Священнымъ Писаніемъ и углубляться въ него размышленіемъ“ ¹⁾. „Никто въ мірѣ не беретъ учиться другихъ искусству, не изучивъ его самъ напередъ съ самою тщательною подготовкою. Какъ же безразсудно поступаютъ тѣ, которые дерзаютъ принимать на себя пастырское служеніе, между тѣмъ какъ управленіе душами человѣческими есть искусство изъ

¹⁾ „Правило пастырское“ стр. 86.

искусствъ“¹⁾. „Такъ какъ пастыри и пастыреначальники, по долгу своего знанія, должны всегда стоять какъ бы на стражѣ проповѣди Слова Божія, то прежде всего сами должны тщательно изучать его постояннымъ чтеніемъ и размышленіемъ, чтобы всегда быть готовыми къ исполненію своего долга“²⁾. Словомъ, Священное Писаніе должно быть главнымъ руководительнымъ началомъ для пастыря церкви въ его проповѣднической дѣятельности.

Это обстоятельство побуждаетъ Григорія Двоеслова въ своемъ „Правилѣ пастырскомъ“ сдѣлать указанія и касательно того, какъ долженъ поступать пастырь при проповѣдываніи самаго слова Божія. Говоря иначе,—Григорій Двоесловъ опредѣляетъ тутъ задачу проповѣди. „Иные проступки, учить онъ, требуютъ обличенія кроткаго и умѣреннаго, потому что человѣкъ часто грѣшитъ не по злости своей, а или по невѣдѣнію или по слабости, гдѣ самое осужденіе и обузданіе грѣховности, конечно, должно быть въ значительной степени ослабляемо и сдержано, съ сострадательною для грѣшника пощадою“³⁾. А болѣе тяжкія преступленія, разсуждаетъ Григорій Двоесловъ далѣе, надлежитъ обличать и преслѣдовать со всею силою, дабы виновные, не понимающіе важности своей вины, могли при этомъ убѣждаться въ томъ, какъ тяжело они грѣшатъ, и, не считая своихъ грѣховъ за проступки маловажные, при строгости осужденія, сами страшились ихъ и позаботились въ своемъ исправленіи“⁴⁾. „Между тѣмъ, продолжаетъ св. Григорій, намъ, пастырямъ, не надобно упускать изъ вида и того, что въ обличеніяхъ, при увлеченіи, весьма трудно бываетъ удержаться, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго и неудобовыносимаго... Потому, когда мы замѣтимъ, послѣ обличительной проповѣди, что поразили слушателей сво-

¹⁾ Тамъ же, стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 88.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 82.

ихъ чрезъ мѣру, болѣе надлежащаго, тотчасъ должны съ сознаниемъ прибѣгнуть къ покаянію и со слезами просить у Господа прощенія въ томъ даже, что отъ неосмотрительной ревности по Его святомъ законѣ согрѣшили, прося иногда извиненія и у тѣхъ, кого этимъ можетъ быть обидѣли“¹⁾.

„Итакъ, заключаетъ св. Григорій Двоесловъ, всякое слово учителей должно быть приспособлено къ качествамъ и свойствамъ состоянія слушателей, такъ чтобы каждому изъ нихъ предлагаемо было свое, ему свойственное, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отступало отъ общихъ требованій назидательности“²⁾.

„Всякій пастырь церкви, какъ учитель и руководитель своей паствы, чтобы быть пригоднымъ для всѣхъ и каждого къ соизданію ихъ спасенія, долженъ трогать и назидать сердца слушателей своихъ однимъ ученіемъ, но не однимъ и тѣмъ же тактомъ или размѣромъ“³⁾.

Въ 38-й главѣ 3-й части „Правила пастырскаго“ Григорій Двоесловъ говоритъ, что „пастырь душъ долженъ тщательнo заботиться, чтобы при разнообразіи проповѣди, вызываемомъ различнымъ состояніемъ слушателей, непремѣнно предлагалось врачевство, сообразное съ язвами cadaго. Но если не легко послужить всѣмъ порознь во всемъ, если трудно наставить со всестороннею осмотpительностію cadaго въ свойственныхъ ему слабостяхъ, то гораздо труднѣе, въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же словомъ, наставлять слушателей безчисленныхъ съ многоразличными недугами. Здѣсь слово пастыря должно быть соразмѣрено съ такимъ искусствомъ и умѣньемъ, чтобы каждый изъ слушателей находилъ въ немъ для себя приличное своему недугу врачеваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ само оно не заключало въ себѣ разнорѣчія,— чтобы разомъ проходило, такъ сказать, золотою серединою, между противоположными страстями, и, подобно, обоюдо-остро-

¹ Тамъ же, стр. 85.

²) Тамъ же, стр. 89—90.

³) Тамъ же, стр. 90.

му мечу, съ разныхъ сторонъ разсѣкало и поражаало возста-
 нія плотскихъ помысловъ, предохраняя такимъ образомъ отъ
 крайностей увлеченія“¹⁾... Во всей этой главѣ излагаются
 правила о томъ, какъ долженъ говорить проповѣдникъ, когда
 его слушатели заражены различного рода недугами. Григорій
 Двоесловъ предлагаетъ проповѣднику „не вдаваться въ своихъ
 поученіяхъ предъ слушателями слабыми и немощными въ раз-
 сужденіе о предметахъ возвышенныхъ, для нихъ недоступныхъ,
 пока они не будутъ къ тому подготовлены. Проповѣдникъ не
 долженъ сверхъ силъ напрягать душевнаго вниманія своихъ
 слушателей, чтобы при излишнемъ напряженіи не порвать,
 такъ сказать, струнъ ихъ мыслительной удобопріемлемости“²⁾.
 Вотъ тѣ главныя задачи, которымъ должна удовлетворять про-
 повѣдническая дѣятельность пастыря церкви. Именно—слово
 проповѣдника должно быть приспособлено къ умственному и
 нравственному состоянію слушателей. Кромѣ того, оно дол-
 жно трогать и назидать сердца слушателей. Наконецъ, па-
 стырь не долженъ слишкомъ строго обличать своихъ пасо-
 мыхъ: лучше всего ему слѣдуетъ держаться золотой середины
 между противоположностями.

Имѣя въ виду эти требованія, проповѣдникъ обязанъ ста-
 раться постепенно раскрывать предъ своими слушателями „вы-
 сокія истины“³⁾, стремиться „обуздать грѣховности“⁴⁾, „на-
 править пасомыхъ на путь добродѣтели“⁵⁾. Цѣлью же всей
 такой проповѣднической дѣятельности пастыря должно быть,
 по ученію Григорія Двоеслова „созиданіе спасенія“⁶⁾ своей
 паствы. Чтобы вѣрнѣе достигать этой цѣли проповѣди, Гри-
 горій Двоесловъ совѣтуетъ иногда прибѣгать къ притчѣ или
 аллегорическому уподобленію. Вотъ его слова относительно

¹⁾ Тамъ же, стр. 262—263.

²⁾ Тамъ же, стр. 268.

³⁾ Тамъ же, стр. 268.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 149, 263.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 90.

этого предмета: „А иногда, когда рѣшаемся выступить съ обличеніемъ противъ сильныхъ міра сего и беремъ на себя тяжелую обязанность вразумить ихъ и навестъ на путь раскаянія, весьма полезно бываетъ начать рѣчь свою притчею или аллегорическимъ уподобленіемъ, предлагая имъ на разсужденіе какъ бы чужіе поступки: и когда они произнесутъ надъ ними, какъ чуждыми имъ, свой строгій и безпристрастный судъ, тогда-то съ ораторскимъ искусствомъ и обратитъ этотъ судъ на нихъ самихъ, такъ чтобы надмѣвающійся временнымъ могуществомъ умъ избличаемаго не могъ возстать на обличителя и не пытался даже защищаться, связавъ напередъ самъ себя своимъ же осужденіемъ“ 1). Затѣмъ Григорій Двоесловъ приводитъ въ примѣръ пророка Наѳана, пришедшаго обличить Давида въ его тяжкомъ преступленіи. Сначала пророкъ изложилъ дѣло въ формѣ приточной аллегоріи, и когда царь самъ произнесъ приговоръ по этому дѣлу, тогда уже пророкъ объявилъ ему и обидѣвшаго и обиженнаго 2).

Проповѣдываніе слова Божія, по руководству Григорія Двоеслова, должно быть тѣсно связано съ добродѣтельною жизнію самого пастыря: иначе его слово не достигнетъ своей цѣли. „Каждый проповѣдникъ, убѣждаетъ онъ, долженъ учить болѣе дѣлами, нежели словами, указывая своимъ послѣдователямъ, не столько витіеватостію краснорѣчія, сколько примѣромъ своей жизни, нуть и цѣль, куда они должны идти и къ чему стремиться... Тѣ, которые изрекаютъ слово Божественной проповѣди, должны прежде сами неусынно упражняться въ доброй дѣятельности, чтобы собственнымъ примѣромъ не противорѣчить тому, къ чему призываютъ и возбуждаютъ другихъ своимъ словомъ. Пусть же благовѣстники слова Божія прежде сами усовершенствуютъ себя въ высокихъ подвигахъ христіанскихъ добродѣтелей и тогда уже съ неукоризненностію поучаютъ другихъ добродѣтельной жизни... Все предлагаемое

1) Тамъ же, стр. 96—97.

2) Тамъ же, стр. 97.

ими слушателямъ они должны подтверждать своими дѣлами“¹⁾. „Проповѣдь устная удобнѣе и вѣрнѣе проникаетъ въ сердца слушателей, когда слова проповѣдника подтверждаются примѣрною жизнью его: словомъ онъ только убѣждаетъ и побуждаетъ къ дѣлу, а примѣромъ какъ бы помогаетъ и участвуетъ въ дѣлѣ“²⁾. Въ такомъ только случаѣ цѣль проповѣди и будетъ достигнута.

„Святой Григорій Двоесловъ заключаетъ собою творческій патристическій періодъ. Его симпатическій, многоговорящій образъ прикрываетъ собою дѣятелей предшествующаго поколѣнія предъ глазами ближайшаго потомства и онъ становится главнымъ лицомъ, на произведеніи котораго смотрѣли, какъ на свой образецъ западные служители проповѣднаго слова на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній“³⁾.

Н. Добровъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 270—271.

²⁾ Тамъ же, стр. 38.

³⁾ „Григорій Двоесловъ,—его проповѣди и гомилетическія правила“ стр. 23.

Примѣрная программа испытанія лицъ, ищущихъ должности псаломщика.

1) По священной исторіи Ветхаго и Новаго завета: всѣ повѣствованія, указанныя въ программѣ одноклассной церковно-приходской школы. (Руководствомъ можетъ служить книга, П. Смирнова).

2) По церковной исторіи: о гоненіяхъ на христіанъ въ первые три вѣка; о святыхъ Константинѣ и Еленѣ; о вселенскихъ соборахъ; о св. Кириллѣ и Меѳодіи; о крещеніи Руси; объ Антоніи и Ѳеодосіи печерскихъ; Зосимѣ и Савватіи Со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 270--271.

²⁾ Тамъ же, стр. 38.

³⁾ „Григорій Двоесловъ,—его проповѣди и гомилетическія правила“ стр. 23.

ловецкихъ: Сергіи Радонежскомъ. (Руководствомъ можетъ служить книга П. Смирнова).

3) *По краткому катихизису*: все, изложенное въ „Начаткахъ христіанскаго ученія“, при чемъ испытуемый долженъ знать число книгъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Заѣта, умѣть именовать всѣ книги Новаго Заѣта и найти въ Библии безъ затрудненія всякую книгу.

4) *По церковному уставу*: все, указанное въ программѣ духовныхъ училищъ, при чемъ испытуемый долженъ знать наименованія и составъ богослужебныхъ книгъ и умѣть ими свободно пользоваться при отиравленіи богослуженій, какъ то: подыскать апостольскія чтенія, соединить въ богослуженіи октоихъ и минею; октоихъ, тріодъ постную и минею; тріодъ цвѣтную и минею на основаніи главъ, изложенныхъ о семь въ уставѣ; кромѣ того, знать, что такое Четви—минеи и Прологъ. Пособіями могутъ служить принятые въ духовныхъ училищахъ руководства Свирѣлина или Николаевского).

5) *По церковно-славянскому чтенію*: умѣть правильно и выразительно читать пареміи и апостоль, съ надлежащими повышеніями и пониженіями голоса, принятыми для чтенія въ храмѣ, и твердо и внятно умѣть читать часословъ, псалтирь и каноны по церковному, а отнюдь не разговорнымъ способомъ.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 7 августа 1902 г.

Цевзоръ, священникъ *Θ. Титовъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, августа 25-го.

Содержаніе: Современное общество и пастырство.—Законъ Божій въ зем-
ской начальной школѣ.—Дѣйствующія церковно-гражданскія поста-
новленія по благоустройству приходской жизни.—Примѣрная про-
грамма испытанія лицъ, ищущихъ должности псаломщика (окончаніе).

Современное общество и пастырство ¹⁾.

То дѣло, та отрасль жизни, которую руководить мнѣ
предназначено божественнымъ Промысломъ, среди прочихъ
отраслей жизни общественной и личной есть, конечно, самая
первая и важнѣйшая, ибо о ней сказалъ Господь нашъ: *„кая
польза человеку, аще приобрящетъ міръ весь и отщепитъ
душу свою или что дастъ человекъ измѣну на души своей“*?
И если бы мы здраво и серьезно взирали на жизнь, тогда бы
попеченіе о нашей душѣ и, вообще, жизнь церковная не пред-
ставлялась бы намъ какъ только одна изъ многихъ отраслей

¹⁾ Изъ рѣчи преосвященнаго Антонія, епископа волынскаго и жи-
томірскаго, произнесенной въ житомирскомъ кафедральномъ соборѣ при
вступленіи на пастру.

жизни, какъ специальность людей извѣстнаго только званія, въ родѣ, напримѣръ, медицины или инженернаго дѣла,—а какъ *сама жизнь*, какъ то начало общественной и личной жизни, которое проникаетъ собой всѣ многоразличныя отрасли той и другой и всѣмъ этимъ отраслямъ опредѣляетъ цѣну, смотря по ихъ большей или меньшей близости къ этому всеобщему началу жизни. Въ немъ вѣдь, въ этомъ началѣ, сосредоточивается присущее душѣ нашей стремленіе къ совершенству, на него опирается голосъ нашей совѣсти; имъ освѣщаются и осмысливаются наше сочувствіе ко всему доброму, наше участіе къ человѣческимъ страданіямъ, наша скорбь о человѣческихъ порокахъ. Все это лучшее содержаніе человѣческой души живетъ и процвѣтаетъ только тогда, когда душа эта находится въ живомъ общеніи съ Богомъ и Богочеловѣкомъ. Было время въ нашей странѣ, когда духовная жизнь народа, или жизнь церкви Христовой, была для нашихъ предковъ дѣломъ общимъ и самымъ первымъ, когда все, не входившее въ эту церковную жизнь, представлялось народу малоцѣннымъ и ничтожнымъ, когда въ церковной жизни одинаково участвовали всѣ люди, а не духовенство только, ибо тогда и слова этого „духовенство“ не существовало, а былъ только церковный народъ россійскій, дѣлившійся на епархіи и приходы, конечно, руководимые избранными изъ среды народной пастырями, но состоявшіе изъ всеобщаго, сознательно и дѣятельно участвовавшаго въ духовной жизни, всенароднаго всесословнаго православнаго братства, такого братства, въ коемъ всѣ члены его отъ Царя и Царицы и до послѣдняго крестьянина-землепашца и старушки нищей считали себя каждый прежде всего христіаниномъ, сыномъ вселенской церкви, а уже потомъ сыномъ своей земли, области, сословія и т. д.

Мы съ любовью вспоминаемъ и благословляемъ это старое до-петровское время не потому, что тогда былъ особенно высокъ авторитетъ іерарховъ; напротивъ, при всемъ томъ смиренномъ благоговѣніи, съ какимъ народъ русскій чтилъ священнъ санъ, представители послѣдняго всегда оставались

подъ самымъ строгимъ надзоромъ всей паствы своей, гораздо болѣе свѣдущей въ церковныхъ законахъ и въ богословскихъ истинахъ, нежели паства современная, при чемъ тогдашняя паства относилась несравненно строже къ нравственному поведенію пастыря, чѣмъ въ настоящее время. Древняя Русь, готовая всегда смириться передъ пастыремъ въ личномъ настроеніи своихъ сыновъ, единодушно возставала противъ него, лишь только онъ забывалъ, что онъ представитель церкви, а не ея начальникъ, лишь только онъ дерзалъ самовольно разрушать церковный строй, какъ это сдѣлалъ въ XV вѣкѣ митрополитъ Исидоръ, праведно низложенный и изгнанный своею паствою. Но тѣ времена прошли для образованнаго русскаго общества; имъ остался вѣренъ лишь простой народъ нашъ, не отрехійся отъ древне-русской, или, лучше сказать, отъ христіанской, культуры и не измѣнившій ее на культуру правовую, полуязыческую, которою жила Европа среднихъ вѣковъ и живетъ Европа современная, а также дворянская Россія XVIII вѣка и вся интеллигентная Россія XIX вѣка. Вотъ почему въ настоящее время церковный пастырь уже не является для русскаго общества выразителемъ его же собственного наиболѣе высокаго и дорогого и всеобъемлющаго начала жизни, но специалистомъ извѣстной условной отрасли жизни, къ которой люди обращаются лишь по мѣрѣ желанія или во время семейныхъ горестей и радости.

Но не унывать слѣдуетъ поэтому намъ, пастырямъ, а умножать свою ревность о дѣлѣ Христовомъ. Да, не унывать, несмотря на то, что вдобавокъ ко всему въ этой западной окраинѣ не только образованное общество, но и простой народъ не можетъ похвалиться во всемъ своемъ составѣ тою всецѣлою преданностью православной церкви, которою еще богато племя великорусское,—несмотря на то, что латинское вліяніе положило свою печать на религіозное сознаніе здѣшняго народа, сдѣлало его подавленнымъ и въ значительной степени безучастнымъ, готовымъ болѣе повиноваться слѣпо,

чѣмъ сознательно усовершенствоваться,—несмотря на то, что вліяніе польской свѣтскости и суетности отражается здѣсь на образованныхъ людяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ среднихъ губерніяхъ. Не на эти скорбныя стороны жизни будемъ взирать мы уныло, а лучше будемъ почерпать бодрость въ двухъ другихъ обстоятельствахъ мѣстной простонародной жизни и общерусской жизни общественной, на которыя сейчасъ и укажемъ.

Здѣсь, полъ толстой корою различныхъ наслоеній, сперва татарскаго, а потомъ латинскаго ига, народный бытъ и народный характеръ сохранилъ, преимущественно предъ Велико-россіей, нѣсколько чертъ самой древней, самой свѣжей, ново-благодатной владимірской Руси, Руси до-монгольской, свободной и жизнерадостной, воспѣтой нашимъ лучшимъ стихотворцемъ. Это было время высокаго христіанскаго нравственнаго одушевленія, высокаго героическаго подвига, когда новопроевѣщенная Русь не хотѣла знать ничего, кромѣ евангельской святости, когда лучшіе сыны ея, оставляя всякій страхъ земной, по неизвѣданнымъ путямъ шли смотрѣть далекую землю, въ которой жилъ нашъ Спаситель, и орошать слезами умиленія слѣды Его пречистыхъ ногъ,—когда государи не хотѣли казнить преступниковъ и монашескую схиму предпочитали царскому вѣнцу,—когда подвижники добродѣтели ради умерщвленія страстей обрекали себя на жизнь въ подземныхъ пещерахъ, а великіе князья предпочитали ихъ общество, ихъ скудную трапезу, царственной обстановкѣ своихъ дворцовъ. Поистинѣ къ тогдашней Руси можно было примѣнить слова Господни народу израильскому: *„я вспоминаю о дружествѣ юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда постлдовала за мною въ пустыню, въ землю незасѣянную“*. (Іер. II, 2). Впослѣдствіи татарское иго и географическая отрѣшенность отъ постояннаго общенія съ церквами Востока немного сузили и помрачили эту серафимскую восторженность ново-просвѣщенныхъ русскихъ христіанъ въ племени великорусскомъ, но здѣсь, на Волини, гдѣ, наряду съ Кіевомъ

и Галичиной, былъ центръ древнѣйшаго русскаго христіанства и гдѣ сохранялась зависимость отъ восточныхъ патріарховъ до конца XVII вѣка,—здѣсь, говоримъ мы, сохранилось нѣсколько чертъ церковно-народнаго быта и нѣсколько оттѣнковъ народнаго религіознаго чувства столь древнихъ и столь драгоцѣнныхъ, что вскрывать ихъ изъ-подъ твердой коры латино-польскаго вліянія, а, вскрывши, вызывать къ жизни, есть не только весьма полезное, но и въ высшей степени радостное и усладительное для христіанскаго пастыря дѣло. Такъ малороссы, преимущественно передъ великороссами, взираютъ на церковь Христову, *какъ на церковь не только русскую, но именно вселенскую* и лучше великороссовъ уживаются на космополитическомъ Аѳонѣ, да и самую религіозную жизнь усваиваютъ, прежде всего, какъ жизнь духовную, нравственную, и этимъ именно началомъ одушевляютъ и внѣшній строй христіанскаго быта. Вотъ почему, когда видишь здѣсь народныя толпы въ распитыхъ войлочныхъ одеждахъ тысячелѣтней древности, сиѣшащихъ во святую обитель для молитвы и причащенія святыхъ таинъ, то душа наполняется надеждой на то, что въ народѣ этомъ суждено еще проснуться великому богатырскому духу не для воинской брани, а для подвига сознательной добродѣтели христіанской, для показанія міру божественной славы, открывающейся въ евангельской жизни.

Найдется ли залогъ такой надежды въ характерѣ и бытѣ столь чуждаго нашему народу просвѣщеннаго общества, по большей части весьма равнодушнаго, а иногда и враждебнаго апостольской церкви? Да, найдется. Найдется именно въ томъ неискоренимомъ изъ русскаго сердца стремленіи къ нравственной правдѣ, въ той неспособности поглотиться всецѣло интересами земнаго благополучія, коими и донинѣ русскій образованный человѣкъ отличается отъ западно-европейца-матеріалиста, на что съ особенною силою убѣдительности постоянно указываютъ современные французскіе романисты и публицисты. И они правы. Не говоримъ уже о томъ, что и

въ настоящее время не оскудѣваетъ среди общества такой типъ русскаго человѣка всѣхъ половъ, и возрастовъ, и сословій, который совмѣщаетъ въ себѣ европейскую просвѣщенность, иногда даже блестящую, съ простонародною преданностію евангельскимъ завѣтамъ, съ простонароднымъ глубокимъ смиреніемъ и самоуничиженіемъ, съ прекрасною самоотверженною простотою и горячею правдивостію, наконецъ, съ полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ земнымъ благамъ. Недавно еще, именно 2 мая, скончался одинъ великій представитель такого типа С. А. Рачинскій, и если подобныхъ людей найти не легко среди насъ, то не потому, чтобы ихъ было слишкомъ мало, а потому, что они по своей скромности живутъ такъ же непримѣтно среди людей грѣшныхъ, какъ жилъ до 30-ти лѣтъ мнимый сынъ плотника въ Назаретѣ. Да, не безнадежна та страна, въ которой есть такіе люди, а напротивъ, много надеждъ внушаетъ намъ то особенно отрадное обстоятельство, что подобный евангельскій типъ не въ такой ужъ степени чуждъ и противоположенъ обычному типу русскаго интеллигента, какъ это представляется съ перваго раза. Правда, подъ вліяніемъ ложной школы, ложныхъ взглядовъ на жизнь вообще, на жизнь русскую въ частности, подъ вліяніемъ ложныхъ книгъ и преданій общественныхъ, а также ложнаго семейнаго воспитанія, русскіе люди перестаютъ искать въ Христовой церкви источника духовной жизни, а многіе даже забыли о церкви; но никакая ложь не могла вытравить изъ русской души самаго *различенія добра и зла*, самаго стремленія быть добрымъ или, по крайней мѣрѣ, глубокаго, иногда тщательно скрываемаго, внутренняго отвращенія къ тому злу, къ тому грѣху, въ который неизбежно погружается душа, отрѣшившаяся отъ Христа и церкви, хотя и желающая быть доброй. И если иностранные нравоописатели Россіи въ XVII вѣкѣ изумлялись тому, что русскіе цари и бояре такъ мало интересовались политикой, а только богословіемъ и духовнымъ подвижничествомъ, то современные наши французскіе нравоописатели почти съ такимъ же изумленіемъ указы-

вають на ту черту русскаго человѣка, въ силу которой умъ его всегда бываетъ устремленъ къ вопросамъ нравственнымъ, а всякое иное увлеченіе является у него либо какъ минутная измѣна самому себѣ, либо какъ плодъ разочарованія. Съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ пересталъ быть русскимъ и тотъ писатель нашъ, который въ настоящее время составляетъ предметъ глубокой скорби всѣхъ лучшихъ русскихъ людей, какъ горячій врагъ церкви, открыто ею отлученный отъ общенія,— ибо и въ немъ это различеніе добра и зла, несмотря на столь глубокое увлеченіе германскимъ пантеизмомъ, сохраняетъ всю свою силу, и самыя кощунства его противъ церкви, запальчивыя и необоснованныя, являются скорѣе болѣзненнымъ крикомъ бурной души, истерзанной разочарованіемъ, нежели окончательнымъ выраженіемъ извѣстнаго образа мыслей. Правда, въ самое послѣднее время многіе представители слова и мысли идутъ у насъ еще далѣе въ своемъ разрывѣ съ христіанской правдой. Они открыто проповѣдуютъ безразличіе добра и зла и ожесточенно распространяютъ сочиненія германскаго безумца,—провозгласившаго это ученіе на порогъ дома умалишенныхъ. Но и это безобразное бѣснованіе, эта вакханалія литературы не есть дѣйствительное выраженіе чьей-либо постоянной настроенности, а скорѣе голосъ глубокаго отчаянія послѣ многихъ бессильныхъ попытокъ быть добрымъ безъ Христа, быть честнымъ и цѣломудреннымъ безъ благодатной помощи Св. Духа. Такимъ же образомъ объясняемъ мы усиливающійся развратъ юношества, учащагося въ высшихъ школахъ, и разложеніе семействъ. На нихъ исполняются слова апостола: *„и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотъ, такъ что они сквернили сами свои тѣла. И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумъ: то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства“* (Рим. I, 24, 28). Справедливость подобнаго сужденія доказывается тѣмъ, что когда подобныя нравственно расшатанные люди случайно встрѣчаютъ искреннее слово правды и уразумѣваютъ, гдѣ должны искать побѣды надъ страстями и осмысленнаго под-

вига, то они съ замѣчательною готовностью и быстротою отрекаются заразъ отъ прежнихъ своихъ заблужденій, какъ Захей отъ неправеднаго стяжанія, и обновляются духомъ съ такою же полнотою и искренностью, какъ первые русскіе христіане Ольга и Владиміръ.

Церковному пастырю, обнаруживающему въ нашихъ престолюдинахъ малороссахъ прекрасную душу древнихъ кievскихъ христіанъ изъ-подъ наслоеній татарскаго и латинскаго ига, надлежитъ имѣть попеченіе и о томъ, чтобы пробудить такую же душу, правдивую, чуткую, мягкую, и въ представителяхъ современной интеллигенціи, освобождая ее отъ ига европейскаго нигилизма; и если самъ пастырь умѣетъ изложить божественное ученіе и разъяснить строй нашей церкви именно съ этой точки зрѣнія, какъ единственнаго доступнаго всѣмъ смертнымъ, пути къ тому, чтобы быть добрымъ, честнымъ и чистымъ не на словахъ, а на дѣлѣ, если онъ въ своей собственной жизни и въ своей душевной настроенности представитъ тому живое доказательство, то онъ уже будетъ пастыремъ не для простаго народа только, но и для всѣхъ русскихъ людей, вокругъ него живущихъ, такъ что даже и въ маловѣрующихъ и невѣрующихъ онъ не будетъ представляться только специалистомъ своей профессіи, но выразителемъ того, что по общему сознанію явится тогда, какъ *единое на потребу*.

Посему и мое и ваше, достолюбезные братія іереи, стараніе должно быть о томъ, чтобы намъ самимъ усовершенствоваться въ уразумѣніи ученія и жизни церковной, какъ единаго пути къ добродѣтели, и наипаче усовершенствоваться еще и въ томъ, чтобы въ себѣ самихъ отражать лучи божественной правды и въ дѣлахъ своихъ обнаружить силу Христовой благодати. И это все намъ дастъ Господь не ради нашихъ заслугъ предъ Нимъ, а ради спасенія душъ многихъ, если только мы сами черезъ смиренномудріе, черезъ самоосужденіе, черезъ молитву и изученіе Его словесъ будемъ открывать двери сердець нашихъ для принятія Его благодат-

ной помощи. Предстоящіе здѣсь благочестивые міряне да содѣйствуютъ намъ въ томъ, чтобы умножать на землѣ царствіе Божіе, ибо и имъ вѣщаетъ апостоль: *„каждый да назидаетъ ближняго своего“*. Да поможетъ же всѣмъ намъ Господь усовершенствоваться въ Его истинѣ, *„доколь всѣ придемъ въ единство вѣры и познаніе Сына Божія, въ мѣру полного возраста Христова, дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимся всякимъ вѣтромъ ученія“* (Ефес. IV, 13, 14).

Законъ Божій въ земской начальной школѣ.

(Изъ личныхъ наблюденій).

Кому не извѣстны постоянно раздающіяся жалобы и обвиненія какъ въ свѣтской печати, такъ и въ официальныхъ отчетахъ и донесеніяхъ лицъ, завѣдующихъ учебнымъ дѣломъ на неудовлетворительныя, слабыя познанія учениковъ начальныхъ земскихъ школъ въ Законѣ Божіемъ, что поставляется чаще всего въ вину оо. законоучителямъ. Общій смыслъ этихъ обвиненій сводится къ двумъ недостаткамъ въ усвоеніи учениками Закона Божія: въ однѣхъ школахъ дѣти хотя и твердо знаютъ требуемое программю, но малосознательно, механически; въ другихъ—они оказываются слабо ознакомленными съ фактической стороною предмета, но зато,—что знаютъ, знаютъ сознательно и основательно.

По пословицѣ—нѣтъ дыма безъ огня, не было бы и указанныхъ обвиненій, взводимыхъ на оо. законоучителей, если бы Законъ Божій былъ поставленъ въ нашихъ земскихъ школахъ, какъ должно и если бы обученіе ему давало вездѣ вполне удовлетворительные результаты. Поэтому, нѣтъ причинъ замалчивать отмѣченные посторонними наблюдателями недочеты въ преподаваніи Закона Божія въ нашихъ земскихъ училищахъ, но гораздо плодотворнѣе для дѣла обратить вниманіе на причины ихъ, изслѣдовать ихъ безпристрастно и по-

заботиться объ ихъ устраненіи, насколько это можетъ зависѣть отъ насъ самихъ.

Обращая вниманіе на существо предмета, слѣдуетъ признать, что Законъ Божій, по сравненію съ другими предметами школьнаго обученія, имѣетъ свои особенности, которыя требуютъ для успѣшнаго преподаванія его дѣтямъ двойного труда и нарочито—благопріятныхъ условій. Всѣ прочіе предметы школьнаго курса имѣютъ, по преимуществу, одну главную цѣль—обогащеніе ума ребенка извѣстными знаніями и развитіе его мыслительныхъ способностей, хотя и здѣсь подразумѣвается воспитательное значеніе, но только *подразумывается*—не болѣе. Законъ Божій преслѣдуетъ двѣ, равнозначущей важности, цѣли: сообщить учащимся точныя, ясныя понятія объ историческихъ, догматическихъ и нравственныхъ истинахъ христіанскаго вѣроученія и, въ то же время, нравственно-религіозно воспитать умъ, сердце и волю ребенка на почвѣ преподаваемаго вѣроученія. Только точное выполненіе этой двойной задачи можетъ дать вполнѣ благотворные результаты и сдѣлать трудъ законоучителя безупречнымъ, свободнымъ отъ всякихъ нареканій.

Но какъ же трудно бываетъ иногда законоучителю соблюсти должное равновѣсіе при достиженіи двухъ указанныхъ цѣлей, особенно—при существованіи разнорѣчивыхъ требованій по отношенію къ нему, при господствѣ одностороннихъ взглядовъ на самый предметъ и, особенно, при незначительномъ числѣ недѣльныхъ уроковъ, а часто и при исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ преподаванія!..

Прежде всего, до сей поры остается не безъ сильнаго вліянія,—несомнѣнно въ отрицательномъ смыслѣ,—на законоучительскую дѣятельность ошибочный, односторонній взглядъ на Законъ Божій, какъ учебный предметъ,—взглядъ укоренившійся у насъ въ педагогическомъ мірѣ приблизительно съ 60-хъ годовъ. По этому взгляду Законъ Божій трактуется почти исключительно съ нравственно-воспитательной стороны, при чемъ точному усвоенію фактической стороны предмета—

церковно-историческихъ и догматическихъ знаній не при дается подобающаго значенія. Оттого и самое преподаваніе Закона Божія, какъ требуетъ этотъ ошибочный взглядъ, ли шается характера строго-учебнаго предмета. Бесѣдуй съ дѣтьми о Богѣ, о любви христіанской, развивай въ нихъ добрыя чув ства—вотъ дѣло законоучителя. Все это, положимъ, прекрасно въ теоріи, но на практикѣ подобный взглядъ, по своей одно сторонности, неизбѣжно обнаружится плачевными результа тами. И на экзаменахъ, и предъ испытующими посѣтителеми школъ дѣти явятся безгласными, совсѣмъ малосвѣдущими. А главное,—не вынесутъ они изъ школы прочно усвоенныхъ познаній въ истинахъ православной вѣры,—этого спаситель наго руководства въ жизни и вѣрнаго оплота отъ всевозмож ныхъ лжеученій сектантовъ и раскольниковъ!..

Не много лучшихъ результатовъ достигнетъ законоучи тель, если при обученіи дѣтей будетъ держаться противопо ложной крайности, будетъ заботиться только о твердомъ усвое ніи одною памятью фактической стороны предмета. Тогда дѣти будутъ знать на память все, требуемое программой, но малосознательно; всѣ ихъ познанія въ Законѣ Божіемъ, не усвоенныя сердцемъ, будутъ мертвымъ матеріаломъ, не воз дѣйствующимъ благотворно на послѣдующую жизнь школь ника, и труды законоучителя окажутся безплодными. При томъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, такая формальная по становка предмета не можетъ удовлетворить ни экзаменато ровъ, ни прочихъ цѣнителей успѣховъ школьнаго дѣла.

Такимъ образомъ, только соблюденіе строгого равновѣ сія въ выполненіи двойной задачи по обученію Закону Бо жію въ начальной школѣ можетъ обезпечить дѣйствительный, а не призрачный, успѣхъ законоучителю. И счастливы тѣ школы, гдѣ такъ именно и ведется святое дѣло преподаванія Закона Божія! Но сколько препятствій можетъ встрѣтить за коноучитель на этомъ пути.. И однимъ изъ нихъ является разнообразіе и непостоянство требованій, предъявляемыхъ къ за коноучителямъ со стороны оффиціальныхъ руководителей зем-

скаго школьнаго дѣла. Какъ ни страннымъ можетъ показаться подобное утвержденіе, но—это такъ. Кто изъ насъ не знакомъ съ измѣнчивостію этихъ требованій: одинъ требуетъ, чтобы ученики знали всѣ малѣйшія детали сообщаемыхъ имъ по Закону Божію свѣдѣній; другой обращаетъ вниманіе на правоучительную сторону предмета, игнорируя факты. Законоучитель, если и не изъ угожденія, то во избѣжаніе служебныхъ непріятностей, долженъ приспособляться къ требованіямъ того и другого, измѣняя, въ ущербъ дѣлу, систему и способъ преподаванія...

Не мало препятствуетъ успѣху преподаванія Закона Божія въ земскихъ школахъ и ненормальность отношеній между оо. законоучителями и свѣтскимъ учительскимъ персоналомъ нашихъ школъ. Но идеѣ между тѣми и другими должны бы существовать полныя согласіе и взаимодѣйствіе; между тѣмъ на практикѣ нерѣдко законоучитель и учитель ведутъ свое дѣло безъ малѣйшей солидарности, не приходя другъ другу на помощь. При этомъ, какъ говорится, хозяевами положенія являются гг. учителя и учительницы: на ихъ сторонѣ и власть и дисциплинарное вліяніе надъ школой.

А имъ важно и нужно одно,—лишь бы дѣти успѣвали по ихъ предметамъ; но есть ли время для усвоенія преподаваннаго по Закону Божію, для нихъ—безразлично. И случается нерѣдко такъ, что ученику не бываетъ времени изъ-за уроковъ по другимъ предметамъ, заглянуть въ книжку по Закону Божію. Между тѣмъ, кто же не согласится, что одно только изустное преподаваніе любого учебнаго предмета и усвоеніе его лишь со словъ, безъ помощи книги, не можетъ обогатить ребенка точными и ясными познаніями. Поистинѣ, не особенно выгоднымъ представляется здѣсь положеніе законоучителя, который долженъ представлять изъ себя въ школѣ роль пріятнаго собесѣдника; его дѣло—поговорить, побесѣдовать со школьниками, чтобы въ слѣдующій урокъ убѣдиться въ полнѣйшемъ забвеніи преподаваннаго и опять начинать съ начала...

И такая изолированность, обособленіе законоучителя наблюдается у насъ въ земскихъ школахъ при тѣсномъ и несомнѣнномъ соприкосновеніи прочихъ учебныхъ предметовъ съ Закономъ Божіимъ. Полагается же въ школѣ славянское чтеніе евангелія; въ учебникахъ по русскому языку всегда помѣщаются значительные отдѣлы религіозно-нравственнаго содержанія, которые трактуютъ предметы, входящіе въ программу Закона Божія. Но всѣ эти, повидимому, благопріятствующія законоучителю условія, на дѣлѣ не приносятъ надлежащей пользы. Церковно-славянское чтеніе могло бы облегчать значительно трудъ законоучителя при ознакомленіи дѣтей съ исторіей Новаго Завѣта, если бы велось оно параллельно съ его уроками и съ пересказомъ прочитаннаго; но подобный пріемъ не практикуется въ большинствѣ земскихъ школъ по той простой причинѣ, что на это ни при ревизіяхъ, ни на экзаменахъ не обращается вниманія. Не оказываетъ существенной помощи законоучителю и церковно-религіозный отдѣлъ школьныхъ учебниковъ по русскому языку: этотъ отдѣлъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ лишь бѣгло читывается, а чаще—оставляется нечитаннымъ даже въ классѣ.

Къ указаннымъ трудностямъ и неблагопріятнымъ условіямъ къ успѣшному преподаванію Закона Божія въ земскихъ школахъ, необходимо прибавить также ограниченность времени, отводимого существующей программой для этого предмета. Нерѣдко даже и тѣ немногіе учебные часы, которые даны въ распоряженіе законоучителя, послѣднему приходится терять изъ-за служебныхъ обязанностей. Возмѣстить же ихъ изъ времени, положеннаго на занятія учителю, удается рѣдко, такъ какъ на это нужно доброе согласіе со стороны учителя, а это бываетъ не всегда достижимо...

Такимъ образомъ недочеты и недостаточная успѣшность преподаванія Закона Божія въ земскихъ школахъ зависятъ, главнымъ образомъ, не отъ личныхъ свойствъ оо. законоучителей, но отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Но разъ уяснены причины, тор-

мозаица успѣхъ дѣла. то можно многое сдѣлать для ихъ устраненія и поднятія на подобающую высоту преподаванія Закона Божія. Такъ, зная вредъ отъ односторонности въ этомъ дѣлѣ, законоучителю всемѣрно слѣдуетъ воздерживаться отъ увлеченія формальной или правоучительной стороной предмета, и лучший успѣхъ будетъ достигнутъ имъ при одинаково-внимательномъ отношеніи къ той и другой. Потомъ, чтобы въ учителѣ или учительницѣ имѣть добрыхъ союзниковъ и посильныхъ помощниковъ въ обученіи дѣтей Закону Божию, необходимо законоучителю позаботиться объ установленіи къ нимъ болѣе сердечныхъ отношеній и завоевать ихъ расположеніе, хотя бы путемъ сближенія на почвѣ общихъ житейскихъ интересовъ. Въ дѣлѣ школьномъ нѣтъ ничего пагубнѣе, вреднѣе, какъ рознь и отчужденность между учащими; тогда какъ добрыя, дружескія, *душевные* отношенія могутъ пригодиться законоучителю на каждомъ шагу, облегчить его трудъ и вѣрнѣе другихъ средствъ сдѣлать преподаваніе болѣе плодотворнымъ. Что дѣлать! Если не идетъ гора къ намъ, то лучше всего самимъ къ ней подойти: самимъ положить начало къ устраненію отчужденности и розни, такъ часто замѣчаемой между законоучителемъ и свѣтскимъ учебнымъ персоналомъ въ нашихъ школахъ. Эта же ненормальность во взаимныхъ отношеніяхъ, кромѣ вреда общему дѣлу, ничего не приноситъ, да и не имѣетъ для себя сколько нибудь резонныхъ основаній, кромѣ жалкаго, безпричиннаго большею частію, предубѣжденія!..

Наконецъ, есть причины, препятствующія успѣху законоучителя, устранить которыя уже не въ его власти. Одной изъ нихъ слѣдуетъ признать нѣсколько ложное, полу-безправное положеніе законоучителя въ земской школѣ. Что иное положеніе его здѣсь могло бы способствовать успѣху дѣла, это показываетъ примѣръ церковныхъ школъ, гдѣ положеніе законоучителя опредѣлено и прочно, и гдѣ Закону Божию отведено подобающее первое мѣсто. Здѣсь между учащими и законоучителями—полная солидарность въ достиженіи общей

воспитательной цѣли: дать родной землѣ добрыхъ, честныхъ людей, взращенныхъ въ духѣ православія, церковности и преданности Царю. И кто не признаетъ, что какъ постановка преподаванія Закона Божія, такъ и успѣхи въ немъ дѣтей, если не несравненно, то значительно выше въ школахъ церковныхъ, чѣмъ въ земскихъ...

Законоучитель.

Дѣйствующія церковно-гражданскія постановленія по благоустройству приходской жизни.

Пробужденіе интереса къ церковно-общественнымъ дѣламъ среди православныхъ мірянъ, призывъ современнаго поколѣнія къ возрожденію устоевъ древней церковно-приходской жизни, къ духовно-правственному подъему на основахъ евангельскихъ, приглашеніе итти по стопамъ Христа къ свѣту—истины, съ стремленіемъ преобразовать и улучшить настоящее положеніе православной церковной общины, — заимствовавъ образецъ въ прошломъ устройствѣ древне-русскаго прихода, — невольно заставляетъ вспомнить присловье народное: нечего съ некрасивымъ лицомъ пенять, огорчаться на зеркало, показывающее безпристрастно нашу кривду и неблаговидность, точнѣ равнодушіе къ добродѣланію, совершенствованію (Мѡ. V 16 и 48) и точному исполненію дѣйствующихъ церковно-гражданскихъ постановленій по благоустройству приходского благосостоянія.

При существующихъ уже мѣропріятіяхъ предержавшей власти по улучшенію и упорядоченію приходского быта, въ распоряженіи православнаго населенія давнымъ давно находятся узаконенные способы для благотворенія, для питанія нищихъ и духомъ и тѣломъ, именно, чрезъ учрежденіе Приходскихъ Попечительствъ и Братствъ при православныхъ церквахъ, положеніе о которыхъ обнародовано въ 1864 году. Дѣйствующія церковно-гражданскія постановленія по благоустройству приходскаго управленія еще удобнѣе осуществляютъ

тѣмъ св. Божіимъ церквамъ—общинамъ русской церкви, гдѣ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ постановлено было обязательно открыть приходскія попечительства при всѣхъ церквахъ епархіи съ отеческимъ совѣтомъ Архипастыря усугубить усердіе и уклоняться, избѣгать пагубной земской розни, личныхъ счетовъ и пререканій. Ревнителямъ православія, конечно, извѣстны и многократные похвальные отзывы о дѣятельности городскихъ и сельскихъ приходскихъ попечительствахъ и только вслѣдствіе неознакомленія священно-церковно-приходскаго дѣланія,—судя по отчетамъ г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, достигающаго вѣроятно—ежегодно не малыхъ результатовъ и въ каждой губерніи,—у иныхъ ослабляется ревность, усердіе, особливо безъ поддержки ближайшихъ руководителей церковнаго благочинія, коимъ часто любопытны только цифровыя данныя, срочныя вѣдомости для неукоснительной отсылки по надлежащему. Въ указанномъ случаѣ, какъ и всегда, законъ остается святъ, исполнитель же, зачастую является самъ себѣ супостатъ. Такъ, напр., согласно § 42 инстр. 1890 года церковнымъ старостамъ, представители прихода имѣютъ право ежемѣсячно провѣрять церковныя прихода-расходныя книги съ оповѣщеніемъ мірянъ о послѣдствіяхъ такой провѣрки, но обычно выказывается здѣсь заурядное безразличіе обывательской косности съ просьбою единственною: указать гдѣ подписаться,—руку приложить. По сей причинѣ, возложенныя правилами о веденіи церковныхъ хозяйствъ на представителей прихода обязанности контролировать, повѣрять распорядительныя дѣйствія причта и старосты (Разъясненіе Св. Синода 1892 г. № 2586), мало гдѣ исполняются, обращаясь въ канцелярскую, бездушную формальность. Между тѣмъ законъ симъ двумъ довѣреннымъ прихода даетъ право, наравнѣ съ завѣдывающею администраціею, участвовать въ созѣщаніяхъ по всѣмъ церковно-приходскимъ вопросамъ и, вообще, быть приглашаемыми на обсужденіе хозяйственныхъ начинаній (§ 19 инстр. настоятелямъ церквей отъ

4-го іюля 1901 года за № 1829) ¹⁾. Посему то, несомнѣнно и мало издержекъ бываетъ на поднятіе религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ изъ церковныхъ суммъ, хотя *по закону можно оныя расходовать* на покупку духовно-нравственныхъ изданій (§ 22 инстр. церк. стар.), на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ и на *дѣла общественнаго благотворенія въ предѣлахъ прихода* (§ 38). Очевидно, что стоитъ захотѣть міру, и при настоящихъ условіяхъ можно съ успѣхомъ дѣйствовать на просвѣтительномъ и благотвори- тельномъ поприщѣ. О. Іоаннъ Кронштатдскій, пастырѣ съ академическимъ образованіемъ, и протоіерей Ал. Колоколовъ, петербургскій семинаристъ, блистательно доказали возможность право правити слово истины и собирать милліонныя суммы на приходскую благотворительность, основавъ на вѣчную память себѣ, первый Андреевское попечительство съ домомъ Трудолюбія и второй „островъ милосердія“ на Волховѣ съ петербургскою Георгіевскою общиною.

По мнѣнію высоко-просвѣщеннаго юриста, протоіеря М. И. Горчакова, дѣятельность приходскихъ попечительствъ была бы еще плодотворнѣе, еслибы ^{отъ} нихъ высылались свѣдующіе представители въ высшіе церковно-общественные союзы (Братства) и церковно-хозяйственныя установленія (хозяйств. управленіе при Св. Синодѣ), съ безпрепятственнымъ высказываніемъ общественныхъ желаній и потребностей. Дѣятельность приходскихъ совѣтовъ не должна подлежать затѣмъ никакимъ стѣсненіямъ, дѣйствовать независимо и всякая регламентація какого либо служебнаго вѣдомства — духовнаго или внутреннихъ дѣлъ — можетъ погубить окончательно приходскую индивидуальность, — самостоятельность ²⁾. Несомнѣнно, что и мелкая земская единица, о которой теперь не перестаютъ толковать на земскихъ собраніяхъ, въ газетахъ и

¹⁾ Церк. Вѣдом. № 29-й за 1901 г. и за 1902 г. № 17-й, с. 602.

²⁾ Профессоръ М. Горчаковъ. Церковное право, стр. 163 — 165 — курсъ С. П. Б. Университета и Русск. Вѣстникъ 1902 г. іюль. А. Пайковъ. Необходимость обновленія ц.-прих. строя.

журналахъ, будетъ прочна, сдѣлается органомъ мѣстнаго общества, когда возникнетъ не по приказанію свыше, а на основѣ свободнаго развитія соціальной самодѣятельности и самосознанія безъ возвращенія вспять съ повтореніемъ ошибокъ земской Руси, когда окажется независимой, неподчиненной, непосредственному контролю, провѣркѣ бюрократическихъ казенныхъ учреждений, будетъ на самомъ дѣлѣ самоуправляющеюся (автономною), каковое право какъ разъ и предоставлено приходскимъ попечительствамъ. По § 8 Положенія, попечительства отдають съ необходимою гласностью отчетъ о своихъ дѣяніяхъ лишь общему приходскому сходу, устраняя всякія излишнія формальности, какихъ не мало развилось въ дѣлопроизводствѣ нынѣшнихъ земствъ. Бѣда вся въ томъ, что подъ земствомъ, тоже заботящемся о мѣстныхъ нуждахъ, нѣтъ фундамента. Зданіе земства имѣетъ крышу (губернское собраніе) и стѣны (уѣздная управа), а основы еще нѣтъ, котѣрой и должно бы быть сельское земство: будь то волость или приходъ. Земство теперешнее оторвано, не сростается съ землею, далеко отъ деревни, витаетъ по поднебесью ¹⁾.

Другое пожеланіе защитниковъ низшей, мелкой, всеобщей единицы—православнаго прихода,—о заведеніи книги для личной записи всѣхъ прихожанъ въ цѣляхъ объединенія ихъ и лучшаго выполненія приходскихъ выборовъ въ церковные старосты, въ предсѣдатели попечительства и т. п., тоже имѣетъ уже мѣсто въ дѣйствительности. Кромѣ церковно-исповѣдныхъ вѣдомостей—росписей, на случай выборовъ, причтъ обязанъ составлять списокъ правоспособныхъ избирателей и, если пожелаютъ прихожане, предъявлять оный на ихъ разсмотрѣніе (§ 10 инстр. церк. стар.). И по устройству воскресныхъ собраній прихожанъ,—для обсужденія церковно-приходскихъ дѣлъ, для назидательныхъ бесѣдъ, чтеній и злободневныхъ сообщеній (Кол. III—16 и Еф. V—19), а также для попеченія о благоустройствѣ и благосостояніи приходской

¹⁾ Новое Время 1902 г. № 9399 за 5 мая.

церкви, какъ общества христіанъ православнаго вѣроисповѣданія, — на правахъ членовъ приходскихъ попечительствъ — по закону должны быть составлены и содержимы всегда въ исправности особыя именные списки, кои первоначально, до образованія попечительствъ, приготавливаетъ священникъ при участіи 10-ти почетнѣйшихъ прихожанъ (Положеніе §§ 1 и 10). О важномъ значеніи упомянутаго перечня домохозяевъ и дѣлалось, еще въ 1894 году напр., разъясненіе Новгородскому духовенству Архіепископомъ Теофностомъ (Новг. Еп. Вѣд. за 1894 г. № 19), такъ какъ собственноручная записка сама собою свидѣтельствовала бы о добровольной принадлежности, по взаимному согласію и совѣщанію жителей съ духовенствомъ, къ опредѣленной — названной ими церкви и строго разграничила бы приходы особенно по городамъ (Цирк. Св. Синода 1890 г. 20 августа за № 6).

Что касается недоумѣній касательно истиннаго значенія выраженія „церковь“, понимаемаго иногда узко, какъ только зданія, мѣста — „хоромъ“ для богомоленія, а не въ смыслѣ „благочестиваго вѣрныхъ собранія и дома Божьяго (Т. III — 15)“, то и тутъ существующія узаконенія, напр., объ общественномъ призрѣніи (т. XIII св. з. 1275 ст.), не отрицаютъ прерогативъ церковной общины въ качествѣ юридической личности (опр. Св. Синода 7 августа 1859 г.), способной пріобрѣтать въ собственность имущество для извлеченія выгодъ и даже заявлять свой голосъ при выборѣ для себя предстоятеля и прочихъ клириковъ предъ архіепископами. На свободный остатокъ церковныхъ денегъ, по производствѣ всѣхъ необходимыхъ по церкви расходовъ, представителямъ общины возможно покупать, или принимать по дарственнымъ записямъ съ надлежащаго разрѣшенія недвижимое имущество: земли, лѣсныя и др. угодья (§§ 38 и ²/₈ инстр. ц. стар.).

И тамъ, гдѣ среди мірянъ развито самосознаніе, гдѣ не надѣются на вышнюю опеку и кормленіе со стороны и сами завели трудовыя братства, удѣляющія доброхотно, кто сколько въ силахъ на общіе расходы и нужды Богу любезныя (1 Кор.

XVI—2),—тамъ для процвѣтанія дальнѣйшаго приобрѣтается и собственность, по силѣ утвержденныхъ правительствомъ братскихъ уставовъ, напр., Петербургскаго Богородицкаго, Крестовоздвиженскаго трудового въ Черниговской губерніи, основаннаго богатымъ помѣщикомъ Н. Н. Неплюевымъ. Если, затѣмъ,—по пересмотрѣ устарѣвшаго, а потому и несовершеннаго, положенія о приходскихъ попечительствахъ, о чемъ указъ надлежащій послѣдовалъ еще въ 1893 году,—право, нынѣ предоставляемое нѣкоторымъ обществамъ, братствамъ, единовѣрческимъ на Руси и православнымъ приходамъ въ Финляндіи (законъ 5-го марта 1883 г.), распространится и на всѣ церковныя общины, то несомнѣнно дѣло христіанской взаимопомощи быстро разовьется и вмѣстѣ сравняетъ всѣхъ православныхъ христіанъ съ инославными и иновѣрцами, коимъ въ Россіи дарованы изстари преимущества (привилегіи) юридическихъ лицъ, въ качествѣ прихожанъ своего религіознаго средоточія,—молитвеннаго сходбища.

По неотмѣненному, наконецъ, постановленію Духовнаго Регламентна (отвѣтъ Св. Синода Московскому земству отъ 8 августа 1884 г. за 1514), въ отдѣлѣ подъ заголовкомъ „въ попы какъ избирать“ изложенному, и теперь православные міряне могутъ оказывать вліяніе на выборъ духовенства. Согласно сему общему узаконенію, приходящій къ епископу ставленникъ долженъ имѣть въ доношеніи своемъ извѣстное отъ прихожанъ свидѣтельство, что его посторонніе—внѣшніе знаютъ, считаютъ за добраго человѣка, ни въ чемъ дурномъ не обличеннаго (1 Т. III—7)¹⁾. Сказаннымъ правомъ доселѣ и пользуются прихожане православные, такъ называемые единовѣрцы, давая заручную избранному ими въ свой причтъ достойному кандидату; таковую же льготу получили на законномъ основаніи и нѣкоторыя изъ братствъ, напр., Крестовоздвиженское-Неплюевское съ 1893 г., по силѣ § 21 своего Устава, отчасти Общество Спб. религіозно-нравственнаго просвѣщенія, ходатайствующее о назначеніи своихъ избранниковъ

¹⁾ Духовный Регламентъ. М. 1883 г., с. 93, п. 2 и по реестру с. 142.

и платящее отъ себя причту жалованье. По обычному праву, обратившемуся въ неписанный законъ, и представленія администраці казенныхъ учреждений и учебныхъ заведеній, на примѣръ гимназій ¹⁾, иногда высокопоставленныхъ особъ—почти всегда уважаются при опредѣленіяхъ въ ихъ домовыя церкви облюбованныхъ священнослужителей, въ военномъ же морскомъ вѣдомствѣ сіе обыкновение (церковная практика) получило въ городахъ уже какъ бы и окончательное утвержденіе, санкціонированіе,—рѣдко лишь не послѣдуетъ соглашенія отъ протопресвитера. При рукоположеніи въ священныя степени торжественно велегласнымъ произнесеніемъ: „повели, повелите, повели“ къ народу, къ клиру и къ Преосвященному Владыкѣ, и теперь напоминаетъ о древнемъ выборномъ началѣ, когда духовенство при участіи прихожанъ представляло избраннаго ставленника къ архиерею и просило посвятить достойнаго, что и подтверждало при хиротоніи возгласеніемъ: *ἀξιός*.

Высказываемыя изслѣдователями приходскаго быта и устно и печатно пожеланія находятъ, такимъ образомъ, уже примѣненіе въ современномъ церковно-общественномъ строѣ. Пока еще не поздно, благочестивымъ боголюбцамъ слѣдуетъ, въ вопросахъ о церковно-приходскихъ устояхъ, оставить привычку самовосхваленія, по которому всегда и все у нихъ обстоитъ благополучно, и ничто не требуетъ улучшеній, помнить о своихъ недостаткахъ, промахахъ, ибо людямъ свойственно ошибаться, никогда не надо забывать, что всѣмъ надо работать, благодѣтельствовать меньшей братіи, служить чрезъ сіе какъ бы самому Господу (Мѡ. XXV—40) и посредствомъ дѣлъ христіанскаго милосердія, носить другъ друга тяготы (Гал. VI—2). Для обнаруженія христіанской всеобъемлющей любви, ради подготовки ближнихъ къ благому дѣянію (2 Т. III—17) и для водворенія въ обществѣ—церкви православной царства Божія, господства правды и мира (Рим. XIV—17),

¹⁾ Церк. Вѣстн. 1902 г. № 17, с. 527 Синодалн. разъясн. въ маѣ 1885 г.

потребны не одни разглагольствованія, предписанія и новыя духовныя законы, но наше сердце—душа; не сидѣніе сложа руки съ ожиданіемъ у моря лучшей погоды, а самодѣятельность, ибо подъ лежащей камень вода не течетъ. Личное участіе, энергію никогда не замѣнитъ одно, иногда лицемѣрное, даваніе членскихъ взносов,—сребренниковъ... Какъ капля долбитъ камень, такъ каждый доброхоть можетъ пробивать окружающую его тьму—безпечнаго отношенія ко всему честному, доброхвальному (Филип. IV—8) и обязанъ будить сосѣда отъ духовной спячки. Тогда только и поймутъ всѣ, какъ *прекрасно и хорошо все дѣлать сообща, вкупъ* (Пс. СXXXII), *ибо братъ отъ брата помогаемъ становится, яко градъ твердъ* (Пр. XVIII—19) по давнишнему наставленію Премудраго. Простой народъ долженъ слиться съ образованнымъ, послѣдній же обязанъ сбросить чуждые русскому человѣку нравы, очиститься отъ неправославныхъ понятій и по возрожденіи православнаго прихода сплотиться въ самостоятельную церковную общину для преуспѣянія по всему лицу земли родной плодовъ истинно-христіанскаго просвѣщенія и благотворительности. Пришла пора и духовенству и всему крещеному, земскому міру соединиться для дружной работы по просвѣщенію и образованію и взрослыхъ и дѣтей, дабы одѣвать ихъ свѣтомъ Христова ученія, яко ризою и развивать среди темнаго люда любовь къ свободному труду, какъ вѣрному залoгу народнаго благополучія и счастья отчизны!!

Иеромонахъ *Митрофанъ*.

**Примѣрная программа испытанія лицъ, ищущихъ
должности псаломщика ¹⁾.**

6) По церковному пѣнію—знать простое и нотное пѣніе, а именно: умѣть пѣть безъ нотъ изъ пѣснопѣній всеобщаго бдѣнія: „Благослови, душе моя, Господа“, „Блаженъ мужъ“, „Свѣте тихій“, „Хвалите имя Господне“; „Благосло-

¹⁾ См. № 33 за 1902 г.

вѣнь еси, Господи“, величанія праздникамъ и святымъ, особенно богородичное общее, какъ наиболѣе трудное, „Отъ юности моя“, „Величить душа моя Господа“, „Славословіе великое“, воскресные тропари: „Днесъ спасеніе міру“ и „Воскресъ изъ гроба“; изъ пѣснопѣній литургіи Іоанна Златоустаго: „Благослови, душе моя, Господа“, „Хвали, душе моя, Господа“, „Единородный Сыне“, „Придите, поклонимся“, „Херувимскую пѣснь“, „Милость мира“, „Достойно есть“, „Отче нашъ“, причастны: „Видѣхомъ свѣтъ истинный“, „Да исполнятся уста наша“ и „Многочѣство“; на эктеніяхъ: „Господи помилуй“, „Подай Господи“ какъ повседневное, такъ и великопостное и заупокойное. Твердо знать осмогласіе, т. е. умѣть пѣть безъ нотъ на гласы мѣстнымъ распѣвомъ: „Господи, воззвахъ“ и всякую стихиру съ запѣвами и Слава и нынѣ; „Богъ Господь“ и всякій тропарь, ирмосы, припѣвы на 9 пѣснѣ великихъ праздниковъ, прокимны утренніе и литургійные воскресные, праздничные и дневные, прокимны дневные на вечернѣ и вообще всякіе прокимны, (причемъ прокимны непременно должно умѣть пѣть на соответствующій гласъ по образцу воскреснаго литургійнаго, а отнюдь не на одной строчкѣ). „Всякое дыханіе да хвалить Господа“, „Святъ Господь Богъ нашъ“ и „Аллилуія“ на 8 гласовъ, а также и концы пѣсней троячныхъ. Великопостныя пѣснопѣнія, положенныя на вечернѣ: „Богородице, Дѣво, радуйся“, „Крестителю Христовъ“ и проч.; на Великомъ Повечеріи: „Пресвятая Владычице, Богородице“, „Господи, силъ, съ нами“, „Господи, аще не быхомъ“ и проч.; прокимны на 6 часѣ и на вечернѣ; „Во царствіи твоємъ“ на изобразительныхъ. Всѣ пасхальныя пѣснопѣнія: „Христосъ Воскресе“, канонъ, гнакомъ „Предварившія утро“, кондакъ „Аще и во гробъ“, икосъ „Еже прежде солнца“, экзопостиларій „Плотію уснувъ“; стихи Пасхи „Да воскреснетъ Богъ“, часы Пасхи, „Елицы во Христа крестистесь“; великіе прокимны на вечерняхъ св. Пасхи и „и памъ дарова животъ вѣчный“. Пѣснопѣнія панихиды и погребенія мірскихъ человѣкъ; пѣснопѣнія молебновъ Спасителю, Божіей Матери и святымъ и молебновъ, изложенныхъ въ книжкѣ молебныхъ пѣній; пѣснопѣнія при совершеніи таинствъ крещенія, брака и елеосвященія. Умѣть пѣть по церковной нотѣ всякое пѣснопѣніе, помѣщенное въ нотномъ обиходѣ, и непременно твердо, безъ малѣйшихъ запинокъ, умѣть пѣть слѣдующія пѣснопѣнія: воскресные антифоны на утренѣ предъ евангеліемъ, „Съ нами Богъ“, „Покаянія отверзи ми двери“ и „На рѣкахъ Вавилонскихъ“, „Милость міра“ на литургіи „Василія Великаго“ и

„О тебѣ радуется“; на литургіи Преждеосвященныхъ даровъ: „Да исправится молитва моя“ со стихами: „Нынѣ силы небесныя“, „Единъ Святъ“, „Вкусите и видите“ и „Благословлю Господа“; прокимны: „Не отврати лица Твоего“ и „Даль еси достояніе“; иѣсноиѣнія страстной седмицы: „Се женихъ грядетъ“, „Чертогъ Твой“; „Егда славнии ученицы“, „Вечери Твоя Тайныя“; „Странствія Владычня“, „Разбойника благо-разумнаго“, „Благообразный Іосифъ“, „Непорочны“ на утрени въ великую субботу; „Да молчитъ всякая плоть человѣча, и „Не рыдай мене, мати“. Задостойники всѣхъ великихъ праздниковъ.

7) По русскому языку и церковно-славянской грамотѣ: все, положенное по программѣ одноклассной церковно-приходской школы, и умѣть разумно читать и рассказать своими словами прочитанное изъ книгъ для чтенія въ классѣ, одобренныхъ для употребленія въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, и умѣть безъ грубыхъ ошибокъ сдѣлать метрическую записъ о рожденіи и крещеніи, о бракосочетаніи, о смерти и погребеніи и свидѣтельство о бытіи у исповѣди, или метрическую выписку о рожденіи и крещеніи. (Руководствомъ можетъ служить „Азбука и чтеніе Тихомирова и „книги для чтенія“ Попова и Родонежскаго и кн. Пльминскаго).

Примѣчаніе: Лица, ищущія сана діакона, испытываются по сей же программѣ, но съ слѣдующими измѣненіями: по пункту 1 испытываемые должны знать все, положенное по программѣ для духовныхъ училищъ, при чемъ руководствами могутъ служить священныя исторіи Соколова или Рудакова, по пункту 3 руководствомъ долженъ служить пространный катихизисъ митр. Филарета; по пункту 5 испытываемый долженъ умѣть по служебнику произносить эктеніи и читать евангеліе; по пункту 7 знать все, положенное по программѣ двух-классной церковно-приходской школы, и написать небольшой экспромтъ, въ видѣ отвѣта на заданную тему.

(Исков. Епарх. Вѣд. 1902 г.)

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 августа 1902 г.

За цензора, священникъ *Е. Королюковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго о.